

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ № 1567-0200-170104

ИСТОРИЯ
САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

Бронзовый век

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
Бронзовый век

ФЕДЕРАЛЬНАЯ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА
«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИНТЕГРАЦИИ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
И ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ НА 1997-2000 ГОДЫ»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САМАРСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ

Бронзовый век

САМАРА 2000

УДК 947 (2р - 4 Сам)
ББК 63.3 (2р - 4 Сам)

Редакционная коллегия:
И.С. КАБЫТОВ (главный редактор),
И.Б. ВАСИЛЬЕВ (зам. главного редактора),
Э.Л. ДУБМАН, Ю.Н. СМИРНОВ, Л.В. ХРАМКОВ

Редакторы книги:
Ю.И. КОЛЕВ, А.Е. МАМОНОВ, М.А. ТУРЕЦКИЙ

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней.
Бронзовый век. - Издательство Самарского научного центра Российской Академии наук; 2000. - 336 с., ил.

ISBN 5-93424-027-7

На основе анализа материалов, собранных самарскими археологами в течение XX столетия на территории Поволжья, в коллективной монографии предлагается целостная картина исторического прошлого нашего края в бронзовом веке.

Для археологов, этнографов, краеведов, преподавателей ВУЗов и школ, студентов, учащихся и всех интересующихся историей и археологией.

Без объявления

ISBN 5-93424-027-7

УДК 947 (2р - 4 Сам)
ББК 63.3 (2р - 4 Сам)

© Центр «История», 2000

Введение

Бронзовый век занимает в истории человечества важное место. Важнейшим признаком начала нового этапа является изобретение сплавов на медной основе, именуемой бронзой. Впервые бронзовые изделия появились в IV тыс. до н.э. в Южном Иране и Месопотамии. На территории Восточной Европы изделия из бронзы появляются позже. До этого времени для изготовления орудий труда использовалась химически чистая медь и медь с естественной примесью мышьяка. С началом освоения месторождений медистых песчаников, наиболее крупные из которых расположены недалеко от Среднего Поволжья – в среднем течении р. Урал, появилась возможность изготовления бронзовых орудий на основе местного сырья. Это повлекло за собой значительное развитие производительных сил и существенную трансформацию социальных систем. Особенностью культурно-исторического развития лесостепных и степных племен в III-II тыс. до н.э. явилось внедрение в жизнь древних коллективов навыков металлургического производства. Добыча руды, ее переработка и распространение готовых изделий требовали высочайшей организации производства. Этот период в истории Самарского Поволжья был необычайно насыщен событиями, связанными с формированием многих культур. Наступление бронзового века ознаменовало собой появление колесного транспорта, которое способствовало освоению новых территорий для расселения древних племен, в том числе и широких степных просторов междуречья Волги и Урала. Это в свою очередь дало толчок для развития различных форм скотоводства, вплоть до выделения коллективов древнего степного населения, перешедшего к кочевому образу жизни. Свидетельством этого служат тысячи курганов по берегам Волги и ее притоков, а также водораздельных просторов Самарского Заволжья.

Эпоха бронзы в степном Поволжье начинается с появления памятников ямной культуры. Огромная культурно-историческая область, впервые охватившая территорию от Дуная до Уральских гор в первой половине III тыс. до н.э., в Самарском Поволжье представлена восточным вариантом единой во многих компонентах культуры степных подвижных скотоводов. К началу среднего бронзового века ямная культура испытала влияние культур южного происхождения – катакомбного круга, что

нашло свое отражение в появлении памятников полтавкинской культуры. Полтавкинская культура продолжила основные традиции предшествующей ямной культуры, но в измененном виде и в новых исторических условиях.

К северу от полтавкинских племен, на территории лесостепного и, частично, лесного Поволжья, обитали племена абашевской культуры, представлявшей собой традиции культур шнуровой керамики. На территории Самарского Поволжья абашевские памятники представлены в основном поселениями, расположенными на берегах рек Сок, Суруш и другие.

Ярким культурным феноменом в развитие племен лесостепной зоны Восточной Европы и Зауралья являются памятники синташтинско-потаповского типа, относящиеся к переходной от среднего к позднему бронзовому веку эпохе (XVIII-XVII вв.). Комплексы этого типа немногочисленны в Самарском Поволжье, но они знаменуют одну из самых динамичных по своему развитию эпох в истории древних племен, формировавшихся на территории Самарского Поволжья. Именно в этот период были заложены основы экономики, материальной культуры и идеологии последующей эпохи, называемой поздний бронзовый век.

К этому периоду относятся памятники срубной культуры, которая охватывала огромную территорию Восточной Европы. К этому времени относится наибольшее количество археологических памятников Самарской области. Погребальные и поселенческие памятники срубной культуры исчисляются сотнями практически на всех реках Самарского Поволжья, как в степной, так и лесостепной его части. Это является свидетельством того, что срубная культура в период своего расцвета представляла собой мощное объединение скотоводческо-земледельческих племен, сыгравшее значительную роль в истории Восточной Европы. Пройдя в своем развитии несколько этапов, срубная культура прекратила свое существование в XIV веке. Ей на смену в Самарское Поволжье пришли племена восточного происхождения, т.н.сусканского типа, которые привнесли в культуру местных племен новые навыки в изготовлении бронзовых орудий и новые гончарные традиции, связанные с племенами Южного Урала и Зауралья. К заключительному этапу бронзового века относятся исследованные в последние годы комплексы с валиковой и воротничковой (атабаевско-межевской) керамикой. К переходной от бронзового к раннему железному веку эпохе принадлежат немногочисленные комплексы с маклашеевской керамикой, обнаруженные на севере Самарской области. Эти матери-

алы подчеркивают возросшую роль урало-западно-сибирских культурных традиций в Волго Камском регионе.

Данный том подготовлен коллективом авторов в составе: кандидат исторических наук И.Б.Васильев, кандидат исторических наук М.А.Турецкий, кандидат исторических наук П.Ф.Кузнецов, кандидат исторических наук О.В.Кузьмина, кандидат исторических наук А.П.Семенова, кандидат исторических наук А.А.Хохлов, старший научный сотрудник Ю.И.Колев, кандидат биологических наук П.А.Косинцев, научный сотрудник Н.В.Рослякова и старший научный сотрудник М.С.Седова. Графические работы выполнены художником Е.В.Хуртиной. В томе использованы материалы, собранные в результате работ, проводившихся на территории Самарского края в течение XX века, сначала московскими и ленинградскими археологами, а затем с 1969 года местными исследователями, работающими в Самарском государственном педагогическом университете, Самарском государственном университете и Институте истории и археологии Поволжья. Издание рассчитано как на специалистов-археологов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей родного края.

М.А.Турецкий

РАННИЙ И СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

ГЛАВА I

ЯМНАЯ И ПОЛТАВКИНСКАЯ КУЛЬТУРЫ

Важнейшим признаком начала нового этапа в развитии человечества является изобретение сплавов на медной основе, именуемых бронзой. Впервые бронзовые изделия появились в IV тыс. до н. э. в Южном Иране и Месопотамии. Впервые о бронзе говорится в шумеро-аккадском “Гимне богу Огня”, который датируется IV тысячелетием до н.э. В течение II тысячелетия до н.э. бронзолитейное производство повсеместно распространилось в Европе и Азии. Этими хронологическими рамками и определяется период бронзового века в истории человечества. Археологическое подразделение истории на три важнейшие эпохи - камня, бронзы и железа имеет глубочайшие корни. У Гесиода бронзовый век предшествует железнному. У Гомера бронзовые изделия упоминает существенно чаще, чем железные. И наиболее известный трактат Лукреция Кара “О природе вещей” еще в I веке до н.э. повествует о трех веках в истории человечества. Но лишь в XIX веке гипотеза о последовательной смене технологических традиций обрела научную полноту. Система трех веков была всесторонне обоснована директором музея Копенгагена К. Томсеном (1788 - 1865).

В основе хронологической последовательности основных этапов развития лежит принцип открытия и освоения новых технологий, которые фундаментальным образом повлияли на весь ход истории человечества. Металлические орудия и распространение технологии огненного ремесла являются важнейшим признаком эпохи. Собственно бронза представляет собой сплав меди и олова, а также - мышьяка, сурьмы, цинка, свинца. Классическое сочетание сплава - 90% меди и 10% олова.

Добыча руды, ее переработка и распространение готовых изделий требовали высочайшей организации производства. Не случайно металлургия бронзы совпадает по времени с рождением первых государственных образований Месопотамии и Египта. Тогда же появляются системы ирригационного земледелия и клинопись.

В течении XX века установлен непреложный факт: на протяжении III тысячелетия до н.э. население восточноевропейских степей использовало металлические изделия из химически чистой меди или из меди, имеющей естественные примеси. Первостепенное значение здесь имеют историко-металлургические исследования Е.Н.Черных (Черных Е.Н., 1966; 1970; 1978; 1988 и другие). В итоге, появилась гипотетическая возможность рассмотрения начала бронзовой эпохи лишь с начала II тысячелетия до н.э. Данная позиция получила обоснование в ряде монографий и круп-

ных итоговых исследованиях. Так, западный ареал распространения ямной культурно-исторической общности рассматривается в разделе культур медного века Украины (Археология Украинской ССР, 1985. С.336 – 352). Понятие “медный век” по основным своим характеристикам практически полностью соответствует понятию энеолит. Энеолит - существенный хронологический период, который на юге Восточной Европы представлен серией блистательных памятников археологии. В их ряду ключевыми при характеристике энеолитической эпохи являются Хвальнский и Свезженский могильники Поволжья. Это бескурганые погребальные комплексы. Исследователи энеолита достаточно единодушны во мнении о культурной преемственности позднеэнеолитических и ямных племен. Это может служить дополнительным аргументом отнесения ямников к заключительной, “финальной” стадии энеолита. Вместе с тем, исследования трех последних десятилетий достаточно ясно свидетельствуют о культурной преемственности и неразрывности традиций между ямной культурой и всеми последующими культурами бронзового века Волго-Уралья (Мерперт Н.Я., 1974; Васильев И.Б., 1981; Качалова Н.К., 1983). Одновременно, на территории Северного Кавказа и предкавказских степей проводилось и проводится детальное исследование ключевых памятников раннего бронзового века майкопско-новосвободненской общности. Майкопские материалы поражают своим богатством и разнообразием. Высочайший уровень металлопроизводства майкопских племен основан на технологии бронзового литья с применением таких лигатур, как мышьяк и никель (Черных Е.Н., 1966; Корневский С.Н., 1984; Галибин В.А., 1991). Именно майкопская металлургия открывает эпоху бронзы Северного Кавказа и, в целом, всего Юга Восточной Европы. Длительная историографическая традиция хронологическую позицию Майкопа определяла концом III тысячелетия до н.э. И лишь в конце семидесятых годов М.В.Андреевой предложено удревнить начало майкопского культурного феномена на целое тысячелетие - до конца IV тысячелетия до н.э. (Андреева М.В., 1977). Проведенные в девяностые годы масштабные серии радиоуглеродных датировок майкопских и новосвободненских материалов убедительно подтвердили правоту исследователя и послужили важным аргументом для удревнения начала всего бронзового века (Корневский С.Н., 1993; Резепкин А.Д., 1995; Трифонов В.А., 1996).

Сравнение хронологических позиций ямной культуры Поволжья с датировками майкопско - новосвободненской общности весьма надежно свидетельствует о более древнем возрасте последней (Кузнецов П.Ф., 1996а). Очевидно, расцвет Майкопа и был тем катализатором, который определил начало ранней бронзы в степях Восточной Европы. Важнейшие типы металлических изделий ямных, полтавкинских и катакомбных племен восходят к майкопским образцам. Использование на ранних этапах бронзового века химически чистого металла обусловлено достаточно большим количеством медных рудопоявлений в Волго-Уральском междуречье, а также тысячекилометровой удаленностью от залежей олова, никеля, сурьмы.

Параллельно с выявлением культурно-типологических связей материалов Поволжья и Кавказа были получены радиоуглеродные датировки

ки, свидетельствующие о существенном хронологическом разрыве позднеэнеолитических и ямных памятников (Кузнецов П.Ф., 1996б).

Существенным обстоятельством является наступление сухого и теплого суббореального периода, относящегося ко времени эпохи бронзы. Энеолитическая эпоха относится, в целом, к другому - атлантическому периоду. Масштабные палеопочвенные исследования последних лет убедительно доказывают начало суббореального периода в степной зоне с распространением ямной культурно-исторической общности в Восточной Европе (Демкин В.А., 1993; 1997; Иванов И.В., 1978; 1989; 1992; 1996; Иванов И.В., Лисецкий Ф.Н., 1994).

Таким образом, приведенные аргументы вполне достаточны для определения начала бронзового века. Именно комплексы ямной историко-культурной области в степной и лесостепной зонах является первыми в череде культур бронзового века Восточной Европы.

Характерными особенностями ранней бронзы данного региона является переход к полностью производящей экономике, базирующейся на двух главных секторах экономики - подвижном скотоводстве и металлургическом производстве. Последнее основано на эксплуатации медных рудопроявлений Волго-Уральского региона (Черных Е.Н., 1997). Подвижный характер скотоводства ямников стимулировал широкое распространение и модификацию транспортных средств с применением волов или быков. Прототипами повозок послужили переднеазиатские грузовые повозки. Необходимо отметить, что комплексный характер скотоводства существенно отличался от кочевых форм хозяйства более поздних эпох. Кочевники железного века и средневековья были более специализированными, товарными скотоводами, ориентированными на земледельческие ойкумены и на торгово-обменные операции с центрами ремесленного производства. В отличие от кочевников эпохи железа, для эпохи бронзы характерно комплексное скотоводство с разведением крупного рогатого скота. Важнейшей особенностью восточно-европейских племен являлось коневодство. Очевидно, именно в начале бронзового века происходит переориентация коневодства из пищевого сектора экономики в транспортный.

Археологически начало раннего бронзового века характеризуется утверждением курганного обряда и малым числом бытовых памятников с выраженным культурным слоем. Металлические изделия по своему типологическому облику восходят к майкопско-новосвободненским образцам.

Курганные могильники являются важнейшими источниками информации о социальном устройстве общества, об антропологических особенностях популяции, о природно-климатической обстановке территории в период, предшествующий сооружению насыпи.

Курганные могильники территории Самарского Поволжья различны по числу насыпей. Некоторые группы курганов насчитывают по два - три кургана. Наиболее распространены памятники с числом курганов до десяти. Некоторые, наиболее выдающиеся могильники насчитывали до сорока - пятидесяти сохранившихся насыпей. Таковым является, например, Лопатинский I курганный могильник. Самые древние подкурганые захоронения Самарского Поволжья относятся к ямной культуре.

По радиоуглеродным датировкам, время появления первых курганов относится к рубежу IV-III тысячелетия до н.э. (калиброванные значения). Наиболее древние курганы расположены на ровных участках первой надпойменной террасы р.Волги и ее притоков. Курганы насыпались на краю террасы, обращенном к реке. Курганы ранней бронзы сооружались обычно над одним или несколькими однокультурными захоронениями. Случаи перекопов и сооружения впускных погребений в готовые насыпи единичны. В этом - одно из главных отличий самарских курганов от некрополей всего Евразийского степного пояса. Курганы степной и полупустынной зон Нижнего Поволжья функционировали как места погребений непрерывно на протяжении многих эпох. Здесь неоднократно видоизменялась и конфигурация насыпей - срезалась верхняя часть, сооружались новые досыпки и ровики. В отличии от нижеволжских некрополей, более половины всех ямных курганов Самарского Поволжья не тревожились никогда.

Среднее Поволжье в эпоху раннего бронзового века было занято племенами ямной культуры (рис.1). Это название, как и многое в археологии, условное, применяемое учеными-археологами для понимания тех исторических процессов, которые происходили в исторические периоды, от которых не остались письменные источники. Настоящее же название или самоназвание этих племен мы не знаем и, вероятно, никогда не узнаем. Время начала бронзового века в степной зоне Восточной Европы в целом, и Самарского Поволжья как ее составной части, в настоящее время является предметом пристального исследования специалистов. Решение данной проблемы еще требует существенных уточнений, несмотря на то, что исследуется она почти сто лет. В 1901 - 1903 гг. В.А.Городцов установил известную триаду бронзового века на юге России: ямная - катакомбная - срубная культуры (Городцов В.А., 1905а; 1905б). Со временем система существенно усложнилась. Выявлены особые культурные образования конкретных территорий, открыты новые культурные стадии. Вместе с тем, достаточно обоснованно утверждение о том, что на огромных степных просторах от Уральских гор и до Днепра длительное время обитали носители скотоводческих культур ямной культурно-исторической области.

Культура названа ямной по способу захоронения в простых прямоугольных ямах, в отличие от катакомбной и срубной культур. Для поволжских материалов схему В.А.Городцова впервые использовал известный саратовский археолог, профессор П.С.Рыков, выделивший среди памятников эпохи бронзы ямные погребения.

Изучение памятников начальных этапов бронзового века на территории Самарской области в нынешних ее границах началось еще в 20-е годы XX столетия. Первые погребения были исследованы В. В. Гольмстен на реке - М. Кинель у с.с. Березняки и Микудино Пиллогинской волости Бугурусланского уезда (ныне Кинель-Черкасского района) в 1923 и 1926 годах, а также у с. Аверьяновка Бузулукского уезда на р. Кутулук (ныне Богатовский район) в 1926 году (Гольмстен В.В., 1923; 1926). В начале 50-х годов Н.Я.Мерперт исследовал погребения у с. Светлое Озеро Ставропольского района (Мерперт Н.Я., 1958. С.66-73).

Наиболее активные исследования проводились в 70-е годы, когда Средневолжская археологическая экспедиция КГУ и КГПИ (ныне Самарский госуниверситет и гос.пед.университет) развернула широкомащтабные раскопки степных и лесостепных курганных групп в Самарском Заволжье. В 1970 году в насыпи кургана 2 Широценского могильника в Борском районе был обнаружен сосуд эпохи средней бронзы (Васильев И.Б., 1975. С.26). В 1972-1973 годах были исследованы курганы у сел Утевка (Васильев И.Б., 1980. С.32-58; Агапов С.А., 1973) и Покровка (Агапов С.А., Васильев И.Б., 1975. С.3-12) Нефтегорского района, Абашево и Владимировка Хворостянского района (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1989. С.69-86). В 1974 году М.Ф.Обыденнов раскопал два кургана ямно-полтавского времени у с.Сускан Ставропольского района (Обыденнов М.Ф., 1974). В 1975 году были исследованы погребения у с.Кашпир Приволжского района (Иванов В.А., Пестрикова В.И., 1982. С.175-183), Андреевка Богатовского района (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1976. С.162), Преполовенка Безенчукского района (Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г. 1987. С.55-67). В 1977 году были раскопаны курганы у с.Красносамарское (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1988. С.39-59). В 1978 году В.Н.Зудина провела раскопки Давыдовского курганного могильника (Зудина В.Н., Кузьмина О.В. 1999. С.115-142).

Исследование памятников ранней и средней бронзы продолжены в 80-е и 90-е годы.

В 1982 и 1986 годах были исследованы грунтовые погребения в обрыве Волги у с.Екатериновка Приволжского района (Зудина В.Н., Крамарев А.И., 1993. С.128-156). В 1983 году несколько погребений были раскопаны в курганах у пос. Кряж Безенчукского района (Матвеева Г.И., 1983). В 1986 году М.А.Турецкий исследовал один курган позднеполтавского времени у с.Тамбовка Большеглушицкого района (Турецкий М.А., 1999. С.135-144). В восьмидесятые – девяностые годы экспедиционный отряд под руководством П.Ф.Кузнецова проводит целевые исследования ямно-полтавских курганов. В задачу данных работ входит максимально возможное получение археологической, антропологической, социокультурной и экологической информации. В Красноярском районе у с.Лопатино были раскопано несколько ямно-полтавских погребений (Кузнецов П.Ф., 1986). В 1989-1990 годах были исследованы курганы около с.Кутулук (Кузнецов П.Ф., 1991. С.137-139; Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1999. С.145-153).

В 90-е годы источниковедческая база по памятникам ямной и полтавской культурам пополнилась новыми памятниками. В 1992 году были раскопаны погребения в курганном могильнике около с. Нижняя Орлянка Сергиевского района (Сергиевский район, 1987. С.92-98). В 1994-1995 годах П.Ф.Кузнецовым было исследовано несколько ямно - полтавских погребений в курганах у с.Спиридоновка Волжского района. В 1994 году исследованы курганы у с.Николаевка Волжского района (Скарбовенко В.А., 1999. С.143-159). В 1996 году были исследованы погребения эпохи ранней и средней бронзы у с.Гвардейцы Борского района (Крамарев А.И., 1996). В 1998 году было исследовано погребение в

кургане у р.Журавлиха в Большеглушицком районе (Кузнецов П.Ф., 1998). В этом же году Л.В.Кузнецовой и Д.А.Сташенковым был раскопан курганный могильник у с.Калиновка Сергиевского района (Сташенков Д.А., 1999. С.25-41). В 1999 году был исследован Красносамарский IV курганный могильник в Кинельском районе. В Нефтегорском районе продолжено изучение могильников в районе с.Утевка: Утевский V и Лещевский курганные группы.

Впервые ямные погребения Самарской области в рамках Средне-волжского района были проанализированы в работе Н.Я.Мерперта (Мерперт Н.Я., 1974). Небольшое количество известных к тому времени ямных погребений позволило, тем не менее, автору нарисовать общую картину распространения ямных племен с территории Нижнего Поволжья на север, на широту Самарской Луки и выше. Несомненно, ряд положений, высказанных в этой и последующих работах Н.Я.Мерперта, претерпели изменения по мере накопления новых материалов. Так, например, устарел тезис о ямных курганах, как древнейших погребениях Волго-Уралья в связи с открытием Съезженского и Хвалынского могильников. С большей долей осторожности возможен подход к методу распределения подкурганных погребений по стратиграфическим горизонтам, примененному Н.Я.Мерпертом при анализе ямных погребений для выделения хронологических групп (Черных Е.Н., 1976. С.340). Ямные памятники нижеволжской, средневолжской и приуральской групп Н.Я.Мерперт рассматривал в качестве локальных групп единого волжско-уральского варианта ямной культуры (культурно-исторической области). Исследования последних лет позволили сделать вывод о значительном своеобразии и, в то же время, внутренней общности двух последних групп (Турецкий М.А., 1997. С.28-30).

Проблемы истории ямной культуры занимают важное место в исследованиях И.Б.Васильева. После открытия памятников эпохи энеолита в Среднем Поволжье - Съезженского (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. С.147-166), Хвалынского могильников (Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990) и ряда других комплексов И.Б.Васильевым была создана схема формирования ямной культуры в Поволжье на основе хвалынской культуры, причем первоначально автор включал в нее два этапа - собственно хвалынской с бескурганым обрядом погребения и более поздний, куда входили древнейшие подкурганные погребения Нижнего Поволжья (Васильев И.Б., 1979; 1980а. С.5-7). Перенос термина "древнеямная культура" на памятники хвалынского типа вносил некоторое несоответствие в устоявшуюся терминологию энеолита - ранней бронзы Восточной Европы. Впоследствии И.Б.Васильев отказался от использования этого термина применительно к хвалыньским комплексам, за которыми было оставлено название "хвалынская культура" (Васильев И.Б., 1980б. С.39; 1981. С.31). Вследствие этого выделенная древнеямно-среднеэнеолитская культурно-историческая общность была переименована в хвалыньско-среднеэнеолитскую (Васильев И.Б., 1981. С.31-34; Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.48-49). И.Б.Васильев впервые обобщил материалы по ямной и полтавкинской культурам Среднего Поволжья (Васильев И.Б., 1978. С.169-184; 1979. С.24-56), приведя их в

соответствие с уже имеющимися периодизациями нижеволжских материалов (Н.Я.Мерперт, Н.К.Качалова). Проблемам развития ямной культуры на территории Оренбургской и Самарской областей посвящены работы Н.Л.Моргуновой (1994; 1997. С.16-23; 1999). По мнению автора, ямная культура в Приуралье и Заволжье прошла в своем развитии три периода (Моргунова Н.Л., 1997. С.21). Автор также отмечает определенную самостоятельность и особенность средневолжско-приуральских ямных погребений относительно нижеволжских (Моргунова Н.Л., 1999. С.98). Вопросам соотношения средневолжских и приуральских ямных комплексов посвящены отдельные разделы в работе С.В.Богданова (Богданов С.В., 1999). Проблемы переходного периода от эпохи раннего бронзового века к среднему бронзовому веку на территории Среднего Поволжья рассматриваются в работах П.Ф.Кузнецова (Кузнецов П.Ф., 1989; 1991а; 1997. С.33-37) и М.А.Турецкого (Турецкий М.А., 1992; 1992а. С.64-79; 1997. С.28-30; 1999. С.135-144).

Ряд работ был посвящен анализу погребального инвентаря, прежде всего ножей и топоров, ямных погребений Самарской области (Черных Е.Н., 1970; Корневский С.Н., 1977. С.44-46; 1980. С.59-66), а также костяных рогаток (Кияшко В.Я., 1989. С.78-79).

Одной из важнейших проблем в изучении бронзового века является проблема формирования ямной культуры в Волго - Уралье и роли в этом процессе предшествующих культурных образований энеолитической эпохи. Широкие исследования памятников эпохи энеолита проводимые последние 25 лет в волго-уральском регионе, значительно изменили представления о периоде формирования ямной культуры. Энеолитический субстрат, вошедший в состав ямной культуры Волго-Уралья, до середины 70-х годов был представлен лишь отдельными памятниками типа разрушенного Криволучского погребения (Гольмстен В.В., 1931. С.7-12), погребения на Ивановском селище близ г.Хвалынска (Орехов В.Ф., 1916. С.39-44) и ряда донных поселений в Нижнем Поволжье (Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926. С.5-21; Минаева Т.М., 1929. С.27) и Северном Прикаспии (Рыков П.С., 1931. С.49-80; Синицын И.В., 1951. С.97; Белецкий В.Д., 1962. С.61-64). Культурную принадлежность последних памятников, как отмечал Н.Я.Мерперт (Мерперт Н.Я., 1974. С.27), определить было очень трудно, поскольку, как правило, культурные слои носили смешанный характер. Оторванно, вне культурного контекста, выглядел скипетр из Куйбышевского музея (Мерперт Н.Я., 1974. С.60) (интересно отметить тот факт, что эта находка, по словам сотрудника музея Н.В.Бакшеева, происходила именно из кургана (Мерперт Н.Я., 1974. С.60, сноски).

С открытием энеолитических памятников типа Съезженского (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. С.147-166), Хвалынского (Агапов С.А, Васильев И.Б., Пестрикова В.И., 1990; Васильев И.Б., 1981. С.22-42), Хлопковского (Малов Н.М., 1982. С.82-94) могильников в Среднем и Нижнем Поволжье, энеолитических стоянок в Западном Оренбуржье (Моргунова Н.Л., 1995. С.60-72), Нижнем Поволжье (Юдин А.И., 1995. С.10-12) и Северном Прикаспии (Барынкин П.П., 1992. С.11-18) представления об этом периоде претерпели значительные изменения. Устоявшаяся схема развития местного

энеолита, связываемая, прежде всего, с памятниками ямной культуры (по крайней мере, ее первых этапов) (Мерперт Н.Я., 1974. С.74-82), была переработана, вплоть до выделения новых культурных образований — самарской и хвалынской культур (Васильев И.Б., 1981), культурно-хронологическое соотношение которых в дальнейшем конкретизировалось и уточнялось (Моргунова Н.Л., 1984. С.68-78; Гей А.Н., 1985. С.17; Пестрикова В.И., 1987. С.92-95). Однако погребальные памятники этих культур располагались в лесостепной зоне, тогда как в собственно степной зоне Волго-Уральского междуречья, впоследствии освоенной ямными племенами, такие памятники не зафиксированы. Это затрудняет общую характеристику энеолита степной полосы, поскольку те немногочисленные поселения, которые расположены в этой зоне, не дают полного представления об энеолитических культурах степного Заволжья. Тем не менее эти памятники оставлены населением, являвшимся тем субстратным элементом, на основе которого сложились ямные племена волго-уральского региона. Поэтому необходимо дать краткую характеристику этих культурных образований.

В лесостепной зоне волго-уральского междуречья эпоха раннего энеолита представлена памятниками самарской культуры. Могильники (Съезженский, Липовый Овраг) характеризуются бескурганном обрядом погребения. Погребенные лежали в вытянутом на спине, положении, вероятнее всего, образуя ряды, наподобие расположения погребенных в Мариупольском могильнике (Макаренко М.О., 1933). Такая традиция характерна для памятников позднего неолита — раннего энеолита, относимых к мариупольской культурно-исторической области (Васильев И.Б., 1979б. С.8-10). Характерной чертой погребений самарской культуры является значительное количество сопровождающего погребального инвентаря, куда входят разнообразные орудия труда, типа каменных тесел и долот крупных размеров, костяных вкладышевых ножей, проколок, гарпунов, украшения — бусы, подвески и пронизки из раковин, нашивные пластинки из клыков кабана т.н. “мариупольского типа”, поделки из клыков кабана и костей в виде фигурок животных — лошадей, быков, уток. Кремневый и кварцитовый инвентарь представлен незначительным количеством изделий, в том числе вкладышами и крупными ножевидными пластинами. Керамика, расположенная не в погребениях, а на жертвенных площадках, имеет ряд своеобразных черт, прежде всего, воротничковое оформление венчика и ряды глубоких ямок на шейках сосудов. Встречаются и безворотничковые сосуды. Орнамент, как правило, покрывавший всю поверхность сосудов, был выполнен гладким штампом, образующим горизонтальный зигзаг. Распространенными были композиции в виде меандровых, овальных и прямоугольных контуров, заполненных оттисками “шагающей гребенки”. Керамика с поселений самарской культуры близка материалам Съезженского могильника, но имеет ряд отличий. Особенно эти отличия заметны в керамике с Ивановской стоянки в Западном Оренбуржье, где не встречаются меандровые и овальные фигуры с заполнением “шагающей гребенкой”, ямки, но появляется “гусеничная” и “веревочная” орнаментация. Это позволило Н.Л.Моргу-

новой выделить в самарской культуре средний (II) этап развития (Моргунова Н.Л., 1984. С.139), куда кроме Ивановской и Турганинской стоянок были включены разрушенные погребения Ивановского могильника и Криволучья (Моргунова Н.Л., 1984. С.139). Синкретический характер Криволучского комплекса, имеющего сходство как с материалами самарской, так и хвалынской культур, служит основанием для синхронизации этих двух культурных образований на определенном этапе их развития. На возможность такой синхронизации указывают и материалы Ивановской и Турганинской стоянок, где встречены самарские и хвалыньские керамические формы, а также близость Ивановского и Хвалынского могильников по инвентарю погребений (серпентинитовые браслеты, раковинные бусы и другие украшения из раковин) (Моргунова Н.Л., 1979. С.16-19; Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.11-12).

Самарская культура на I и II этапах своего развития занимала южную кромку лесных и лесостепных районов Среднего Поволжья и Приуралья. Вероятнее всего, в этот же период, в более южных районах лесостепного Поволжья происходит формирование хвалынской культуры, представленной Хвалыньским и Хлопковским могильниками. Вопрос этот остается до конца нерешенным, поскольку разные исследователи по-разному определяют культурно-хронологическое соотношение памятников двух культур. В отличие от И.Б.Васильева и А.Т.Синюка, относящих самарскую культуру к раннему, а хвалыньскую культуру — к развитому энеолиту (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.9-15, 40), А.Н.Гей и В.И.Пестрикова пришли к выводу о возможной синхронизации этих двух культур (Гей А.Н., 1985. С.17; Пестрикова В.И., 1987. С.106). Для решения проблемы культурогенеза ямной культуры важным представляется не столько соотношение звеньев известной триады — Съезжее-Хвалыньск-Бережновка, сколько роль каждого из этих звеньев в сложении ямной культуры волго-уральского региона. Хвалыньская культура выделена на основании погребальных памятников (Васильев И.Б., 1981. С.22-31). В них фиксируется иная, отличная от погребений самарской культуры, традиция погребального обряда. Погребенные лежат скорченно на спине, в одиночку или коллективно. Встречаются случаи многоярусного расположения погребенных, что свидетельствует о длительности функционирования могильника и внутриобщинных связях населения, оставившего его. Керамический комплекс Хвалыньска отличается от Съезжей прежде всего своеобразием форм сосудов, отсутствием плоскодонных типов керамики, характером орнаментации. В.И.-Пестрикова выделяет 3 типа сосудов: 1) колоколовидные с отогнутым наружу венчиком, в т.ч. мешковидные; 2) шаровидные; 3) чаши. Основными мотивами в построении композиций служат горизонтальные и наклонные ряды отпечатков аммонита, горизонтальные ряды ямок, прочерченными волнистые линии (Пестрикова В.И., 1987. С.49-50). Погребальный инвентарь разнообразен — крупные ножевидные пластины, наконечники, шлифованные тесла, каменные браслеты, топоры с цапфами, скипетры, среди украшений — огромное количество бус из раковин, костяные подвески и пронизи, накладки и подвески из клыков кабана, а также медные украшения в виде спиральных браслетов и колечек. Спектральный анализ хвалыньских медных украше-

ний показал, что они были изготовлены из меди, связанной с рудными источниками БКПМ (Рындина Н.В., 1998. С.152-158). Значительно количество орудий из кости — гарпуны, рыболовные крючки, трубочки из костей птицы, т.н. “флейты”, ножи. Отмечается большое количество жертвенников с костями домашних животных (КРС, МРС, лошадь) (Петренко А.Г., 1984. С.70,117). И.Б.Васильев относит к хвалынской культуре упомянутые выше Ивановский могильник и Криволучье, с близким к хвалынским погребениям набором погребального инвентаря, а также погребение с Ивановского селища близ г.Хвалынска и скипетр из Куйбышевского музея. В последние годы был исследован II Хвалынский могильник (материалы не опубликованы), с материалами, аналогичными I Хвалынскому могильнику.

Приведенные выше факты могут быть рассмотрены применительно к проблеме формирования ямной культуры Волго-Уралья. Для этого необходим сопоставительный анализ памятников раннего и среднего энеолита с древнейшими подкурганными погребениями, традиционно относимыми к раннему этапу ямной культуры.

В работах последних лет уже ставился вопрос о возможности сосуществования памятников позднего мариупольского типа и древнейших подкурганых погребений (Мерперт Н.Я., 1974. С.59; Ковалева И.Ф., 1984. С.50; Гей А.Н., 1985. С.15-17), высказанный впервые А.Д.Столяром (Столяр А.Д., 1955. С.16-37). В то же время подобная синхронизация отмечается и для хвалынской культуры и первых подкурганых захоронений (Мерперт Н.Я., 1980. С.18-19; Васильев И.Б., 1981. С.43-44). Вероятность такой синхронизации стала возможной только после открытия в волго-уральском регионе памятников самарской и хвалынской культур. Поэтому при создании схемы развития ямной культуры Н.Я.Мерперт, отмечая архаизм первой группы ямных памятников, находил и сходство с материалами смежных территорий, прежде всего, Подонья и Северного Кавказа (Мерперт Н.Я., 1979. С.54-80). Эти памятники (х.Попов, 31/7, погр.4; Мокрый Чалтырь, погр.6; Хопры; Архара, 27/1,2), а также включенные В.Я.Кияшко в I,III,IV группы энеолитических погребений, исследованные на Нижнем Дону (Кияшко В.Я., 1974. С.83-88, 101-104), погребение 25 кургана 7 у с.Старица, раскопанное В.П.Шиловым (Шилов В.П., 1960), погребение 1 кургана 15 у пос.Веселая Роша, исследованное М.А.Романовской (Романовская М.А., 1982. С.173-175), группа энеолитических погребений Прикубанья, выделенная В.А.Трифоновым (Трифонов В.А., 1983. С.7-9) и другие в настоящее время рассматриваются исследователями как пласт древнейших подкурганых погребений, предшествующих ямным погребениям классического, “городцовского” облика. Эта группа энеолитических погребений отражает период формирования собственно ямной культуры в степной зоне, охватывающей Поволжье, Подонье и Предкавказье и поэтому включает в себя комплексы, в которых фиксируются культурные традиции предшествующих и синхронных им ранне — и среднеэнеолитических культур — мариупольского круга, хвалынской, среднестоговской, репинской (I этапа) и, видимо, тех энеолитических памятников, которые не включены в культурные образования (например, Нальчикский могильник). Основываясь на такой предпосылке, можно рассмотреть

древнейшие подкурганные погребения волго-уральского междуречья, включенные Н.Я.Мерпертом в I хронологическую группу погребений, а также ряд комплексов, отнесенных к более поздним группам. Необходимо отметить, что Н.Я.Мерперт не исключал возможности рассматривать часть древнейших подкурганных погребений (типа Бережновки I,5/22 и Быково I,12/7) в рамках IV тыс. до н.э., но считал это преждевременным из-за отсутствия твердых оснований для такой датировки (Мерперт Н.Я., 1974. С.59-60). С исследованием энеолитических комплексов в Поволжье такая возможность становится обоснованной.

Синхронное существование памятников хвалынского типа и древнейших подкурганных погребений, выделяемых в энеолитический пласт степной зоны волго-уральского региона, приходится на середину IV тыс. до н.э. (Дремов И.И., Юдин А.И., 1992. С.29). Косвенным доказательством такой датировки является система синхронизации каменных скипетров, найденных в Хвалынском (Васильев И.Б., 1981. С.28. Рис.20,18) и Хлопковском (Малов Н.М., 1985. С.61-62. Рис. 55,1,5) могильниках, в погребении Архара, 27/1 (Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1966. С.93-96), экземпляра, хранящегося в Куйбышевском музее (Васильев И.Б., 1981. С.28. Рис.30,5) и памятниках трипольской культуры этапа VI (Березовская ГЭС) (Даниленко В.Н., 1974. С.95. Рис.64,4), Верхние Жоры I (Яровой Е.В., 1985. С.105, 107), датированного 3600-3300 г.г. до н.э. (Археология Украинской ССР, 1985. С.254). В подкурганных погребениях Заволжья скипетры не встречаются (если не считать экземпляр, хранящийся в Куйбышевском музее из разрушенного кургана, расположенного на юге Куйбышевской или севере Саратовской области). Однако, полное соответствие практически по всем типам вещей между выделенной группой погребений и памятниками хвалынского типа свидетельствует о параллельности существования и культурной близости этих памятников. С другой стороны, у нас нет никаких данных для удревления даты бытования древнейших подкурганных погребений до начала IV тыс. до н.э., что предполагает для Хвалынского могильника В.И.Пестрикова на основании некалиброванных радиоуглеродных данных (4050-3750 л. до н.э.) (Пестрикова В.И., 1987. С.105). Учитывая и тот факт, что грунтовые могильники в степной и лесостепной зонах существовали на протяжении всего периода неолита и энеолита, а древнейшие подкурганные погребения появляются не ранее середины IV тыс. до н.э., можно считать, что параллелизм существования их с памятниками хвалынского типа на территории волго-уральского региона охватывал период, не включавший в себя самые ранние этапы развития последних.

Сложнее обстоит дело со связью древнейших подкурганных погребений и памятников самарской культуры, и в целом с параллелизмом существования мариупольской культурно-исторической области в ее восточной зоне и раннеямных памятников Волго-Уралья, куда исследователи традиционно относили описанные выше погребения. О подобном явлении неоднократно писал Н.Я.Мерперт (Мерперт Н.Я., 1958. С.58; 1974. С.60; 1980. С.19), а также И.Б.Васильев (Васильев И.Б., 1979б. С.70-71) и А.Н.Гей (Гей А.Н., 1985. С.16). Для нижнедонского района такую

возможность предполагал В.Я.Кияшко (Кияшко В.Я., 1974. С.90). В волго-уральском регионе, и прежде всего в степной зоне, где зафиксированы все упоминавшиеся выше древнейшие подкурганные погребения, роль самарской культуры проявляется значительно слабее, чем хвалынской.

Во-первых, это связано с территорией, занимаемой самарской культурой — южной кромкой лесной и лесостепной части левобережья Волги, в то время как хвалынская культура занимает более южные районы.

Во-вторых, в ряде случаев трудно определить специфику таких категорий вещей, как некоторые виды украшений (бусы и пронизки из раковин) крупные ножевидные пластины, распространенные в обеих культурах.

В-третьих, безусловная близость керамики из древнейших подкурганных погребений с керамикой как хвалынской, так и самарской культур по формам и элементам орнамента.

Таким образом, учитывая роль таких культурных образований, как хвалынская и самарская культуры, приходится признать, что для древнейших подкурганных погребений, образующих энеолитический пласт степной зоны волго-уральского региона, большее значение играли контакты с первой культурой, нежели со второй. Вероятно, это связано с культурно-хозяйственной деятельностью и направлением связей обеих культур. Ориентированная на южные лесостепные и степные районы, хвалынская культура теснее была связана со степным энеолитическим населением, чем самарская, направление связей которой было преимущественно на восток и северо-восток, вплоть до Прикамья и Южного Урала (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.13-15; Васильев И.Б., Габышев Р.С., 1982. С.5-6; Матюшин Г.Н., 1982. С.58-62; Моргунова Н.Л., 1984. С.68).

Ямная культура, охватившая степные и лесостепные районы Нижнего и Среднего Поволжья и Приуралья, развивалась на фоне различных культурных образований, гораздо меньших по своим масштабам и занимавшим, как правило, маргинальные области распространения ямных памятников. Такие локальные культурные образования, открытые в последние годы, зафиксированы прежде всего в лесостепной части Среднего Поволжья и Приуралья, а также в Северном Прикаспии.

Наибольший интерес в этом плане представляют памятники репинского типа, обнаруженные в Северном Прикаспии. Репинская культура, выделенная А.Т.Синюком на территории Среднего Дона и прилегающих к нему районах, прошла в своем развитии два этапа — ранний и поздний (Синюк А.Т., 1981. С.8-19). Материалы раннего этапа на территории волго-уральского междуречья практически не представлены, что связано с ограниченностью первоначальной территории репинской культуры пределами Среднего Дона. На втором этапе происходит широкое распространение репинской культуры в степной и лесостепной зонах Днепро-Донского региона.

А.Т.Синюк связывает этот процесс с возросшей активностью ямных племен, воздействующих на репинские племена (Синюк А.Т., 1980. С.65). Именно в этот период в Северном Прикаспии появляется группа поселений позднерепинского облика. И.Б.Васильев отмечает серию из

10 памятников этого типа, в том числе три с сохранившимися культурными слоями и сооружениями (Же-Калган III, Кзыл-Хак I и II) (Васильев И.Б., 1990. С.11). Наиболее полно исследованы поселения Кзыл-Хак I-II (Барынкин П.П., 1986. С.80-94; Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1998. С.179-192), где собрана коллекция керамики близкой, с одной стороны, керамике II хронологического этапа репинской культуры (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. Табл. 30, 31), а с другой - керамике ряда ямных погребений Нижнего Поволжья (Быково II, 2/3, Верхнепогромное, 19/11, Скатовка, 5/3, сосуды 2 и 3), Среднего Поволжья (Екатериновка IV/I, Покровка I, 15/1) и, особенно, Волго-Донского междуречья (Щаца, 6/4, Вертячий, 7/28, сосуды 1 и 2, Ильевка, 5/1) (Шилов В.П., 1985. С.112. Рис.20,5; Мамонтов В.И., 1970. С.10. Рис.2,8; Мамонтов В.И., 1986. Рис.15,10,11). Характерными чертами такой керамики являются широкие тулова, округло-конические днища, сужающиеся шейки. У части горшков отмечены высокие, желобчатые венчики. Большая часть сосудов украшена орнаментом в виде поясков "жемчужин" на внешней стороне, гораздо реже пояски образованы ямками под венчиками. Орнамент на тулове наносился чаще всего наколами или оттисками шнура, образующим горизонтальные композиции, реже использовался гребенчатый штамп (Барынкин П.П., 1986. С.84-89).

Распространение поселений репинского типа к северу от Нижнего Поволжья не зафиксировано за исключением находок отдельных фрагментов сосудов, которые можно сравнивать с репинскими (Черемшанская стоянка, Старо-Яблонское II, Шигонское поселения и другие на правом берегу Волги (Васильев И.Б., 1981. С.51. Табл. 28,6,16,17,32), II Большераковская стоянка на Соку (Барынкин П.П., Козин Е.В., 1991. С.111. Рис.4, 7-12). Погребения, где обнаружена керамика репинского типа, относятся к ямной культуре. Трудность выделения погребальных комплексов, которые с большой долей вероятности можно было бы отнести к репинской культуре, объясняется тем, что собственно репинские могильники практически неизвестны и на Среднем Дону.

В то же время, когда в Северном Прикаспии фиксируется приток нового населения, оставившего памятники репинского типа, в лесостепном правобережном Поволжье появляются памятники алексеевского типа. Выделенная впервые И.Б.Васильевым (Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1977. С.66-76; Васильев И.Б., 1981. С.44-50), эта группа сочетала в себе черты как западных культур типа поздней среднестоговской и репинской, так и северных, типа волосовской. Характерными чертами керамики алексеевского типа являются желобчатые и загнутые внутрь венчики, орнамент в виде чередующихся коротких и длинных оттисков гребенчатого штампа. Встречается орнамент, выполненный веревочкой, образующей треугольники, сетки, зигзаги (Васильев И.Б., 1981. Табл.25). Кроме Алексеевской стоянки и близких ей памятников в более южных районах (ур. Маргышкино, Алтата) (Васильев И.Б., 1981. С.46. Табл. 28, 1; 29,3; Деревягин Ю.В., Третьяков В.П., 1974. С.251. Рис.2), свидетельством контакта с северным, волосовским миром являются стоянки в лесостепном Заволжье: Елшанская I и II (Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977. С.20. Рис.7;

12), Виловатовская (Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г., 1980. С.172. Рис.13), Ивановская (Моргунова Н.Л., 1980. С.112. Рис.6), Шигонская (Выборнов А.А., 1980. С.15-16), Гундоровская и ряд стоянок на р.Сок (Овчинникова Н.В., 1996. С.14-15). Материалы этих памятников, прежде всего керамическая серия, отличаются от классических волосовских материалов. И.Б.Васильев справедливо считает, что специфика данной группы не позволяет включать ее в волосовскую культуру (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.62-63). Однако нельзя согласиться с выводом о том, что в ямных погребениях отсутствуют следы контактов ямных и волосовских племен (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.63). По крайней мере, в керамике ряда погребений ямной культуры с территории Среднего Поволжья такое взаимодействие достаточно четко фиксируется. Остается добавить, что такой контакт между оседлым и подвижным населением, каким являлись волосовские и ямные племена, не только возможен, но и, как правило, неизбежен в силу восприимчивости последними отдельных элементов культуры своих оседлых соседей.

Таким образом, лесостепная зона волго-уральского региона была занята группами позднеэнеолитического населения, связанного в той или иной мере с северными культурными образованиями, прежде всего, с волосовскими племенами. Представляя собой небольшие общины оседлого населения, они не могли сыграть значительной роли в становлении подвижной ямной культуры, хотя отдельные элементы нашли свое отражение в материальном комплексе тех ямных племен, которые занимали пограничную территорию, прежде всего, в лесостепной части Поволжья. Принимая датировку этого периода первой половиной III тыс. до н.э., необходимо отметить, что в степной зоне Волго-Уралья уже существовали памятники ямной культуры. Поэтому не следует преувеличивать роль алексеевских и волосовских памятников в этом процессе (Васильев И.Б., 1981. С.56). К тому же, как показывают последние исследования, распад хвалынского-среднепалеолитической общности приходится на конец IV тыс. до н.э., после чего начинает формироваться круг культур, входящих в ЦМП, в том числе и ямная культура (Черных Е.Н., 1988. С.42; Трифонов В.А., 1983. С.24-25). На ранних этапах формирования классической ямной культуры можно говорить только об определенном влиянии репинской культуры, прошедшей к началу III тыс. до н.э. в своем развитии первый ранний этап (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.59).

Именно к тому периоду относятся погребения ямной культуры Волго-Уралья, где фиксируются черты репинской культуры, выраженные, прежде всего, в керамике.

Древнейшими памятниками ямной культуры на Средней Волге можно считать ряд погребений могильника Покровка I (рис.3,1,3,4), где в одном из комплексов (погребение 15/2) обнаружен сосуд репинского типа (рис.14,3), а также Екатерининские погребения (рис.2,1-4), которые, вероятно, были не курганными, а грунтовыми, со всеми признаками ямного погребального обряда. Сосуд из погребения Екатерининка V/1 (рис.14,1) представляет собой одну из самых архаичных форм, сопоставимую с репинскими сосудами. К

раннему этапу ямной культуры относится погребение Лопатино II, 3/2 с сосудом уникальной для Поволжья формой (рис.14,6) и двумя костяными рогатками (рис.13, 12,13) которые датируются периодом, предшествовавшим молоточковидным булавкам, а также комплекс Лопатино I курган 31 с архаичной керамикой репинского типа (рис.14,4,5). Другие погребения в силу своей безынварности не могут быть отнесены с уверенностью к раннему периоду ямной культуры в Самарской Заволжье.

Малочисленность раннеямных погребений свидетельствует, скорее всего, о том, что ямные племена в средневожском регионе являются пришлыми. Возникнув как степная культура, раннеямные племена постепенно осваивали южнолесостепную зону Волго-Уралья, в т.ч. Самарское Заволжье. Время расселения ямных племен к северу – северо-востоку от Нижнего Поволжья – первая половина III тыс. до н.э. по традиционной периодизации бронзового века. Можно предположить пути этого движения, картографировав имеющиеся ямные памятники. Памятники ямной культуры приурочены в основном к р.Волге и ее притокам, протекающим, в основном, в широтном направлении (Екатериновка на Волге, Покровка на Самаре, Лопатино на Соку).

В целом, процесс, реконструируемый как переход оседлого неолитического населения к новому образу жизни в южных районах лесостепного Заволжья и как следствие - изменение характера изучаемых археологических памятников (от поселенческих к исключительно погребальным) достаточно сложен. Можно отметить, что погребения первого этапа в очень малой степени демонстрируют черты наследственности от предшествующего, неолитического этапа. К таким признакам в средневожских комплексах можно отнести лишь отдельные хвалынские реминисценции в облике Екатериновских погребений (гарпун, бусина из раковины) (рис.12,4,6), вытянутые погребения самарского типа и формы наконечников стрел неолитического облика из погребений Лопатино I,31/1; Лопатино II,2/3 (рис.11,16-18).

К более позднему этапу ямной культуры на территории Самарской области можно отнести ряд погребений, содержащих материалы т.н. классической “городцовской” ямной культуры.

Это захоронения, где имеется погребальный инвентарь (Покровка I, 12/1, 17/1, Кутулук I,4/1, Владимировка,1/6) (рис. 3,2; 4,1,5), относимый к классической ямной культуре. Большинство безынварных погребений могут быть отнесены к ямным по признакам погребальной обрядности, к которым, прежде всего, относится поза погребенных, их ориентировка, устройство могильной ямы.

В связи с этим можно отметить, что исследователями ранее уже обращалось внимание на “поразительный консерватизм погребального обряда на протяжении длительного времени” (Мерперт Н.Я., 1974. С.45). Это выражается в значительном преобладании восточной и северо-восточной ориентировки погребенных, положении костяков на спине или на правом боку с завалом на спину, разной степени окрашенности охрой, отражающей определенные ритуальные особенности. Анализ погребального инвентаря, как правило, приводит исследователей к отнесению конкретного погребения, со-

держашего погребальный инвентарь, или к ямным (классическим, развитым и т.д.), или к позднейшим комплексам (Васильев И.Б., 1979. С.36-40; Археология Украинской ССР, 1985. С.350-352). Первые характеризуются устоявшимися, присущими только ямной культуре типами вещей, в облике которых нет следов влияния последующих культур, например, волосовской или катакомбной, однако встречаются предметы, являющиеся импортами или подражанием импорту синхронных культур, таких как майкопская, новосвободненская или репинская. Вторые комплексы отражают те изменения, которые происходят с отдельными типами вещей в результате инокультурных воздействий наряду с эволюционным развитием собственно ямных форм. В результате большое количество погребений без инвентаря, а в Среднем Поволжье это около 40% захоронений, и отсутствие четких, присущих только определенной хронологической группе, признаков погребального обряда, приводит к тому, что значительная часть безынвентарных погребений попадает в поздний хронологический этап.

Ямные племена освоили степные просторы Заволжья, оставив после себя многочисленные курганы - надмогильные земляные насыпи. До этого, в эпоху энеолита, лишь отдельные поселения и погребения на берегах рек Самара и Сок свидетельствовали о расселении первобытных племен на территории Самарской области.

Ямные племена вели кочевой образ жизни, занимаясь прежде всего скотоводством. На это указывает полное отсутствие поселений ямной культуры. Этот факт засвидетельствован на территориях распространения ямной культуры от Урала до Днепра. Лишь на самом западе - в Нижнем Поднепровье, там, где ямные племена соседствовали с сельскохозяйственными культурами Балкано-Карпатского региона, встречены ямные поселения.

Передвигались ямные племена, видимо, по открытым степным пространствам, но хоронили своих умерших, как правило, недалеко от рек - на ровных участках первых надпойменных террас. Таких могильников, состоящих из большого количества курганов, немало расположено вдоль левого берега Волги от р.Большой Ирғиз до р.Ахтубы. Есть такие могильники и на территории Самарской области на берегах Волги и ее притоков - Самара, Сок, Чагра, Кутулук, М.Кинель, но они по количеству насыпей уступают нижеволжским. Однако встречаются и крупные могильники, например, у с.Покровка Нефтегорского района. В ряде случаев (Екатериновка, Микулино) курганные насыпи не зафиксированы, что можно считать исключением из правил, или особым характером данных грунтовых погребений.

Основная масса курганов - это средние по размеру и невысокие насыпи простой конструкции, содержащие, как правило, одно погребение ямной культуры, расположенное в центре подкурганного пространства или с небольшим смещением к югу. В ряде случаев зафиксированы остатки рвов вокруг курганов. Как правило, рвы имели вид кольца или полукольца у подножия насыпей.

Основными и единственным типом погребального сооружения для ямных памятников на территории Самарской области являлась могильная яма, вырытая в материке. Чаще всего они имели прямоугольную

форму со скругленными углами, реже подовальную или подквадратную форму. Конструкция погребальной камеры характеризуется преобладанием отвесных стенок и гораздо реже наблюдается заметное сужение стенок ко дну.

В Среднем Поволжье встречается редкий для ямных погребений других регионов обряд сожжения перекрытых могильных ям (Екатериновка I/8, Утевка III,4/1, Владимировка,3/1). Одним из основных элементов погребального обряда является положение погребенного. Основными позами можно считать положение погребенных на спине, скорченно, реже с завалом на правый бок, и на правом боку. Именно позиция погребенного на спине с завалом на правый бок преобладает среди погребений на Средней Волге и Приуралье, что придает им локальную специфику.

Кроме одиночных погребений, встречаются парные захоронения. Чаще всего в одном парном погребении лежат мужчина и женщина (Березняки I, 14/1) (рис.3,5), мужчина и ребенок (Николаевка III,3/1,2) (рис.8,2), причем мужчина, занимая доминирующее положение, лежит на спине скорченно, а сопровождающие слева, как бы за спиной, черепом и конечностями развернуты в сторону мужчины. В ряде случаев отмечается следующая закономерность в расположении рук — у мужчины одна или обе руки лежат на тазе, а у женщин, согнутые в локтях — на груди или даже на плечевых костях.

Доминирующей ориентировкой погребенных, отражающей определенную традицию ямного общества в выборе стороны света при погребении своих умерших соплеменников, являлась восточная (северо-восточная) ориентировка. Это направление зафиксировано в 90% ямных погребений Средней Волги. Полностью отсутствует юго-восточная ориентировка. Очень редко встречается северная ориентировка (Кашпир II,8/1, Екатериновка I/8) (рис.2,2). Растительные покрывала на погребенных и органические подстилки зафиксированы в большом количестве средневожских ямных погребений, также как подсыпка на дно могилы охры в виде порошка, и иногда в виде небольших комков. Следы огня внутри могил зафиксированы в ряде случаев, а в Кашпирском III могильнике отмечены случаи обожжения костей погребенных (2/2, 3/1).

Применение охры в окрашивании различных частей тела погребенного часто встречаемый элемент погребального обряда ямной культуры всего степного пояса, в том числе и средневожского региона. Обычай густо окрашивать умерших в равной степени был присущ как взрослым, так и детским погребениям.

Погребальный инвентарь.

Составной частью погребального обряда ямных племен являются немногочисленные вещи, сопровождавшие умерших. Как и в других районах распространения ямной культуры, на территории Самарской области часто встречаются погребения, лишенные погребального инвентаря. Таких в Среднем Поволжье 40%. В остальных погребениях инвентарь представлен хотя бы одной из категорий находок — металла, керамики, кости, кремневых и каменных орудий, украшений из различных материалов.

Все сосуды из ямных погребений изготовлены из глины способом ручной лепки. У большинства внешняя поверхность сглажена с помощью зубчатого штампа, щепы, травы или пальцами. Эти следы хорошо видны в виде борозд или расчесов. Следы такой же обработки нередко встречаются и на внутренней поверхности сосудов. Сосуды слабо обожжены, в большинстве случаев имеют коричневатый, реже темно-серый цвет. В качестве примеси очень часто использовалась толченая раковина. Вся керамика разделена по таким морфологическим признакам, как форма венчика и дна на три отдела (Турецкий М.А., 1988. С.80).

1. Бесшейные круглодонные сосуды, наиболее типичная ямная керамика, не встречается в Среднем Поволжье (исключение – маленький сосудик из Николаевки III, 3/1) (рис.17,5). Бесшейные сосуды с уплощенным дном достаточно часто встречаются в ямных погребениях Самарской области (Владимировка, 4/4, Березняки I, 14/1, с.2, Преполовенка I,2/1, Журавлиха I,1/16, Кряж I,4/1) (рис.14,8-12).

2. Сосуды с четко выделенной шейкой и круглым дном (Екатериновка V/1, Покровка I,15/2, Лопатино I,31/яма I, Лопатино II, 3/2) (рис.14,1,3-5).

3. Чашечки – сосуды небольших размеров с округлым дном и очень приземистой формы (Екатериновка II/3, Березняки I,14/1, с.1, Лопатино I, 31/1) (рис.17,6-8).

Орнамент покрывает или верхнюю половину или всю поверхность сосуда. Чаще всего используются элементы веревочного орнамента, мелкозубчатый штамп, гладкий штамп и различные вдавления. Из композиций наиболее часто встречаемые – висячие треугольники, параллельные линии, ряды отгисков штампа. На ряде сосудов орнамент отсутствует совсем.

Ведущей категорией погребального инвентаря являются орудия труда из меди, бронзы и биметаллические (медно-железные) предметы. Типологический стереотип, присущий всей ЦМП, выраженный в производстве обязательных типов изделий из металла (Черных Е.Н., 1978. С.61) нашел свое отражение и в материалах ямной культуры Самарского Поволжья.

Самой многочисленной группой являются ножи листовидной формы с длинными черешками и прямыми плечиками (рис.10). Все они изготовлены из меди МП и восходят к образцам майкопской культуры (Мунчаев Р.М., 1975. С.254. Рис.56).

Весьма многочисленны находки шильев. Встречаются экземпляры двух типов – без упора и с упором, квадратным в сечении. Оба типа имели широкое территориальное и хронологическое распространение (рис.9,5,6,9-14).

Уникальный “меч-скипетр” из погребения Кутулук I,4/1, вероятно, мог служить и как боевое орудие, и как ритуальное (рис.9,1). Его размеры (около 50,6 см в длину) и вес (1,5 кг) делают этот предмет самым массивным орудием эпохи раннего бронзового века всего волго-уральского региона.

К изделиям, изготовленным из кости и рога, относятся костяные рогаки (Лопатино II, 3/2, Покровка I, 17/1) (рис.13,12-14), гарпун (Екатериновка V/1) (рис.12,4), т.н. “флейта Пана” – набор из 7 ножных костей птиц и ожерелье из 12 костяных просверленных подвесок (Николаевка III, 3/1) (рис.12,3,8).

Немногочисленны находки кремневых орудий в ямных погребениях Самарского Заволжья. Выделяются два комплекса, где были обнаружены наборы кремневых предметов (Екатериновка II/3; Кряж I, 2/1) (рис.11, 6-15). В первом – это массивные скребловидные орудия, во втором – орудия на пластинах и отщепях.

Наконечники стрел из кремня встречены в четырех погребениях (Лопатино II,2/3, Лопатино I,31/1, Кряж III,1/2, Кряж I,2/1) (рис.11,14-19). Два наконечника треугольной вытянутой формы, два наконечника с выемкой в основании и один – листовидной формы.

Среди каменных предметов можно отметить пест из Владимировки, 1/6 (рис.11,3).

Приведенное описание характеризует классические погребальные комплексы культуры, именуемые в научной литературе последних лет, как “классические городцовские ямники”. И это вполне удачное определение, т.к. и погребальный обряд и сопровождающий инвентарь ямных погребений этого времени аналогичен по всей территории распространения ямной культурно – исторической области – от Урала и до Дуная. Курганы ямной культуры являются эталонными при характеристике раннего бронзового века степей Восточной Европы.

Следующий период – средний бронзовый век традиционно датируется последней четвертью III тысячелетия и до начала II тысячелетия до н.э. Но, в связи с получением в последние годы представительной серии радиоуглеродных дат, возможно удревнение данного периода до середины III тысячелетия до н.э. Важнейший признак эпохи средней бронзы для территории Восточной Европы – это влияние центральноевропейских культур, культур Кавказа и Закавказья. В результате этих внешних влияний появляются принципиально новые культурные образования. К таковым относятся культуры фатьяново – балановского облика в лесной зоне и культуры катакомбного круга степной и лесостепной полосы. На территории Самарского Поволжья в этот период появляется пласт памятников, который характеризуется монументальностью насыпей некоторых наиболее выдающихся курганов и сооружением внутримогильных конструкций в виде сложных сочетаний уступов, ступеней, канавок и столбовых ям у большинства погребений. Интерпретация именно этой группы погребений является предметом дискуссий, которые ведутся уже на протяжении нескольких десятилетий. Они особенно активизируются с появлением новой группы источников. Общее наименование дискуссионной темы звучит в литературе, как “полтавкинская проблематика”. Впервые эту к этой проблеме обратился саратовский археолог П.Д.Рау, ученик П.С.Рыкова (Рау Р., 1927; 1928; 1929). Он выделял три последовательных периода: ямную ступень, полтавкинскую и более позднюю группу памятников. Важно, что термин “культура” исследователь не использовал. Для П.Д.Рау были равнозначны и синхронны ступень полтавкинская и ступень катакомбная, известная в те годы по памятникам донецкого региона. Со временем стало очевидным, что катакомбные памятники занимают огромную территорию черноморско-каспийских степей. В некоторых регионах, например в Калмыкии, катакомбные захоро-

нения составляют большинство всех подкурганных погребений. Погребальные комплексы средней бронзы Поволжья составляют сравнительно небольшой процент от всех захоронений. Вместе с тем, погребальный обряд чрезвычайно разнообразен и не создает эффект монолитности. Именно эти два обстоятельства и заставляют периодически обращаться к интерпретации погребений среднего бронзового века. Наиболее убедительно выводы о существовании в среднем бронзовом веке самостоятельной полтавкинской культуры представлен в работах Н.К.Качаловой на основе анализа нижеволжских погребений (Качалова Н.К., 1962. С.35-36; 1967. С.19-21). Вместе с тем, следует отметить, что отличие полтавкинской культуры от срубной выглядит более рельефно, чем от ямной. Расширение географии исследований позволило установить и основной ареал распространения полтавкинских материалов, занимающий всю территорию Волго-Уральского междуречья. Достаточно обширная географическая зона распространения памятников средней бронзы в комплексе с территориальными особенностями полтавкинских памятников позволили И.Б.Васильеву и Н.К.Качаловой говорить о полтавкинской общности, имеющей четыре локальных варианта - культуры: нижеволжский, средневолжский, приуральский и прикаспийский (Васильев И.Б., 1979. С.48-49; Качалова Н.К., 1983). Данная терминология является своеобразным продолжением и развитием таксономических определений, применяемых Н.Я.Мерпертом (Мерперт Н.Я., 1974). Принципиально новым положением в работах авторов является интерпретация термина "общность", как менее обширного, чем понятие "область". Под культурой исследователи понимают локальную группу памятников в пределах конкретной природно - географической зоны. Выделение полтавкинской общности позволило рассматривать памятники эпохи средней бронзы региона как самостоятельную таксономическую единицу, сравнимую с катакомбной общностью (катакомбным кругом культур). Рассмотрение памятников эпохи средней бронзы в рамках полтавкинской КИО было продолжено в работах П.Ф.Кузнецова (Кузнецов П.Ф., 1989; 1991а). Автор показал взаимосочетание сложных конструкций погребений средней бронзы и плоскodonной посуды, полностью покрытой орнаментом. Анализ деталей погребального обряда позволил автору сделать вывод о единстве выделяемых обрядовых групп. Особенное значение уделено социальнозначимым особенностям обряда. Вероятно, излишняя детализация погребальных признаков не дали возможности автору раскрыть территориальные и хронологические особенности выделяемых групп. Проблема необычайно большого разнообразия погребального обряда оставалась открытой. Ранее была выделена группа погребений, которая характеризовалась Н.К.Качаловой и И.Б.Васильевым как позднеполтавкинская (Качалова Н.К., 1962. С.33; Васильев И.Б., 1979. С.47). Таким образом, для средней бронзы было намечено выделение, как минимум, двух этапов. Характеристикам развития эпохи посвящен ряд работ В.И.Мельника и М.А.Турецкого (Мельник В.И., 1985; Турецкий М.А., 1990. С. 56-57; 1992а. С. 64-73). Исследователи констатируют наличие двух групп - культур. В.И.Мельник именует их как "полтавкинская" и "катакомбная", М.А.Турецкий, соответ-

ственно - “позднеямная” и ”полтавкинская”(связанная своим происхождением с катакомбной). Парадоксальность ситуации заключается в том, что специалисты, исследовавшие более западные, собственно катакомбные памятники, выделяют самостоятельную группу погребений, аналогичную поволжской (Братченко С.Н., 1976. С.23; Смирнов А.М.,1996. С.87-98). Эти захоронения с “елочной” керамикой интерпретируются, как полтавкинское влияние. Таким образом, многие проблемы, связанные с интерпретацией памятников эпохи средней бронзы, требуют дальнейшего всестороннего анализа. В настоящее время достаточно обоснованно представляются следующие положения: 1) погребения со ступенями и уступами, с погребенными на боку хронологически более поздние, чем классические ямные захоронения; 2) в погребениях со ступенями появляется плоскодонная посуда; 3) существует определенная культурная преемственность эпох на территории Волго-Уралья; 4) ранний период эпохи средней бронзы возможно именовать как ямно – полтавкинский, или раннеполтавкинский. Интерпретация позднего периода представляется более проблематичной. Вероятно, он является свидетельством отражения сложных взаимосвязей полтавкинского, катакомбного и позднеямного населения более южных и юго-западных территорий.

Остановимся более подробно на характеристике групп погребений среднего бронзового века Самарского Поволжья.

Погребения обнаружены в следующих курганных могильниках: Абашево II, Аверьяновка I, Андреевка I, Владимировка, Грачевка I, Гвардейцы II, Давыдовка, Кряж I, II, Кашпир III, Калиновка I, Красносамарское I, II, III, Кутулук III, Лопатино I, Нижняя Орлянка I, Нур III, Покровка I, Преполовенка I, Сускан, Светлое Озеро, Тамбовка II, Утевка I, V, VI (рис.1).

Наиболее северные памятники известны по левобережью р. Сок - это погребения Калиновского I и Нижнеорлянского I могильников. Крайние южные памятники исследованы на реке Чагре - Владимировский курганный могильник и реке Большой Иргиз – Тамбовка II. Эта территория определена как пограничная между лесостепью и степью (Почвы СССР, 1979. С.47-49). Вместе с тем, она практически полностью охватывает западную часть Заволжской степной провинции обыкновенных и южных среднemosных черноземов, окаймляясь на юге зоной каштановых почв (Почвы Куйбышевской области, 1949; Почвы СССР, 1979. С.47-49. Рис. 5). Степные участки, чередуясь с листовыми и смешанными лесами, отличаются обильным разнотравьем. Специфическая особенность этой южной части Среднего Поволжья, в отличие от Нижнего Поволжья, заключается также в большом количестве притоков Волги (Сок, Самара, Б.Иргиз и другие). Их протяженность достигает 300-400 км (Природа Куйбышевской области, 1990. С.101).

Курганы располагаются, в основном, на первой надпойменной террасе, а также на участках высокой поймы. Насыпи полтавкинское времени сооружаются непосредственно на территории ямных курганных могильников. Яркий пример тому - Лопатинский I могильник, в составе которого сейчас насчитывается 39 курганов. Из них в 1985-1987 годах

было исследовано четыре кургана. Один курган датируется раннеямным временем, два кургана - эпохой средней бронзы, и один относится к срубному периоду. Причем расстояние между двумя крайними в могильнике полтавкинскими курганами составляет порядка 1,5 км.

Полтавкинские погребения в насыпях полтавкинских же курганов обнаружены дважды. Это погребение 2 кургана 1 Красносамарского I могильника и погребение 2 кургана 1 Утевского I могильника. Но ни в том, ни в другом случае нельзя утверждать о хронологически большом разрыве этих погребений с основными захоронениями курганов. Характерно, что последующие срубные погребения Среднего Поволжья также крайне редко впускались в полтавкинские насыпи. Срубные могильники, в отличие от ямных и полтавкинских, сооружаются на высоких террасах, сравнительно далеко от основного русла рек, и на водоразделах.

Основой классификации погребальных комплексов среднего бронзового века являются признаки, характеризующие особенности насыпи кургана и подкурганной площадки, внутримогильные сооружения, использование охры и мела, позу погребенного, ориентировки, специфику сопровождающего инвентаря.

Первая обрядовая группа погребений. Учтено 12 погребений, содержащих останки 14 погребенных. Только для этой группы характерным является наличие курганных насыпей большого объема — от 100 до 300 куб. м. Десять могильных ям имеют сравнительно крупные размеры за счет широких и глубоких уступов, доходящих иногда до половины высоты ямы. Уступы - ступени располагаются вдоль всех четырех, либо двух сторон ямы. Все могильные ямы имеют правильные прямоугольные контуры. Несколько необычна конфигурация и местоположение костяка 2 погребения 1 кургана 4 Утевского I могильника, помещенного в своеобразную яму, смыкающуюся с основной могильной ямой. Могильные ямы ориентированы по линии восток - запад, либо северо-восток — юго-запад. Характерной особенностью погребений этой группы является конструкция могильной ямы, свидетельствующая о наличии сложных внутримогильных сооружений. В связи с их изготовлением была существенно видоизменена конфигурация простой могильной ямы. Зафиксированы ступени или уступы у 6 могильных ям из 12. Погребение 1 кургана 2 Утевского I могильника (рис.7,3) и погребение 4 кургана 4 Владимировского могильника (рис.6,2) имели на дне ям вдоль длинных стенок канавки шириной до 13 см глубиной до 5-6 см. В семи погребениях по углам и вдоль стенок могильной ямы расчищены ямки с коническим дном, имеющие диаметр от 5 до 25 см и глубиной до 65 см. Наиболее крупные ямки находились по углам могильных ям, а также в середине длинных сторон. В ямках крепились колышки и столбы, придерживающие органические обкладки стенок могильной ямы. В сочетании с деревянным перекрытием они составляют единый комплекс внутреннего оформления могильной ямы. В пяти погребениях обнаружены следы деревянного перекрытия могильной ямы, либо они перекрывались кожей. Имеются и углистые прослойки, которые сохранились в заполнении

ямы. (Утевка 1,1/1,2/1,3/1,4/1, Красносамарское 1,1/4, Светлое Озеро, 1/1,2/3, Владимировка,4/4).

Одним из основных признаков внутримогильного оформления погребений первой обрядовой группы является подсыпка охры на дне могильной ямы в виде отдельных пятен, либо равномерно покрывающей все дно могильной ямы. Все погребения имели посыпку дна ямы охрой.

Весьма своеобразно применение огня. Следы огня зафиксированы в 7 погребениях. Применение огня здесь строго однозначно, т.к. его следы зафиксированы в могильной яме в виде сгоревших и обожженных органических прослоек, обнаруженных в заполнении могильной ямы; обожженные деревянные внутримогильные конструкции, а также обкладки вдоль стенок могильной ямы. При этом следов явного сожжения, либо сильного обожжения тела погребенного, оставляющего следы на костяке, не зафиксировано. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что сожжению подвергалась конструкция внутримогильной ямы. Характерным является то, что непосредственно на следах сгоревшей конструкции обнаружены прослойки песка и глины, а выше - гумусное заполнение всей ямы.

Примерно половина погребенных ориентирована головой на северо-восток, другая - на восток.

Основное положение погребенных - на спине с согнутыми вправо ногами (46%), либо на правом боку (31%). Довольно часто лицевая часть черепа погребенных на спине также развернута вправо. Разворота погребенных влево не зафиксировано. Руки либо вытянуты вдоль тела и лежат у таза, либо одна вытянута, другая уложена на тазовых костях.

Все погребенные окрашены охрой. Зафиксирована различная интенсивность окраски - от полностью окрашенных и до частично окрашенных. Но здесь необходимо отметить, что степень интенсивности окраски погребенного является слишком субъективным признаком, т.к. достаточно четких критериев в настоящее время не разработано.

Характерным признаком погребений первой группы является наличие большого количества разнообразного инвентаря. Большая часть сопровождающего погребального инвентаря обнаружена у ног (30%) и рук (23%). Лишь 15% всего инвентаря было у головы погребенного. Наиболее представительные коллекции находок получены в результате исследования курганов 1 и 2 Утевского I могильника. В погребении 1 кургана 1 (рис.7,1) обнаружены разнообразные металлические изделия: топор, черенковый нож, шило, тесло, уникальные золотые подвески, каменный жезл-пест усеченно-конической формы, сосуд с уступом и зауженным горлом (рис. 9,2,3,8,10; 10,2; 13,1,2; 15,1) Особенно необходимо отметить находение в комплексе стержневидного медного орудия совместно с железным, сильно окисленным предметом подквадратной формы, прикипевшим к одному из концов. Очевидно, в данный период на территории Среднего Поволжья и Приуралья уже умели обрабатывать железо. В основном погребении кургана 2 Утевского I могильника (рис.7,3) обнаружены черенковый нож, шило, штыковидное изделие, спиральные пронизки, каменный жезл-пест подпрямоугольной формы, плоские и грушевидные

бусы из камня, уникальное пастовое изделие в виде “лягушки”, изделие из камня вытянутой формы, набор инвентаря из подъязычной кости лошади, сосуды с уступом и зауженным горлом (рис.9,4,11; 10,4; 11,4; 12,2,7; 13,5-11; 16,4).

Несколько необычный характер имеет инвентарь погребения 4 кургана 1 Красносамарского I могильника - крупный каменный жезл- пест (рис.11,1), сердцевидная глиняная лепешка, и необычное изделие из кожи с медными гвоздиками. Своеобразие Красносамарских погребений, в отличии от Утевских, заключается в чрезвычайно усложненном способе оформления погребальной камеры при общей обедненности дошедшего до нас инвентаря. Прочие погребения имели стандартный инвентарь: сосуды баночной и горшковидной формы, кремневый наконечник стрелы.

Погребения трех крупных курганов были ограблены в древности – курганы 3, 4 Утевского I могильника, курган 1 Лопатинского I могильника. На бедренной кости погребенного из последнего кургана сохранилось пятно зеленого окисла меди длиной до 50 см, что свидетельствует о наличии в этом погребении богатого инвентаря.

Вторая обрядовая группа погребений. Учтено 16 погребений, из них погребение 1 из кургана 1 Красносамарского III могильника было парным (рис.6,4). Все погребения второй обрядовой группы были основными под небольшими насыпями, имеющими максимальный объем до 65 куб.м земли. Половина всех основных погребений имела кольцевой ровик в материке под насыпью кургана.

Большинство погребенных помещены в могильные ямы правильной подпрямоугольной формы средних и мелких размеров, причем погребения средних размеров явно преобладают - соответственно 53% и 35%. Большинство могильных ям (13 из 16) ориентировано по линии СВ-ЮЗ. Лишь в 15 погребениях обнаружены ступени и в 5 погребениях - столбовые ямки. Сочетание этих двух признаков зафиксировано только в двух погребениях – погребение 1 кургана 1 Давыдовского могильника и погребение 1 кургана 1 Кашпирского III могильника. Столбовые ямки сооружались только по углам могильной ямы и в середине длинных сторон ямы (погребения Сусканского могильника). Уникальным является нахождение столбовых ям не в самом погребении, а вокруг него - в Кашпирском III могильнике.

Широкий спектр признаков характеризует внутреннее оформление ямы. Преобладающим является подсыпка дна могильной ямы охрой - 66%. Посыпка порошком охры сочеталась с положением в яму ее кусочков. Меловая подсыпка или наличие кусочков мела не зафиксировано. Несколько реже стенки могильных ям обкладывались корой, травой, либо камышом (14%). Также сравнительно редко следы деревянного перекрытия ямы и покрывала над погребенным - 39% и 17%. Напротив, следы органической подстилки зафиксированы в 11 погребениях, что составляет 61%. Десять из шестнадцати погребений имеют сочетание органической подстилки и подсыпки охрой.

Таким образом, наличие подстилки и подсыпки охры в погребении являются основными определяющими признаками для погребений вто-

рой группы в сочетании с определяющими признаками, характеризующими степень окрашенности погребенного, наличие и местоположение инвентаря.

Только погребение 1 кургана 5 Утевского III могильника не имело следов оформления могильной ямы, хотя и содержало обильную прослойку охры на дне. Напротив, погребение 1 кургана 2 Сусканского могильника и погребение 1 кургана 1 Красносамарского III могильника не имели следов охры в могильной яме, но здесь зафиксированы сложные внутримогильные конструкции из дерева и прослоек коры, как по дну и стенкам могильной ямы, так и в заполнении ее. Два погребения - погребение 1 кургана 3 Красносамарского I могильника (рис.8,3) и погребение 1 кургана 2 Кряжского I могильника (рис.5,3) не содержали следов внутримогильных сооружений. Тем не менее, погребение из Красносамарского было совершено в довольно крупной могильной яме, и собственно костяк погребенного был довольно интенсивно покрыт охрой. Кряжское погребение также совершено в достаточно большой яме, в заполнении которой обнаружены угли и зола. Это свидетельствует о сожжении внутримогильной конструкции. Следы воздействия огня обнаружены на накатнике погребения 1 кургана 1 Кашпирского III могильника и на лопатках, и коленях погребенного.

Преобладающая поза погребенных - скорченно на спине (50%). Но зафиксировано как положение на правом (17%), так и на левом боку (11%). В целом из 10 погребений, у которых зафиксирована первоначальная поза, шесть положены на спину, три - на бок. В парном погребении 1 кургана 1 Красносамарского III могильника костяк 1 лежал на спине, а костяк 2 был развернут лицевой частью к первому и лежал на правом боку.

Все погребенные ориентированы головой в пределах северо-восточного сектора. Положение рук неустойчиво. Различна и степень окрашенности охрой. Но здесь, в отличие от погребений первой группы, довольно большое число - 50% частично окрашенных тонким слоем охры. Не окрашен костяк из погребения 1, кургана 9 Преполовенского I могильника, хотя и имел следы охры на дне могильной ямы, а также остатки подстилки и древесный тлен.

Довольно разнообразный, хотя и менее представительный в сравнении с первой обрядовой группой, погребальный инвентарь обнаружен лежащим у головы (33%), у рук (11%) и у ног (22%). В погребениях первой группы инвентарь, напротив, лежал, в основном, у ног погребенных.

Наиболее представительными по набору изделий являются погребение 1 кургана 1 Кашпирского III могильника и погребение 1 кургана 9 из Преполовенского I могильника. Здесь имеется богатый набор металлического инвентаря: ножи, подпрямоугольные в сечении шилья, остатки медной обкладки в кашпирском погребении (рис.9,9,12,13; 10,11; 10,9,10).

Остальной инвентарь представлен различными типами горшковидных форм сосудов, обнаруженных в погребении 2 кургана 2 Давыдовского могильника (рис.20,2), погребении 2 кургана 4 Красносамарского I могильника (рис.20,1) погребении 4 кургана 1 Кряжского III могильника

(рис.19,4). У черепа костяка 1 в погребении 1 кургана 1 Красносамарского III могильника обнаружено костяное кольцо (рис.12,8).

Третья обрядовая группа. Все погребения совершены под небольшими насыпями. Характерно, что под всеми насыпями обнаружены кольцевые ровики.

Могильные ямы небольшие, имеют подпрямоугольную форму. Внутримогильные сооружения не зафиксированы. Строгой закономерности ориентировок ям не наблюдается. Отсутствуют только погребения, ориентированные по линии ЮВ - СЗ.

Признаки, характеризующие сложное оформление могилы отсутствуют. В четырех погребениях присутствует частичная посыпка охры дна могильной ямы около погребенного. Эти следы позволяют предполагать, что погребенного посыпали порошком охры или растирали кусочками непосредственно в могильной яме. Такие кусочки обнаружены в погребение 2 кургана 3 Кряжского I могильника. Примерно равным числом представлена поза погребенных. Пять костяков лежало скорченно на спине и четыре - на боку.

Ориентировка погребенных - либо на северо-восток, либо, в отличие от погребений второй группы, на восток. Руки погребенных или согнуты, кисти находятся у таза, или одна согнута, а другая выпянута.

Все погребенные окрашены охрой. Интенсивность окраски этих погребений менее выражена, чем у погребений первой и второй групп. Число окрашенных погребенных преобладает - всего семь погребенных.

Инвентарь погребений третьей группы, также и у погребений второй, расположен у черепа, у рук и у ног. Вместе с тем, помещение инвентаря у головы погребенного преобладает - соответственно 45% - в первой группе, 11% - во второй, 22% - в третьей.

В трех погребениях обнаружены кости животных - погребение 5 кургана 2 Абашевского II могильника, погребение 5 кургана 1 Калиновского I могильника и погребение 1 кургана 1 могильника Светлое Озеро.

Сопровождающий инвентарь погребений представлен керамикой. Обнаружены сосуды двух типов: горшковидные, представленные формами с отогнутым венчиком, выделенной шейкой и ребром-уступом и сосуды баночной формы. Прочий инвентарь в погребениях третьей группы, содержащих керамику, отсутствовал.

Четвертая обрядовая группа. К этой обрядовой группе относятся четыре погребения. Все они не являются основными в курганах. Погребение 4 кургана 2 Абашевского II могильника и погребение 2 кургана 3 Красносамарского I могильника были в кургане, где основные погребения принадлежат второй обрядовой группе. Погребения 1 и 3 кургана 1 Кряжского III могильника обнаружены под полой большой насыпи погребения первой группы.

Все могильные ямы погребений четвертой группы мелкие, слабо углубленные в материк, имеют подпрямоугольную, либо овальную форму. Ориентировка могильных ям, также как и ориентировка погребенных, неустойчива и колеблется в пределах север - юго-восток. Никаких внутримогильных сооружений не зафиксировано. Отсутствуют и ярко выраженные признаки

оформления могильной ямы. Лишь в погребении 3 кургана 3 Кряжского III могильника в заполнении могильной ямы обнаружены следы дерева.

Поza погребенного фиксируется по трем костякам. Все они лежали на правом боку. У двух погребенных зафиксировано согнутое в локтях положение рук. Необходимо отметить, что погребения Абашево II,2/4 и Красносамарское I,3/2 являются захоронениями подростков. Следов охры ни в могильной яме, ни на костях погребений не зафиксировано.

В состав погребального инвентаря погребений входили сосуды, которые обнаружены как у черепа, так и у рук, и у ног погребенных. В погребении 1 кургана 1 Кряжского III могильника у черепа погребенного обнаружен каменный предмет подпрямоугольной формы.

Сосуд из погребения 4 кургана 2 Абашевского II могильника имеет отогнутый наружу венчик, выделенную шейку и своеобразную ребристую поверхность, образованную в результате глубоких отпечатков зубчатого штампа (рис.17, 2). Кроме того, здесь обнаружена оковка от несохранившегося деревянного сосуда.

В погребении 2 кургана 3 Красносамарского I могильника обнаружен лишь фрагмент нижней части плоскодонного сосуда. Баночный сосуд вытянутых пропорций обнаружен в погребении 3 кургана 1 Кряжского III могильника (рис.19,6).

Пятая обрядовая группа. Погребения в подбоях. Четыре погребения отнесены к этой группе: погребение 1 кургана 1 и погребение 1 кургана 5 Кряжского I могильника, погребение 2 кургана 2 Тамбовского II могильника (рис.7,4) и погребение 1 кургана 2 могильника Утевка V. Это основные погребения в курганах. Насыпи небольших размеров диаметром от 13,7 до 20 м и высотой до 0,5 м. Под насыпями Кряжских и Тамбовского курганов зафиксированы кольцевые ровики. Входные ямы погребений имели небольшие размеры и овальную форму. Вдоль северной или северо-восточной стенок ямы устроен подбой. В соответствии с принятой классификацией, подбой является наиболее простой формой катакомбы. Подбой не имеет дромоса, он устроен вдоль длинной стенки ямы. Вдоль противоположной стенки может находиться небольшая ступенька.

Положение погребенных - скорченно на левом боку, Тамбовское захоронение совершено на правом боку. Ориентировка погребенных восточная и северо-восточная. Под костяком из кургана 1 погребение 1 Кряжского I могильника обнаружены следы органики. Положение рук идентично - одна вытянута вдоль тела, другая согнута в локте. Во всех захоронениях обнаружены кости животных.

Погребения в подбоях, в основном, имеют общие признаки с аналогичными погребениями Нижнего Поволжья. Исключением здесь может являться только северная и северо-восточная ориентировка погребенных, которая была широко распространена в эпоху бронзы на территории лесостепного Поволжья.

Некоторые подкурганские захоронения, имеющие отдельные признаки комплексов первой половины бронзового века, отнесены к разряду внегрупповых погребений. Это два погребения Андреевского I могильника, погребение 1 кургана 2 Абашевского II могильника и погребение

ние 2 кургана 1 Красносамарского I могильника. Погребение из Абашевского II могильника обнаружено в насыпи непосредственно над погребением 2, которое относится ко второй обрядовой группе. Впускное погребение плохой сохранности. Судя по положению костей скелета, он был ориентирован на восток. Вероятно, ноги погребенного первоначально были сильно скорчены. На костях фиксируются следы охры. В районе черепа обнаружен нож, имеющий сточенное лезвие, перехват, раскованную и уплощенную пятку черенка. Верхняя часть сосуда, обнаруженная здесь же, в наибольшей степени соотносится с горшковидными формами, имеющими зауженное горло, выделенную шейку и округлое тулово. Погребение 2 кургана 1 Красносамарского I могильника также было совершено в центральной части насыпи над основным погребением 4. Костяк плохой сохранности, лежащий на правом боку, также был сильно скорчен и, по-видимому, связан. Костяк не окрашен, но комки яркой охры найдены на щиколотках. На ступенях лежало четырехгранное шило с деревянной рукоятью (рис. 9,5) и костяное орудие непонятного назначения. Очевидно, что данное погребение, имея столь необычные обрядовые признаки, не может быть однозначно отнесено к какой-либо группе. При этом определенно фиксируется общее сходство двух описанных погребений. Каким образом возможно интерпретировать описанные погребения? Наиболее вероятны здесь две основные гипотезы: 1) данные захоронения непосредственно связаны с основными погребениями и совершены во время сооружения насыпи; 2) погребения впущены в курганы по прошествии какого-то времени, когда чисто гумусная насыпь естественным образом достаточно уплотнилась. В данный момент, при отсутствии четких стратиграфических наблюдений, мы можем использовать сравнительно неустойчивую базу косвенных данных. Основываясь на них, наиболее убедительной представляется вторая гипотеза. Об этом свидетельствует тот факт, что погребения сооружены, практически, в самых центрах курганов, определить который до завершения насыпи и до воздействия на нее природно-климатических факторов вряд ли возможно. Напротив, если допустить, что эти погребения являются сопровождающими при основных, то тогда становится не вполне ясным, почему они имеют наиболее ценный сопровождающий инвентарь - металлические изделия. Тем более нам известны два сопровождающих погребения из Утевского I могильника - ребенка и взрослого (курган 1 и курган 3), которые были безынвентарны. Соотношение центрального расположения в кургане и наличие металлического инвентаря в наибольшей степени соответствует второй гипотезе. Характерно, в этой связи, что погребения, совершенные в поле насыпи кургана 2 Абашевского II могильника, металлических изделий (за исключением скобки) не имели и глубина относительно нулевой точки была меньше, чем погребения 1 (погребение 1 - 0,92 м, погребение 3 - 0,75 м, погребение 4 - 0,25 м, погребение 5 - 0,7 м).

В результате проделанной работы выделено пять обрядовых групп эпохи среднего бронзового века и выявлена серия внегрупповых погре-

бений, которые в процессе дальнейшего накопления материала или будут отнесены к какой-либо из групп, или образуют самостоятельные.

Наиболее ярко выраженными как по сложности погребенного обряда, так и по разнообразности погребального инвентаря являются погребения первой обрядовой группы. Здесь широко представлено не только усложненное внутримогильное устройство, но и оформление подкурганной площадки, создание монументальной насыпи. Именно для этой группы большое значение приобретает организация подкурганной площадки - окружение погребения ровиками, вырытыми в материке, кольцами из глины и золы, или оградками.

Специфической особенностью погребений первой и второй групп является сооружение внутримогильных конструкций. Наиболее распространенным признаком сооружений, усложняющим конфигурацию ямы, является создание уступов и ступенек в могильной яме. И.Б.Васильевым приведена довольно подробная сводка памятников из Предкавказья и Кавказа, в которых зафиксированы аналогичные признаки (Васильев И.Б., 1979. С.41). Это памятники позднего этапа предкавказского варианта ямной общности, существующего в катакомбное время (Мерперт Н.Я., 1968), а также памятники северокавказской культуры (Нечитайло А.Л., 1978). Последние в своем оформлении имеют также кольцевые ровики и каменные пояса. К другим конструктивным деталям погребальной камеры относятся деревянные растительные перекрытия, а также внутримогильные конструкции из вертикально стоящих столбов (колье) и обкладки стенок циновками из коры, бересты или камыша. Деревянные перекрытия встречаются в виде толстых плах, лежащих единым накатником, отдельных горбылей и жердей, а также в виде кусков дерева, встречающихся в заполнении могильных ям. В подавляющем большинстве случаев фиксируется поперечное расположение накатников, которые своими концами заходят за края погребальной камеры. Растительные перекрытия в виде коры, бересты или камыша встречаются очень редко в качестве конструктивной детали погребальных сооружений.

Инвентарь этих погребений также позволяет усматривать определенное кавказское влияние. Это прежде всего топоры второй и третьей майкопской группы (Кореневский С.Н., 1977. С.18), золотые височные кольца, близкие украшениям из Новосвободной, Нальчика, Бамута (Попова Т.Б., 1963. Табл. II; Мунчаев Р.М., 1975. С.280, 304, 250, 251). Аналогичны позднемайкопским и северо-кавказским граненые бусы из сердолика и из меди, серебряные и медные спирали. Вполне закономерным представляется вывод о роли культур Кавказа в становлении бронзового века восточноевропейских степей. Все металлические изделия являются продукцией местного очага металлургии, а наиболее яркая находка из погребений этой группы – топор из погребения Утевка I, 1/1(рис. 9,2), является позднемайкопской модификацией. Он имеет ряд специфических особенностей, которые повторяются только у топора из Труевской Мазы и у топоров из погребений Оренбуржья (Шиллов В.П., 1975. С.104; Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. С.67). Очевидно, это специфическая категория изделий местного очага металлопроизводства.

Таким образом, майкопское влияние представляется опосредованным, произошедшим в более раннее время, за которое произошла модификация форм изделий, обнаруженных в Утевских курганах.

Напротив, распространение обряда с использованием сложных внутримогильных и подкурганых конструкций, характерных для эпохи средней бронзы Предкавказья, в сочетании с распространением на всей территории Восточной Европы скорченных на боку погребений, позволяет синхронизировать полтавкинские памятники с северо-кавказскими и позднейшими предкавказского варианта ямной общности.

Погребения второй и третьей обрядовых групп характеризуются последовательным уменьшением числа признаков, описывающих внутреннее устройство могильной ямы и ее оформление, а также меньшим количеством сопровождающего инвентаря. Лишь три погребения второй группы (погребение 1 кургана 9 Преполовеновского I могильника, погребение 1 кургана 1 Кашпирского III могильника и погребение 2 кургана 1 Кугулукского III могильника) имели ножи и шилья (рис. 9,7,9,12,13; 10,8,9). Прочий инвентарь - керамика. Это сосуды со слабо выделенной шейкой, уплощенным дном и выпянутыми пропорциями (Светлое Озеро, 3/1, Утевка I,1/1, Гвардейцы II, 1/6) (рис.15,1,3,4). Керамика украшена рядным размещением зубчатого штампа.

Большой интерес представляет серия горшковидных сосудов, украшенных рядами “шагающей” гребенки (рис. 15; 16,3,4; 17,3,4; 18; 19,1-4; 20). Всего в настоящее время известно около 30 полтавкинских сосудов. Из них девять орнаментировано горизонтальными и вертикальными отпечатками зубчатого штампа в виде “шагающей” гребенки, что составляет примерно 30% от всей керамики средневожжской полтавкинской культуры. Причиной появления этого орнамента, а также некоторых других характерных орнаментальных мотивов и композиций (заполнение всей внешней поверхности вертикальным зигзагом из зубчатого штампа, горизонтальной елочкой и др.) является отражением взаимодействия носителей курганых культур с племенами северных и северо-восточных районов Поволжья и Приуралья, где известны близкие орнаментальные композиции на волосовских и гаринских памятниках. Мотив шагающей гребенки наибольшее распространение получил на гаринской керамике (Бадер О.Н., 1961а; 1961б), тогда как на волосовской этот орнамент встречается гораздо реже (Халиков А.Х., 1969. С.127; Никитин В.В., 1978. С.21-63). В волосовской культуре находят аналогии такие мотивы, как вертикальный зигзаг из чередующихся длинных и коротких отпечатков зубчатого штампа, елочка, ряды насечек. В последнее время в лесостепном Поволжье выявлена группа материалов, которая, имея в целом наибольшее сходство с северными культурами волосовского и гаринско-борского круга, содержит и некоторые отличия и от той, и от другой, что со временем, видимо, позволит говорить об особой, юго-восточной группе памятников волосовско-турбинской культурной области. Взаимодействие позднейших - раннеполтавкинских племен с населением волосовско-гаринского типа в южных районах лесостепного Поволжья и Приуралья и привело к появлению в средневожжской полтавкинской культуре этих своеобразных орнаментов. Сле-

дует отметить, что в глубинных районах лесостепного и на юге лесного Поволжья выделяется группа памятников, в керамическом комплексе которых наблюдаются черты, характерные для керамики северной группы полтавкинских и вольско-лбищенских племен. При этом если влияние на степные скотоводческие культуры лесных и лесостепных племен прослеживается фактически только по отдельным орнаментальным композициям, то воздействие южных племен на северные, видимо, было гораздо более активным и выразилось в появлении новых культурных комплексов, как поселенческих, так и погребальных. Об этом свидетельствуют керамические коллекции таких памятников, как Галанкина Гора и часть материалов, объединяемых в рамках чирковского – сейминского культурного объединения. Вполне закономерно предположение, что в эпоху средней бронзы происходит продвижение групп южного лесостепного населения на север.

Таким образом, погребения первой, второй и третьей обрядовых групп отражают специфику раннего этапа среднего бронзового века на территории Самарского Поволжья. Здесь отчетливо фиксируется преемственность признаков обряда с предшествующим – классическим ямным этапом эпохи ранней бронзы.

Серия погребений, относящихся, в основном к четвертой и пятой обрядовым группам, обнаруженные в Абашевском, Покровском, Тамбовском, Красносамарском, Гвардейском могильниках имеют целый ряд признаков, сближающих их с погребениями Нижнего Поволжья. В этот период фиксируется целый ряд неизвестных ранее признаков. Весьма необычным для Среднего Поволжья является и обряд погребений в подбоях, относимых Н.К.Качаловой к группе позднеполтавкинских нижеволжских памятников (Качалова Н.К., 1962. С.44). Существенным признаком для нижеволжских памятников является преобладающее положение погребенных на левом боку, с руками перед лицом, или вытянутыми к коленям. Сочетание этих признаков характерно для погребений третьей и четвертой обрядовых групп.

Анализ сопровождающего инвентаря также свидетельствует, на наш взгляд, о большой типологической близости культурных признаков нижеволжских и средневолжских погребений (по классификации Н.К.Качаловой). Так на полтавкинских сосудах Среднего Поволжья в поздний период появляются орнаментальные композиции, выполненные отпечатками шнура. В Нижнем Поволжье известны сосуды, полностью аналогичные средневолжским по форме и орнаментальным композициям. Это сосуд из погребения 3 кургана 2 Покровского (г.Энгельс) могильника и керамика из погребения 16 кургана Е 25 могильника у с. Старая Полтавка. Сосуды имеют округлое тулово, орнаментированы горизонтальными рядами и зигзагом, нанесенными отпечатками шнура. Они полностью аналогичны сосуду из погребения 1 кургана 2 Абашевского II могильника. Сосуд из погребения 9 кургана 5 Бережновского могильника также по форме и орнаменту аналогичен сосуду из погребения 4 кургана 2 Абашевского могильника.

Таким образом, сочетание всех перечисленных признаков, на наш взгляд, свидетельствует о проникновении группы нижеволжского степного населения на территорию Среднего Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А.*, 1973. Отчет о раскопках Утевского III курганного могильника в Нефтегорском районе Куйбышевской области в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 5145.
- Агапов С.А., Васильев И.Б.*, 1975. Покровский курганный могильник / Наш край. Вып. II. Куйбышев.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.*, 1990. Хвалынский энеолитический могильник. Саратов.
- Андреева М.В.*, 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1.
- Археология Украинской ССР, 1985. Т.1. Киев.
- Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г.*, 1987. I курганная группа у с.Преполовенка // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев.
- Бадер О.Н.*, 1961а. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье / МИА. 99.
- Бадер О.Н.*, 1961б. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. Вып.2. М
- Барынкин П.П.*, 1986. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Барынкин П.П.*, 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Барынкин П.П., Васильев И.Б., Выборнов А.А.*, 1998. Стоянка Кызыл-Хак II – памятник эпохи ранней бронзы Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.*, 1991. Некоторые результаты исследований II Большераковской стоянки // Древности Восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Белецкий В.Д.*, 1962. Археологические разведки на Нижней Волге // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XXIII.
- Богданов С.В.*, 1999. Древнейшие курганные культуры степного Приуралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа.
- Братченко С.Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Васильев И.Б.*, 1975. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1978. Южные районы лесостепного Поволжья в волосовское время // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.

Васильев И.Б., 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1979б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. канд. ист. наук. М.

Васильев И.Б., 1980. Могильник ямно-полтавкинского времени у с.Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.

Васильев И.Б., 1980а. Энеолит лесостепного Поволжья // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург.

Васильев И.Б., 1980б. Энеолит лесостепного Поволжья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1981. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев.

Васильев И.Б., 1990. Северный Прикаспий в эпоху мезолита, неолита и энеолита // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С., Моргунова Н.Л., Пенин Г.Г., 1980. Вилатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С., 1982. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1988. Полтавкинские могильники у с.Красносамарское в лесостепном Заволжье // Исследование памятников археологии Восточной Европы. Воронеж.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., 1989. Исследования курганов на реке Чагра в Заволжье // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1976. Исследования в бассейне р.Самары и на Самарской Луке // АО 1975 года. М.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1979. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА. 3.

Васильев И.Б., Непочатых В.А., 1977. Новая стоянка в Хвалынском районе Самарской области // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев.

Васильев И.Б., Пенин Г.Г., 1977. Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.

Васильев И.Б., Ситюк А.Т., 1985. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев.

Выборнов А.А., 1980. Шигоны II – новый памятник волосовского типа в Куйбышевской области // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург.

- Галибин В.А.*, 1991. Особенности состава находок из цветного и благородного металла из памятников Северного Кавказа эпохи ранней и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.
- Гей А.Н.*, 1985. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Гольмстен В.В.*, 1923. Дневник 1923 года // Архив ИИМК РАН. Фонд 44, дело 3.
- Гольмстен В.В.*, 1926. Отчет об археологической экспедиции 1926 г. // Архив ИИМК РАН. 210.
- Гольмстен В.В.*, 1931. Погребение из Криволучья // Сообщения ГА-ИМК. 6.
- Городицов В.А.*, 1905а. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Труды XII Археологического съезда. М.
- Городицов В.А.*, 1905б. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XII Археологического съезда. М.
- Даниленко В.Н.*, 1974. Энеолит Украины. Киев.
- Демкин В.А.*, 1993. Почвы сухих и пустынных степей Восточной Европы в древности и средневековье: Автореф. дис. ... докт. геогр. наук. М.
- Демкин В.А.*, 1997. Палеопочвоведение и археология. Пушкино.
- Деревягин Ю.В., Третьяков В.П.*, 1974. Неолитическое поселение у с.Алтата в Саратовской области // СА. 4.
- Дремов И.И., Юдин А.И.*, 1992. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // РА. 4.
- Зудина В.Н., Кузьмина О.В.*, 1999. Давыдовский курганный могильник // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Зудина В.Н., Крамарев А.И.*, 1993. Могильник эпохи бронзы у с.Екатериновка // Археологические исследования в Поволжье. Самара.
- Иванов В.А., Пестрикова В.И.*, 1982. Новый памятник ямной культуры в Куйбышевском Заволжье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Иванов И.В.*, 1978. Почвоведение и археология // Почвоведение. 10.
- Иванов И.В.*, 1989. Эволюция почв степной зоны как индикатор изменения климатических условий в голоцене // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. М.
- Иванов И.В.*, 1992. Эволюция почв степной зоны в голоцене. М.
- Иванов И.В.*, 1996. Бронзовый век евразийских степей. Его место в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена и в историческом процессе // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Иванов И.В., Лисецкий Ф.Н.*, 1994. Связь ритмов почвообразования с периодичностью солнечной активности за последние 5 тысяч лет // ДАН. Т.334. 2.
- Качалова Н.К.*, 1962. К вопросу о памятниках полтавкинского типа // АСГЭ. Вып.5.

- Качалова Н.К.*, 1967. О выделении полтавкинской культуры // КСИА. Вып.112.
- Качалова Н.К.*, 1983. О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // АСГЭ. Вып.24.
- Кияшко В.Я.*, 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита – ранней бронзы: Дис. канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. 2143.
- Кияшко В.Я.*, 1989. Рогатые амулеты раннего бронзового века // Известия Ростовского областного музея краеведения. Ростов-на-Дону.
- Ковалева И.Ф.*, 1984. Север степного Поднепровья в энеолите – бронзовом веке. Днепропетровск.
- Корневский С.Н.*, 1977. О древнем металле бассейна р.Самары // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев.
- Корневский С.Н.*, 1980. О металлических вещах I Утевского могильника // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- Корневский С.Н.*, 1984. Новые данные по металлообработке докобанского периода Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т.1. Нальчик.
- Корневский С.Н.*, 1993. Радиоуглеродные даты майкопских (галюгаевских) поселений // Вторая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. Краснодар.
- Кравцов А.Ю.*, 1990. Древнеямные погребения в ямах с заплечиками в Приуралье // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Крамарев А.И.*, 1996. Отчет о раскопках II Гвардейского курганного могильника в Борском районе Самарской области в 1996 году // Архив арх.лаб. СамГУ.
- Кузнецов П.Ф.*, 1986. Отчет о раскопках в Красноярском и Нефтегорском районах Куйбышевской области в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 11424.
- Кузнецов П.Ф.*, 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск-Куйбышев.
- Кузнецов П.Ф.*, 1991. Уникальное погребение эпохи ранней бронзы на р.Кутулук // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Кузнецов П.Ф.*, 1991а. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья: Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996а. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996б. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып.1. СПб.
- Кузнецов П.Ф.*, 1997. П.Д.Рау и современное состояние изучения памятников ранней – средней бронзы Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Кузнецов П.Ф.*, 1998. Отчет об охранно-спасательных раскопках курганного могильника Журавлиха I в Большеглушицком районе Самарской области в 1998 году // Архив ИА РАН.

- Кузьмина О.В., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1999. Раскопки III Кутулукского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Макаренко М.О., 1933. Маріюпільський могильник. Київ.
- Малов Н.М., 1982. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977-1978 гг.) // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Малов Н.М., 1985. Отчет о раскопках селища Смеловка I и Хлопковского городища в Саратовском Поволжье в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 10501.
- Мамонтов В.И., 1970. Отчет о работе Приволжского археологического отряда ЛОИА АИ СССР и Волгоградского музея краеведения в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 4205а.
- Мамонтов В.И., 1986. Племена эпохи бронзы степной части Волго-Донского междуречья: Дис. канд. ист. наук. Л. // Архив ИИМК РАН. СПб.
- Матвеева Г.И., 1983. Отчет о раскопках Кряжских курганных могильников в Безенчукском районе Куйбышевской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 9588.
- Матюшин Г.Н., 1982. Поселение Муллино III Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.
- Мельник В.И., Степное Поволжье в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Мерперт Н.Я., 1985. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 61.
- Мерперт Н.Я., 1958. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы: Автореф. дис. докт. ист. наук. М.
- Мерперт Н.Я., 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Мерперт Н.Я., 1980. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Минаева Т.М., 1929. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // Труды НВОНОК. Вып.36.4.1. Саратов.
- Минаева Т.М., Рау П.Д., 1926. Отчет об археологических разведках по р.Торгун в 1924 году // Труды НВОНОК. Вып.35.4.1. Саратов.
- Моргунова Н.Л., 1979. Ивановская дюна на реке Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Моргунова Н.Л., 1984. Турганинская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев.
- Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.
- Моргунова Н.Л., 1997. Население юга лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпоху неолита – энеолита - ранней бронзы: Автореф. дис. докт. ист. наук. М.
- Моргунова Н.Л., 1999. Становление комплексного общества эпохи ранней и средней бронзы на юге лесостепи Волжско-Уральского между-

речья // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим.

Моргунова Н.Л., Кравицов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.

Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.

Никитин В.В., 1978. Волосовские племена на Средней Волге // Лесная полоса Восточной Европы в волосовско-турбинское время. Йошкар-Ола.

Обыденнов М.Ф., 1974. Отчет о раскопках в Ставропольском районе Куйбышевской области в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. 5603.

Овчинникова Н.В., 1996. Хронология и периодизация энеолитических поселений в лесостепном Поволжье // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Орехов В.Ф., 1916. Две раскопки на церковной земле с.Ивановка Хвалынского уезда Саратовской губернии // Труды СУАК. Вып.33. Саратов.

Пестрикова В.И., 1987. Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Дис. канд. ист. наук. М. // Науч. библиотека МГУ.

Петренко А.Г., 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.

Попова Т.Б., 1963. Дольмены станицы Новосвободной // Труды ГИМ. Вып. XXXIV.

Почвы Куйбышевской области, 1949. Куйбышев.

Почвы СССР, 1979. М.

Природа Куйбышевской области, 1990. Куйбышев.

Резепкин А.Д., 1995. Культурно-хронологическая ситуация на Северном Кавказе в эпоху неолита - ранней бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.

Романовская М.А., 1982. Об одном погребении эпохи ранней бронзы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев.

Рыков П.С., 1931. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье в 1929 г. // Известия НВИК им. М.Горького. Т.IV. Саратов.

Рындина Н.В., 1998. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (истоки и развитие в неолите-энеолите). М.

Сальников К.В., 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы / АЭБ. Вып.1.

Сергиевский район. Древность и средневековье. Археологические очерки, 1997. Самара.

Синицын И.В., 1951. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. 37.

- Синицын И.В., Эрднеев У.Э.*, 1966. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.) // Труды Калм. НИИЯЛИ. КРКМ. Элиста.
- Синюк А.Т.*, 1980. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Синюк А.Т.*, 1981. Репинская культура эпохи энеолита- бронзы в бассейне Дона // СА. 4.
- Скарбовенко В.А.*, 1999. Николаевка III – могильник эпохи средней бронзы в долине р.Самары // Вопросы археологии Урала и Поволжья. Самара.
- Смирнов А.М.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Сташенков Д.А.*, 1999. Калиновский курганный могильник // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара.
- Столяр А.Д.*, 1955. Мариупольский могильник как исторический источник // СА. XXIII.
- Трифонов В.А.*, 1983. Степное Прикубанье в эпоху ранней и средней бронзы (периодизация и культурно -хронологическая характеристика): Автореф дис. канд. ист. наук. Л.
- Трифонов В.А.*, 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.
- Турецкий М.А.*, 1988. Керамика погребений ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Турецкий М.А.*, 1992. Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Турецкий М.А.*, 1992а. Из истории изучения памятников раннего и среднего бронзового веков Заволжья // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.
- Турецкий М.А.*, 1997. Проблема сложения средневолжско-приуральского варианта ямной культуры // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Турецкий М.А.*, 1999. Курган 2 у с.Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степное Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып.1. Самара.
- Турецкий М.А.*, 1999а. Средневолжско-приуральский вариант ямной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. Оренбург.
- Халиков А.Х.*, 1969. Древняя история Среднего Поволжья. М.
- Черных Е.Н.*, 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.
- Черных Е.Н.*, 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н.*, 1976. Рецензия на кн.: Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М. 1974 // СА. 3.
- Черных Е.Н.*, 1978. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 4.

- Черных Е.Н.*, 1988. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.
- Черных Е.Н.*, 1997. Каргалы. Забытый мир. М.
- Шилов В.П.*, 1960. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р-1. 2155.
- Шилов В.П.*, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М.
- Шилов В.П.*, 1985. Курганный могильник у с.Цаца // Древности Калмыкии. Элиста.
- Юдин А.И.*, 1995. Неолит и энеолит степного Заволжья: Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Яровой Е.В.*, 1985. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев.
- Rau P.*, 1927. Prahistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk.
- Rau P.*, 1928. Hockergraber der Wolgasteppe. Pokrowsk.
- Rau P.*, 1929. Neue Funde aus Hockergrabern des Wolgadeutschen Gebites / Eurasia Septentrionalis antiqua. T.5. Helsinki.

Рис.1. Памятники ранней и средней бронзы на территории Самарского Поволжья.

1 - Светлое Озеро; 2 - Сускан; 3 - Грачевка I; 4 - Лопатино I; 5 - Лопатино II; 6 - Потаповка I; 7 - Нижняя Орлянка I; 8 - Калиновка I; 9 - Микулино; 10 - Березняки I; 11 - Преполовенка I; 12-13 - Кряж I,III; 14 - Николаевка III; 15 - Нур III; 16 - Спиридоновка II; 17-19 - Красносамарское I-III; 20-23 - Утевка I,III,V,VI; 24 - Лещевский I; 25 - Покровка I; 26-27 - Кутулук I,III; 28 - Аверьяновка I; 29 - Андреевка I; 30 - Широценка; 31 - Гвардейцы II; 32-33 - Кашпир II,III; 34 - Екатериновка; 35 - Давыдовка; 36 - Абашево II, 37 - Владимировка; 38 - Тамбовка II; 39 - Журавлиха I; 40 - Бобровка.

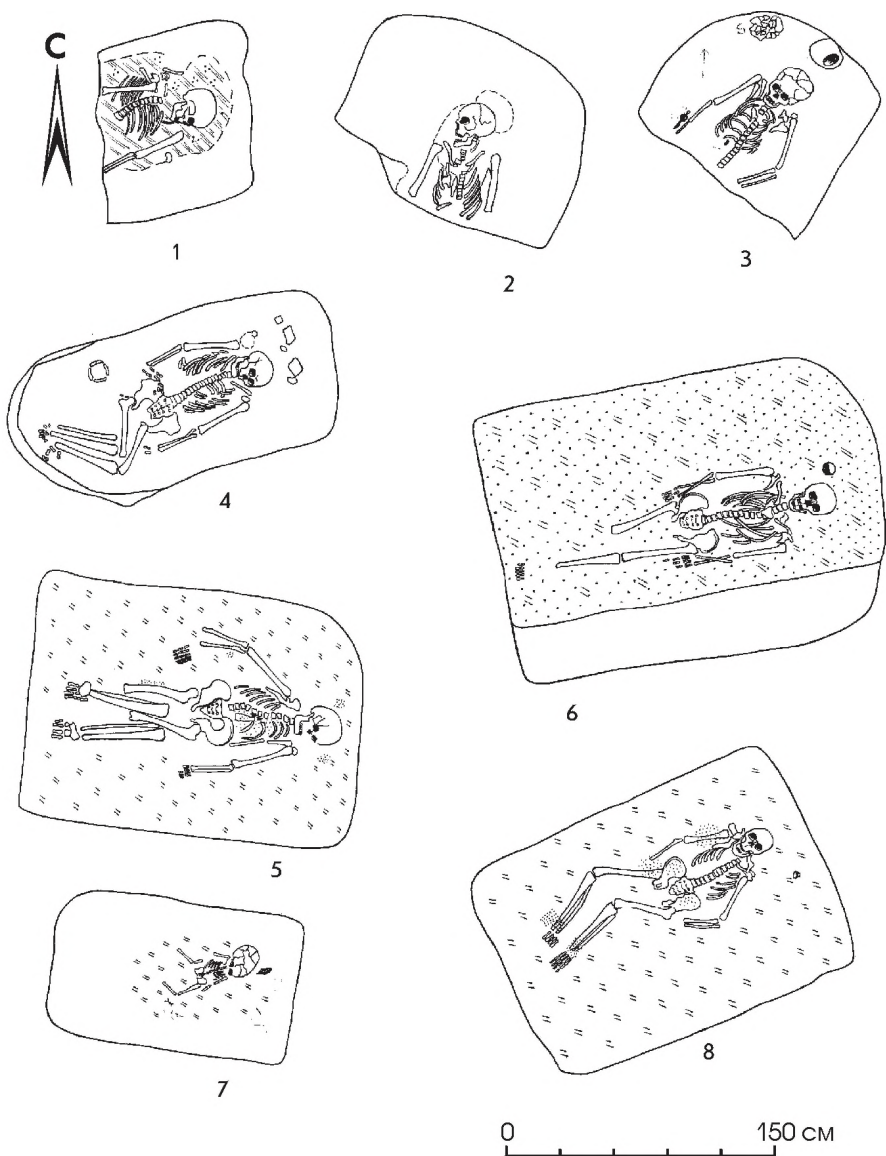

Рис.2. Погребения ямной культуры.

1 - Екатериновка I/1; 2 - Екатериновка I/8; 3 - Екатериновка V/1;
4 - Екатериновка II/3; 5 - Лопатино I,31/1; 6 - Лопатино II,2/3;
7 - Лопатино II,3/1; 8 - Покровка I,17/1.

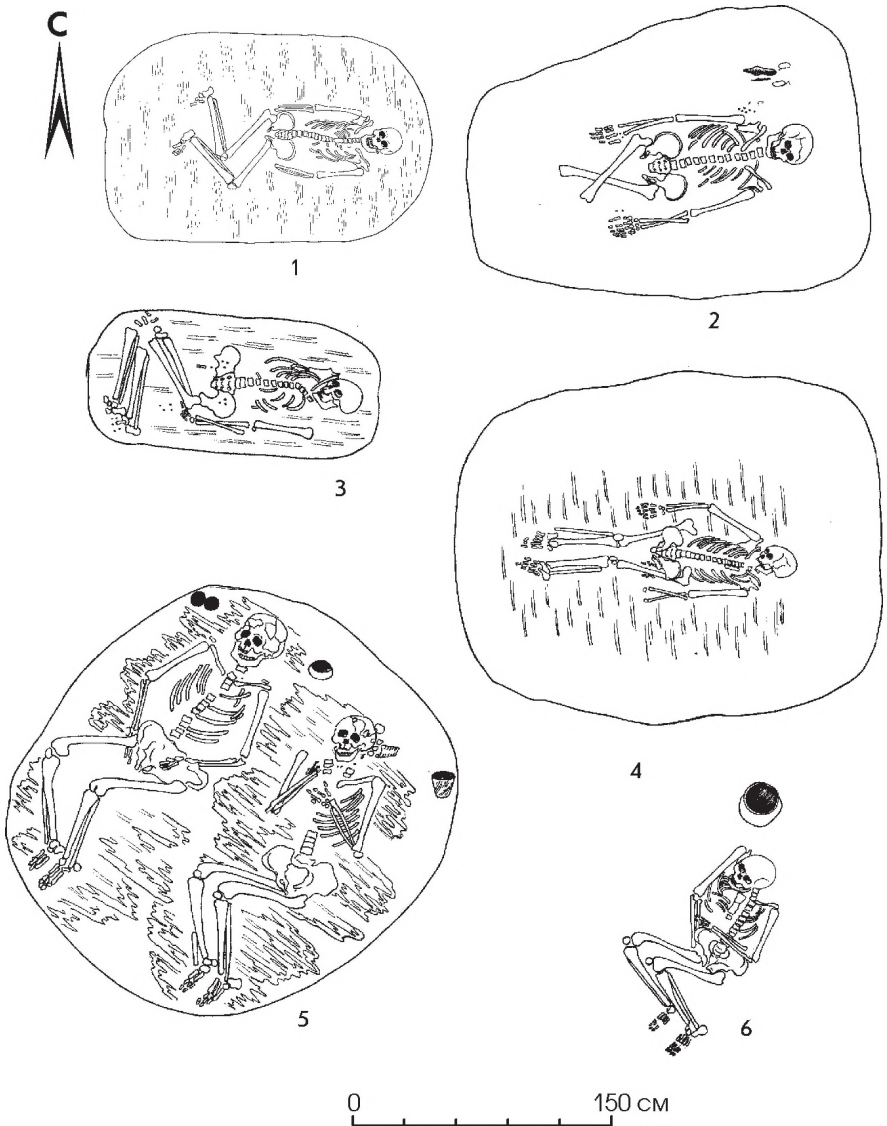

Рис.3. Погребения ямной культуры.

1 - Покровка I,11/1; 2 - Покровка I,12/1; 3 - Покровка I,19/1;
 4 - Покровка I,21/1; 5 - Березняки I,14/1; 6 - Березняки I,13/1.

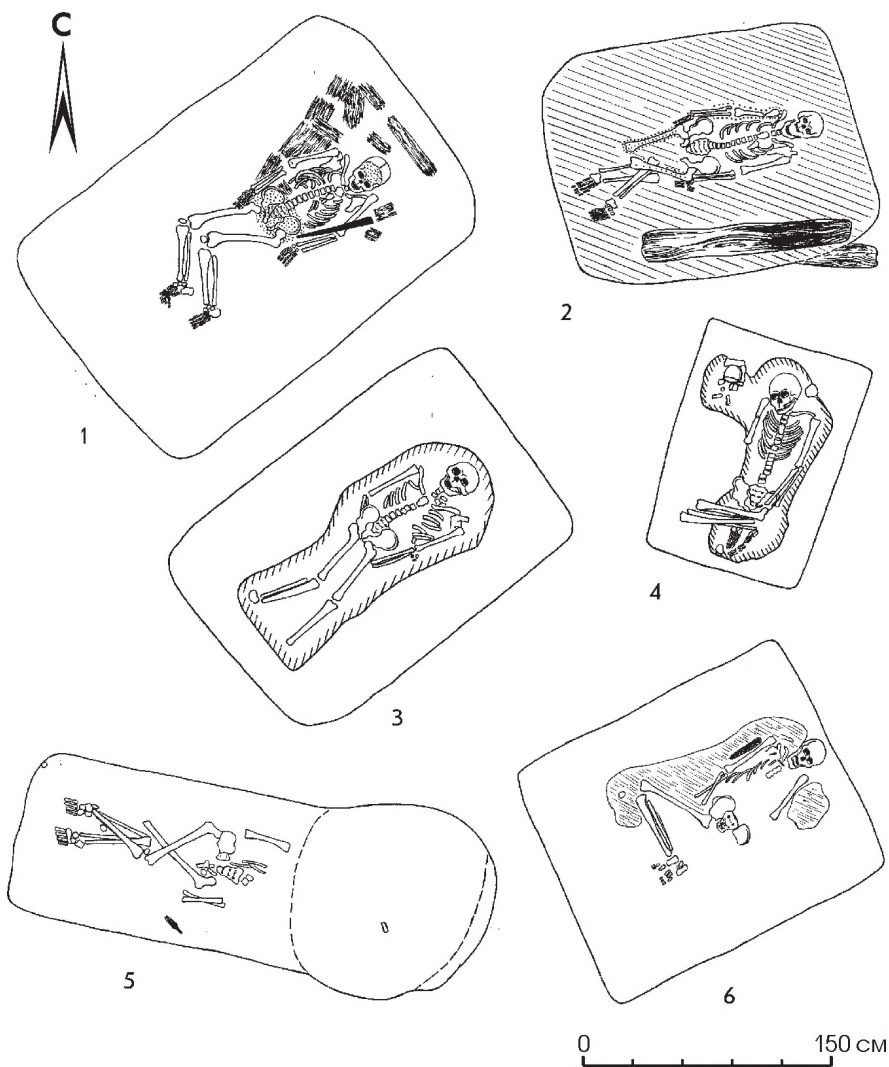

Рис.4. Погребения ямной культуры.

1 - Кутулук I,4/1; 2 - Нижняя Орлянка I,1/5; 3 - Кашпир III,2/3;
4 - Кашпир III,3/1; 5 - Владимировка, 1/6; 6 - Утевка III,4/1.

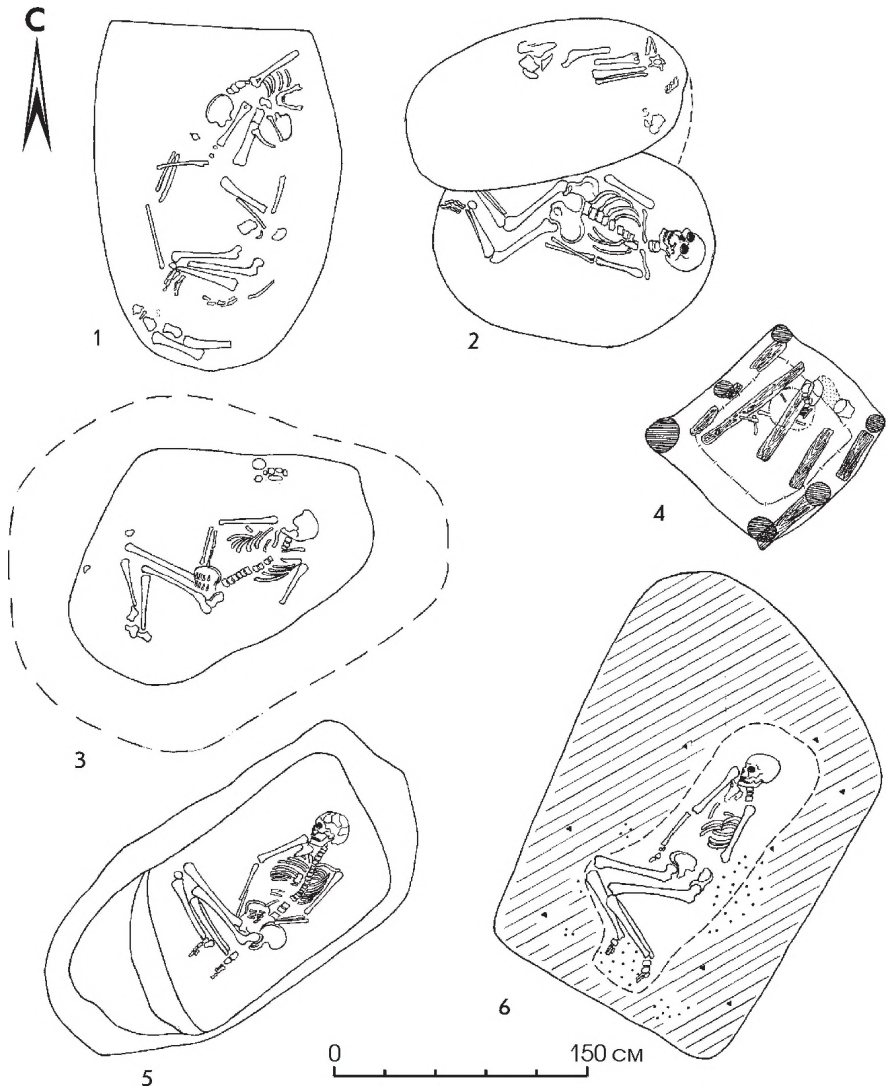

Рис.5. Погребения эпохи ранней и средней бронзы.

1 - Аверьяновка I, 1/1; 2 - Аверьяновка I, 6/5, 6; 3 - Кряж I, 2/1; 4 - Кряж III, 1/4; 5 - Кряж I, 3/2; 6 - Преполовенка I, 8/2.

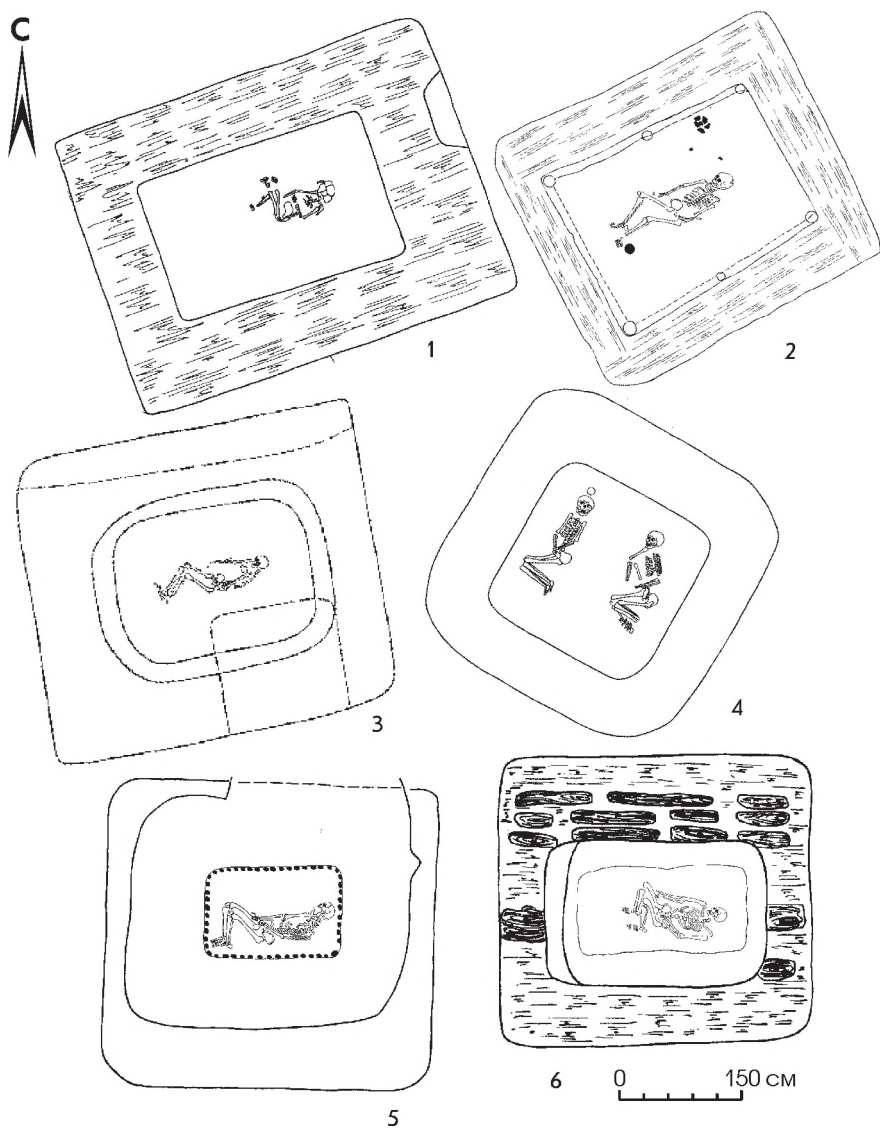

Рис.6. Погребение эпохи средней бронзы.

1 - Владимировка, 3/1; 2 - Владимировка, 4/4; 3 - Препоповенка I,4/6;
4 - Красносамарское III,1/1; 5 - Красносамарское II,1/1;
6 - Красносамарское I,2/1.

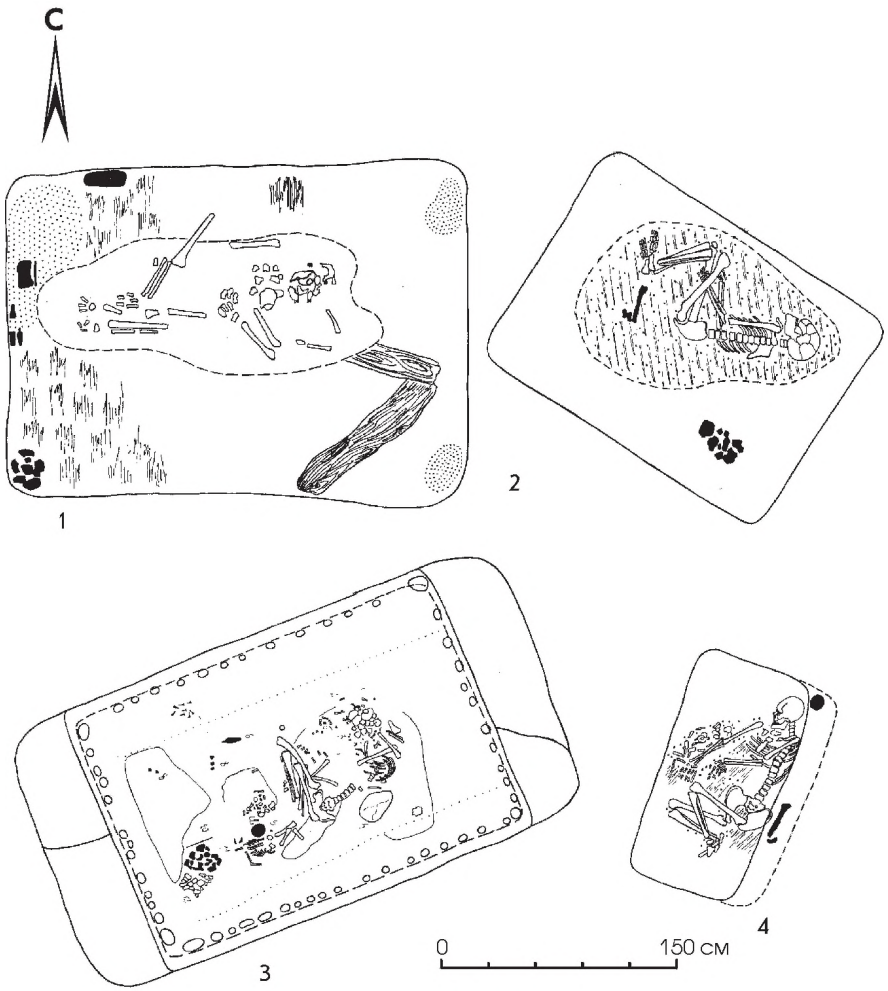

Рис.7. Погребения эпохи средней бронзы.

1 - Утевка I,1/1; 2 - Тамбовка II,2/6; 3 - Утевка I,2/1; 4 - Тамбовка II,2/2.

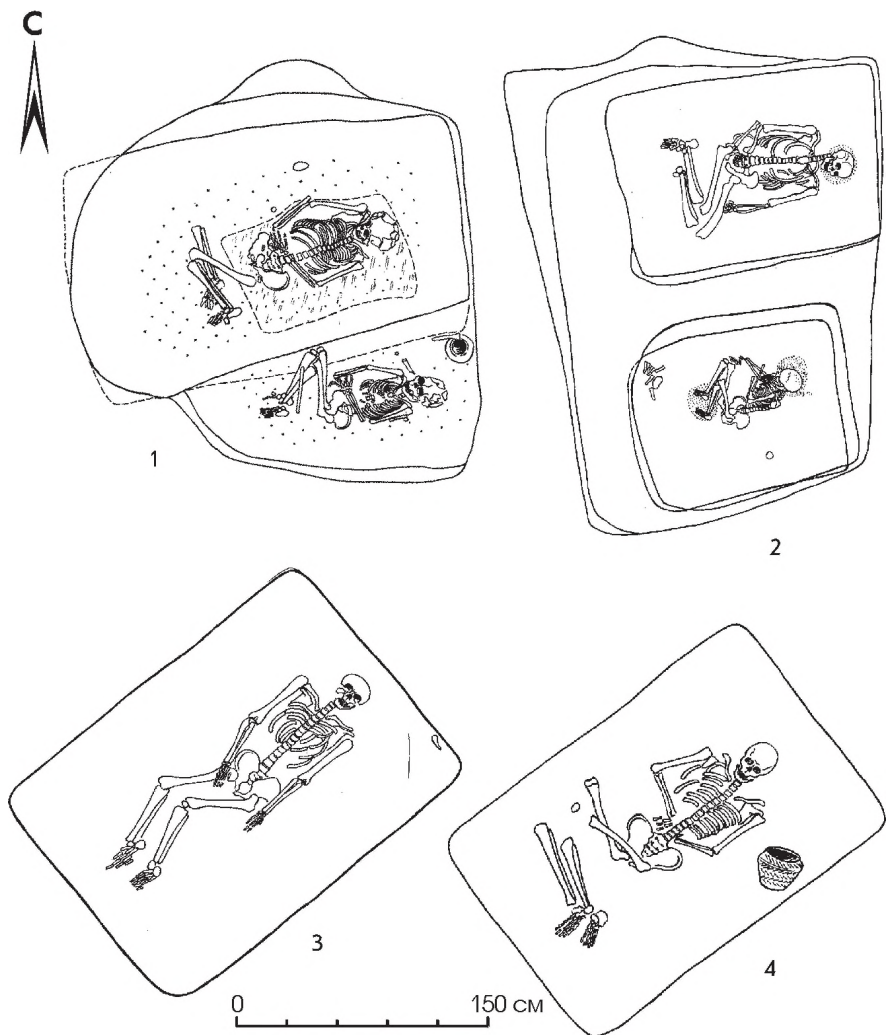

Рис.8. Погребения полтавкинской культуры.

1 - Гвардейцы II, 1/3, 6; 2 - Николаевка III, 3/1, 2; 3 - Красносамарское I, 3/1; 4 - Красносамарское I, 4/2.

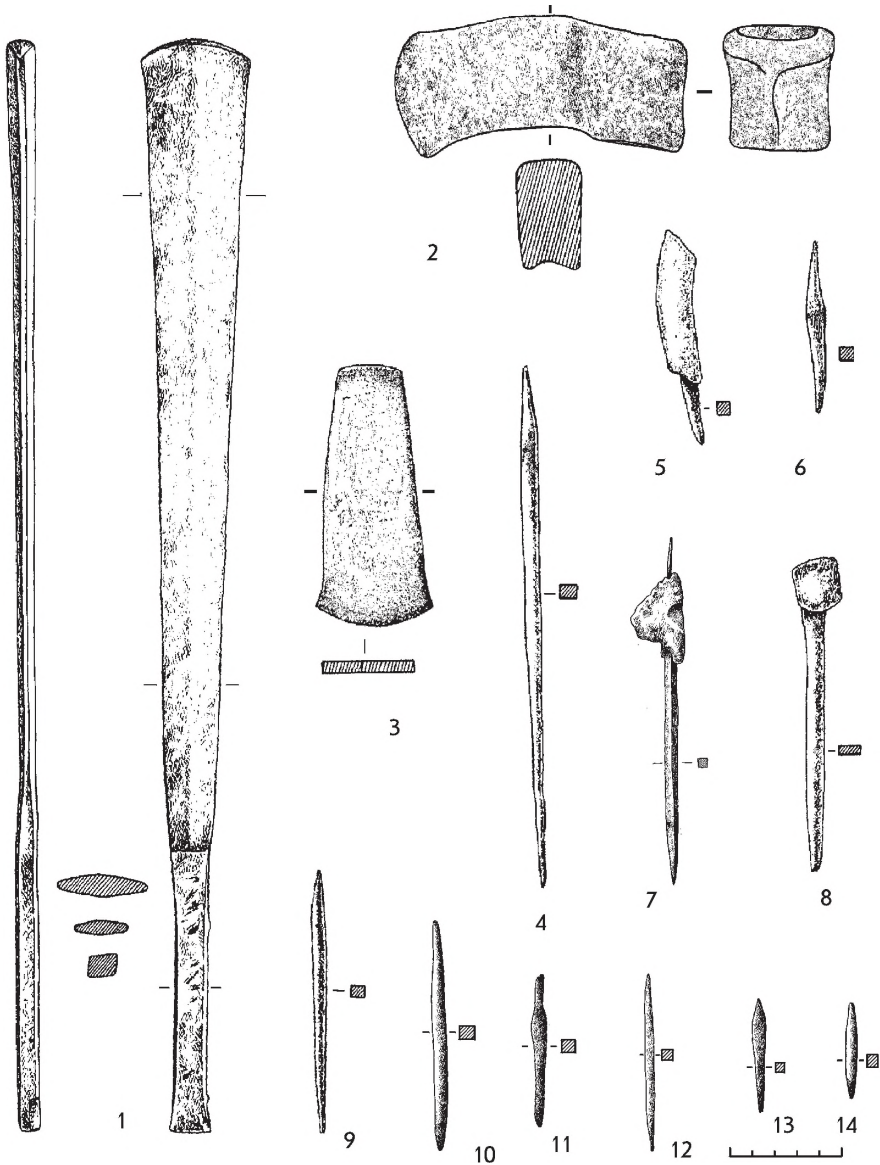

Рис.9. Погребальный инвентарь.

1 - Кутулук I,4/1; 2,3,8,10 - Утевка I,1/1; 4,11 - Утевка I,2/1; 5 - Красносамарское I,2/1; 6 - Покровка I,12/1; 7 - Кутулук III,1/2; 9,13 - Кашпир III,1/1; 12 - Преполовенка I,9/1; 14 - Покровка I,17/1.
1-14 - бронза (7-8 - бронза, железо).

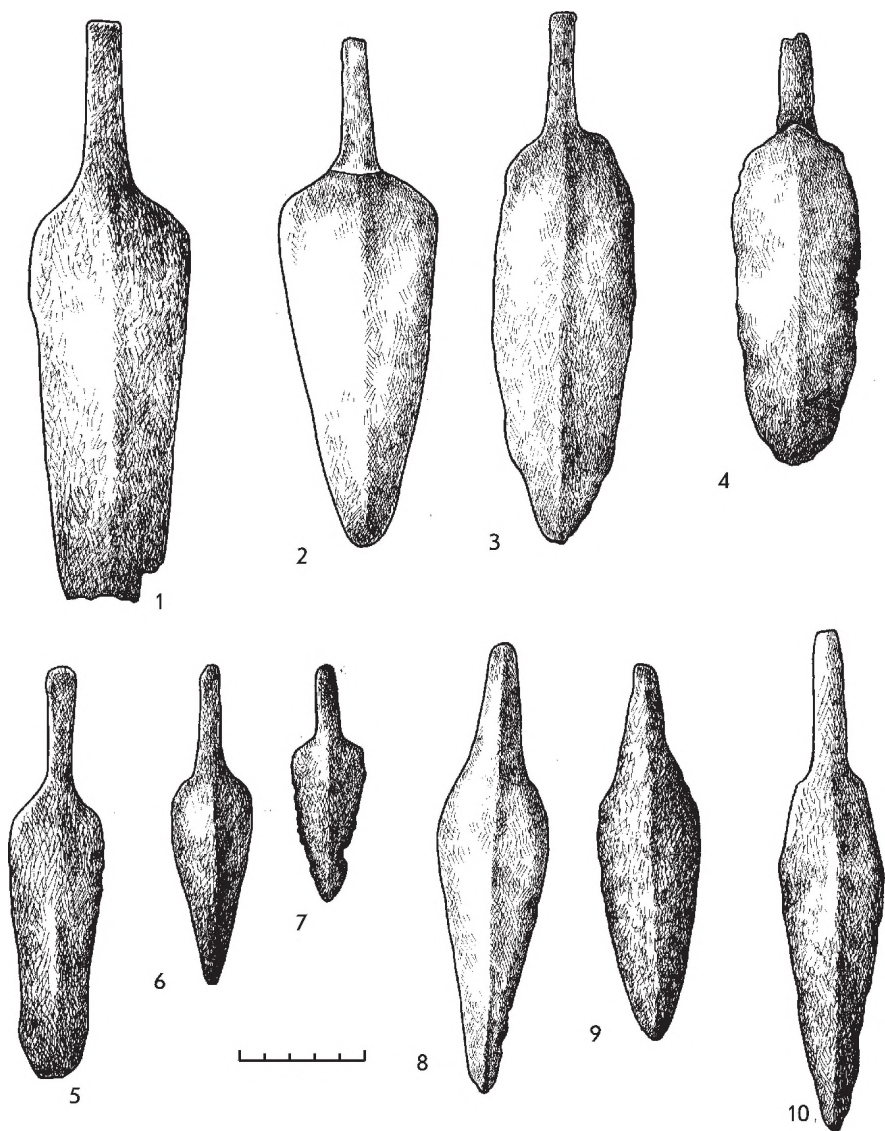

Рис.10. Погребальный инвентарь.

1 - Владимировка, 1,1/6; 2 - Утевка I,1/1; 3 - Бобровка, с/н.;
4 - Утевка I,2/1; 5 - Покровка I,12/1; 6 - Покровка I,17/1; 7 - Нижняя
Орлянка I,1/4; 8 - Кутулук III,1/2; 9 - Кашпир III,1/1;
10 - Преполовенка I,9/1. 1-10 - бронза.

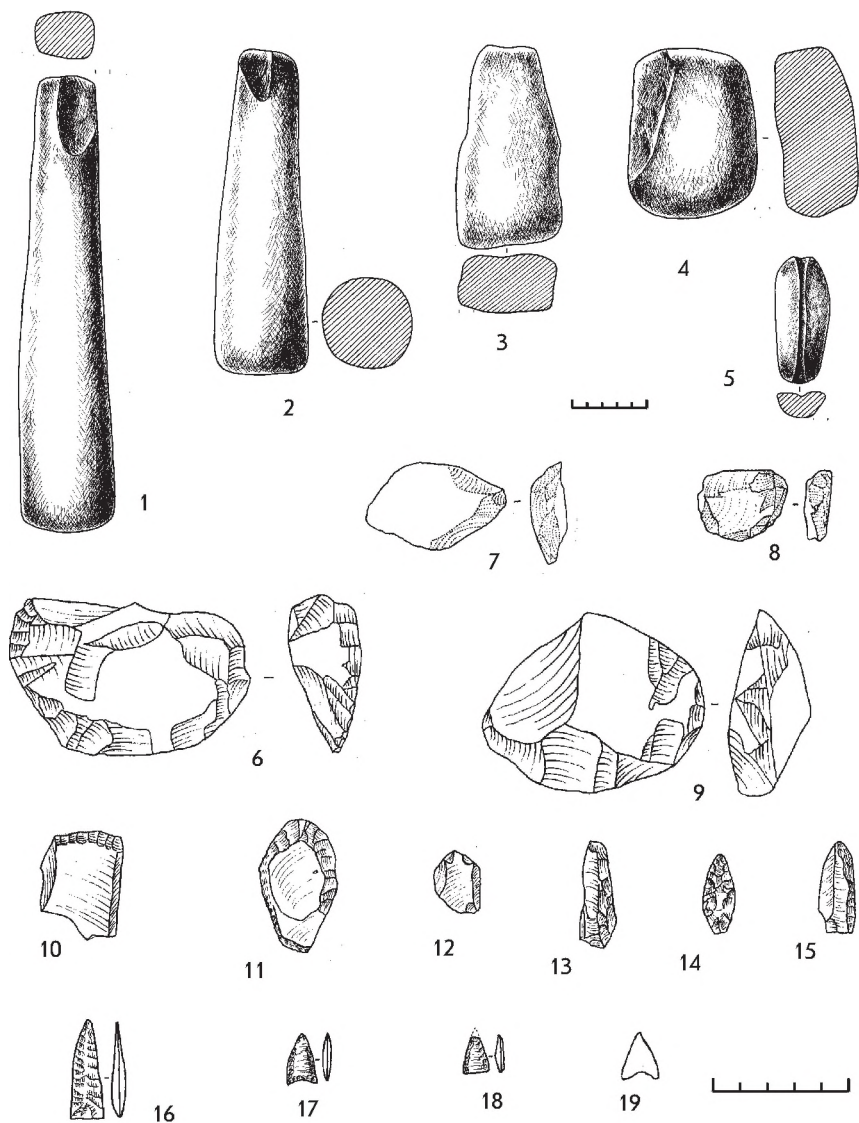

Рис.11. Погребальный инвентарь.

1 - Красносамарское I,1/4; 2 - Утевка I,1/1; 3 - Владимировка, 1/6;
 4 - Утевка I,2/1; 5,10-15 - Кряж I,2/1; 6-9 - Екатериновка II/3; 16,
 17 - Лопатино II,2/3; 18 - Лопатино I,31/1; 19 - Кряж III,1/2.
 1-5 - камень; 6-19 - кремьнь.

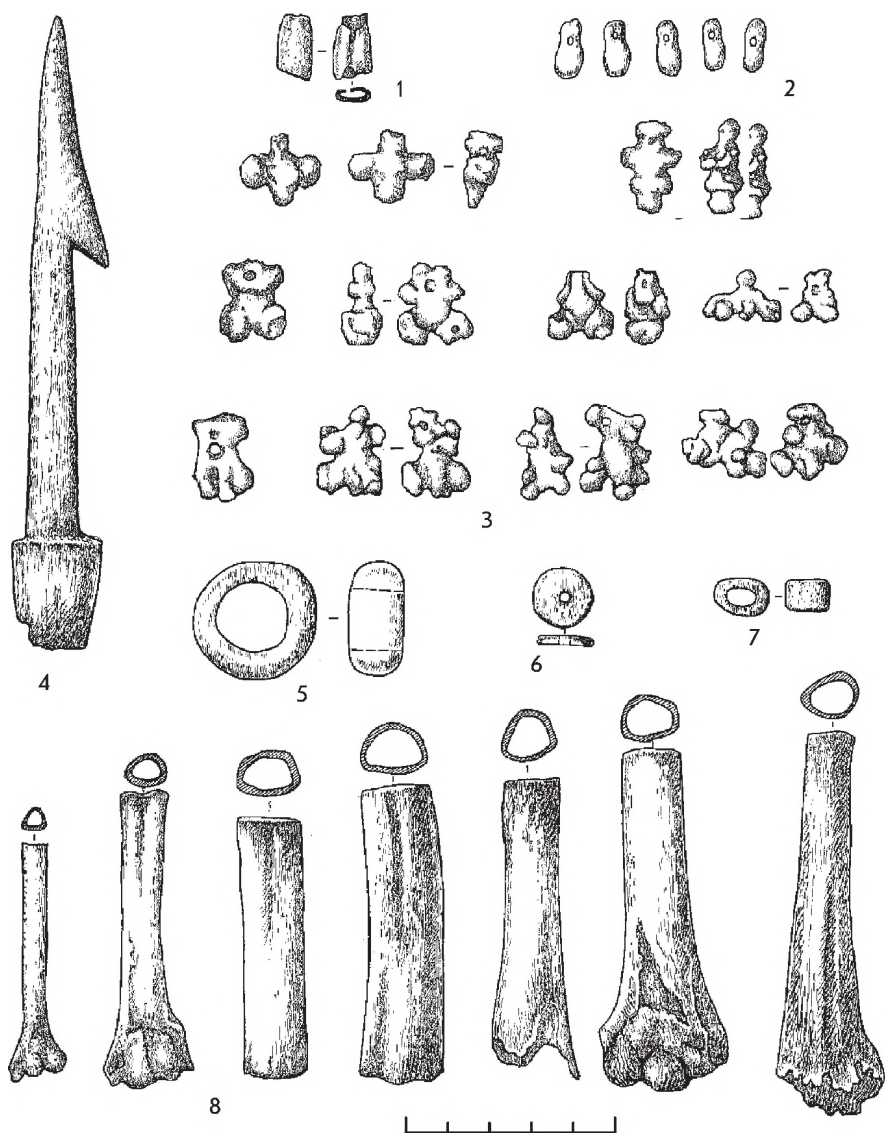

Рис.12. Погребальный инвентарь.

1,3,8 - Николаевка III,3/1; 2,7 - Утевка I,2/1; 4,6 -
Екатериновка V/1; 5 - Красносамарское III,1/1.
1,2 - медь; 3-5,7,8 - кость; 6 - раковина.

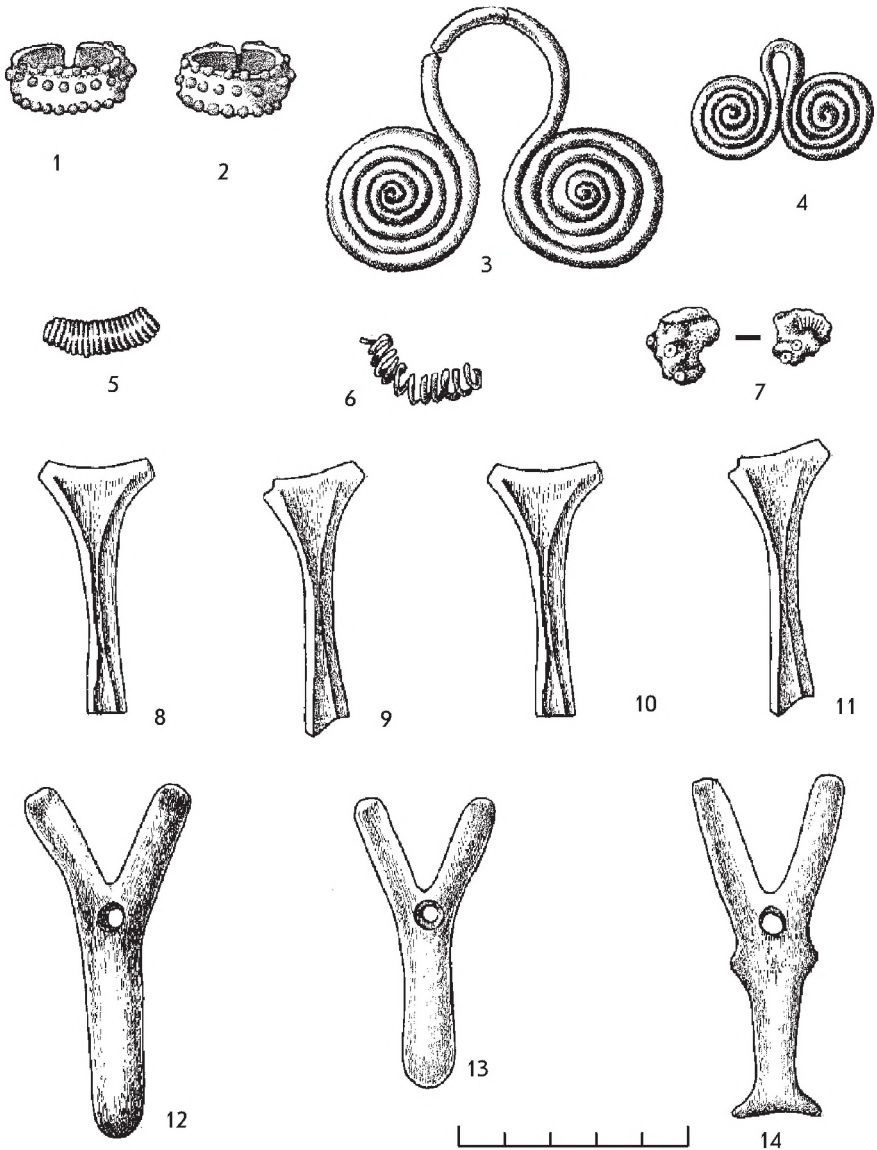

Рис.13. Погребальный инвентарь.

1,2- Утевка I, 1/1; 3,4 - Николаевка III,3/1; 5-11 - Утевка I,2/1; 12, 13 -Лопатино II, 3/2; 14 -Покровка,17/1.

1,2 - золото; 3-6 - медь; 7 - паста; 8-14 - кость.

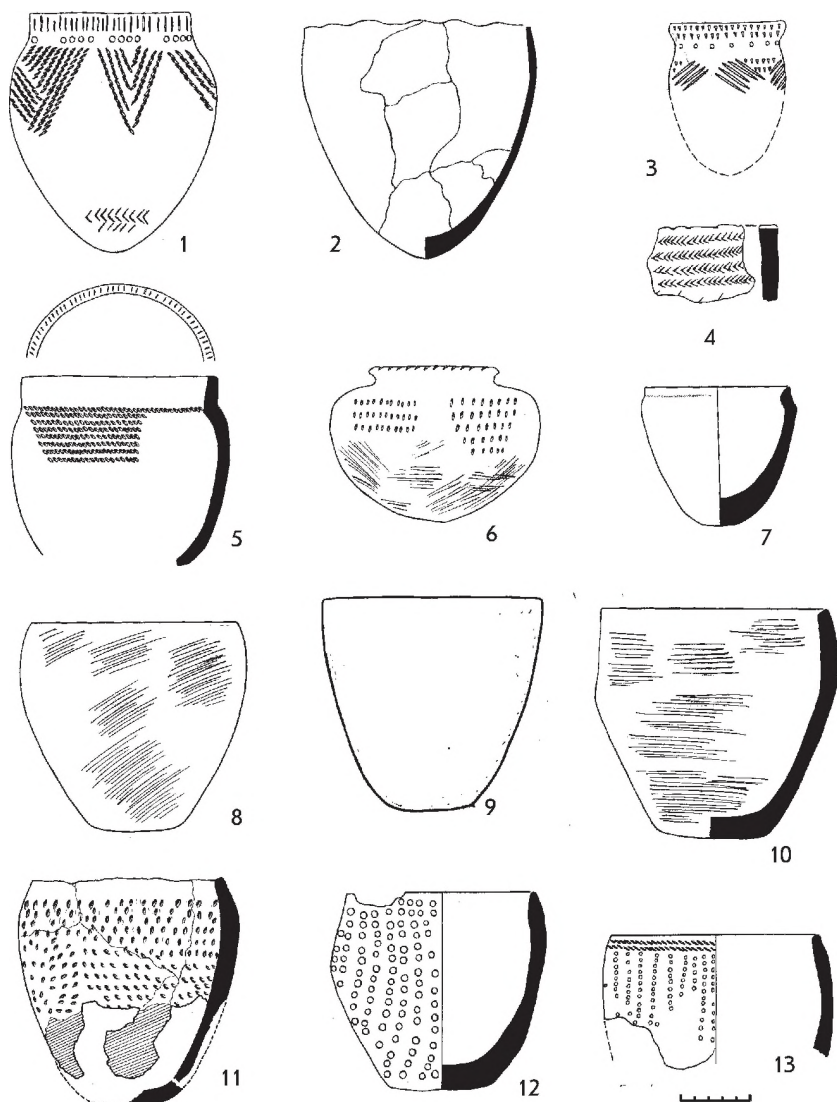

Рис.14. Керамика ямной и полтавкинской культуры.

1 - Екатериновка V/1; 2 - Абашево II,2/2; 3 - Покровка I,15/2;
 4 - Лопатино I,31/насыпь; 5 - Лопатино I,31/яма 1; 6 - Лопатино II,
 3/2; 7 - Кашпир III, 3/1; 8 - Владимировка, 4/4, с.1; 9 - Березняки I,
 14/1, с.2; 10 - Преполовенка I,2/1; 11 - Журавлиха I,1/16; 12 - Кряж I,
 4/1; 13 - Кряж I,2/1.

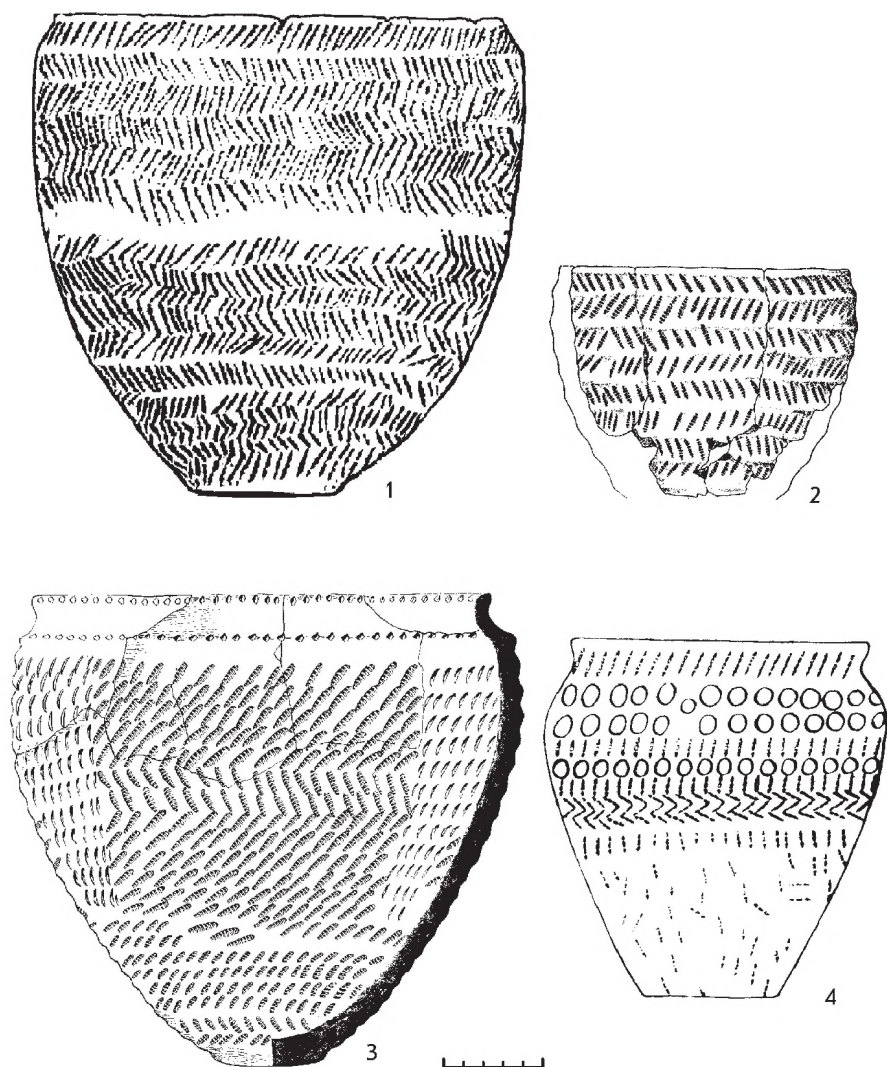

Рис.15. Керамика рубежа ранней-средней бронзы.

1 - Утевка I,1/1; 2 - Калиновка I,1/3; 3 - Гвардейцы II,1/6; 4 - Светлое Озеро, 3/1.

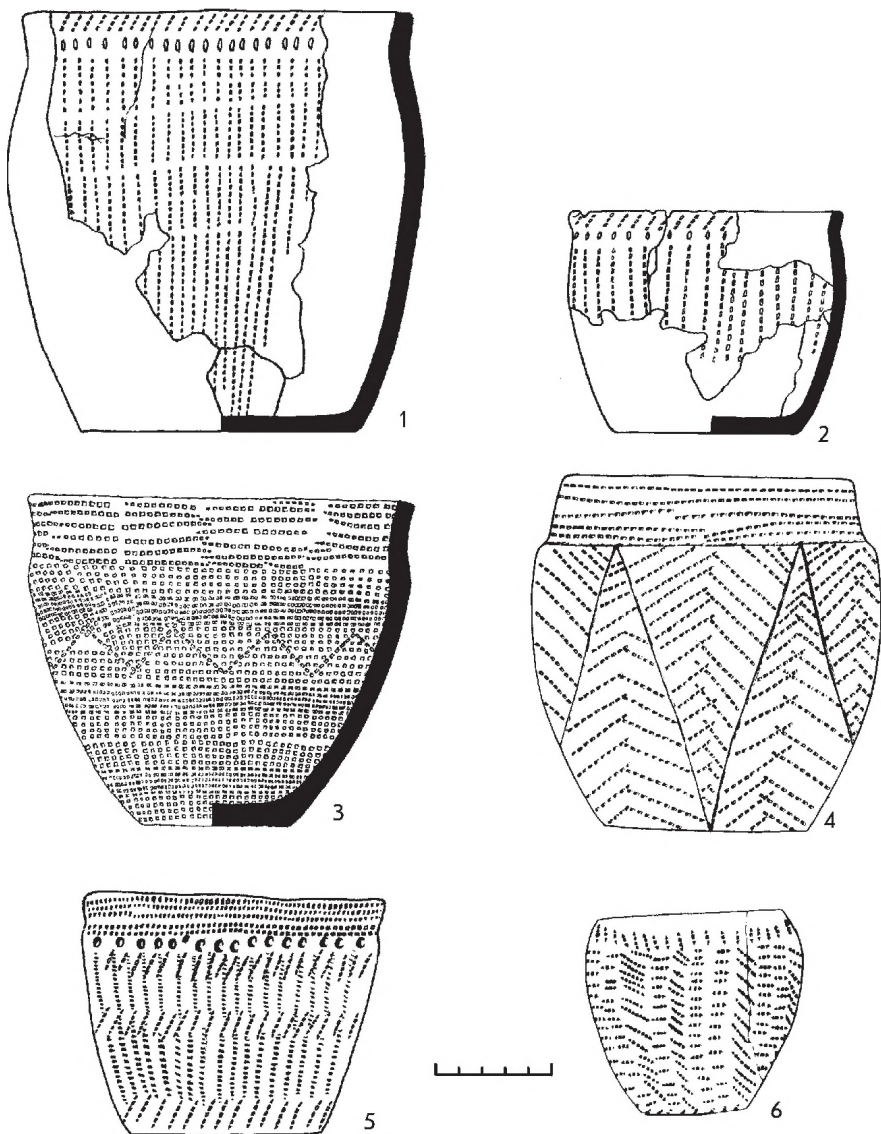

Рис.16. Керамика рубежа ранней-средней бронзы.

1 - Лопатино I,32/1; 2 - Грачевка I,2/1; 3 - Кутулук III,1/2; 4 - Утевка I, 2/1; 5 - Утевка VI,1/1; 6 - Владимировка, 4/4, с.1.

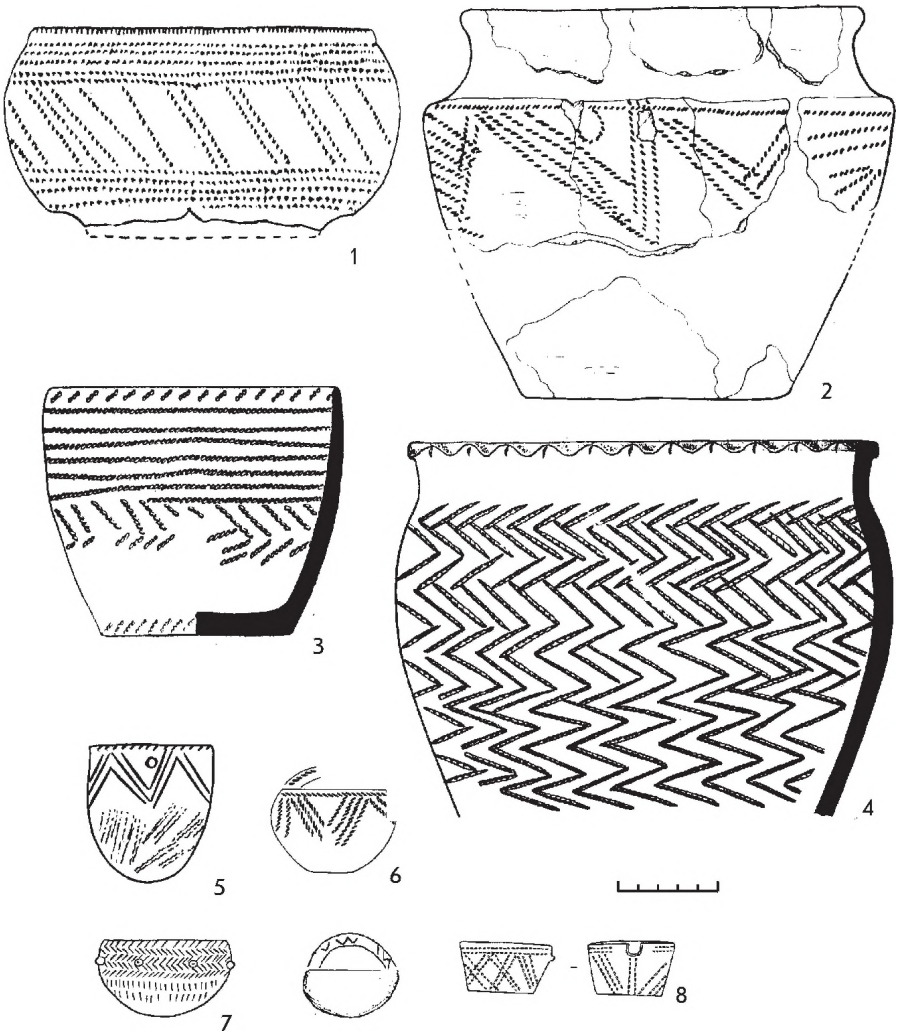

Рис.17. Керамика ямной и полтавкинской культуры.

1 - Утевка I,3/1; 2 - Абашево II,2/4; 3 - Тамбовка II,2/2;
 4 - Тамбовка II,2/6; 5 - Николаевка III,3/1; 6 - Екатериновка II/3; 7 - Бе-
 резняки 14/1, с.1; 8 - Лопатино I,31/1; 9 - Лопатино I,1/1.

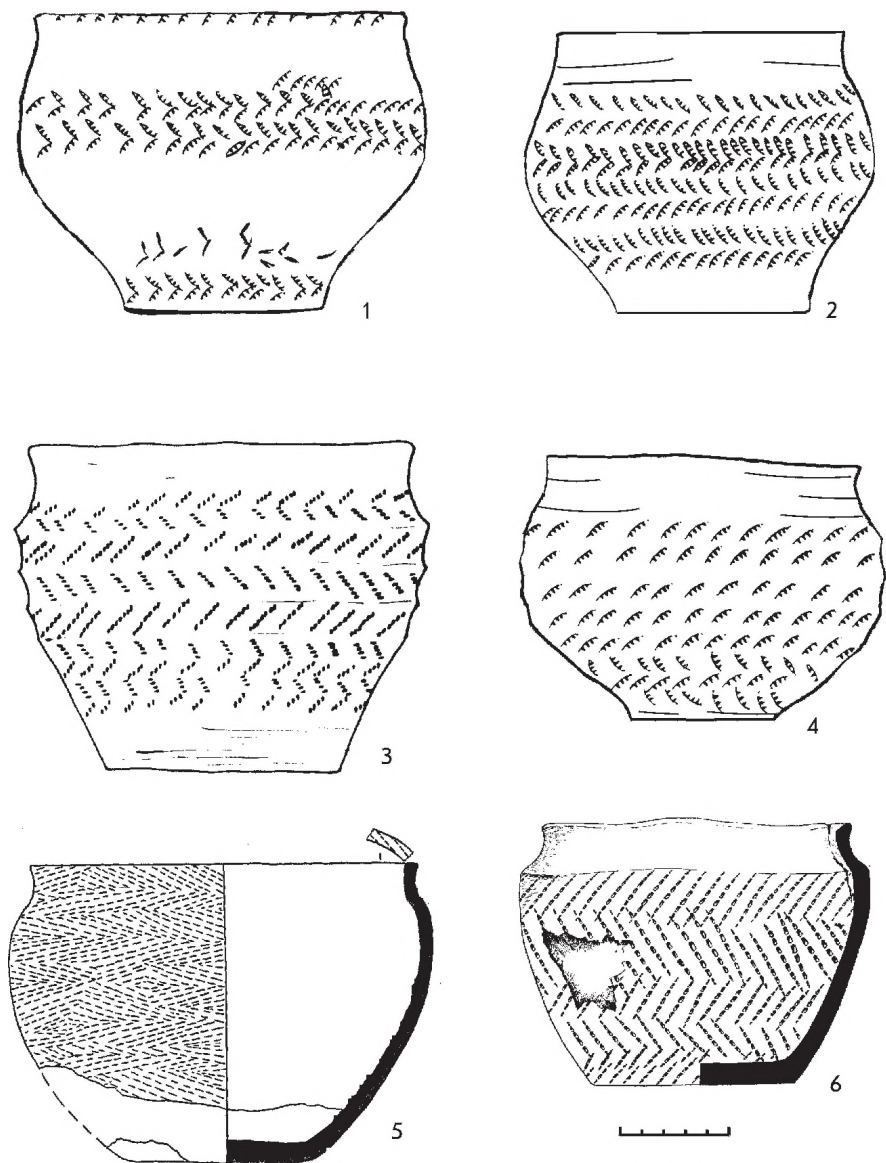

Рис.18. Керамика полтавчинской культуры.

1 - Покровка I,1/2; 2 - Абашево II,2/3; 3 - Абашево II,2/5;
4 - Покровка I,4/1; 5 - Гвардейцы II,2/2, с.1; 6 - Гвардейцы II,1/3.

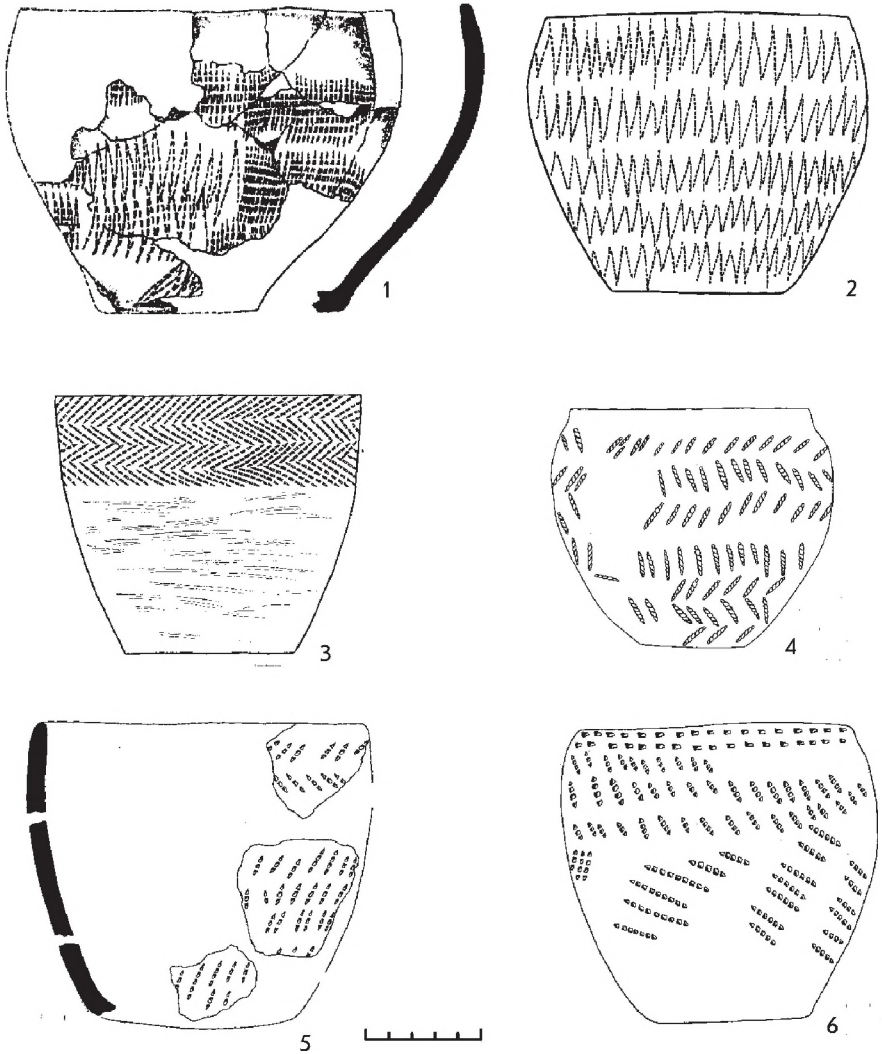

Рис.19. Керамика полтавкинской культуры.

1 - Калиновка I,1/6; 2 - Широценка, 2/насыпь; 3 - Аверьяновка I,6/6;
4 - Кряж III,1/4; 5 - Сускан, 2/1; 6 - Кряж III,1/3.

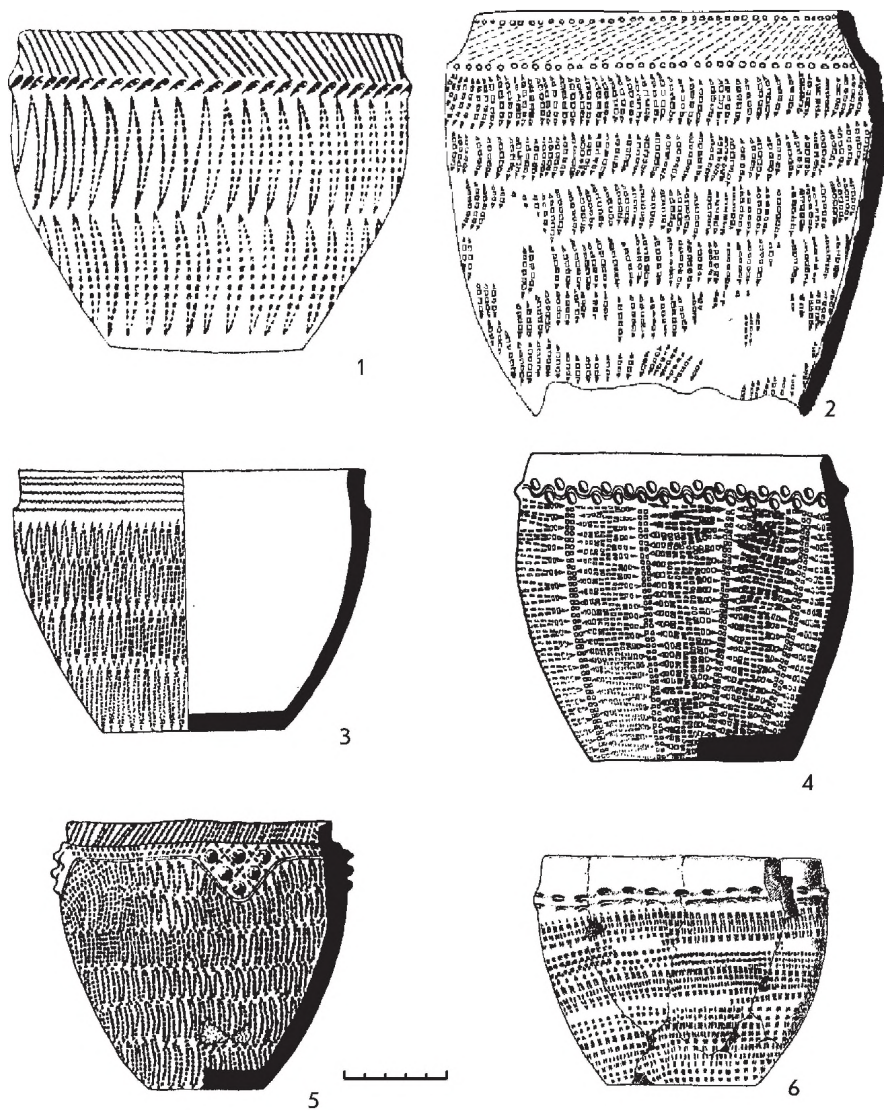

Рис.20. Керамика полтавкнской культуры.

1 - Красносамарское I,4/2; 2 - Давыдовка, 2/2; 3 - Аверьяновка I,1/1;
4 - Преполовенка I,9/1; 5 - Утевка VI,3/насыпь; 6 - Калиновка I,1/5

ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ ВОЛЬСКО-ЛБИЩЕНСКОГО ТИПА

В лесостепном правобережье р. Волги, главным образом на высоких, труднодоступных и удобных для обороны местах известны серии своеобразных материалов, не имевших до последнего времени подробных культурно-хронологических характеристик и отличающихся от всех известных в настоящее время в Поволжье культурных групп. Впервые эти материалы с Вольского городища были опубликованы П.Д. Степановым, который отнес их к неолитической эпохе (Степанов П.Д., 1956. С.5-21). Отдельные находки керамики этого типа были обнаружены И.В. Синецким на Бутре Степана Разина и некоторых других пунктах правобережья р. Волги и на р. Малый Узень (Синецын И.В., 1951). Коллекция аналогичных материалов из района Самарской Луки опубликована в 1975 г. И.Б. Васильевым (Васильев И.Б., 1975. С.76-83). В 1979 г., после исследования Хлопкового энеолитического могильника и находок в культурном слое над погребениями аналогичной керамики, вопросов ее интерпретации касался Н.М. Малов (Малов Н.М., 1979. С.82-83). В 1983 г. на Самарской Луке было исследовано поселение Лбище, культурный слой которого содержал керамику только этого типа, а также разнообразный другой инвентарь (Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986. С.62-29). В Лесостепном Заволжье аналогичные материалы в 1985-1986 гг. обнаружены при исследовании поселений Гундоровка, Большая Раковка, Лебяжинка, Чесноковка, Красносамарское (раскопки СамГПУ 1985-99 гг.). Экспедицией Самарского педагогического университета в последние годы материалы подобного типа обнаружены в южной части Волго-Уральского междуречья и в низовьях рек Большой и Малый Узень (Васильев И.Б., Колес Ю.И., Кузнецов П.Ф., 1986. С.128-129).

Таким образом, получен большой и достаточно информативный материал, позволяющий сделать некоторые выводы о его культурной и хронологической позиции в археологии Поволжья.

Основная территория распространения памятников этого типа - лесостепное правобережье р. Волги, от Самарской Луки на севере, приблизительно до границы Волгоградской и Саратовской областей на юге. Здесь памятники располагаются, главным образом, на высоких, выходящих к Волге отрогах Жигулевских гор и Приволжской возвышенности. Весьма показательно в этом отношении местоположение поселения Лбище. Оно расположено на южном краю Самарской Луки, на правом берегу р. Волги, на широком мысу, высота которого достигает 30-35 м от уровня бечевника.

Западную границу их распространения определить в настоящее время трудно в связи со слабой изученностью лесостепного Волго-Донского междуречья. Отдельные находки керамики этого типа известны на всей территории степного и лесостепного Волго-Уральского междуречья. Как в качественном, так и в количественном отношении, памятники лесостепного Правобережья и степного междуречья различаются. На Правобережье известны зна-

чительные, содержащие сравнительно большие (до 50 сосудов) и чистые в культурном отношении комплексы материалов. В Волго-Уральском междуречье - это отдельные небольшие комплексы (до пяти сосудов), встреченные, в основном, на полтавкинских памятниках.

В настоящее время наиболее исследованными памятниками являются поселения у с. Лбище и у г.Вольска. Поселение у с.Лбище располагается на выступе коренной террасы правого берега р.Волги, на высоте 30-35 м от уровня воды. Территория поселения - это относительно ровная площадка размерами 200 м на 100-120 м. Она имеет вытянутую подтреугольную форму и ограничена с запада и востока понижениями, переходящими в глубокие овраги. Таким образом, поселение с трех сторон имеет естественно защищенные границы и фактически является небольшим городищем (рис.2). Местоположение Вольского городища достаточно подробно описано П.Д.Степановым. Оно также расположено на высокой горе, труднодоступно и удобно для обороны. Возможно, в древности естественные границы поселков дополнялись искусственными оборонительными сооружениями. Во всяком случае, местоположение двух наиболее полно исследованных памятников представляется не случайным. Многие другие памятники, давшие аналогичную керамику, имеют подобную топографию (городище Каменная Коза, Царев Курган, Бугор Степана Разина, Хлопковое городище и др.).

В результате раскопок Лбищенского поселения (исследовано 420 кв.м) получена коллекция керамического материала, в которой выделяется до 50 сосудов. На Вольском городище фрагменты не менее 20 сосудов. В настоящее время на памятниках правобережья р.Волги учтено около 100 сосудов. На территории степного Волго-Уральского междуречья известно около 30 сосудов.

Целых сосудов немного (2 экз.), поэтому основное внимание при характеристике керамики уделялось верхней части сосудов. На основе этого анализа выделено 9 основных типов посуды.

В целом, керамика характеризуется наличием не только ярковыраженных горшковидных и баночных форм, но и слабопрофилированных сосудов. Характерной чертой является наличие венчиков самой разнообразной формы - приостренных, уплощенных, овальных, скошенных, утолщенно-валиковых. Все утолщения - валики, воротнички - не налепные, а сформованные. Сосуды с внешним ребром или уступом неизвестны.

Для изготовления сосудов использовалась глиняная масса с примесью толченой раковины и органики. Обжиг посуды равномерный, о чем свидетельствует однотонный светло-коричневый или темный цвет сосудов. Именно этими общими характеристиками керамика в целом отличается от сосудов эпохи бронзы степного и лесостепного Волго-Уралья.

Орнаментальные композиции наносились на верхнюю часть сосудов, а также, судя по отдельным придонным частям, у дна (рис.3-9) часто орнаментировались и срезы венчиков. Орнамент наносился отпечатками зубчатого штампа, перевитого шнура и ямками. Преобладает гребенчатая орнаментация. Основными элементами орнамента являются наклонные, горизонтальные и вертикальные отпечатки зубчатого или шнурового штампа, а также насечки.

Орнаментальные мотивы - это в основном, горизонтальные или наклонные ряды отпечатков штампа, на основе сочетания которых и образуются орнаментальные композиции. Выделяется до двенадцати сложносоставных композиций. Наиболее сложные из них выполнены сочетанием горизонтальных, вертикальных и наклонных отпечатков зубчатого штампа. Они могут дополняться рядами ямочных вдавлений. Многоэлементные композиции образуют такие геометрические фигуры, как заштрихованные треугольники вершинами вниз, меандры, сетка. Перечисленные орнаментальные мотивы дополняются зигзагами, рядами горизонтальной елочки, бахромой. При этом, мотивов, специфических только для шнурового орнамента или ямочных композиций и отличных от выполненных штампом, не зафиксировано.

Каменные и костяные изделия, связанные с керамикой этого типа, сейчас можно охарактеризовать только по материалам однослойного памятника - поселения у с.Лбище. Здесь была обнаружена заготовка булавы с четырьмя выступами (рис.10, 3), грузило из красноватого камня со взаимоперпендикулярными желобами (рис.10, 4); заготовка топорovidного орудия (11, 1). Орудия подобного типа могли применяться при рыхлении земли. Изделие частично зашлифовано. Обнаружено четыре песта, один из которых имеет грушевидную форму (рис.11, 2-5). На пестах зафиксированы следы сработанности. Найден кремневый наконечник стрелы овальной формы с усеченным основанием (рис.10, 11), два каменных пряслица (рис.11, 7,8), два гребенчатых штампа на речных раковинах, форма зубцов которых совпадает с отпечатками на сосудах (рис.10, 8,9). В слое поселения найдены заготовки трех изделий из трубчатых костей животных (рис.10, 5-7).

Обращает на себя внимание тот факт, что на поселении не обнаружено ни одного кремневого орудия, а также их заготовок или отщепов. Это свидетельствует о том, что вольско-лбищенские комплексы не относятся к неолитической и энеолитической эпохам. Данное предположение подтверждается и стратиграфическими наблюдениями Н.М.Малова на Хлопковом Городище, где керамика, аналогичная вольско-лбищенской, зафиксирована в слое эпохи бронзы, перекрывающем энеолитические погребения (Малов Н.М., 1979. С.83). Следует отметить, что вольско-лбищенская керамика не находит аналогий ни в неолитических, ни в энеолитических материалах Поволжья или других территорий. Нет аналогий в форме и орнаментации и с керамикой репинского типа Прикаспия (Барышкин П.П., 1986) или Подонья (Синюк А.Т., 1980), что также позволяет предполагать их различные хронологические позиции. С другой стороны, о том, что керамика вольско-лбищенского типа датируется не позднее времени существования срубной культуры, свидетельствует поселение у станции Кинель, где в верхней части почвенного слоя залежали материалы эпохи бронзы, а в основании слоя - керамика вольско-лбищенского типа. Частая взаимовстречаемость вольско-лбищенской и полтавкинской керамики, инвентарь поселения Лбище и некоторых других памятников с керамикой этого типа позволяет считать наиболее вероятным временем их существования полтавкинскую эпоху. Об этом свидетельствуют и некоторые близкие черты керамики вольско-лбищенского и полтавкинского типов, при их общем куль-

турном различии. Прежде всего, это сходство орнаментации - наличие таких сходных композиций, как ряды наклонных отпечатков зубчатого штампа, горизонтальные ряды, выполненные шнуровой и гребенчатой техникой нанесения, композиции из рядов ямочных вдавлений. Но это лишь наиболее простые, хотя и наиболее часто встречающиеся композиции сравниваемых культурных групп. Для каждого из них характерны специфические сложные орнаменты. Отличается и принцип их нанесения на поверхность сосуда. Наиболее сложные композиции вольско-лбищенской керамики, такие как обрамленные треугольники, лесенки, вертикальные ряды зубчатого штампа, зональность нанесения орнамента, разделенного прочерченными горизонтальными рядами и вертикальными рядами короткой гребенки не характерны для полтавкинской посуды. Отличаются формы сосудов и их фактура. Полтавкинская посуда, более рыхлая по фактуре, имеет сформованное внешнее ребро или уступчик, наlepной, часто гофрированный валик, проходящий под венчиком, а не непосредственно под срезом венчика, как на лбищенской. Полтавкинские сосуды не имеют воротничков и косых внешних срезов венчиков (бортиков). Отдельные орнаментальные мотивы вольско-лбищенской керамики зафиксированы на некоторых полтавкинских сосудах. Так, на сосуде из погребения 1 кургана 1 Утевского VI курганного могильника обнаружен сосуд, который по фактуре и по общим пропорциям близок к полтавкинским, а по орнаментальной композиции, состоящей из сочетаний горизонтальных и вертикальных длинных рядов зубчатого штампа, и наклонных коротких, дополненных горизонтальным рядом ямочек вдавлений, аналогичен вольско-лбищенской.

Не характерной для полтавкинской культуры представляется и орнаментация сосуда из погребения 3 кургана Е 26, исследованного П.Д.Рау у с. Старая Полтавка (Рау Р., 1928). Срез венчика, венчик и тулово сосуда до самого дна орнаментированы отпечатками зубчатого штампа. Композиция, состоящая из наклонных четырех линий, которые образуют вертикальную елочку, горизонтальных длинных и вертикальных коротких рядов штампа в наибольшей степени соответствует орнаментации вольско-лбищенской посуды.

Необходимо отметить сосуд, обнаруженный в 1985 году экспедицией Куйбышевского педагогического института на бархане у с.Новая Казанка близ озера Сарайдин в Уральской области. Его особенностью является сочетание фактуры сосуда (в качестве примеси к глиняному тексту добавлен песок, шамот и органика) и орнаментальной композиции, украшающей воротничок и верхнюю часть тулова. Орнаментация сосуда является типичной для вольско-лбищенской керамики, а фактура характерна для полтавкинской культуры территории Северного Прикаспия. Как отмечалось выше, сосуды вольско-лбищенского типа, в том числе и те, которые обнаружены в низовьях Узены, изготовлены из хорошо промешанной глины с примесью толченой раковины.

Наиболее важными для синхронизации полтавкинских и вольско-лбищенских памятников являются материалы поселения Гундоровка на р.Сок в Самарском Заволжье, изучение которого ведется с 1984 г. экспедицией Самарского педагогического университета. Здесь зафиксирован котлован сооружения 1, прорезающий слой позднего энеолита. В его заполнении, а также в

непосредственной близости от котлована зафиксирована керамика, которая типологически разделяется на две группы. Одна группа керамики в наибольшей степени соответствует вольско-лбищенским материалам. Отдельные сосуды Гундоровского поселения как по форме, так и по орнаменту полностью аналогичны керамике поселения Лбище (рис.8, 1-8). По венчикам выделено около шестидесяти сосудов этой группы. Другая группа керамики наиболее близка полтавkinской. Зафиксировано около десяти сосудов данной группы. Следует отметить, что она имеет некоторые отличия от керамики полтавkinской культуры. Возможно, что это некоторое своеобразие обусловлено спецификой погребальной и поселенческой посуды. В лесостепном Поволжье керамика, имеющая сходство с погребальной полтавkinской, обнаружена впервые. Здесь следует отметить мнение Н.М.Малова, который предполагает, что вольская керамика является или поселенческой полтавkinской, или принадлежит несколько иной культурной группе (Малов Н.М., 1979. С.83). В настоящее время в Прикаспии более чем на двадцати памятниках выявлена поселенческая полтавkinская посуда, которая в целом близка погребальной, и более убедительным представляется второе предположение. Памятники с керамикой вольско-лбищенского типа выделяются в особый культурный тип, хронологически близкий полтавkinским памятникам, и, судя по отмеченным выше некоторым близким элементам, а также взаимовстречаемости той и другой керамики на одних памятниках, эти культурные группы были определенным образом связаны.

Следует отметить, что кроме аналогий с полтавkinской керамикой, вольско-лбищенские сосуды по отдельным деталям в орнаменте и по профилировке некоторых сосудов вполне сопоставимы с абашевскими. Общими признаками для вольско-лбищенской и абашевской керамики являются нижеследующие признаки: упорядоченная штриховка поверхности сосудов, желобки и ребро на внутренней стороне венчика, желобки, двойной горизонтальный зигзаг. В качестве аналогии можно привести сосуд абашевского поселения у с.Суруш (Васильев И.Б., 1975а. С.45. Рис.1, 15). Он имеет воротничковое оформление венчика и желобки, орнаментированные наклонными рядами отпечатков мелкозубчатого штампа. Такое сочетание формы и орнаментальной композиции на воротничке и желобке сосудов в значительной степени характерно для вольско-лбищенской посуды.

Сопоставление керамики вольско-лбищенского типа и катакомбной показывает, что некоторые общие черты здесь можно выделить, прежде всего, в среднедонской катакомбной культуре. Это такие признаки, как наклонный срез венчика, орнаментированный наклонными рядами отпечатков зубчатого штампа, валики подтреугольной формы, расположенные под венчиком, горизонтальные ряды зубчатого штампа, обрамленные короткими вертикальными отпечатками (Пряхин А.Д., 1987. С.29, 36, 40, 47 и др.; Бондарь Н.Н., 1984. С.32. Рис.1, 18-20). Но перечисленные аналогии в керамике культурных групп не являются основными признаками ни одной из них. Они также не являются обязательными для каждого конкретного памятника среднедонской катакомбной культуры. Аналогий по сложным и своеобразным орнаментальным композициям сравниваемые группы не имеют. И

это тем более интересно, так как памятники среднедонской катакомбной культуры и памятники типа Вольск-Лбище находятся на сопредельной и, возможно, на частично совпадающей территории.

В последнее время на Среднем Дону А.Т.Синюк выделил еще одну группу, относящуюся к эпохе средней бронзы. Это материалы ивано-бугорского типа, занимающие территорию лесостепного Поволжья (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985. С.68-70). Хотя полного сходства в орнаментальных композициях и формах сосудов между ивано-бугорской и вольско-лбищенской нет, но такие признаки, как топография памятников (расположение на высоких отрогах и береговых мысах), местная энеолитическая лесостепная подоснова обеих групп, их относительная синхронность, а также близкая профилировка верхней части сосудов (наличие утолщенных венчиков различной формы), позволяют говорить о том, что появление этих памятников является отражением общих процессов, проходящих в глубинных районах лесостепи параллельно южным степным линиям - катакомбной в Подонье и полтавkinской в Волго-Уралье. Следует отметить еще одну своеобразную группу памятников, наиболее близкую ивано-бугорской, которая известна в Примокшанье (Степанов П.Д., 1955. С.66-88).

Таким образом, в лесостепном и степном Поволжье выделяется культурная группа эпохи средней бронзы. При этом, как уже было показано выше, материалы этой культурной группы хронологически наиболее сопоставимы с полтавkinскими и зафиксированы на всей территории распространения полтавkinской общности. Памятники разделяются на два больших района, имеющих свои специфические особенности. Одна группа памятников занимает лесостепное волжское Правобережье. Памятники здесь обнаружены на труднодоступных возвышенностях, имеют культурные слои и содержат значительные материалы этого типа. Другая группа памятников - это отдельные находки и небольшие коллекции керамики, обнаруженные совместно с полтавkinской керамикой в Волго-Уральском междуречье. Собственно поселения с культурным слоем здесь не зафиксированы. Наличие керамики этой группы в настоящее время можно трактовать как свидетельство постоянных контактов вольско-лбищенского населения с полтавkinскими племенами. В этом случае лесостепное Волжское Правобережье являлось основной территорией носителей керамики вольско-лбищенского типа. Соответственно, памятники этой компактной группы, занимающие единую природно-климатическую зону, имеющие общий набор устойчивых и повторяющихся признаков, могут быть объединены в рамках вольско-лбищенской культуры. Сейчас выделение этой культуры возможно только в плане постановки проблемы, так как материалы, при всей их специфике, еще не очень велики. Неясен и вопрос о территории этой культуры, и есть ли чистые поселенческие материалы данного типа на территории Волго-Уральского междуречья. В настоящее время они неизвестны. Вместе с тем, керамика вольско-лбищенского типа этого района поразительно единообразна, несмотря на значительную удаленность памятников друг от друга. Так, абсолютно аналогичны по форме и орнаменту сосуд стоянки Кара-Узек из Северного Прикаспия (рис.9, 5) и сосуд с поселения

Гундоровка, сосуд поселения Гундоровка и сосуд с бархана Капкан в районе Камыш-Самарских разливов Уральской области. Приведенные аналогии на современном уровне исследования возможно интерпретировать как свидетельство прямого контакта групп полтавкинского населения с племенами вольско-лбищенской культурной группы, основная территория распространения которых находится к северо-западу от полтавкинской и непосредственно с ней граничит. Изучение характера и причин этих контактов - задача дальнейшего исследования. В качестве наиболее вероятной аналогии представляется более поздняя, традиционная для Поволжья, модель взаимодействия степных кочевников раннего железного века и средневековья с племенами охотников и земледельцев лесной зоны. Основные черты этих взаимосвязей, которые отражаются в материальных остатках, в данном случае совпадают до деталей. Памятники вольско-лбищенского типа занимают естественно укрепленные участки высокого берега типа городищ. Здесь есть наборы каменных изделий, предназначенных, прежде всего, для растирания злаковых растений, а также крупное каменное мотыгообразное орудие. Вероятно, еще будут обнаружены следы ремесленного производства, которое могло осуществляться на поселениях и городищах. Отдельные косвенные свидетельства уже имеются - это незаконченная булава с выступами. Аналогичные изделия обнаружены в полтавкинских и катакомбных захоронениях. Свидетельством контактов является наличие вольско-лбищенской керамики на ряде полтавкинских памятников. При этом, керамика, которая может трактоваться как импортная посуда степных скотоводческих культур, на вольско-лбищенских поселениях не выявляется.

Следует отметить еще одну особенность памятников вольско-лбищенского типа - это наличие естественно укрепленных поселений, которые, возможно, дополнялись искусственными оборонительными сооружениями. Укрепленные поселения прочих культур эпохи бронзы в степном и лесостепном Поволжье неизвестны. В связи с этим представляют интерес два условно закрытых комплекса - "клад" с вершины Царева Кургана (Черных Е.Н., Корневский С.Н., 1976. С.201-208) и металлические предметы из пещеры Братьев Греше (Васильев И.Б. 1975) (рис.12). Характерно, что на этих памятниках обнаружена только вольско-лбищенская керамика. Мы не склонны безусловно связывать металлические комплексы этих памятников и керамику. Гораздо важнее, что клады датируются рубежом среднего и позднего бронзовых веков (Черных Е.Н., Корневский С.Н., 1976), что соответствует времени вольско-лбищенских памятников. Наличие кладов и укрепленных поселений делает вполне вероятным предположение о напряженной культурно-исторической ситуации в этот период. Близки по времени такие укрепленные поселения, как Аркаим и Синташта (Зданович Г.Б., 1983. С.64; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1994), разрушенное Малокизыльское селище абашевской культуры на Урале (Сальников К.В., 1967), Ливенцовская и Каратаевская крепости в Подонье (Братченко С.Н., 1976).

Дальнейшая судьба населения, оставившего памятники вольско-лбищенского типа, судя по материалам раскопок последних лет, связана с формированием в лесостепном Поволжье и Подонье памятников потаповского и власо-

во-филатовского типов. Это яркие культурные образования начала позднего бронзового века Восточной Европы, в керамике которых фиксируются вольско-лбищенские традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барынкин П.П.*, 1986. Кызыл-Хак I - новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Бондарь Н.Н.*, 1984. К вопросу о взаимоотношениях племен среднепроевской культуры и населения катакомбной культурно-исторической области // Эпоха бронзы Восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- Братченко С.Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев.
- Васильев И.Б.*, 1975а. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Т. 160. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1975б. "Загадочная" керамика // Самарская Лука в древности. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1975в. Остатки бронзового века в пещере бронзового века // Самарская Лука в древности. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф.*, 1986. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.*, 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.*, 1985. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев.
- Зданович Г.Б.*, 1983. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казакстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Малов Н.М.*, 1979. О "загадочной" керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы (тезисы докладов). Донецк.
- Прахин А.Д.*, 1987. Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж.
- Сальников К.В.*, 1967. Очерки древней истории южного Урала. М.
- Синицын И.В.*, 1951. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК. Вып. XXXVII.
- Синюк А.Т.*, 1980. Энеолит лесостепного Дона // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев.
- Степанов П.Д.*, 1955. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши // КСИИМК. Вып.59.
- Степанов П.Д.*, 1956. Вольское городище // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов. Вып.1.
- Черных Е.Н., Корневский С.Н.*, 1976. О металлических предметах с Царева кургана близ г.Куйбышева // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Rau P.*, 1928. Hockergraber der Wolgasteppe. Pskrowsk.

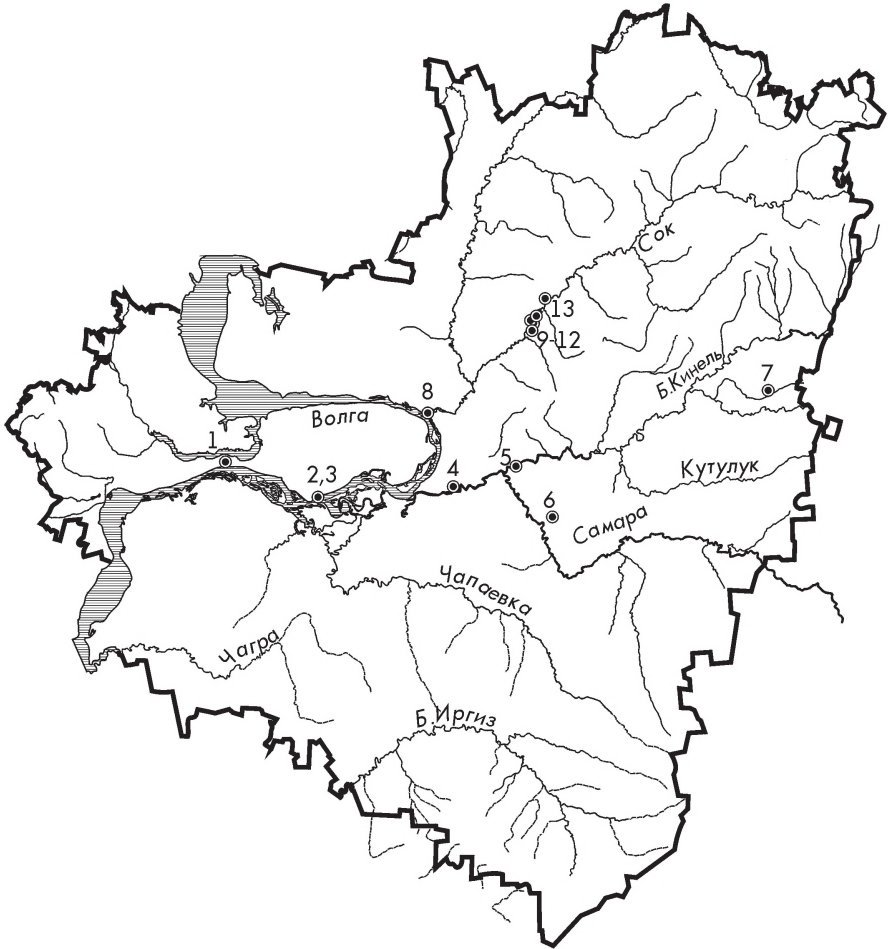

Рис.1. Карта памятников вольско-лбищенского типа.

1 – Перволоки, городище; 2 – Лбище, городище; 3 – Лбище II, селище; 4 – Кирпичные Сараи, селище; 5 – Кинель I, селище; 6 – Красносамарское, селище; 7 – Толкай, м/нах.; 8 – Царев Курган, м/нах.; 9 – Лебяжинка V, селище; 10 – Большая Раковка II, селище; 11 – Гундоровка; 12 – Лебяжинка IV; 13 – Чесноковка II, селище.

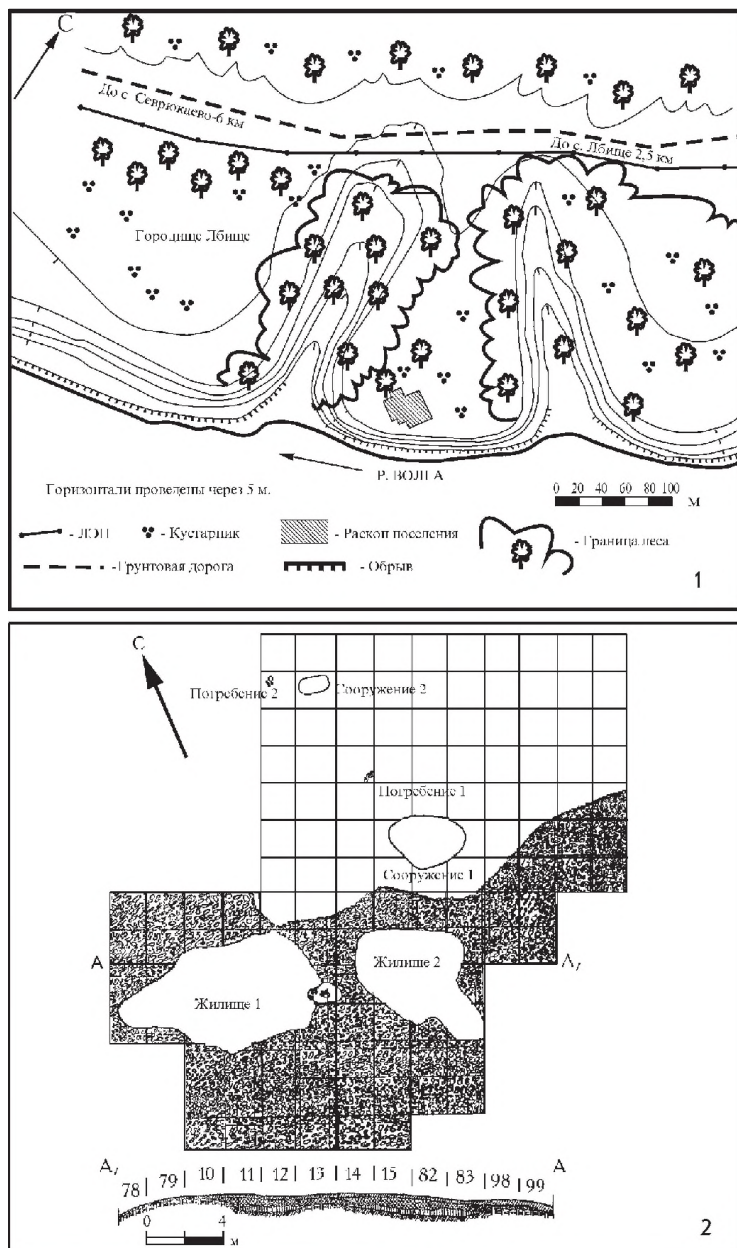

Рис.2. Местоположение памятника Лбище. 1 – карта памятника; 2 – план раскопа и его профиль по линии А, – А.

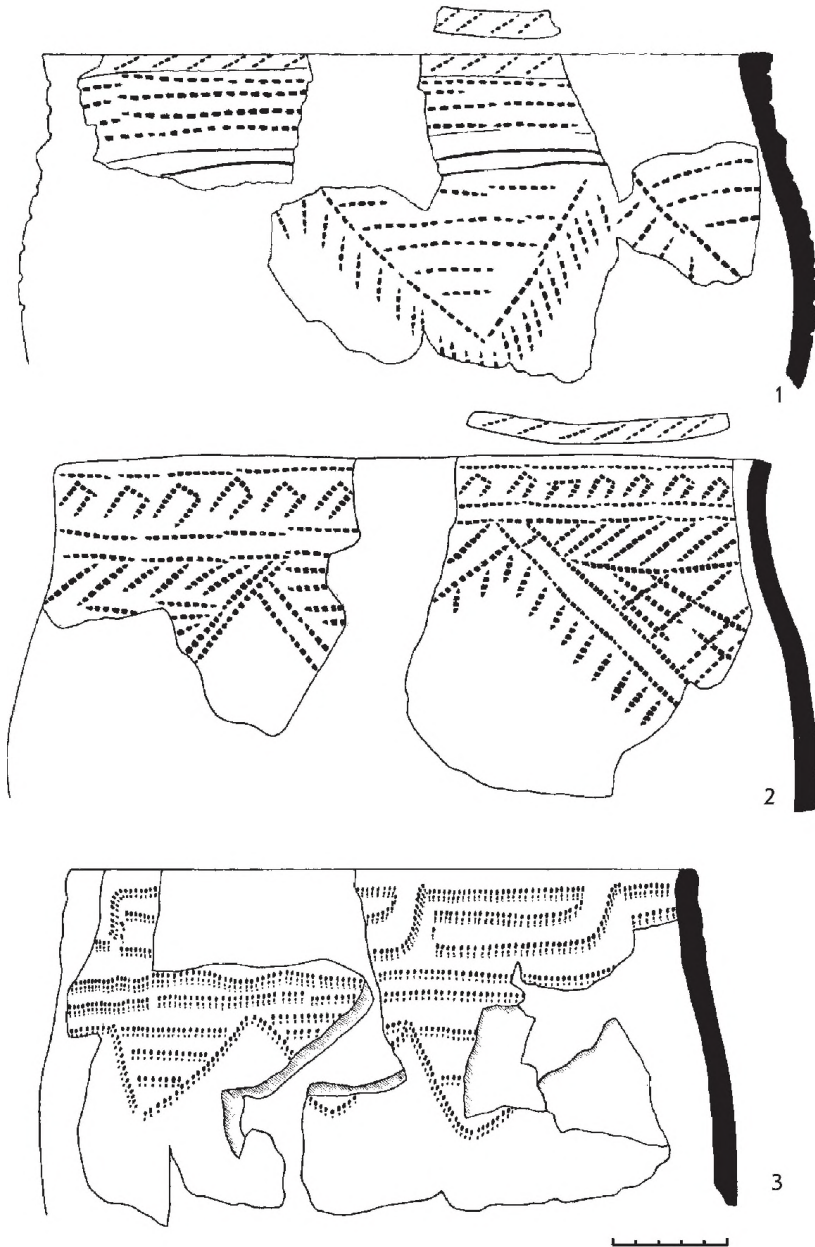

Рис.3. Сосуды поселения Лбище.

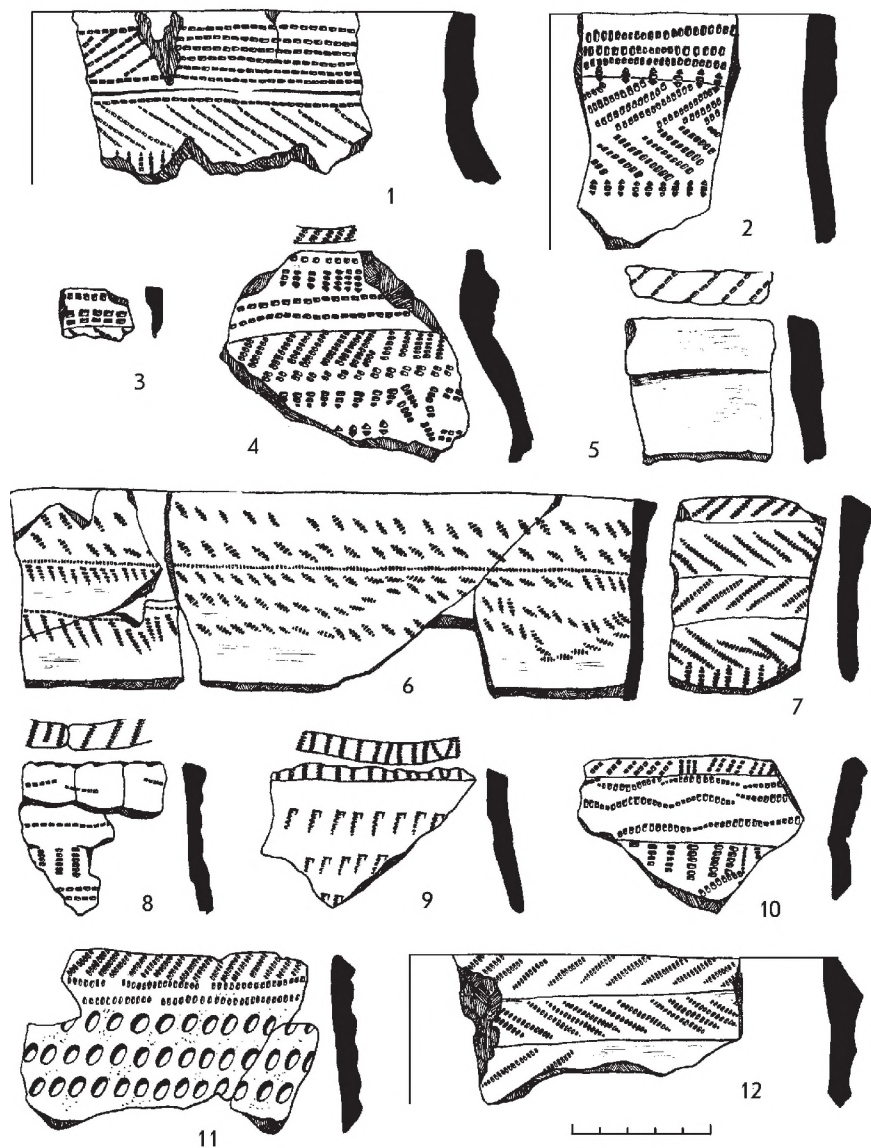

Рис.4. Керамика поселения Лбище.

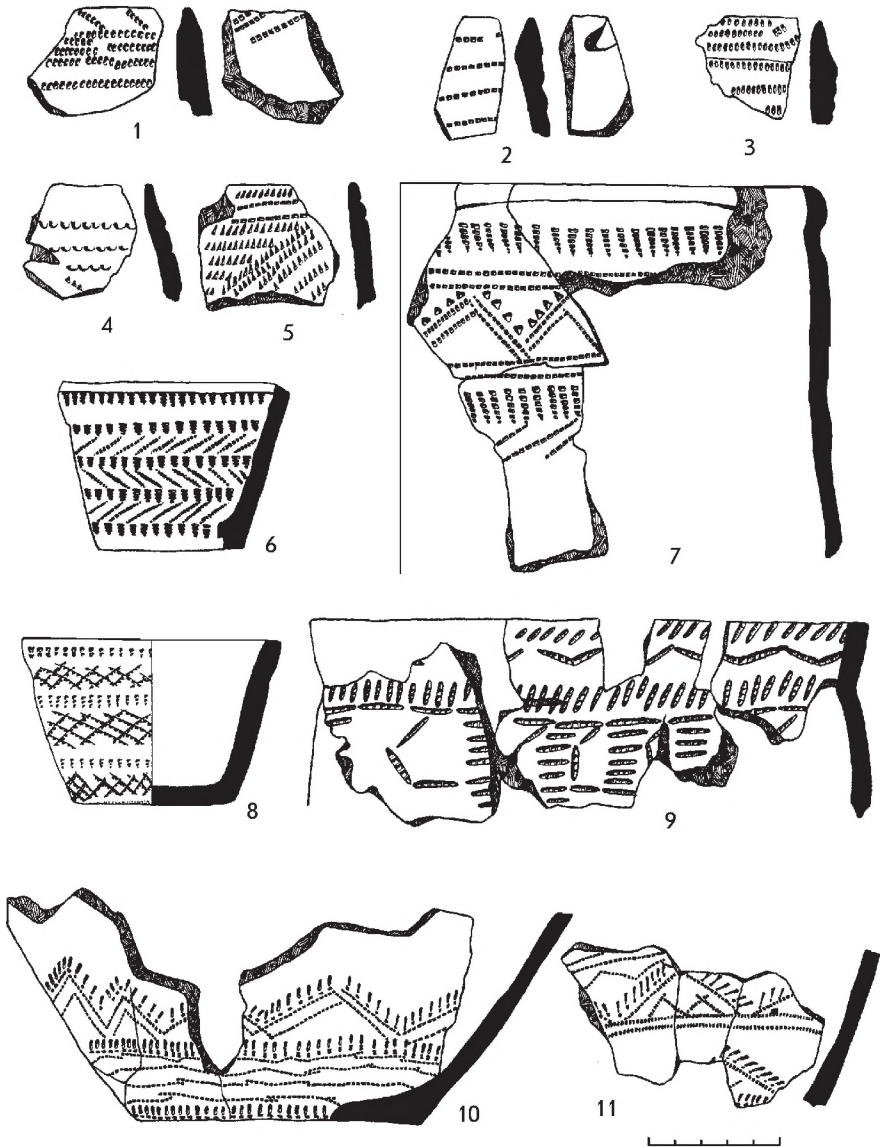

Рис.5. Керамика вольско-пбищенского типа поселения Лбище (1-7, 9-11) и поселения Гундоровка (8).

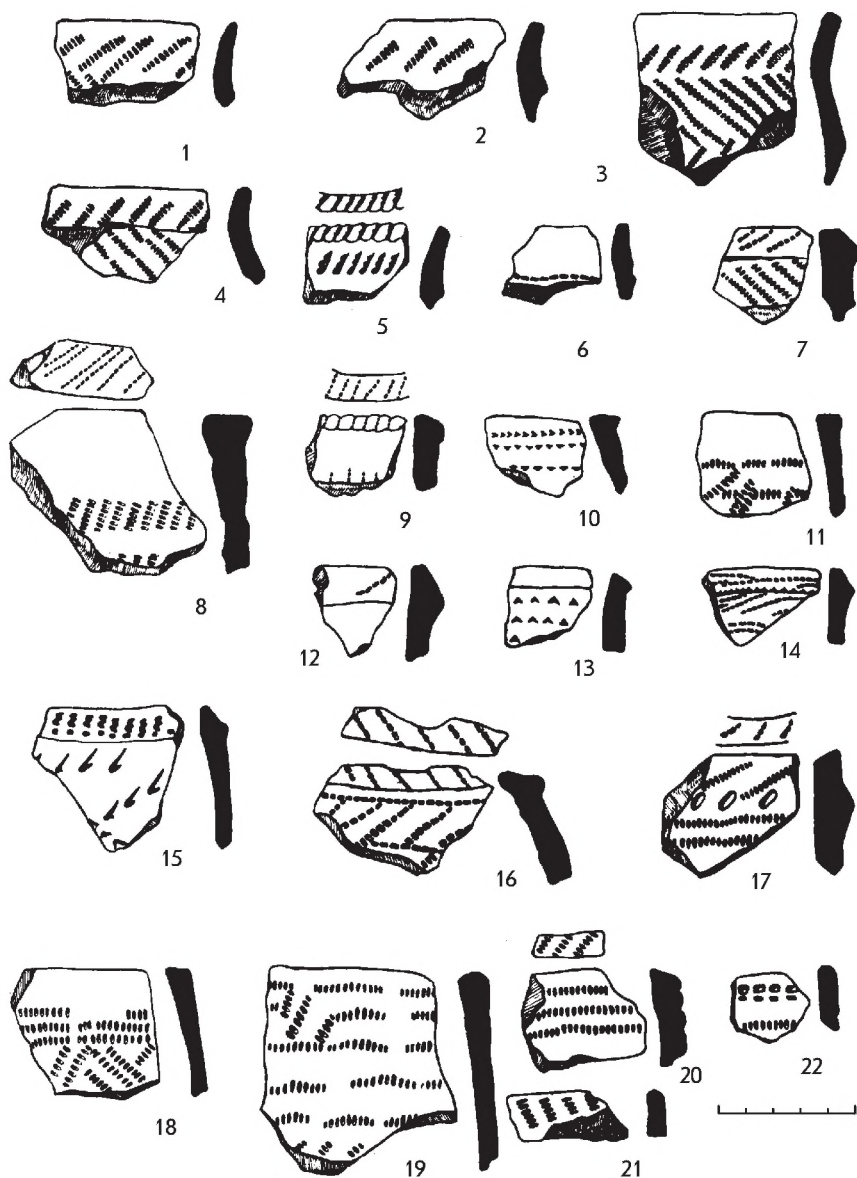

Рис.6. Керамика поселения Лбище.

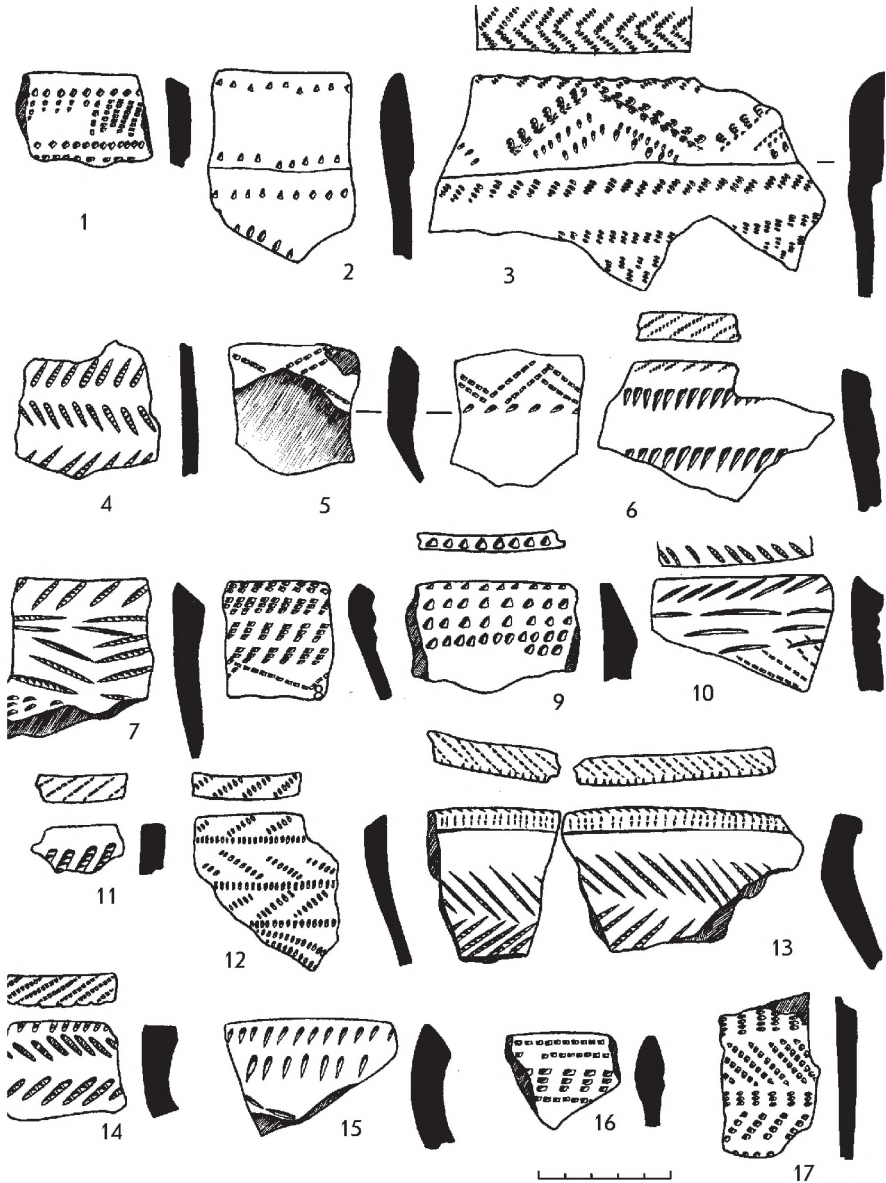

Рис.7. Вольско-пбищенская керамика Самарской Луки.

1, 8, 10, 12, 14-17 – Царев Курган; 5 – Пещера Братьев Греве; 2, 4, 7, 11 – Кирпичные Сарай на территории г. Самары; 6 – Торновское; 9 – Толкай; 13 – устье р.Сок.

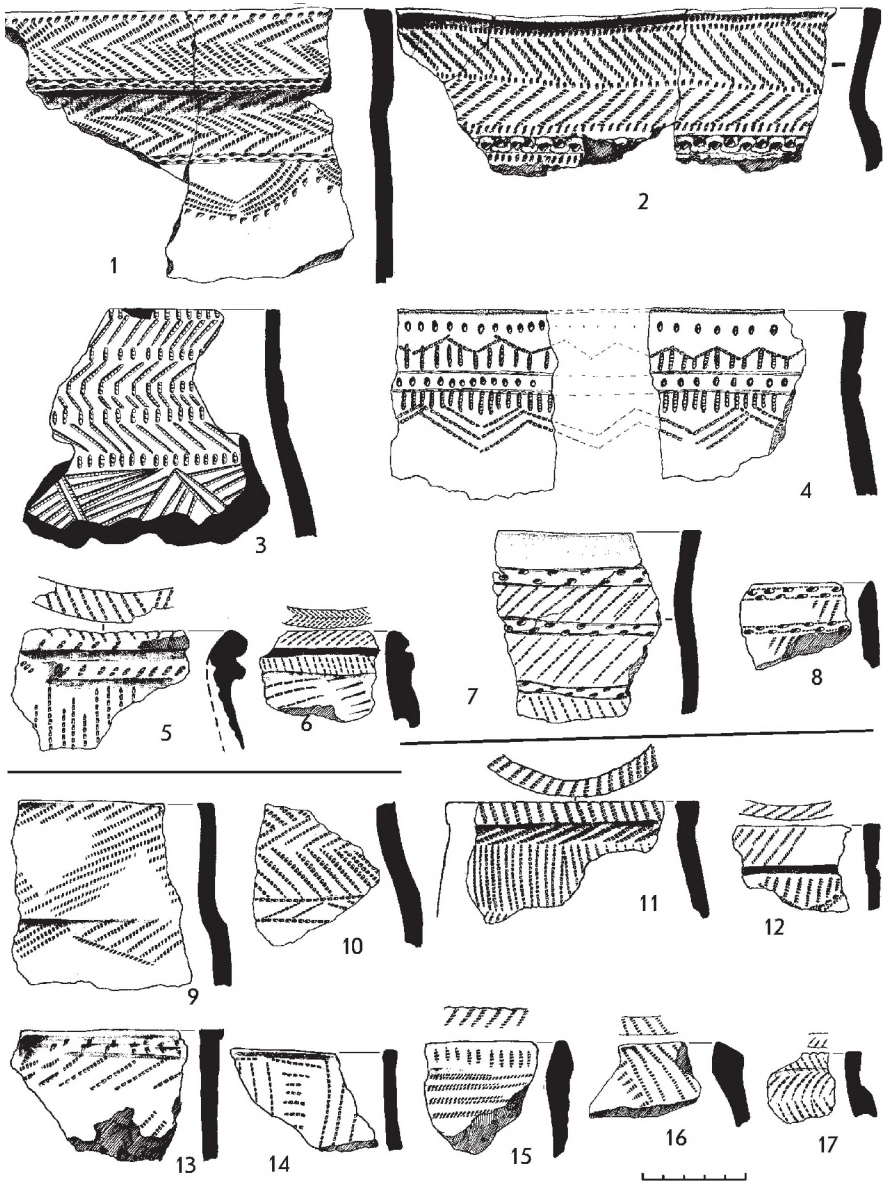

Рис.8. Керамика вольско-лбищенского типа поселения Гундоровка (1-8) и поселения Лебяжинка IV (9-17).

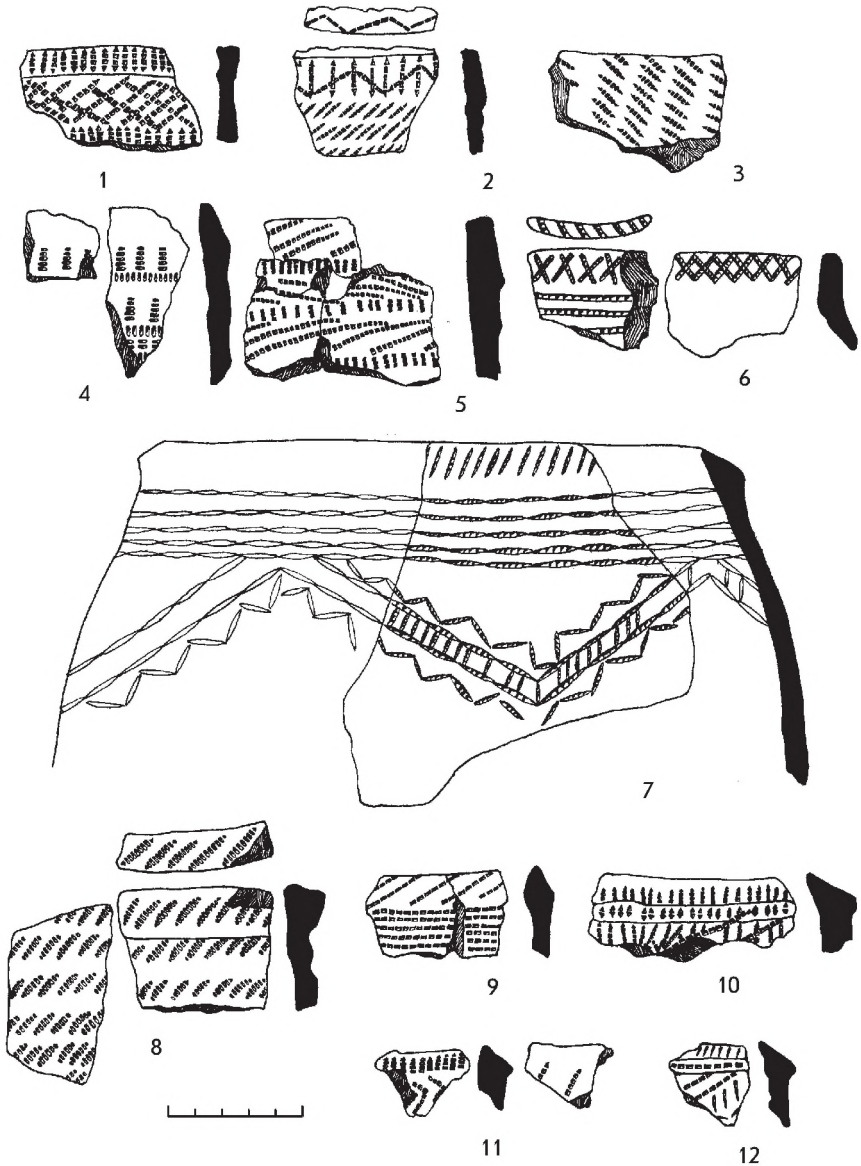

Рис.9. Керамика вольско-пбищенского типа из Северного Прикаспия.

1 - Же-Колган; 2, 8, 10, 11 - С. Букей; 3 - Н. Казанка; 4, 9, 12 - Тау-Тюбе II; 5 - Кара-Узек; 6 - Кошалак; 7 - Кызыл-Молла.

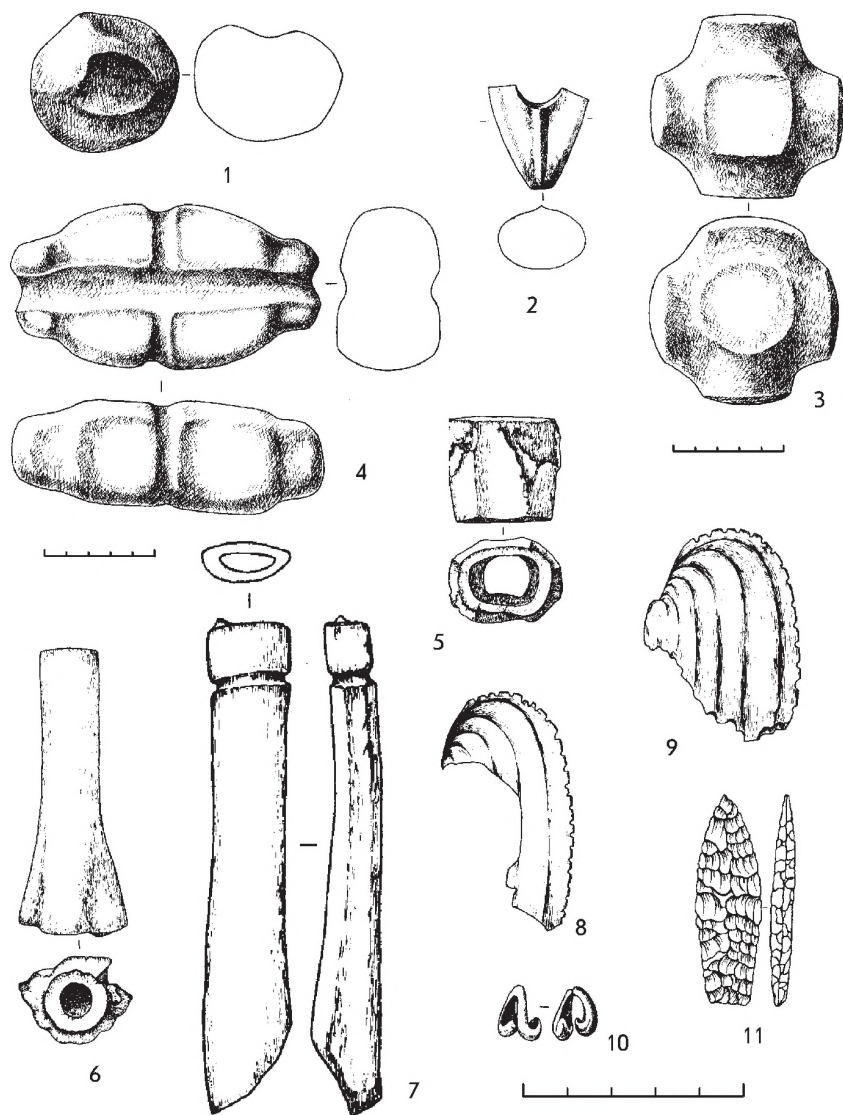

Рис.10. Индивидуальные находки с поселения Лбище и Лбищенского городища (10).

1 – 4 – каменные изделия; 5-7 – костяные изделия; 8, 9 – штампы из раковины для орнаментирования керамики; 10 – золотая подвеска; 11 – кремневый наконечник стрелы.

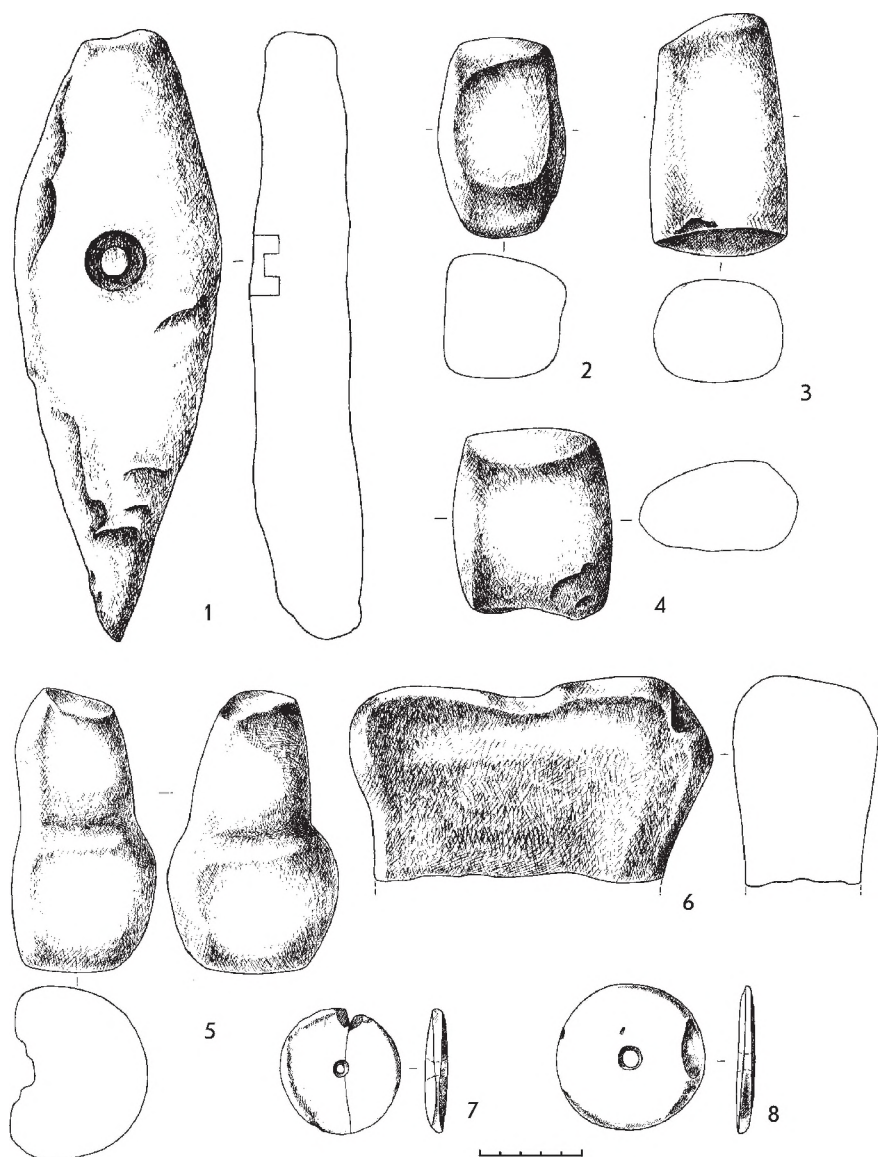

Рис.11. Каменные изделия с поселения Лбище.

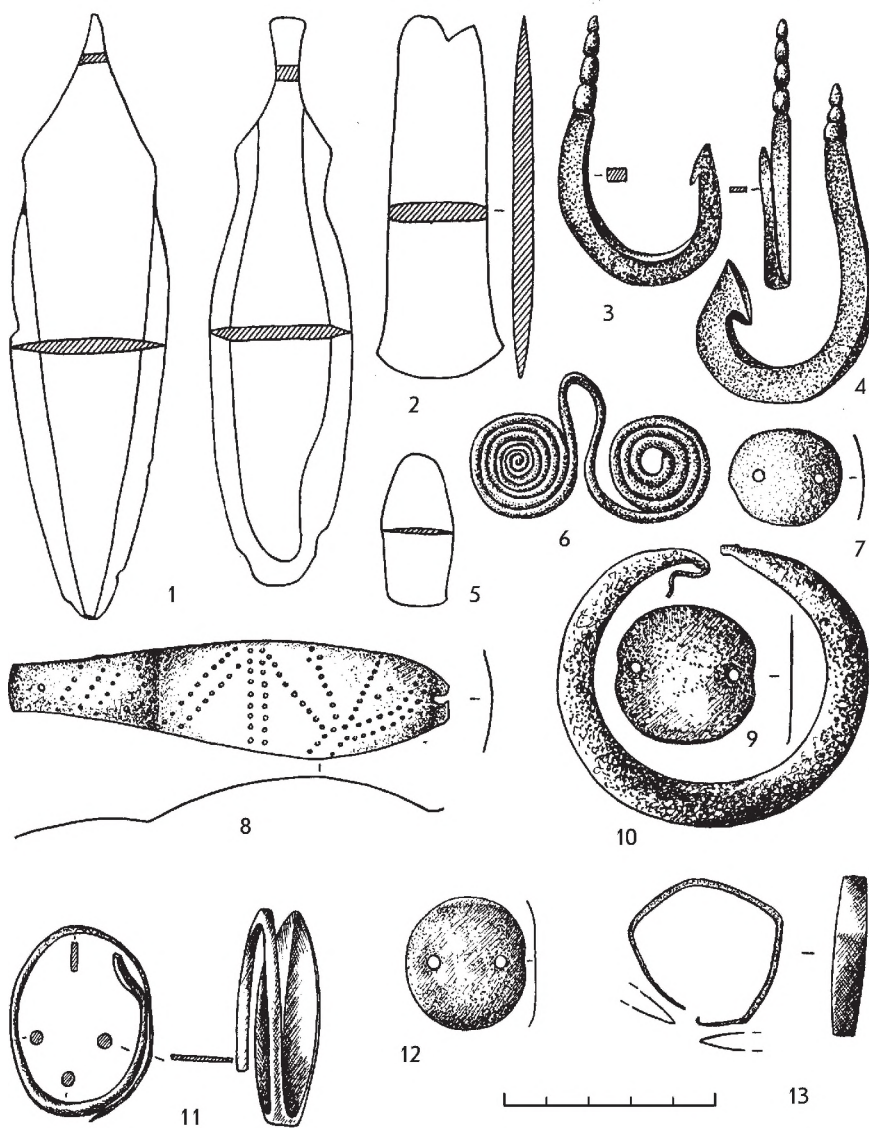

Рис.12. Металлические изделия среднего бронзового века из культурного слоя Пещеры Братьев Гриве у г.Самары.

ГЛАВА III

АБАШЕВСКАЯ КУЛЬТУРА В САМАРСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Среди культур эпохи бронзы Восточной Европы абашевской культуре безусловно принадлежит одно из ведущих мест. Корни ее уходят в мир культур шнуровой керамики и боевых топоров, некогда заселявших зону широколиственных лесов Средней и Восточной Европы. Это яркое явление первобытности завершает эпоху средней бронзы на Средней Волге и Южном Урале, став одной из основ Волго-Уральского очага культурогенеза (Бочкарев В.С., 1990; 1995), породившего такие значительные культурные образования эпохи поздней бронзы, как срубная и алакульская культуры.

Территория абашевской культуры (рис. 1) очерчивается не только традиционно — наличием поселений и могильников, но и значительно уточняется случайными находками боевых бронзовых топоров и кладов абашевской культуры. Памятники абашевской культуры расположены тремя значительными и очень компактными группами: в Правобережье Среднего Поволжья они расположены в междуречье Суры и Свияги, это 23 могильника, в которых 320 курганов; в Левобережье Среднего Поволжья, в бассейне Малой Кокшаги, расположен 21 могильник, 245 курганов; на Южном Урале — в междуречье Демы и Белой — обнаружено более 20 могильников, в них более 250 курганов, кроме того здесь известно более 40 поселений (в это число включены и местонахождения керамики). Но действительная территория абашевской культуры значительно шире, и, хотя памятники ее расположены в большом отрыве друг от друга, они не выходят в степные районы. Наоборот, случайные находки и клады расширяют абашевскую территорию на север — в зону смешанных лесов. В Верхнем Поволжье, на Оке известны: Кухмарский могильник, Земские курганы, пос. Подборица-Щербитская, Галичский и Морозовский клад. На Вятке и Каме — случайные находки топоров, копий, погребения в торфяниках Виспа, в Турбинском могильнике, Коршуновский клад. В Южном Зауралье — Верхне-Кизильский клад, клад Веселова, Мало-Кизильское пос. и т.д. Следовательно, территория абашевской культуры очерчивается от Верхнего Поволжья на западе до Южного Зауралья на востоке, от Средней Камы на севере до р. Самары на юге.

Самарское Поволжье вошло в зону распространения абашевской культуры только на позднем ее этапе. Здесь известны как поселенческие, так и погребальные памятники, значительно дополняющие наши знания о культуре в целом. Эта территория не являлась основной для абашевской культуры, чем объясняется малочисленность памятников (17 поселений, в число которых входят и местонахождения керамики, и 4 погребальных памятника). Такая ситуация порождает необходимость обращения к материалам культуры в целом при анализе памятников абашевской культуры из Самарского Поволжья.

История изучения памятников абашевской культуры в Самарском Поволжье

История изучения абашевской культуры насчитывает три четверти века. В 1924 году профессор В.Ф.Смолин раскопал в Чувашии у с. Абашево курганы, давшие своеобразный, яркий материал (Смолин В.Ф., 1928). Осмысление новых памятников привело В.Ф.Смолина к необходимости выделения новой археологической культуры.

Исследование погребальных абашевских памятников на правом и левом берегу Средней Волги активно велось на протяжении ряда лет (Кривцова-Гракова О.А., 1947; Алихова А.Е., 1956; Евтюхова О.Н., 1959; Цветкова И.К., 1961; Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961; Мерперт Н.Я., 1961; Халиков А.Х., 1961; Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966; Крайнов Д.А., 1962; Крайнов Д.А., Уткин А.В., 1991; Бадер О.Н., 1970; Соловьев Б.С., 1984; Каховский Б.В., 1986; Атлас..., 1990; Большов С.В., 1988; 1989; 1990; Большов С.В., Кузьмина О.В., 1995). Но поселения абашевской культуры здесь не найдены. Новые аспекты абашевской культуры стали известны после открытия ее памятников на Южном Урале. Здесь был обнаружен и исследован не только целый ряд могильников, но и поселения (Сальников К.В., 1950; 1957; 1967а; Збруева А.В., 1958; Бадер О.Н., 1964; Пряхин А.Д., Горбунов В.С., 1979; Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., 1985; Горбунов В.С., Пшеничнюк А.Х., Акбулатов И.М., 1989; Горбунов В.С., Морозов Ю.А., 1991; Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1996). В настоящее время известны и рудные источники, которые разрабатывались абашевцами. К концу XIX – первой трети XX века относятся находки кладов абашевской культуры (Bortvin N.N., 1928; Спицин А.А., 1903; Ефименко П.П., Третьяков П.Н., 1961. С.80, Сальников К.В., 1967. С.40). По результатам полевых работ был написан ряд обобщающих исследований по абашевской культуре и ее месту среди культур эпохи бронзы Восточной Европы (Сальников К.В., 1951; 1954; 1962; Большов С.В., 1995; Евтюхова О.Н., 1961а; 1961б; Смирнов А.П., 1961; Черных Е.Н., 1970; Пряхин А.Д., 1976а; 1976б; 1977; Горбунов В.С., 1976; 1977а; 1977б; 1986; 1992; Кузьмина О.В., 1983; 1992; 1995; 1999; 2000; Бочкарев В.С., 1986; Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989; Большов С.В., 1994; 1995).

В Самарском Поволжье памятники абашевской культуры целенаправленно изучаются с начала 70-х годов XX столетия. Но фактически, эта работа была начата В.В.Гольмстен и ее учениками в 20-е годы XX столетия, когда М.Г.Маткин обследовал бассейн р. Кондурчи и нашел несколько поселений с разрушающимся абашевским культурным слоем. В 60-е годы О.Н.Бадер обследовал пещеры Самарской Луки и нашел в пещере Братьев Грече, в разведочном раскопе бронзовые украшения абашевской культуры. В 60-70-е годы в Нефтегорском районе Самарской области учитель школы с. Утевка К.Е.Данилов собрал на дне «Человечья голова», на берегу р. Самары украшения абашевской культуры. Вероятно, в древности, на дне, на высоком сухом месте, располагался могильник, со временем разрушенный.

В 70-е годы начала работать Средневожская археологическая экспедиция. В задачи отряда, которым руководил И. Б. Васильев, входило изучение памятников эпохи камня и бронзы, а среди них и абашевской культуры. Первоначально обследовались те места, где абашевские памятники были уже известны - поселения на р. Кондурче, дюны р. Самары, пещера Братьев Гриве. В ходе широких разведок по районам области с целью составления карты расположения археологических памятников были обнаружены абашевские поселения на реках Сок, Б. Кинель. В эти же годы начались раскопки абашевских поселений на реках Суруш, Б. Кинель, Сок, Самара. Погребальные памятники найдены на р. Самаре. Работы эти не прекращаются и по сей день (рис. 2).

Волга

Как показывают исследования, памятники абашевской культуры фактически отсутствуют по берегам р. Волги. Исключение составляет пещера Братьев Гриве, расположенная на крутом левом берегу Волги, на Самарской Луке, в 10 км к северу от Самары, в Красноглинском районе Самарской области. С 1924 г. здесь проводились раскопки как археологами, так и спелеологами, и среди прочих находок были обнаружены металлические изделия абашевской культуры (рис. 3, 1, 2) – два крючка и нож со змеиной головкой (Васильев И. Б. 1975б). Судя по всей совокупности найденного там материала, пещера посещалась древним человеком на протяжении ряда эпох.

Сок

Основное число бытовых абашевских памятников находится на р. Сок. Это Белозерки (раскопки В. Т. Карцева), Подгорный (разведки И. Н. Мажановой), I Чесноковское поселение (разведки И. Н. Мажановой, раскопки С. А. Агапова, В. И. Пестриковой), Красный Городок (разведки В. В. Гольмстен, раскопки О. В. Кузьминой, А. А. Ластовского), материалы поселения опубликованы (Кузьмина О. В., Ластовский А. А., 1995); Ильинка (раскопки А. Е. Мамонова), Лебежинка V (раскопки М. А. Турецкого), Русская Селитьба II (раскопки Ю. И. Колева).

На р. Суруш, являющейся притоком р. Сок, находится поселение Суруш. Разведки проводились И. Н. Мажановой, раскопки - И. Б. Васильевым, А. Д. Пряхиным, О. В. Кузьминой (Васильев И. Б., Пряхин А. Д., 1977).

На р. Кондурче, притоке р. Сок, расположены поселения Шабановка, Булькунновка, Алмазовка, Ст. Семейкино, между Константиновкой и Алмазовкой (сборы керамики М. Г. Маткина, С. А. Агапова, О. В. Кузьминой).

Самара

На р. Самаре обнаружено несколько памятников. Максимовское поселение открыто и раскапывалось Р. М. Юнусовой. II Красносамарский могильник, впускное погребение абашевской культуры раскопано И. Б. Васильевым (Кузьмина О. В., 1979). На дюне “Человечья голова”, сборы проводились К. Е. Даниловым и И. Б. Васильевым (Васильев И. Б., 1975а). Исследован могильник у Никифоровского лесничества (Васильев И. Б., Пряхин А. Д., 1979.)

На р. Съезжая, притоке р. Самары, обнаружен могильник Съезжее, в котором есть погребения абашевской культуры. Раскопки И. Б. Васильева, Г. И. Матвеевой (Васильев И. Б., Матвеева Г. И., 1976).

На р.Большой Кинель, притоке р. Самары расположены поселения Красные Пески, Точка, Глубокое Озеро, Венера. Разведки А.Пасечникова, Р.С.Багуддинова. Раскопки И.Б.Васильева, О.В.Кузьминой (Васильев И.Б., Кузьмина О.В., 1980).

Таким образом, в Самарском Поволжье абашевские памятники располагаются в бассейнах двух рек — Сок и Самара. Внутри этой зоны бытовые памятники сосредоточены в северной ее части, а погребальные - в южной. Материалы абашевской культуры Самарского Поволжья послужили основой для ряда научно-исследовательских разработок (Христинина О.В. 1974; Васильев И.Б., 1975; 1976; Васильев И.Б., Матвеева Г.И., 1986; Кузьмина О.В., 1978; 1979).

Поселения абашевской культуры

Поселение Максимовка находится в Богатовском районе Самарской области, на дюне р. Самары. Раскопки не обнаружили здесь каких-либо сооружений. Несколько раз проводился осмотр дюны и сбор подъемного материала. Обнаружена керамика абашевской и срубной культур. Абашевская керамика (рис.4) представлена 15 баночными и 10 горшковидными сосудами. Вся керамика с примесью раковины в глине. Часть банок имеет стянутое устье, у других - прямые стенки. Есть банки с утолщенным венчиком, с желобчатой внутренней поверхностью. Один баночный сосуд имеет биконическое тулово. Горшки колоколовидной формы с резко отогнутым коротким венчиком, образующим ребро на внутренней поверхности. У одного горшка высокая шейка, переходящая в стенки через уступчик. Вся керамика имеет каннелированную поверхность, в некоторых случаях каннелюры дополнены мелкозубчатым орнаментом.

Поселение Суруш находится в 1,5 км к Ю от пос. Средний Иса克林ского района Самарской области, на правом берегу р. Суруш, правого притока р. Сок. Оно занимает довольно ровную площадку небольшого всхолмления первой надлуговой террасы. Высота мыска над уровнем воды 2,5-3,0 м. С севера, востока и юго-востока площадка защищена от ветров высокой коренной террасой. Противоположный берег р. Суруш низкий, заболоченный. Большая часть поселения разрушена рекой. Сохранившаяся часть имеет длину вдоль берега 50 м, ширину 25 м. Исследована часть поселения, примыкающая к обрыву. Площадь раскопа 290 кв.м. Сооружения не зафиксированы. Обнаружен абашевский и срубный культурные слои. Срубный материал зафиксирован на площади 14 х 6 м. Абашевский культурный слой расположен под северной частью срубного и имеет площадь 6,5 х 3 м. Важен вопрос о стратиграфическом соотношении абашевской и срубной керамики. Подсчет керамики обеих культур по штыкам толщиной в 20 см показал, что в основании культурного слоя, в третьем штыке, абашевской керамики в два раза больше, чем во втором. Большинство срубной керамики сосредоточено во втором штыке, а в нижнем, третьем штыке ее в пять раз меньше. Таким образом, абашевская керамика сосредоточена преимуще-

ственно ниже уровня залегания основной массы срубной керамики. Вероятно, срубная керамика попала в абашевский слой в результате втаптывания.

Абашевская керамика (рис. 5) имеет желтый и серый цвет, примесь толченой ракушки в глине. Выделяется 25 сосудов, среди них 10 баночных и 10 горшковидных, 1 чашевидный, форма других не определяется. Горшки колоколовидные, с резко отогнутым под углом венчиком. У некоторых сосудов есть желобок на внутренней стороне венчика. Банки имеют как прямые стенки, так и выпуклые, со стянутым верхом. Часть из них с утолщенным венчиком. Чаша колоколовидная, с утолщенным венчиком. Вся керамика имеет канnelированную поверхность. Желобки прямые, в двух случаях волнистые. У некоторых сосудов желобки дополнены зубчатым зигзагом или рядом насечек, рядом треугольников вершиной вниз, горизонтальной елочкой, нанесенной мелкозубчатым штампом. Один сосуд орнаментирован в придонной части рядами каннелюр и насечек.

Поселение Точка находится в 1,5 км к Ю от с. Точка Похвистневского района Самарской области. Поселение расположено на небольшом всхолмлении, на правом берегу р. Большой Кинель. Высота обрыва над уровнем воды 8 м. Поселение разрушается рекой. Территория, на которой оно расположено, отличается от окружающей местности лишь небольшим повышением. С севера и юга оно ограничено ложбинками, по которым в реку с территории поселка стекает вода, вследствие чего площадка поселения суше, чем окружающая местность. Река в этом месте очень извилиста, быстра, местами глубока. Левый берег ее низкий, пойменный. Пойма неширокая — 100–200 метров. Правый берег высокий, обрывистый, не заливается в половодье. Чуть ниже поселения река разделяется на две протоки, так как от основного русла отделяется рукав, и в этом месте образуется небольшой остров. Берега реки заросли слабо, лишь кое-где растут небольшие группы деревьев и кустарников. Водораздел совершенно лишен растительности.

Вдоль обрыва был исследован раскоп площадью 790 кв. м. Обнаружено два очага. Первый представлял собой чашу диаметром 0,5 м, дно которой выложено камнями диаметром 5–7 см, а стенки образованы наклонно стоявшими плитами. Под камнями находился слой золы и углей мощностью 5–6 см. Камни обожжены. Сооружение углублено в материк на 5 см. Рядом обнаружено скопление костей животных, угольков. В 2,5 м к северу от очага зафиксировано скопление крупных и мелких костей животных: челюсти и кости ног барана, коровы и лошади.

Второй очаг находился в 3,5 м к югу от первого. Он сделан также в неглубокой ямке, глубиной до 10 см. На слое золы и углей, мощностью 3 см, лежали обожженные камни. Они меньше, чем в первом очаге, и здесь нет вертикально стоявших плит. Размеры каменной кладки 0,6 x 0,8 м.

Поселение многослойное. Преимущественно вдоль берега располагалось поселение ранней срубной (покровской) культуры, выше по всхолмлению — находилось поселение абашевской культуры. Керамика разных культур разделяется не только планиграфически, но и стратиграфически. Большинство абашевской керамики залегает в основании культурного слоя, а основная часть сруб-

ной керамики лежит выше нее. Очаги расположены на возвышенности, там, где абашевская керамика абсолютно преобладает. На поселении найдены свидетельства металлообработки: обломки литейных форм и сплески меди.

В абашевскую коллекцию керамики входит более 100 сосудов (рис. 6-7). Около 10 сосудов имеют пористую фактуру из-за выгоревшей или выпелоченной примеси. Они легкие, пористые, светло-коричневого цвета, не прочные. Это банки с выпуклым туловом и горшки колоколовидной формы с ребром и желобком на внутренней стороне венчика. Остальная керамика (более 90 сосудов) серого цвета, с примесью толченной раковины. Это банки с прямыми стенками, банки с закрытым устьем и выпуклым туловом, горшки с ребром на внутренней стороне венчика и иногда желобком, маленькие острореберные сосудики с ребром в нижней трети тулова, большая колоколовидная чаша. Днища сосудов имеют плавный переход к стенкам. Диаметр венчика сосудов колеблется от 9 до 30 см. Диаметр венчика маленьких острореберных сосудиков значительно меньше. Все сосуды орнаментированы. Основу узора составляют ряды прямых или волнистых желобков. Орнамент наносился мелкозубчатым и гладким штампом, а так же концом палочки. Узор зонален. Элементами орнамента являются валики, горизонтальные линии, заштрихованные ромбы, треугольники с горизонтальной штриховкой, опущенные вершиной вниз, группы вертикальных линий, расположенные в шахматном порядке, меандры, зигзаги. У части сосудов украшена внутренняя поверхность (треугольники вершиной вниз) и срез венчика.

Поселение Красные Пески находится в 2,5 км к западу от пос. Красные Пески Похвистневского района Самарской области, на небольшом всхолмлении старицы р. Большой Кинель, высота которого над уровнем воды 1,5-2 м. Территория распахивается. Находки встречались на протяжении 240 м вдоль края террасы. Раскопом исследована площадь 96 кв.м. Остатков жилых или хозяйственных сооружений не обнаружено. При исследовании поселения найдена керамика срубной и абашевской культур. При подсчете соотношения керамики обеих культур по слоям мощностью в 20 см выяснилось, что в нижних слоях количество абашевской керамики увеличивается, а срубной уменьшается, следовательно, керамика абашевской культуры на поселении является более ранней, чем срубная.

Абашевская керамика представлена 24 сосудами, среди которых 9 горшков, 7 банок, 4 чаши (рис. 8-9). Горшки имеют колоколовидную форму с резко отогнутым венчиком, образующим ребро на внутренней поверхности, а иногда и желобок. Баночные сосуды, как правило, имеют прямые стенки. Керамика серого или желтого цвета, с примесью толченой раковины в глине. Вся посуда орнаментирована. Основным элементом орнамента являются желобки, которые дополняются волной, рядами коротких насечек и резным зигзагом. Часть сосудов имеет композиционно сложный орнамент, нанесенный мелкозубчатым штампом. Он включает меандры, заштрихованные ромбы, треугольники вершиной вниз с горизонтальной штриховкой, группы вертикальных насечек, расположенные в шахматном порядке. В углах ромбов и треугольников есть круглые ямки. Внутренняя поверхность венчика двух

сосудов орнаментирована треугольниками вершиной вниз. На поселении найден изогнутый стержень квадратный в сечении, на одном его конце желобок для привязывания, другой конец расплюсчен и имеет прямоугольное сечение. Возможно, это сломанный крюк. Аналогичные ему известны в абашевских памятниках. Стержень изготовлен из меди группы ТК, что подтверждает его принадлежность к абашевскому слою.

Поселение Глубокое Озеро расположено на берегу одноименного озера (старица р. Большой Кинель), в 1 км к востоку от с. Сухая Речка Похвистневского района Самарской области. Раскопанная площадь составляет 40 кв.м. Обнаружена керамика абашевской и срубной культур. Абашевская керамика (рис.3, 3-6) представлена банками и колоколовидными горшками с ребром и иногда желобком на внутренней поверхности венчика. Интересной особенностью нескольких сосудов является сильная пористость поверхности, легкость, вероятно, в глине было много органической примеси, выгоревшей при обжиге. Эта керамика имеет светло-коричневый цвет и орнаментирована желобками в сочетании с валиками. У остальных сосудов цвет серый и примесь толченой раковины в глине. Вся керамика имеет каннелированную поверхность. Желобки дополнены прочерченной волной и зигзагом или группами вертикальных отпечатков зубчатого штампа, а также меандром, нанесенным мелкозубчатым штампом.

Поселение Красный Городок находится в Красноярском районе Самарской области, в 100 м к ЮВ от с. Красный Городок, на правом берегу р. Сок. Культурный слой поселения связан с аллювиальными отложениями, слагающими прирусловый вал у стыка современной поймы и надпойменной террасы. Прирусловый вал отложился на берегу древнего русла, в настоящее время пересошедшего и заболоченного. Возвышенность, на которой расположено поселение, имеет размеры 120 x 70 м, при максимальной высоте 2,5 м. Местность вокруг представляет собой пойменный, затопляемый в половодье луг. Неподалеку находится еще несколько разновременных старичных водоемов, не связанных с поселением. О поселении абашевской культуры на этой дюне свидетельствуют находки керамики, бронзовые и костяные изделия, кости домашних животных, три очага. Раскоп имеет площадь 530 кв.м. Вся абашевская керамика по глубине залегания была нанесена на профили раскопа. Оказалось, что абашевский культурный слой лежит на древней поверхности мыска, повторяя его склоны. Камни очагов находятся на одном уровне с абашевской керамикой, то есть лежат на древней поверхности, современной абашевскому поселку. Пространство между очагами и в непосредственной близости от них наиболее сильно насыщено керамикой. Ниже абашевского культурного слоя залегает слой елшанской культуры эпохи неолита.

Очаги расположены по сторонам света и как бы по углам равностороннего треугольника (рис. 10). Расстояние между очагами N1 - N2, и N1-N 3 по 7 м, между очагами N2 - N3 – 11 м. Очаги представляли собой скопления камней, лежавших компактно на площади 0,7x0,6 или 0,35x0,4 м. Среди камней найдены обломки трубчатых костей животных (часть их обуглена), челюсть коровы, фраг-

менты керамики. В одном очаге, почти в центре его, обнаружены кости ног и челюсть коровы.

Остеологические определения показали наличие 19 костей от двух особей крупного рогатого скота, 6 костей от двух особей мелкого рогатого скота, 8 костей от двух особей лошади. В одном очаге - фрагмент левой челюсти коровы, в другом очаге: 3 зуба, фрагмент плечевой кости коровы; фрагмент нижней челюсти, фрагмент таза мелкого рогатого скота.

У очага N1, в окружности диаметром 7 м, зафиксированы камни, лежавшие без определенной системы. За пределами этой площади, в юго-восточной части раскопа, обнаружено скопление камней на площади 1,5x1,0 м, лежавших также без видимого порядка.

Каждый очаг обогревал зону диаметром 7,0-7,5 м. Эти зоны соприкасаются, что создает замкнутое обогреваемое пространство. В теплой зоне очага концентрируются находки битой посуды и костей животных, что свидетельствует о наиболее интенсивной деятельности людей именно в теплых зонах очагов. В центре площадки очага нет, и он не входит в отопливаемую зону - здесь менее всего насыщен культурный слой. По всей видимости, очаги составляли единый комплекс и были одновременны, так как вокруг них собрана однокультурная и одновременная керамика.

Поселение было недолговременным. Возможно, исследованный памятник свидетельствует об одной зимовке людей и принадлежавшего им стада скота. Здесь нет следов сооружения долговременных жилищ, но есть остатки нескольких очагов. Закономерность в их расположении говорит о возможности существования обогреваемой площадки, которая, возможно, имела ограждение, не оставившее следов. Косвенно на ограждение указывают скопления камней в юго-восточном углу предполагаемой жилой площадки и около очагов. Возможно, камни крепили изгородь, навесы и тому подобное, и жерди не были глубоко врыты в землю, а, следовательно, не оставили следов на уровне материка. Кроме того, в ряде мест фиксируется подъем культурного слоя, что, возможно, связано с присыпкой земли вдоль ограждения, поэтому попавшие на нее кости и фрагменты керамики оказались выше уровня древней абашевской поверхности. Подъемы древней почвы отмечены западнее, южнее и северо-восточнее очага N3, западнее, южнее и восточнее очага N2 и западнее, южнее, восточнее и севернее очага N1. Вероятно, это остатки сооружений, крепивших ограждение очагов. Общего перекрытия или ограждения площадка, возможно, не имела.

Исследованная жилая площадка дает один из образцов бытовых поселенческих памятников абашевской культуры. Жилая площадка характеризуется слабо насыщенным культурным слоем с мелкими, растоптанными фрагментами керамики, незначительным числом костных остатков домашних животных, отсутствием следов долговременных жилищ. Но о безусловном наличии здесь поселения говорят остатки каменных очагов и жертвенники из челюстей и ног коров возле них. О сооружениях в виде навесов или изгороди свидетельствуют перекопы культурного слоя и скопления камней.

Абашевская керамика (рис. 11, 1-7) представлена хозяйственной и столовой посудой. Вся она сделана по одной технологии и украшена в едином стиле. Керамика вылеплена из глины с добавлением толченой речной ракушки. Вся керамика плоскодонная. В коллекцию входят фрагменты от 27 сосудов. Баночную форму имеет три сосуда с выпуклыми стенками, верхняя часть которых каннелирована. Горшковидные сосуды (6 экземпляров) имеют отогнутые под углом венчики. Поверхность хорошо обработана и не имеет следов зачистки. Орнамент из каннелюров на горшках дополнен валиками, прочерченным и зубчатым узором — двойным зигзагом, шахматным узором, рядами и группами наклонных отпечатков, волной. Геометрический орнамент представлен висячими треугольниками с горизонтальной штриховкой и ромбами. Ямки ограничивают треугольники, повторяют волну, подчеркивают ряды каннелюр. Ямки имеют подтреугольную форму (отпечаток уголка штампа) или семечковидную форму. Индивидуальные находки представлены бронзовыми поделками: прутком, двумя скобками и крючком с ушком и без борodka. Из кости сделан стерженек и гарпун (рис. 11, 8-13).

Поселение Лебяжника находится в Красноярском районе Самарской области, на высоком всхолмлении террасы р. Сок. Исследовано около 1500 кв.м. Обнаружено три жилища, одно из которых принадлежит срубной культуре, а два других — сусканской. Самым древним на мыске является неолитический культурный слой. Сооружений, связанных с абашевским культурным слоем, нет. Он перекопан в результате поздней жизнедеятельности и совершенными здесь погребениями.

На поселении обнаружен небольшой керамический комплекс абашевской культуры (рис. 12). Выделяется 45 сосудов. Среди них 24 баночных и 15 горшковидных, 3 слабопрофилированных, 3 маленьких острореберных сосудика. Баночные сосуды имеют прямые стенки, среди них есть экземпляры очень крупных размеров. У единичных банок стянутое устье. Преобладают горшки с резко отогнутым под углом коротким или высоким венчиком. Горшки с плавно отогнутым венчиком представлены лишь несколькими экземплярами. Маленькие острореберные сосудики единичны, что характерно для бытовых памятников абашевской культуры.

При лепке абашевский сосуд стоял на венчиковой части и наращивался от венчика к днищу, поэтому глина “стекала” вниз, в результате чего венчик сосуда получался толще стенок. Так, у некоторых сосудов толщина венчика 1,5 см, а толщина стенок 0,9 см. У других сосудов эта разница менее выражена: толщина венчика 0,8 см, а стенок 0,7 см. У третьих толщина венчика и стенок одинакова. Днища абашевских сосудов довольно тонкие, не массивные, с плавным переходом к стенкам, без закраин. В целом керамика толстостенная. Венчик имеет плоский срез, закраины отсутствуют. Вся керамика темно-коричневого, реже желтого цвета. Внутренняя и внешняя поверхность сосудов хорошо обработана, не имеет следов зачистки, гладкая.

Верхняя часть сосудов каннелирована и изредка дополнена вдавленным орнаментом. Рельефность образована рядами желобков и более редким употреблением валиков. Желобки узкие и широкие, округлые и уплощенные, прямые и волнис-

тые, выдавленные и, реже, прочерченные. Валики выпуклые - приостренные и округлые. Вдавленный орнамент представлен прочерченной волной, резным зигзагом из коротких насечек, рядом наклонных насечек, зигзагом, заштрихованным наклонными насечками, образующим висячие равнобедренные треугольники. Тот же орнамент наносился и зубчатым штампом с мелкими зубцами. Реже употреблялся штамп со средними зубцами. На одном сосуде отпечатки штампа на раковине, так как зубцы узкие, длинные, а сам отпечаток длинный и изогнутый. Зубчатым штампом нанесен ромбовидный закрученный меандр (на одном сосуде тройной линией, на другом - в четыре линии), а так же треугольник из пучка сходящихся линий.

Абашевские поселения не дают мощного культурного слоя, но уровень их "дневной поверхности" фиксируется каменными очагами и развалами сосудов. Керамические коллекции всегда малочисленны. Вероятно такой же вид, как в Самарском Поволжье, имели недолговременные стоянки скотоводов абашевской культуры на Средней Волге и Оке, где на днах обнаружены керамика и отдельные бронзовые изделия (например, ст. Подборица-Щербинская). Исследователи южноуральских абашевских памятников также отмечают слабо насыщенные культурные слои на поселениях и, как правило, наземный характер построек в Приуралье.

Поселения Самарского Поволжья можно разделить на две группы по керамическому материалу, что соответствует и географическому положению этих памятников. В одну группу входят поселения, расположенные на р. Б. Кинель (Точка, Красные Пески, Глубокое Озеро). В другую группу входят поселения бассейна р. Сок (Суруш, Красный Городок, Лебяжинка V). В каждой группе памятники находятся на небольшом расстоянии друг от друга (исключение составляет поселение Суруш). Особняком расположено Максимовское поселение на р. Самаре, это наиболее южный бытовой памятник абашевской культуры в Лесостепном Поволжье.

Керамика с поселений Большого Кинеля имеет нарядный геометрический орнамент и большая часть ее поверхности, включая срез и внутреннюю поверхность венчика, украшена. Среди фигур геометрического орнамента есть узкие, длинные, висячие треугольники с горизонтальной штриховкой, заштрихованные ромбы, ромбовидные и прямоугольные меандры. На этих же поселениях найдены маленькие острореберные сосудики с пышной орнаментацией.

На керамике с поселений р. Сок геометрический орнамент почти не известен. Из геометрических фигур фактически есть только треугольники, но они широкие и равносторонние, то есть в пределах абашевской культуры - более поздние. Единичны сосуды, украшенные меандром (Лебяжинка V).

Возможно, орнаментация керамики отражает одновременность памятников, а именно, поселения р. Б. Кинель раньше поселений р. Сок. Наиболее поздний облик у керамики с Максимовского поселения, так как здесь не только отсутствует геометрический орнамент, но и появляются поздние признаки в форме — уступчик и ребро на тулове сосуда.

В целом, поселения Самарского Заволжья относятся к позднему этапу абашевской культуры в ее южноуральском варианте. Абашевские поселения хорошо изучены на Южном Урале. Здесь раскопаны жилища, изучена топография и планировка памятников, обнаружены многочисленные свидетельства металлообработки. Как правило, они так же, как и в Самарском Поволжье, многослойны и абашевский слой перекрывается срубным (Сальников К.В., 1967. С. 18–22; Горбунов В.С., 1992).

Погребальные памятники абашевской культуры

Наличие на данной территории по крайней мере двух десятков бытовых памятников, казалось бы, должно было повлечь за собой появление и погребальных памятников. Удивительным фактом остается отсутствие в Самарском Поволжье абашевских могильников, хотя раскопки курганов ведутся здесь довольно широко. Обнаружены лишь отдельные погребения в могильниках других культур. Все известные абашевские погребения находятся на р. Самаре.

Могильник у Никифоровского лесничества находится на правом берегу р. Самары, вблизи пос. Никифоровское лесничество Бузулукского района Оренбургской области. Памятник расположен на небольшой доне длиной около 100 м, шириной около 60 м, высотой 1 м, которая является южным ответвлением донного поля (рис. 13, 1). Южная часть донья разрушена выветриваниями, здесь собраны человеческие кости, керамика, украшения абашевской культуры. Северная часть донья сохранилась хорошо. На площади 772 кв.м. было обнаружено 9 погребений, которые располагались двумя рядами по четыре погребения (рис. 13, 2). Одно погребение, вероятно, принадлежало третьему, несохранившемуся ряду. Ряды ориентированы по линии ЮВ–СЗ. Умершие лежат головой на СЗ. Камень или дерево в оформлении погребальной камеры не использовались, очертания могильных ям не фиксируются (кроме одного случая). Погребенные лежат на спине вытянуто. Руки, если их положение определено, лежат кистями в области таза (рис. 13, 3). Четверо погребенных — дети, остальные — взрослые. Одно погребение парное. Каждое погребение сопровождалось керамикой — одним сосудом, в одном погребении их два (рис. 14). В шести погребениях есть орудия труда (рис. 15) и украшения (рис. 16). Это ножи, шилья, тесло, скобки, браслеты, пронизки, серебряные подвески в полтора оборота, сложнозавитые подвески, перстень, орнаментированные плоские бляшки. В ногах одного погребенного обнаружен жертвенник из челюстей и костей ног мелкого рогатого животного, здесь же стоял сосуд.

II Красносамарский могильник находится в Кинельском районе Самарской области, на невысокой террасе р. Самары. Курган N1 имел диаметр 70 м, высоту 2,5 м и был насыпан племенами ямной культуры. В юго-западной части кургана, в 11 м от его центра, на глубине 3 м от 0, обнаружено впускное погребение. Очертания могильной ямы не прослеживались. Костяк взрослого человека (30–35 лет) лежал в скорченном положении на левом боку, головой на З. Пятки сильно подтянуты к тазу. Руки согнуты в локтях и лежат кистями перед лицом. У темени, остриями к нему, плотным рядом, параллельно друг к другу лежали восемь костяных стерженьков. Два таких же стерженька были положены остриями к лицу между фалангами

пальцев рук. Под запястьем левой руки лежала бляшка-розетка и рядом россыпь бронзовых витых пронизок и бус. За спиной, у лопатки найдена окрашенная красной краской раковина (рис. 17).

Съезжейе, грунтовый могильник, расположен на доне в пойме р. Съезжей, притока р. Самары, в Богатовском районе Самарской области. В погребении №8 костяк взрослого человека лежал на левом боку, скорченно, завалившись на грудь, руки согнуты в локтях и кистями лежали под подбородком. Умерший ориентирован головой на ЮЗ, на черепе и вокруг него следы охры. У черепа найдены две серебряные подвески в полтора оборота. В погребении №9 взрослый умерший лежал на спине, ноги подогнуты, руки вытянуты вдоль туловища, головой на В. Инвентаря не было. Судя по погребальному обряду, это погребение предположительно отнесено к абашевской культуре.

Дюна “Человечья голова”. Вероятно, в древности здесь был могильник, погребения которого со временем были разрушены, так как в песке найдены кости человека и собраны абашевские украшения - серебряные подвески в полтора оборота, сложнозавитые, очковидные, кольцевидные подвески с приостренными и тупыми концами (рис. 18).

Таким образом, в единичных погребениях абашевской культуры, известных в Самарском Поволжье, есть характерная керамика и украшения, датирующие эти памятники.

Особенностью Самарского Заволжья является наличие впускных погребений абашевской культуры. Как правило, абашевцы не использовали чужие насыпи для своих погребений. В Самарском Поволжье курганная традиция погребального обряда известна с раннего бронзового века, с ямной культуры, поэтому немногочисленные группы носителей абашевской культуры могли использовать курганы более раннего времени для совершения своих единичных погребений, что и иллюстрирует II Красносамарский могильник.

Другой особенностью Самарского Поволжья является наличие грунтовых могильников абашевской культуры. Их нет на Средней Волге и в Приуралье - в основных районах распространения культуры. В то же время, на реке Самаре фиксируется три пункта, где на естественных, дюнных всхолмлениях найдены абашевские погребения - у Никифоровского лесничества, на дюне “Человечья голова” и в Съезжинском могильнике (р. Съезжая - небольшой приток р. Самары).

Погребальный обряд - скорченное положение на левом боку и ориентировка - свидетельствуют о принадлежности этих памятников к позднему этапу абашевской культуры.

Хронология абашевской культуры

Относительное датирование абашевской культуры

Памятники Самарского Поволжья дают ряд стратиграфических наблюдений, которые вносят свой вклад в решение вопроса об относительном датировании абашевской культуры в целом.

Так, абашевское погребение было впущено в курган ямной культуры II Красносамарского могильника.

На поселении Суруш абашевский слой нарушен и перекрыт срубным слоем, о чем свидетельствует подсчет керамики по штыкам. Поселок срубной культуры относится к раннему (покровскому) времени, так как в нем найден дисковидный неорнаментированный псалий с монолитными шипами. Такие псалии, по классификации В.С.Бочкарева, были изобретены синташтинцами и имели хождение в синташтинско-покровское время.

На поселении Точка абашевский слой перекрыт слоем срубной культуры покровского времени, которому принадлежит псалий из расколотой кости. Такие псалии одновременно дисковидным, судя по облику керамики, найденной на этих поселениях, что согласуется и с наблюдениями В.С.Бочкарева (Бочкарев В.С., 1998).

Такая же стратиграфическая ситуация зафиксирована на поселении Лебяжинка V, где абашевский слой перекопан и перекрыт покровским слоем. Это подтверждает тот факт, что на поселении исследовано жилище покровского времени, на полу и в сооружениях которого найдена только покровская керамика. Абашевская керамика обнаружена за пределами жилища, она есть в перекопах более позднего жилища конца эпохи поздней бронзы (сусканско-лебяжинского типа), следовательно, абашевский слой здесь также нарушен.

Но есть поселения, где абашевская керамика не перемешана со срубной. Это поселения Красные Пески, Глубокое Озеро, Красный Городок, что доказывает самостоятельность абашевской культуры и одновременность ее с покровской.

Таким образом, известные на территории Самарского Поволжья полтавкинские памятники предшествуют абашевским, что можно заключить не только по данным стратиграфии, но и по раннему облику изделий из металла в полтавкинских погребениях. На территории Самарского Поволжья известны только поздние абашевские памятники и они одновременно поздним катакомбным памятникам, судя по наличию в тех и других одинаковых украшений (подвесок с обратной петлей). Абашевские памятники в Самарском Поволжье сменяются памятниками потаповского типа (которые по нашему мнению включаются в круг синташтинских) и памятниками покровской (раннесрубной) культуры.

Абсолютное датирование абашевской культуры

Этот вопрос еще окончательно не решен. Пока нет дат, полученных для памятников абашевской культуры радиоуглеродным методом. Но предположительно можно говорить о верхней дате абашевской культуры, исходя из факта ее участия в сложении культур эпохи поздней бронзы - синташтинской и покровской. В настоящее время начало этих культур по радиоуглеродным датам относят к 2000 г. до н.э. (Трифонов В.А., 1996. Таблица). Следовательно, абашевская культура может быть датирована концом III тыс. до н.э. На территории Самарского Поволжья известны памятники только позднего этапа абашевской культуры.

Заключение

В истории абашевской культуры есть несколько принципиальных моментов, определивших ее судьбу. Во-первых, эта культура складывается в зоне широколиственных лесов, где существовала определенная культурная традиция, обусловленная скотоводческим хозяйственно-культурным типом, где в стаде большую роль играла свинья. Традиции здесь в предшествующий период закладывались балановской и фатьяновской культурами, для которых характерна определенная орнаментальная композиция и форма керамики, гарнитур украшений, набор оружия, определенная технология их изготовления. Наличие в абашевской культуре следов именно этих традиций и указывает на генетическую связь культур.

Абашевская культура, сложившись в зоне широколиственных лесов, в Правобережье Среднего Поволжья в результате культурного творчества определяется как новое явление и, оставаясь в этой географической зоне, хотя и расширяя зону обитания за счет Левобережья Среднего Поволжья, не претерпевает важных культурных изменений. После ухода части ее носителей на левый берег Волги культура не только делится на две части по фактическим ее носителям, но и начинает развиваться разными путями. На исконной территории, в Правобережье Волги, абашевская культура развивается эволюционно. Главные ее передвижения были в широтном направлении, в зоне широколиственных лесов с дубовыми рощами, дающими корм стаду, в котором большую роль играла свинья. С переходом на левый берег Волги был нарушен естественный ход развития абашевской культуры. В новой обстановке культура сначала консервируется, то есть нормы ее подчеркнуто соблюдаются, тогда как на исходной территории они постепенно меняются. Затем культурные нормы в Левобережье меняются сообразно времени и влиянию родственных культурных образований Поволжья и Приуралья.

Выход абашевской культуры в другую географическую зону - в лесостепь и продвижение в Приуралье сразу же повлекли за собой изменения в культуре. Это было вторым важным моментом в истории абашевской культуры. Волго-Уралье входило в зону распространения иных культур, с сильным влиянием катакомбного мира, с традициями северокавказской металлообработки, что сразу же отразилось на абашевской культуре при ее адаптации к новой среде. На своем классическом этапе, о чем свидетельствует керамический материал, абашевская культура из Правобережья Среднего Поволжья распространяется в Южное Приуралье. Это движение проходило по зоне широколиственных лесов через низовья Камы и Белой, на что ясно указывают случайные находки абашевских бронзовых боевых топоров и наконечников копий.

В Южном Приуралье абашевская культура оказалась в сфере влияния степных культур эпохи средней бронзы. В Приуралье зона лесостепи очень узкая, и широколиственные леса, занимая петлю Белой, почти граничат со степью, а абашевские памятники Демы выходят в степь. На Южном Урале абашевская культура начинает разрабатывать новые источники металла (мышьяковистая медь, биллоны). Все это повлекло за собой быстрое изменение всех аспектов культуры - появились долго-

временные поселения, изменились металлургические традиции, оформился ряд новых изделий из бронзы и они стали частью погребального инвентаря, изменились нормы погребального обряда (появились вторичные погребения и каменные склепы), усложнился орнамент на керамике. Вероятно к этому же времени относится продвижение абашевской культуры и на запад, в Верхнее Поволжье и на Оку. Здесь известны такие памятники, как Кухмарский могильник, курганы у Земского, пос. Подборица-Щербитская и др. Здесь культура остается в привычной для нее зоне широколиственных лесов.

Третьим важным моментом в истории абашевской культуры стало ее знакомство с турбинской культурой, включение части ее носителей в состав турбинцев, и, следовательно, распространение абашевской культуры в Прикамье, в зону смешанных лесов. К этому времени относится появление кладов металлических изделий абашевской культуры. Клады в большинстве своем найдены далеко на север или восток от основной зоны распространения абашевской культуры, но, что примечательно, в этих районах известны турбинские памятники и в состав кладов входят как абашевские, так и турбинские типы металлических изделий. С этой же волгокамской территории происходит большое число абашевских топоров из случайных находок. В целом, абашевская культура не переходит на восток через Урал. Исключения составляют памятники в Южном Зауралье, но здесь они находятся в естественной для абашевской культуры зоне предгорий, как и в Приуралье.

Адаптация к новой географической среде и к сильному турбинскому культурному влиянию меняет облик абашевской культуры. На позднем этапе она продолжает занимать Волго-Уральскую зону широколиственных лесов. На востоке абашевская культура в ее "лесном" варианте турбинского времени, продвигаясь в лесостепную зону Южного Зауралья, трансформируется в синташтинскую культуру. В западных районах абашевская культура все больше вовлекается в зону западных лесостепных культур и в процесс сложения срубной культуры (покровский культурный тип).

Южноуральские памятники распространяются на запад по широтным потокам Волги, таким как Самара, Б. Кинель, Сок. Тонкий культурный слой на поселениях Самарского Поволжья и отсутствие жилищ, вероятно, объясняются подвижными формами скотоводства у носителей абашевской культуры. Малочисленность памятников, вероятно, свидетельствует о том, что на этой территории носители абашевской культуры не закрепились. Возможно, это объясняется тем, что территория Самарского Поволжья контролировалась или входила в зону обитания культур позднего катакомбного мира, имевших ту же подвижную форму ведения скотоводческого хозяйства, при экстенсивном характере которой требуются обширные пастбища.

Несмотря на малочисленность абашевских памятников в Самарском Поволжье, без их изучения история края была бы неполной и многие этногенетические процессы, протекавшие здесь, остались бы невыясненными.

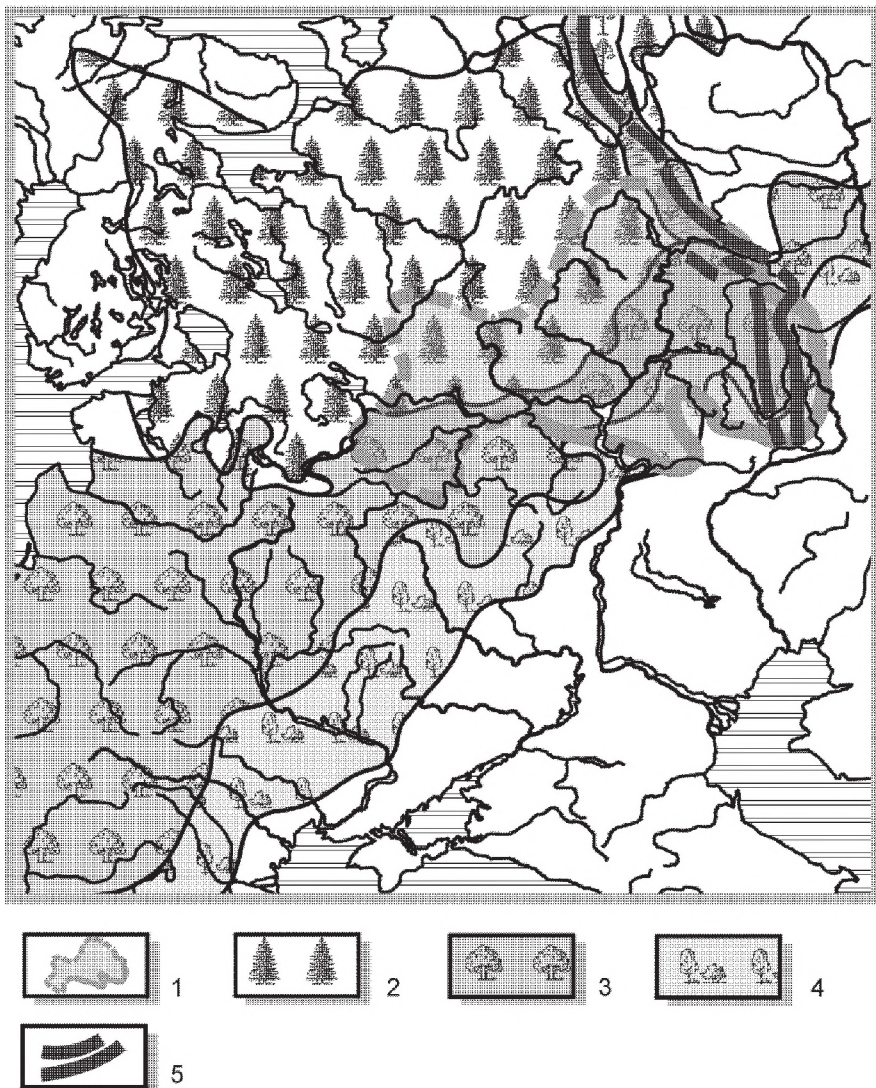
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алихова А.Е.*, 1956. Абашевские курганы близ с.Земского Рязанской области // КСИИМК. Вып.64.
- Атлас археологических памятников Марийской ССР. 1990. Йошкар-Ола.
- Бадер О.Н.*, 1964. Древнейшие металлурги Приуралья. М.
- Бадер О.Н.*, 1970. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.
- Большов С.В.*, 1988. Отчет об исследовании I Пеленгерского могильника в Медведском районе Марийской АССР в 1988 г. Архив ИА РАН Р-1, N 12533.
- Большов С.В.*, 1989. Отчет об исследовании I Пеленгерского могильника в Медведском районе Марийской АССР в июне-августе 1989 г. Архив ИА РАН Р-1, N 13889.
- Большов С.В.*, 1990. Отчет об исследовании I Пеленгерского могильника в Шайбулакском с/с Медведского района Марийской республики и поселения Большая Гора в Красноярском с/с Звениговского района Марийской республики в 1990 г. Архив ИА РАН Р-1, N 14920, 14921.
- Большов С.В.*, 1994. Абашевская культура севера Среднего Поволжья // Автореф. дис... канд. ист. наук. Ижевск.
- Большов С.В.*, 1995. Проблемы культурогенеза в лесной полосе Среднего Поволжья // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.
- Большов С.В., Кузьмина О.В.*, 1995. Новые исследования II Вилатовского могильника // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья. Самара.
- Бочкарев В.С.*, 1986. К вопросу о хронологическом соотношении Сейминского и Турбинского могильников // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Бочкарев В.С.*, 1990. Процесс культурогенеза и развитие металлообработки на юге Восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Доклад на конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б.А.Латынина.
- Бочкарев В.С.*, 1995. Карпато-дунайский и волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Бочкарев В.С.*, 1998. Дисковидные псалии начальной поры эпохи поздней бронзы из Восточной Европы и Казахстана. Доклад на конференции "Пространственный анализ археологических памятников эпохи бронзы Нижнего Поволжья".
- Васильев И.Б.*, 1975а. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1975б. Остатки бронзового века в пещере Братьев Грече // Самарская Лука в древности. Куйбышев.
- Васильев И.Б.*, 1976. Абашевские памятники лесостепного Заволжья // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.*, 1976. Поселение и могильник у с. Съезжее // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Пряхин А.Д.*, 1977. Сурушское поселение эпохи бронзы // Из истории Воронежского края. Воронеж.

- Васильев И.Б., Пряхин А.Д.*, 1979. Бескурганный абашевский могильник у Никифоровского лесничества в Оренбуржье // СА. N2.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В.*, 1980. Абашевские поселения лесостепного Заволжья // Археология Восточно-Европейской лесостепи". Воронеж.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.*, 1986. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев.
- Васюткин С.М., Горбунов В.С., Пшеничник А.Х.*, 1985. Курганные могильники Южной Башкирии эпохи бронзы // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С.*, 1976. Классификация абашевских могильников в Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа.
- Горбунов В.С.*, 1977а. Хронологическая интерпретация абашевских памятников в бассейне р. Белой // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Горбунов В.С.*, 1977б. История племен абашевской культуры в бассейне реки Белой // Автореф. дис. канд. ист. наук. М.
- Горбунов В.С.*, 1986. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С.*, 1992. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа.
- Горбунов В.С., Морозов Ю.А.*, 1991. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Горбунов В.С., Пшеничник А.Х., Акбулатов И.М.*, 1989. Новые материалы из погребальных памятников эпохи бронзы Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.
- Евтюхова О.Н.*, 1959. Абашевские курганы у селений Туруново и Троицкое в Марийской АССР. Труды, история, археология, этнография. Вып. XIV. Йошкар-Ола.
- Евтюхова О.Н.*, 1961а. К истории изучения абашевской культуры // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. 97. М.
- Евтюхова О.Н.*, 1961б. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. 97. М.
- Ефименко П.П., Третьяков П.Н.*, 1961. Абашевская культура в Поволжье // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. 97. М.
- Збруева А.В.*, 1958. Могильник Метев-Тамак // КСИА. Вып. 72.
- Каховский Б.В.*, Исследования Чувашской археологической экспедиции 1986 г. Отчет о раскопках. Архив ИА РАН, Р-1, N 10977, 10977 а.
- Крайнов Д.А.*, 1962. Кухмарский курганный могильник // КСИА. Вып. 88.
- Крайнов Д.А., Уткин А.В.*, 1991. Курганный могильник у ручья Кухмарь на Плещеевом озере // Поздний неолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола.
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1947. Абашевский могильник // КСИА. Вып. XVII.
- Кузьмина О.В.*, 1978. Срубно-абашевские взаимоотношения в лесостепном Поволжье // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Кузьмина О.В.*, 1979. Классификация абашевских и срубно-абашевских погребальных памятников лесостепного Заволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев.

- Кузьмина О.В., 1983. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Урале. Самара.
- Кузьмина О.В., 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии рультур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. СПб.
- Кузьмина О.В., 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Кузьмина О.В., 2000. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.
- Кузьмина О.В., Ластовский А.А., 1995. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.
- Мажанова И.Н., 1976. Материалы к археологической карте бассейна р. Сок // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.
- Мерперт Н.Я., 1961. Абашевские курганы северной Чувашии // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. 97. М.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1996. Памятники бронзового века Южного Урала. Уфа.
- Пряхин А.Д., 1976а. Поселения абашевской общности. Воронеж.
- Пряхин А.Д., 1976б. История древних скотоводов II тыс. до н.э. // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.
- Пряхин А.Д., 1977. Погребальные абашевские памятники. Воронеж.
- Пряхин А.Д., Горбунов В.С., 1979. Могильники уральской абашевской культуры у с. Береговки на территории Башкирской АССР // Археология восточно-европейской лесостепи. Воронеж.
- Сальников К.В., 1950. Памятник абашевской культуры близ Магнитогорска // КСИА. Вып. XXXV.
- Сальников К.В., 1951. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА. 21.
- Сальников К.В., 1954. Абашевская культура на Южном Урале. СА. XXI.
- Сальников К.В., 1957. Новые памятники абашевской культуры в Южной Башкирии // КСИИМК. Вып. 67.
- Сальников К.В., 1962. К истории древней металлургии на Южном Урале. АЭБ, т. I. Уфа.
- Сальников К. В., 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Сальников К.В., 1967а. Новые материалы по истории племен эпохи бронзы Башкирии // Уч. зап. N148. Пермь.
- Смирнов А.П., 1961. К вопросу о формировании абашевской культуры // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. 97. М.
- Смолин В.Ф., 1928. Абашевский могильник в Чувашской республике // Тр. общества изучения Чувашского края. Чебоксары.
- Соловьев Б.С., 1984. Раскопки Мало-Кугунурской курганной группы // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола.

- Спицин А.А.*, 1903. Галичский клад // ЗРАО. Т.V. Вып. 1. Пб.
- Трифонов В.А.*, 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита - ранней бронзы Северного Кавказа и Триполья // Между Азией и Европой. СПб.
- Халиков А.Х.*, 1961. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // Абашевская культура в Среднем Поволжье. МИА. 97. М.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимов М.М.*, 1966. Пепкинский курган // Тр. МАЭ. Т.III, Йошкар-Ола.
- Христинина О.В.*, 1974. Абашевские и андроновские памятники в лесостепном Заволжье // Тезисы докладов на VI УПАСК. Ижевск.
- Цветкова И.К.*, 1961. Стоянка Подборица-Щербинская. СА, N2.
- Черных Е.Н.*, 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.*, 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.
- Bortvin N.N.*, 1928. The Verkhny-Kizil Find. ESA, III. Helsinki.

1 - ареал абашевской культуры; 2 - зона хвойных лесов; 3 - зона широколиственных лесов; 4 - лесостепная зона; 5 - Уральский хребет.

Рис.1. Ареал распространения памятников абашевской культуры на карте природных зон Восточной Европы.

Рис.2. Карта расположения абашевских памятников в Самарском Поволжье.

1 - Красносамарский II курганный могильник; 2 - «Человечья голова», селище; 3 - Максимовка I, селище; 4 - Съезжее, селище; 5 - Никифоровское лесничество, грунтовый могильник; 6 - пещера Братьев Греве; 7 - Старо-Семейкино, селище; 8 - Белозерки, селище; 9 - Алмазовка I, селище; 10 - Константиновка-Алмазовка, селище; 11 - Булькуновка III, селище; 12 - Шабановка; 13 - Ильинское селище; 14 - Красный Городок, селище; 15 - Лебяжинка V, селище; 16 - Лебяжинка IV, селище; 17 - Русская Селитьба II, селище; 18 - Чесноковское I селище; 19 - Сурушское селище; 20 - Глубокое озеро, селище; 21 - Точка, селище; 22 - Красные Пески, селище; 23 - Венера I, селище.

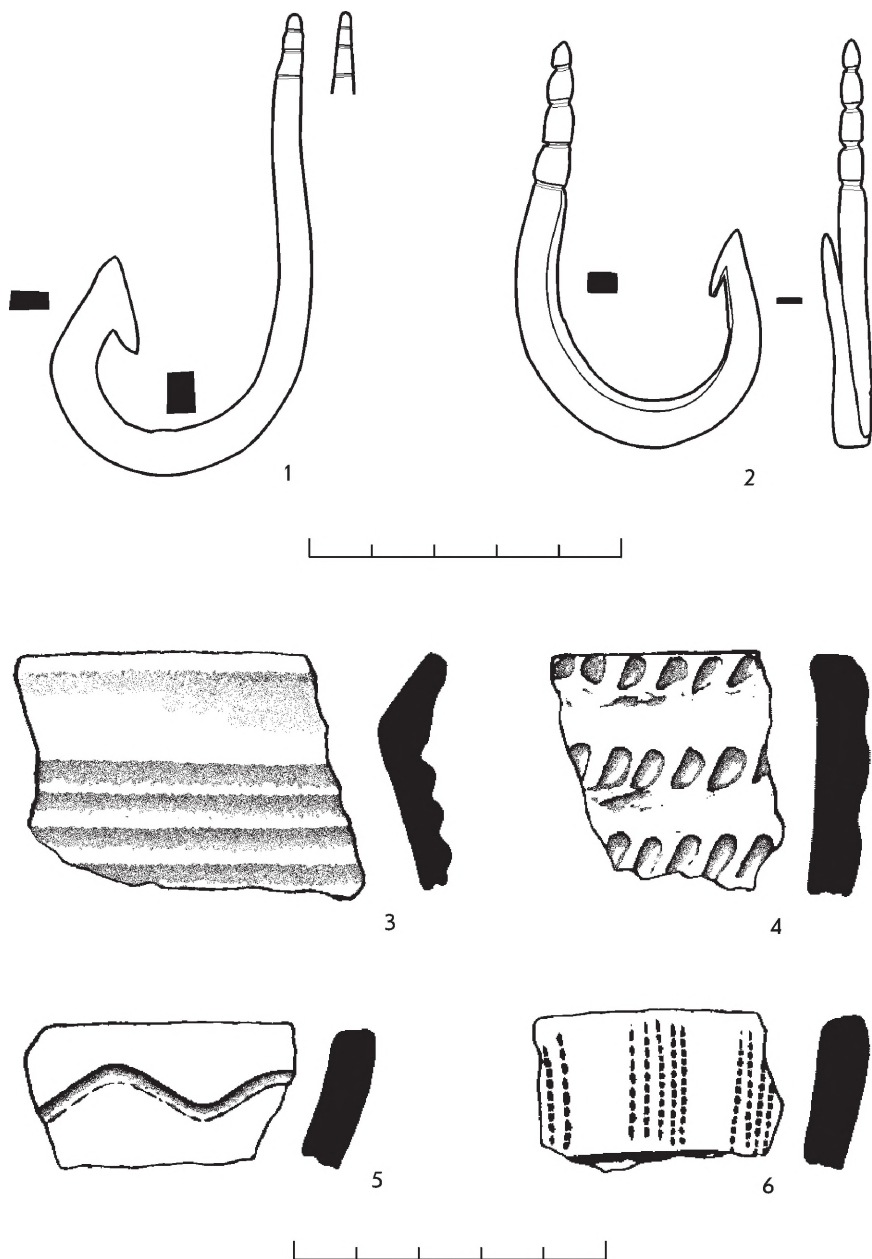

Рис.3. Пещера Братьев Гриве (1, 2), поселение Глубокое Озеро (3-6).

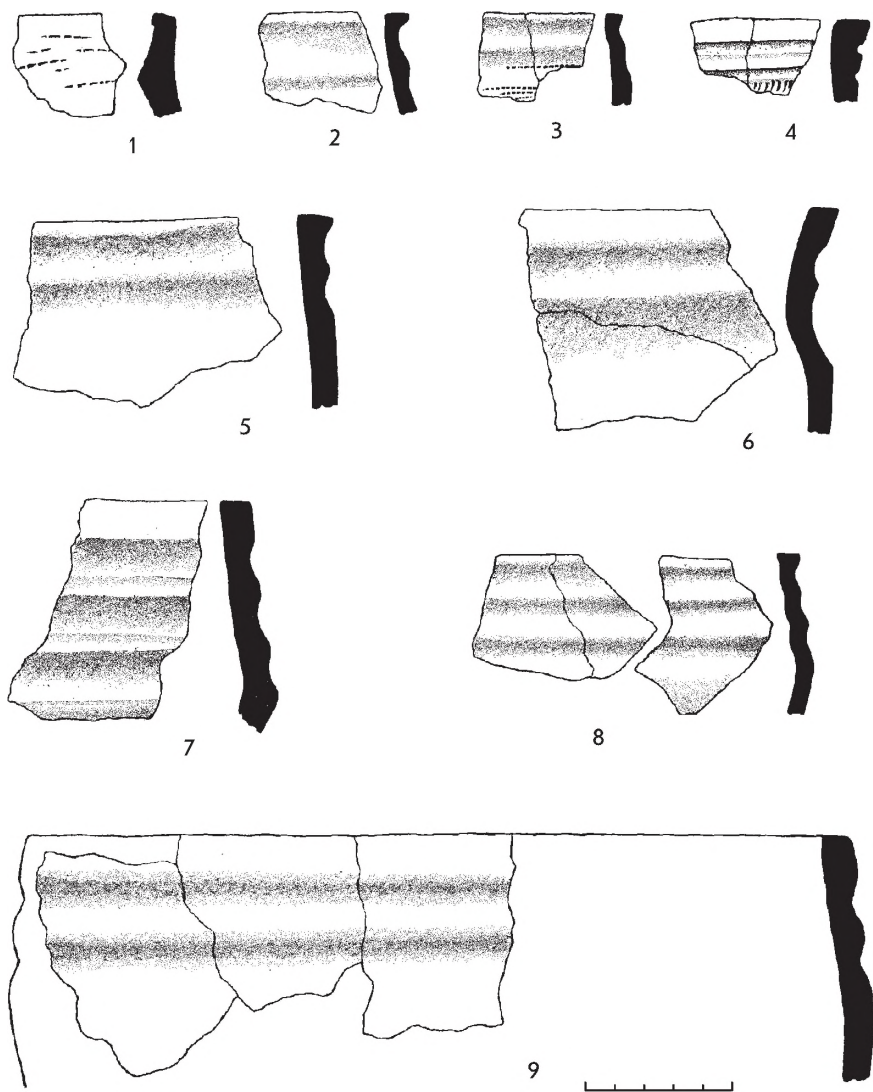

Рис.4. Поселение Максимовка.

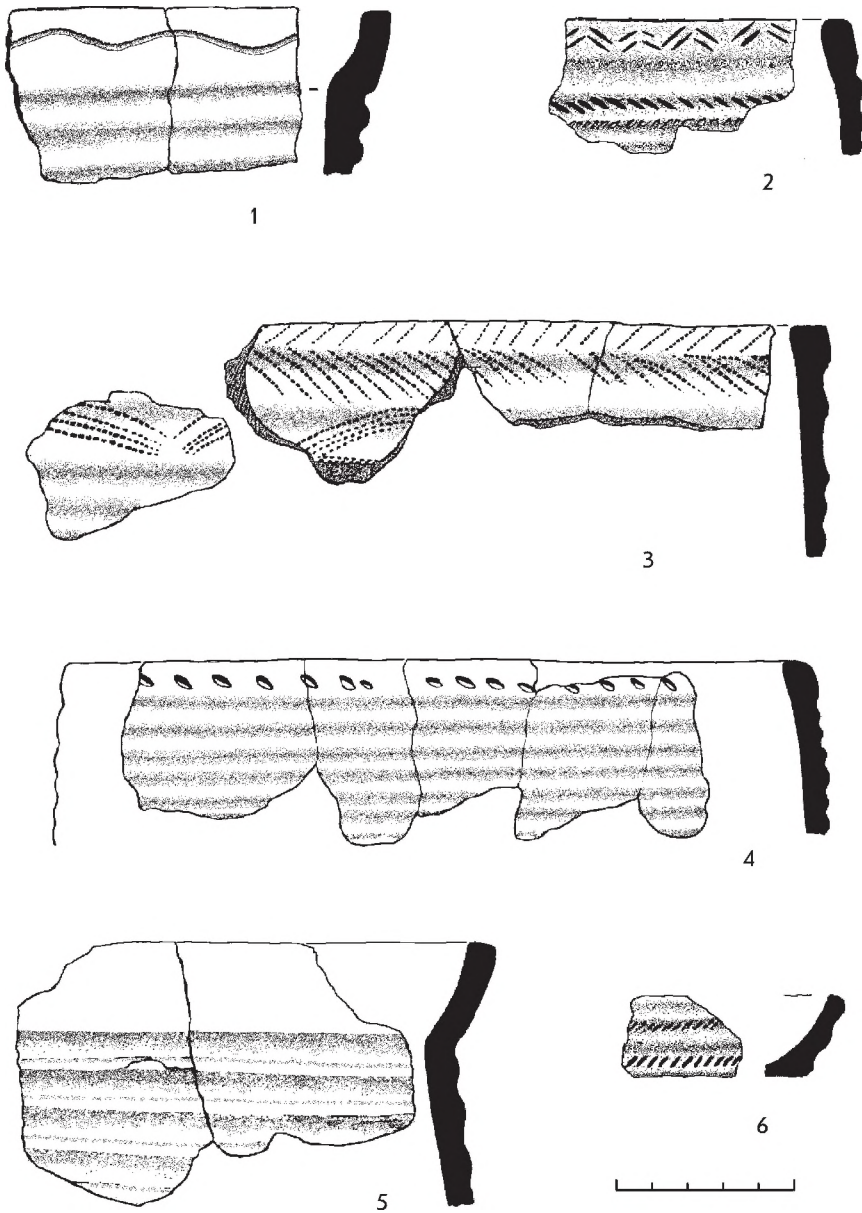
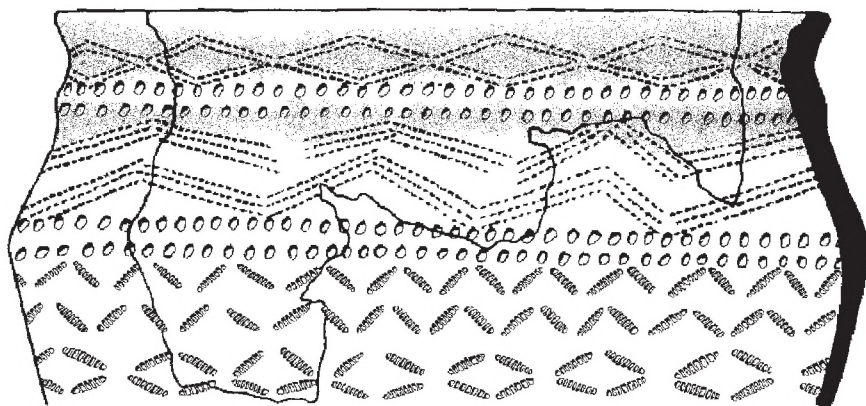
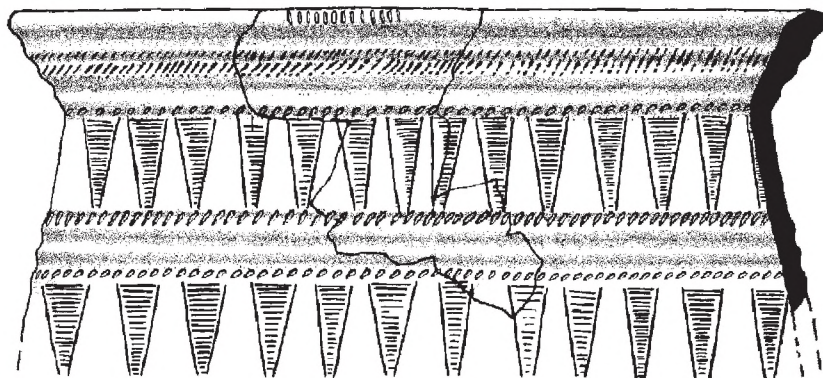

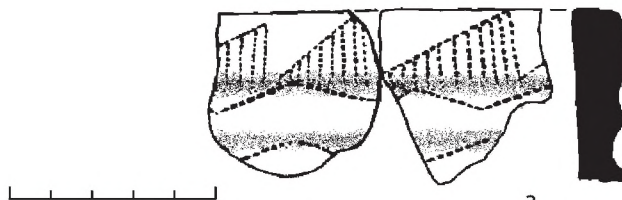
Рис.5. Керамика с поселения Суруш.

1

2

3

Рис.6. Керамика с поселения Точка.

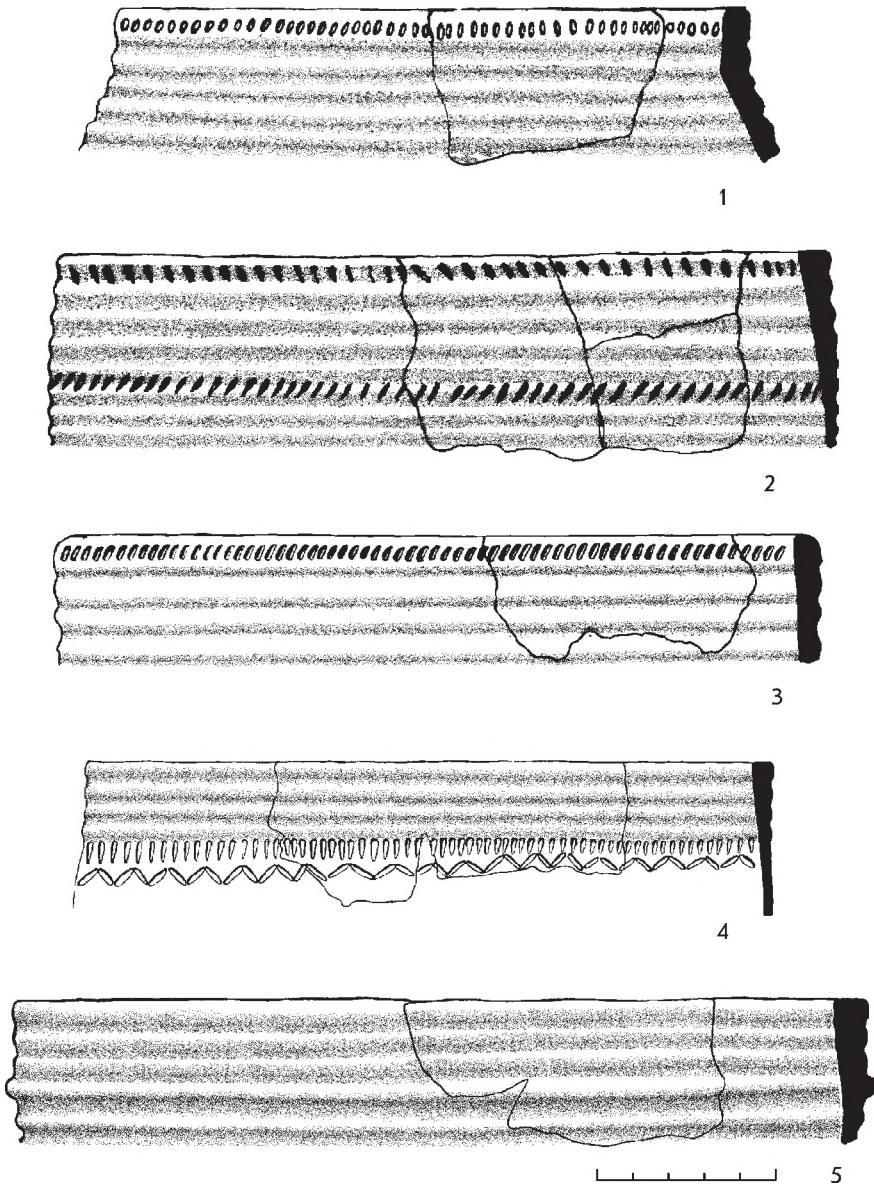

Рис.7. Керамика с поселения Точка.

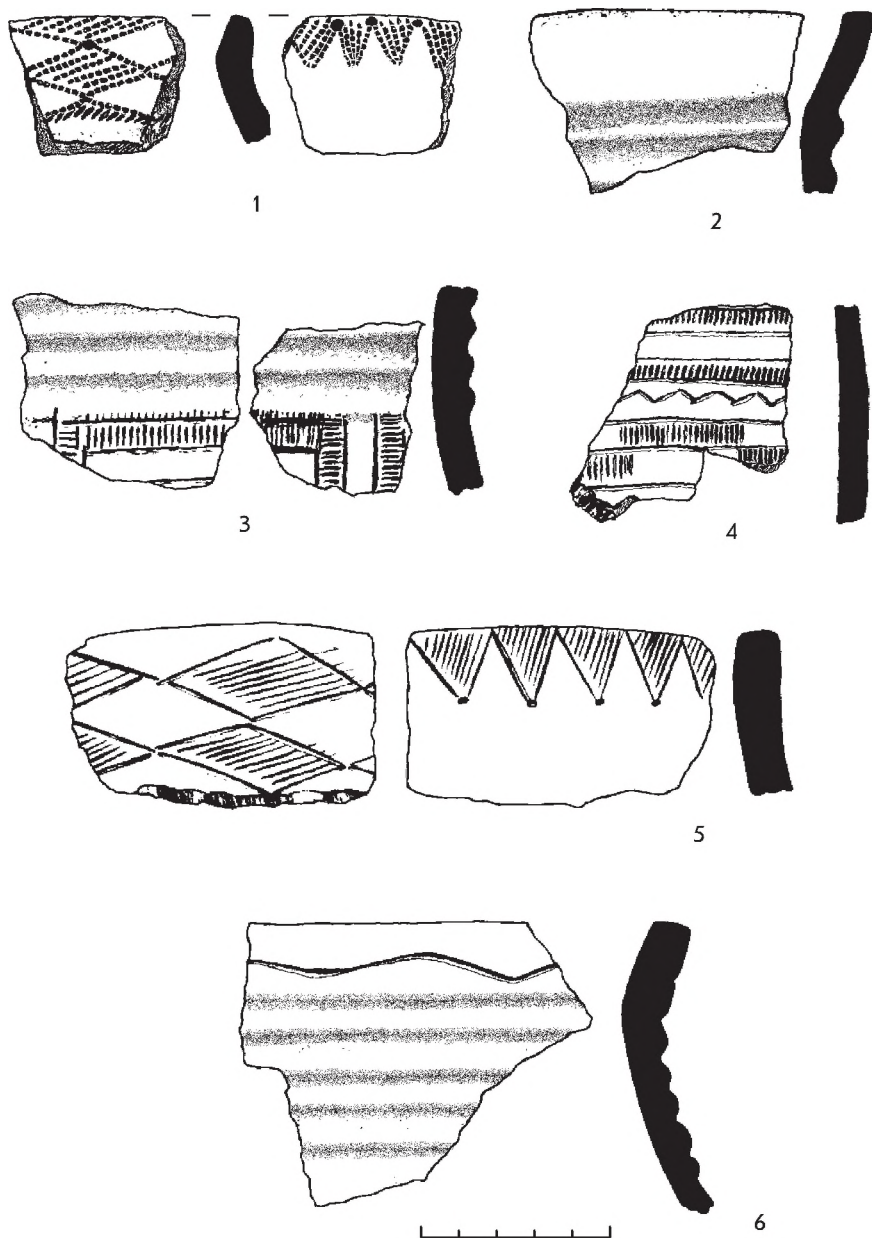

Рис.8. Керамика с поселения Красные Пески.

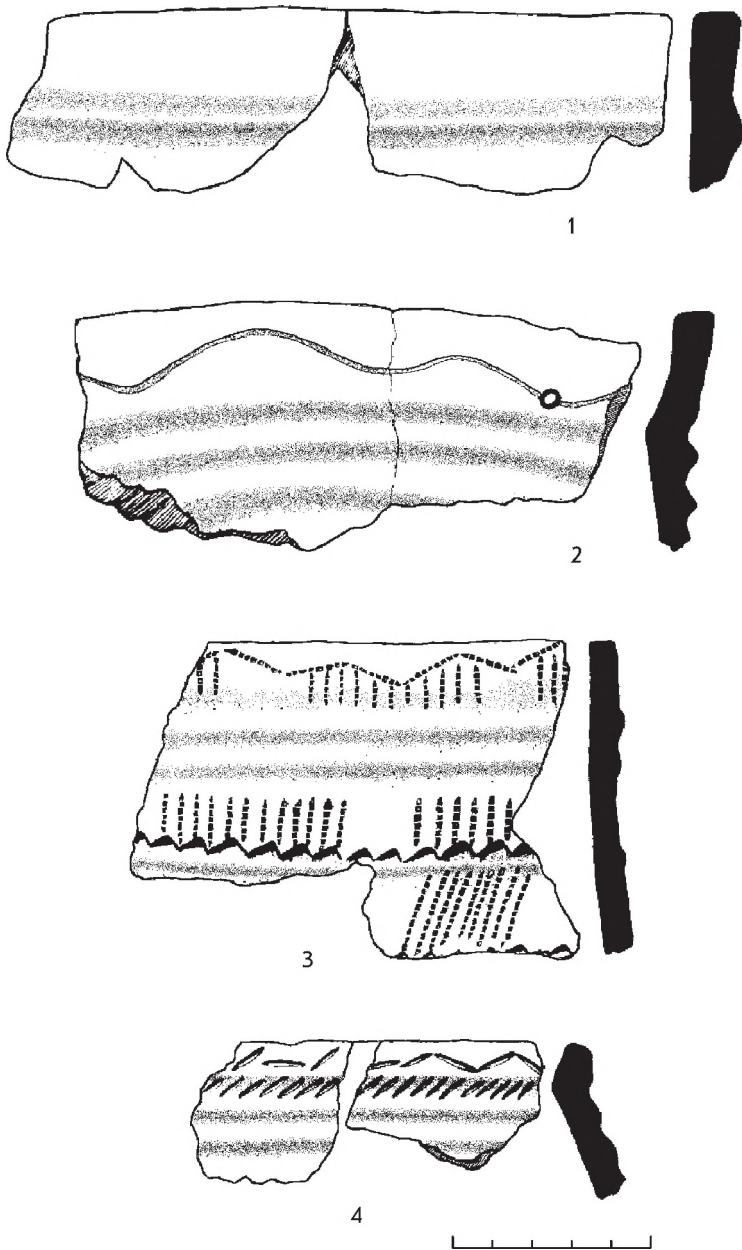

Рис.9. Керамика с поселения Красные Пески.

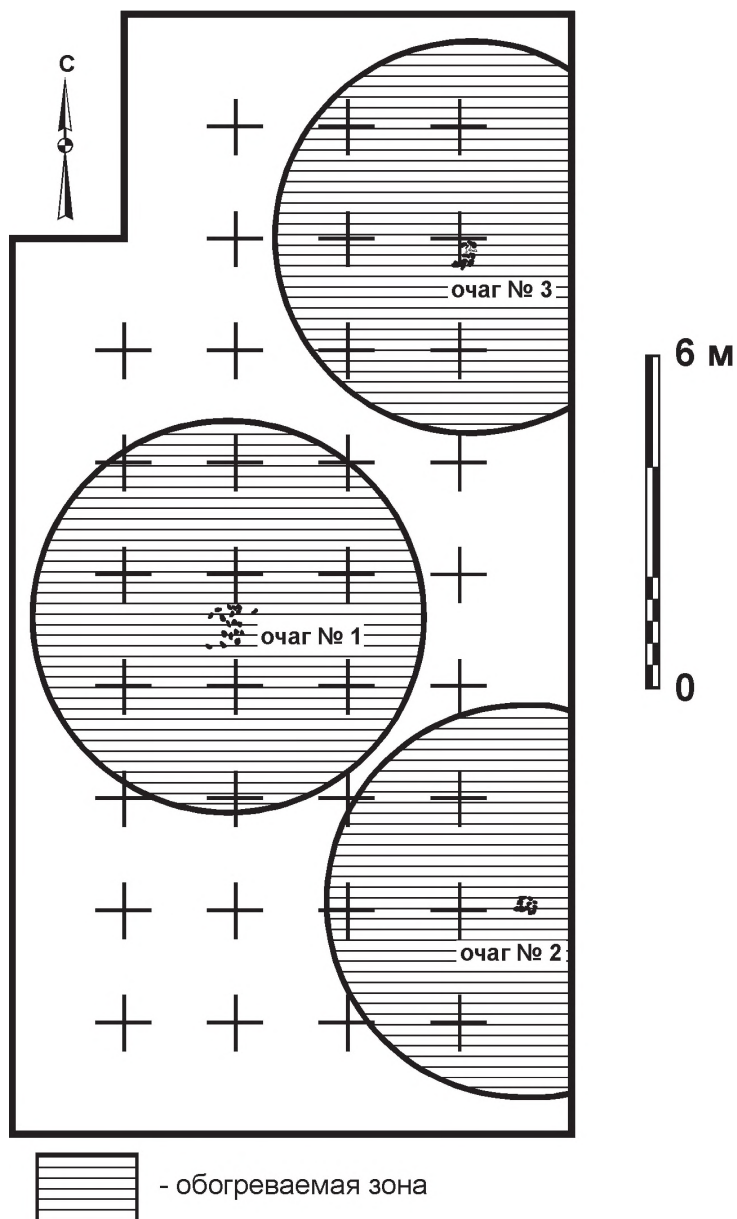

Рис. 10. Поселение Красный Городок. План раскопа.

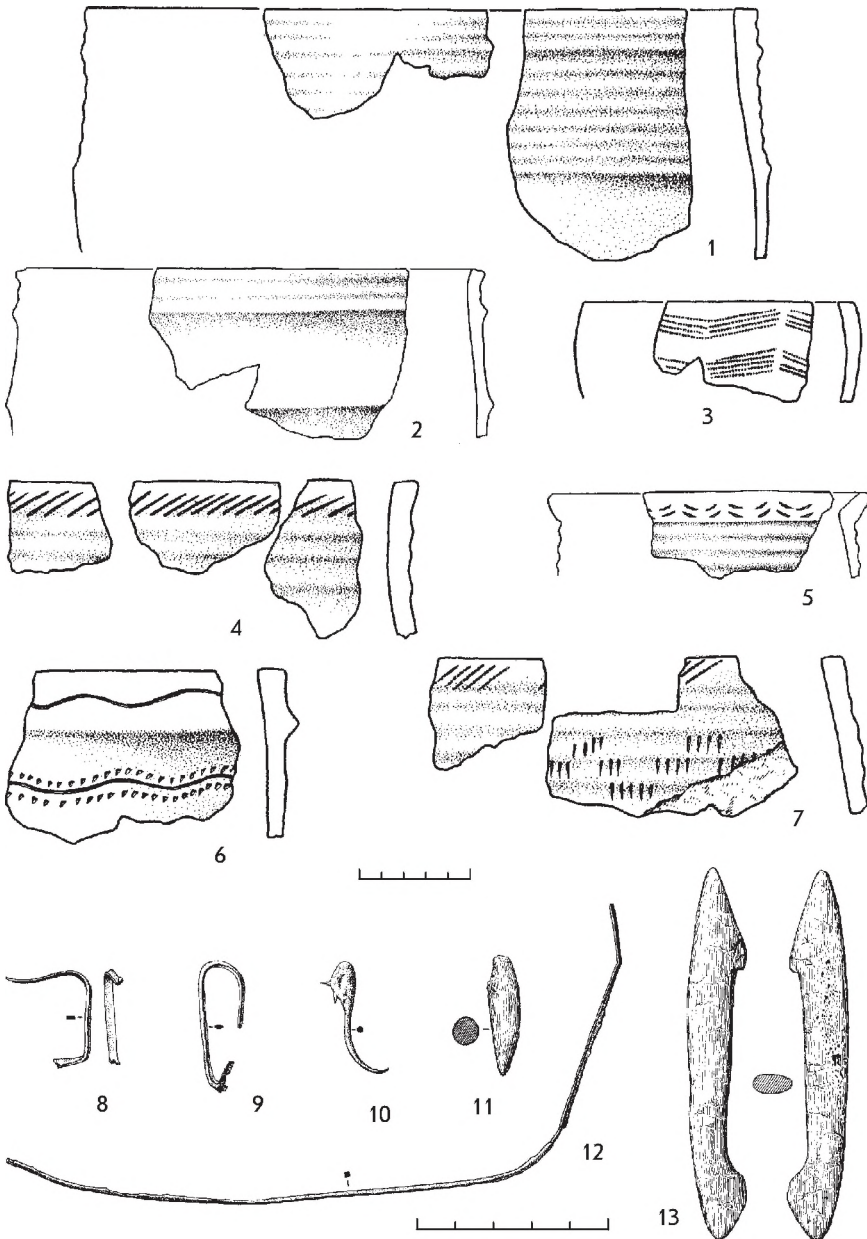

Рис.11. Поселение Красный Городок. Керамика (1-7) и изделия из бронзы (8-10, 12) и кости (11, 13).

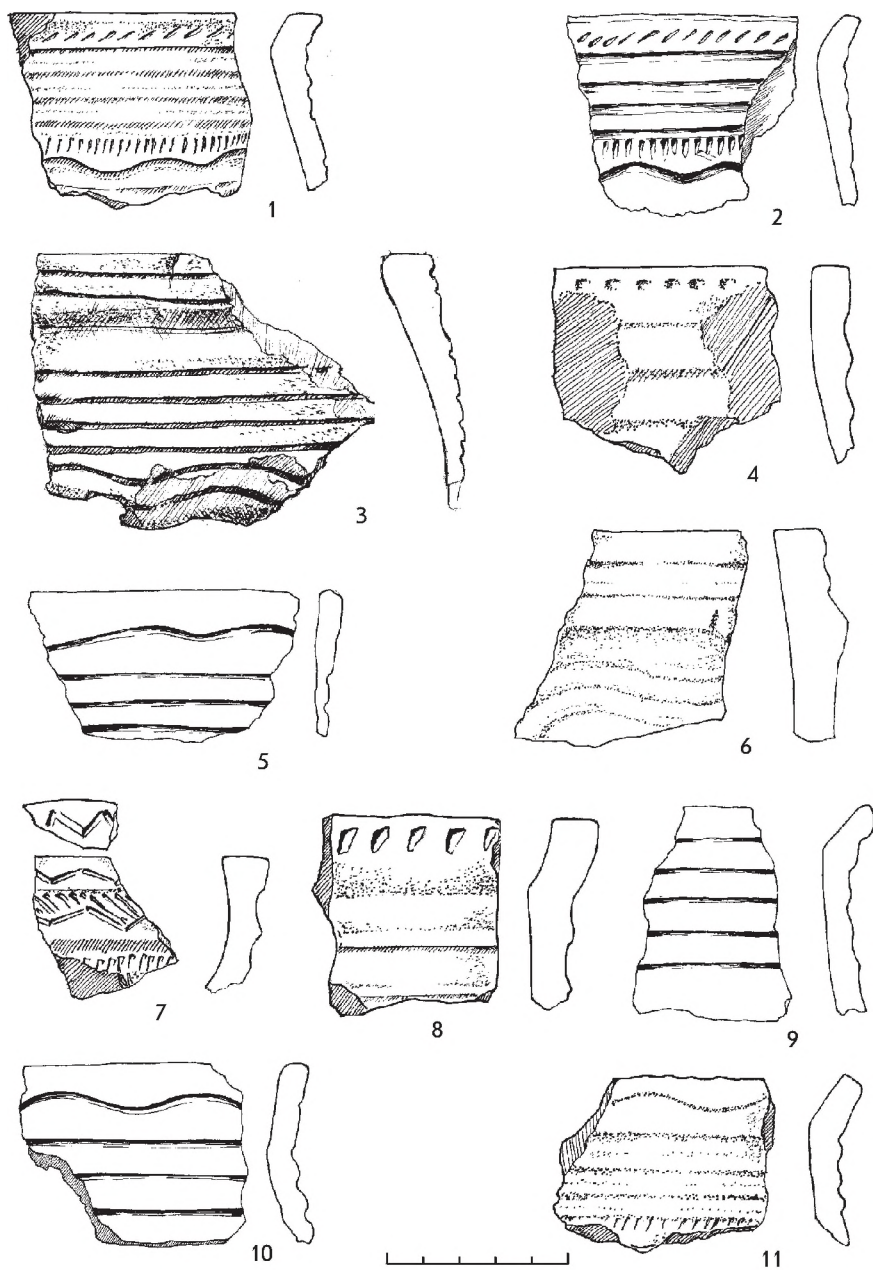
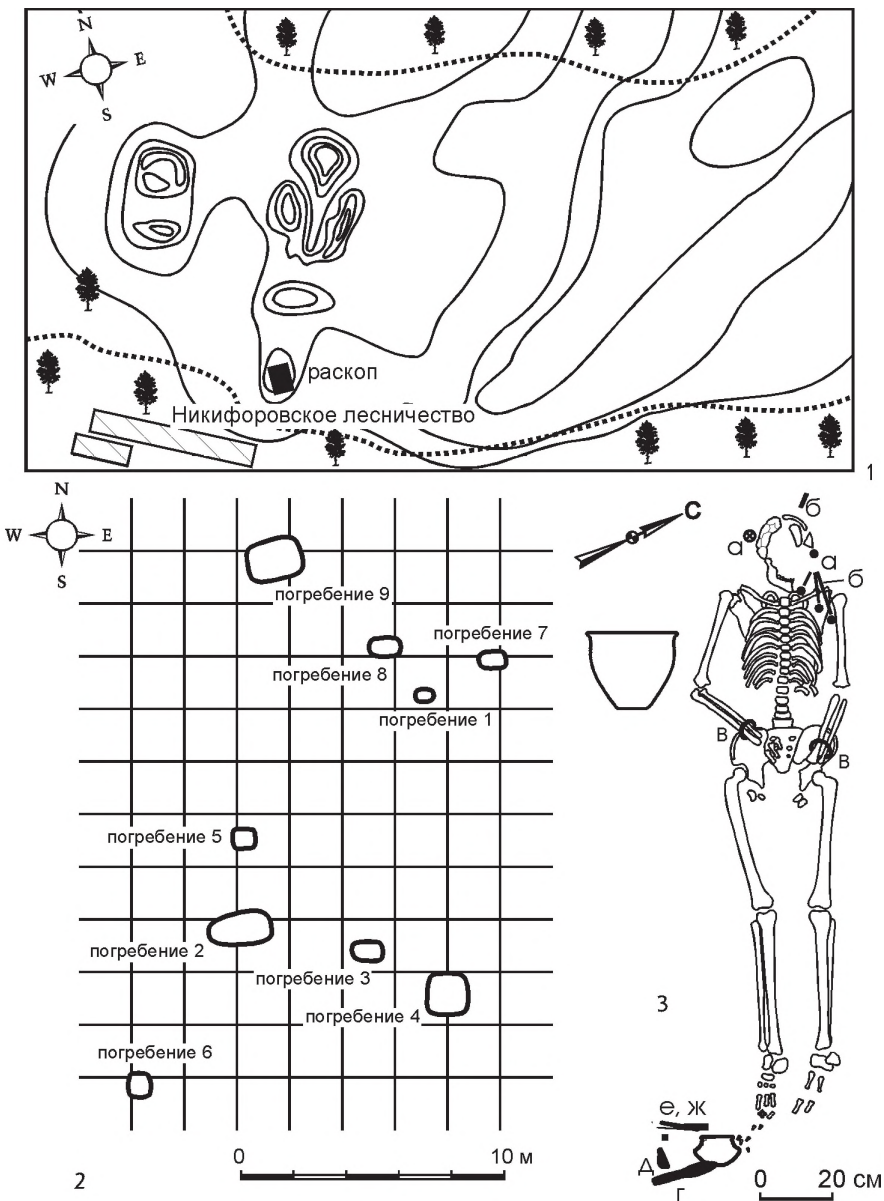

Рис. 12. Керамика с поселения Лебяжинка V.

Условные обозначения: а - серебряные подвески; б - пронизи; в - браслеты; г - нож; д - галька; е - шило; ж - пробойник.

Рис. 13. Могильник у Никифоровского лесничества.

1 - план памятника; 2 - план раскопа; 3 - план погребения 2.

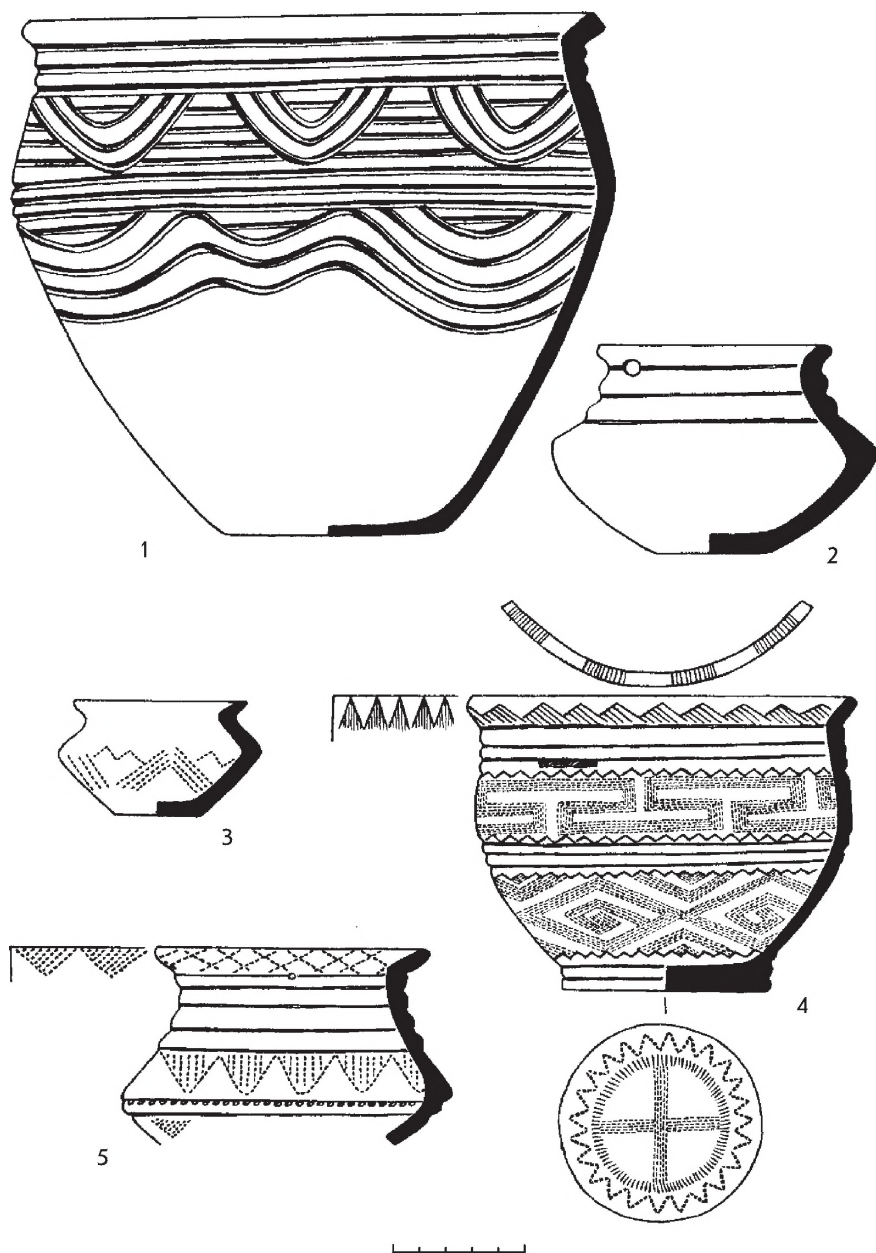

Рис.14. Могильник у Никифоровского лесничества. Керамика.

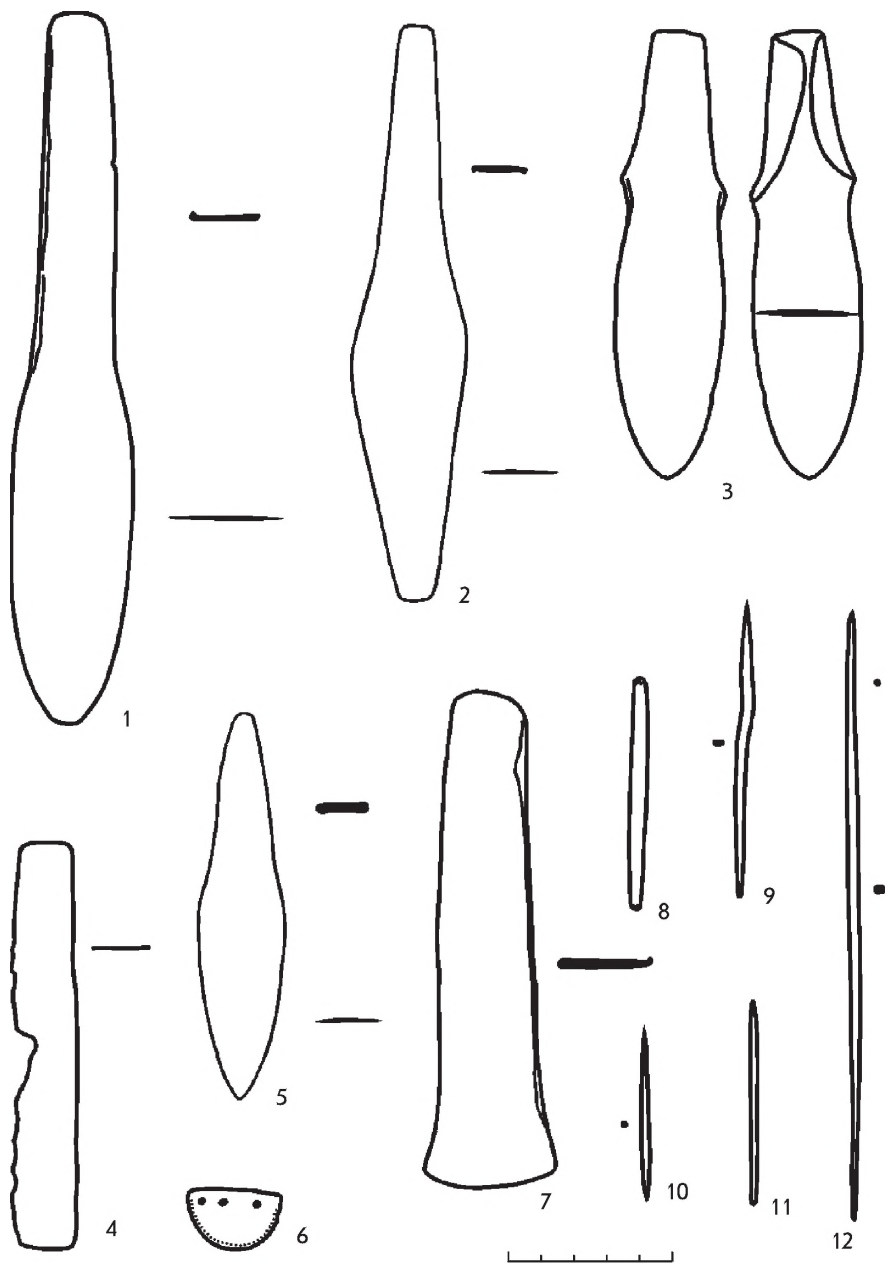

Рис.15. Могильник у Никифоровского лесничества. Бронзовые изделия.

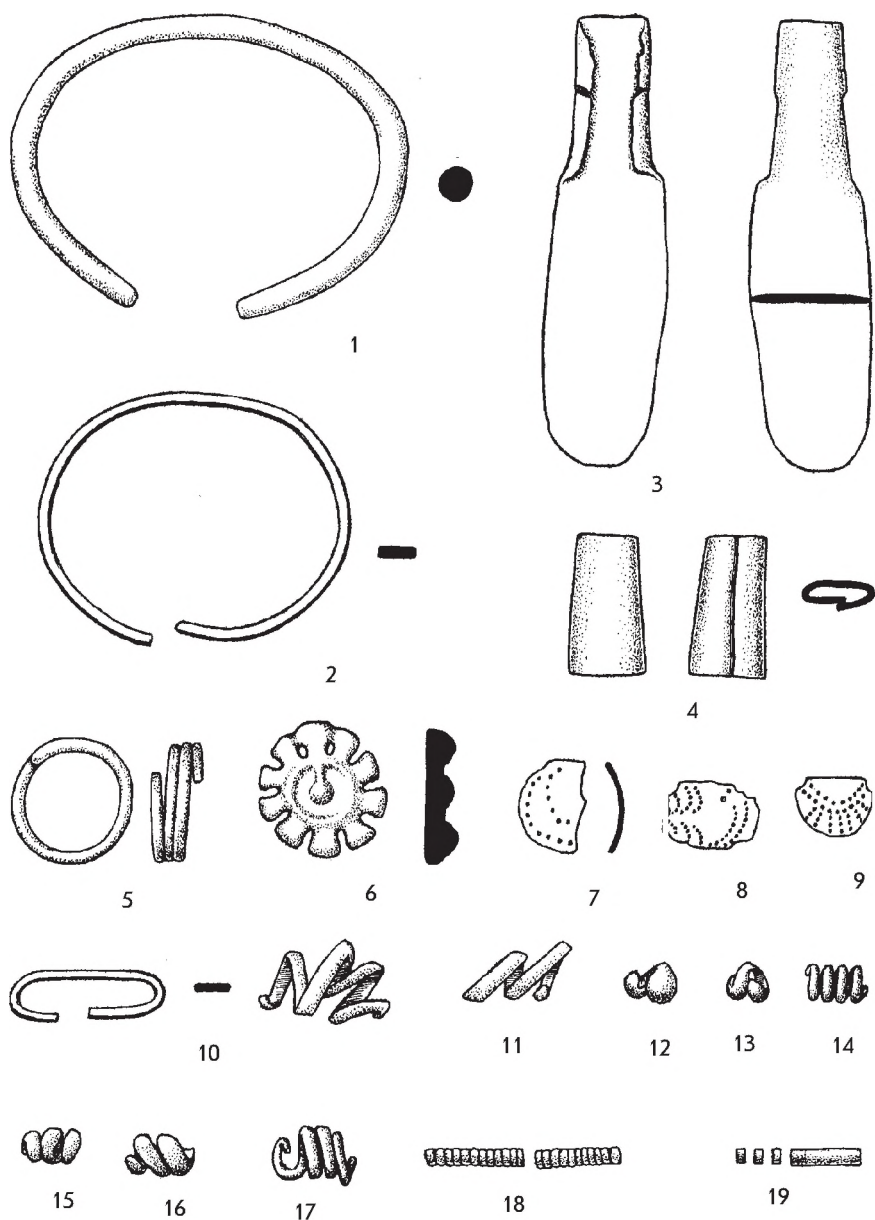

Рис.16. Могильник у Никифоровского лесничества. Бронзовые украшения.

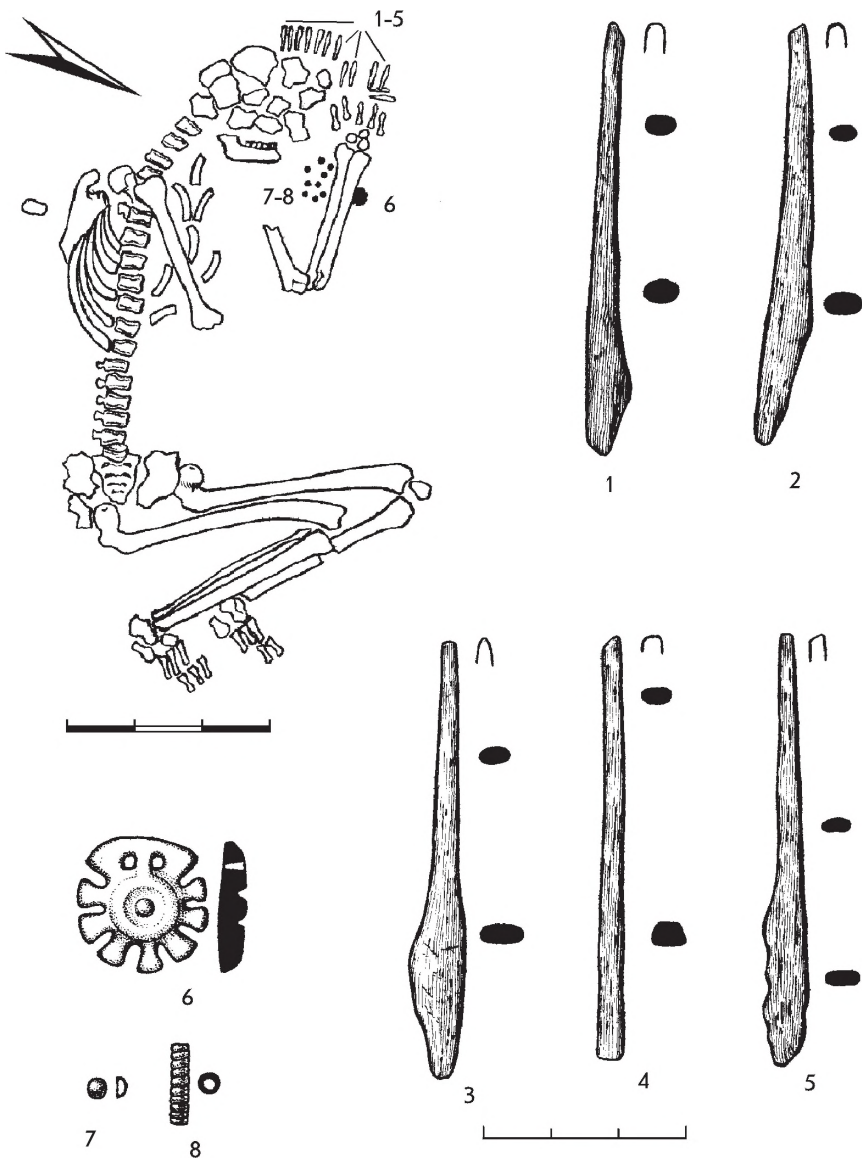

Рис.17. II Красносамарский могильник.

1-5 - костяные стержни; 6 - бляшка-розетка; 7 - бусина; 8 - пронизка.

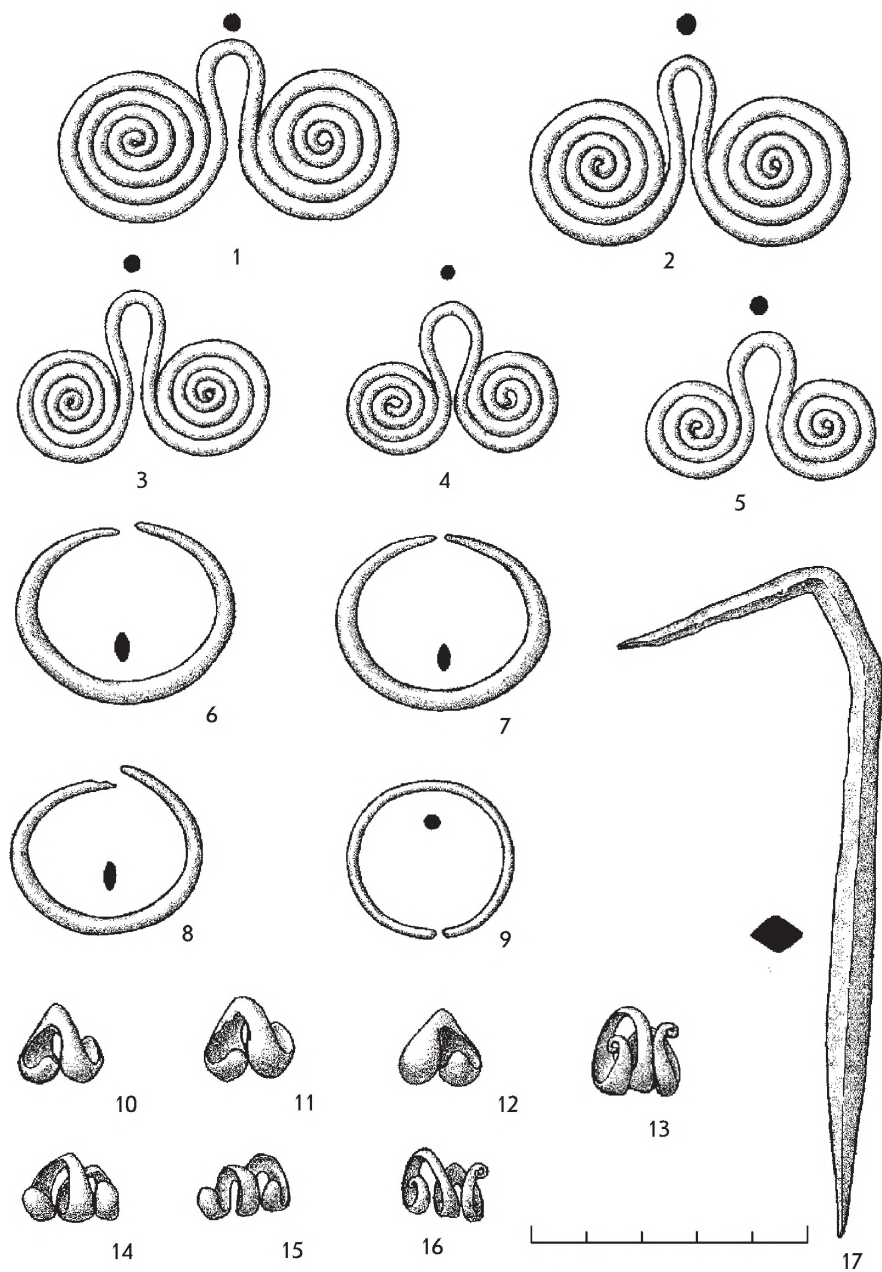

Рис. 18. Могильник "Человечья Голова".

ГЛАВА IV ПАМЯТНИКИ ПОТАПОВСКОГО ТИПА

Важнейшим результатом полевых работ последних десятилетий является открытие пласта культурно-родственных памятников юга лесостепного Зауралья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья. Это могильники синташтинского, новокумакского, потаповского и власово-филатовского типа. В плане культурно-типологического единства существует широчайший спектр мнений от объединения их всех в единую археологическую культуру и до выявления в каждом памятнике конкретных особенностей. Хронологическая позиция данного культурного пласта представляется более определенной. Они открывают эпоху позднего бронзового века. Именно эти памятники позволили В.С.Бочкареву выдвинуть концепцию Волго-Уральского очага культуругенеза, в котором зародилась поздняя бронза всей северной половины Евразии (Бочкарев В.С., 1991).

В 1985–91 гг. проведены раскопки Потаповского, II Лопатинского и VI Утевского курганных могильников, расположенных в лесостепном Поволжье, в нижнем течении рек Самара и Сок (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова - А.П., 1992; 1994). В 1998 г. экспедицией Института истории и археологии Поволжья открыт новый могильник – Грачевка II. Эти исследования позволили объединить известные ранее в лесостепном Поволжье отдельные комплексы в особый потаповский культурный тип памятников (рис. 1).

В настоящее время источниковедческая база составляет двенадцать курганов и порядка ста погребений. Положение потаповских могильников весьма специфично - они расположены на краю первой надпойменной террасы, обращенном к реке, или на участках высокой поймы. Захоронения совершались на специально подготовленной площадке. Подкурганные площадки перекрывались сравнительно небольшими по объему земляными насыпями. В Грачевском II могильнике была зафиксирована совершенно необычная ситуация, когда погребенная почва подкурганной площадки оказалась по диаметру больше, чем насыпь кургана. Это говорит о длительности функционирования некрополя до возведения насыпи, перекрывающей все погребения. Современный диаметр насыпей - от 12 м и до 30 м и высота до 0,5 м.

Для потаповских памятников характерна особая организация подкурганного пространства (рис. 2; 3). Выявлены две группы курганов. В первой группе под насыпью обнаружены от одного до трех погребений. Центральные могильные ямы имеют значительные размеры и сложную конфигурацию. В них погребены взрослые люди, сопровождаемые богатым инвентарем. Прочие захоронения совершены в погребенной почве. Здесь обнаружены захоронения детей и подростков. Вторая группа курганов характеризуется наличием нескольких центральных могил, вокруг которых расположены периферийные захоронения.

Наиболее яркий признак погребальной традиции потаповцев - сооружение на подкурганной площадке и в могильных ямах многочисленных жертвенников животных. В процессе раскопок расчищены целые скелеты: черепа и конечности

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Гранты □99-01-0007 и □00-01-00093а.

лошадей, быков, мелкого рогатого скота и собак (рис.5; 6). В периферийных погребениях чаще всего встречаются жертвенники из голов и конечностей быков и овец (рис.7; 8). Это является свидетельством помещения в могилы своеобразного чучела животного — шкуры с головой и конечностями. Специфической особенностью только потаповских комплексов, по наблюдению екатеринбургского остеолога П.А.-Косинцева, является наличие захоронений коз и козлов. В центральных могилах зафиксированы кости собак. Судя по ним, собаки были умерщвлены и погребены вместе с хозяевами. Они помещались в ноги покойного, в сидячей позе. Особого внимания заслуживает совершенно необычное погребение 1 из кургана 3 Потаповского могильника (рис.4). Здесь расчищен погребенный, лежащий на спине с подогнутыми ногами и с посыпкой охрой костей его левой руки. Это обычные признаки погребений первой половины бронзового века. Но на месте головы умершего покоился череп коня. Вопрос об интерпретации данного комплекса вызвал большой интерес среди исследователей. В настоящее время существуют две основных гипотезы. Одна гипотеза, выдвигаемая авторами раскопок, предполагает наличие специфических ритуалов в потаповском обществе, которые выражают идею единства человека и его природного окружения. Эти воззрения нашли наиболее яркое отображение в мифологических сюжетах Древней Греции, соответствующих времени развитого бронзового века — времени потаповских курганов. Если интерпретировать захоронение в образах мифологических сюжетов, то погребение 1 возможно именовать “кентавром наоборот”. Вторая гипотеза, концептуально выраженная украинским археологом В.В.Отрощенко, предполагает случайное наложение более позднего жертвенника коня, прорезавшего более раннее погребение. Следует отметить, что полевые наблюдения данную гипотезу не подтверждают. Здесь не отмечено никаких перекопов, либо впускных захоронений. Но окончательную точку в дискуссии ставить рано. Решить проблему данного комплекса возможно лишь с применением специальных методик, например, датировать по радиоуглероду кости погребенного и собственно череп коня. Вне зависимости от результатов дискуссий по интерпретации отдельных комплексов, уже сейчас очевидно, что потаповские курганы по обилию и разнообразию жертвенников домашних животных не имеют аналогов среди других культур бронзового века Поволжья.

Ритуальная практика потаповцев характеризуется чрезвычайно большим разнообразием обрядовых признаков. Центральные могилы имеют значительные объемы - от 4,5 и до 10 кубических метров выбранного материкового грунта. Вокруг центральных могил расположены периферийные захоронения в могильных ямах обычных объемов. Центральные могилы перекрыты накатниками, настилами из тонких досок, в стенках сооружались уступы - ступеньки, на дне — ямки, ровики-канавки (рис.2, 6). В заполнении погребения 4 из кургана 6 Утевского VI могильника была расчищена сложная деревянная конструкция: под перекрытием из плах находились костяки двух лошадей, лежащих на боку и обращенных ногами друг к другу. Они лежали на ровных досках с пропилами. На одной из коротких стен этой погребальной камеры сохранились отпечатки округлого

предмета, соответствующего размерам колесу со спицами. Вероятно, это остатки колесницы, которая была разобрана и по частям установлена в могильной яме. Дно многих ям имеет обмазку темно-серого цвета. Костяки лежат на левом боку (преобладающее положение), на спине. Степень скорченности слабая и средняя. Руки согнуты в локтях, иногда одна вытянута к тазу (рис.5).

В отдельных случаях обнаружены вторичные захоронения (рис.6, 1; 7, 1). Встречаются парные погребения (рис.5; 7). Были обнаружены два костяка в позе “в обнимку”. Кости рук и кости ног были переплетены. Между черепами погребенных лежал бронзовый кинжал (рис.5).

Дно могил посыпалось охрой - специальным красным веществом для “очищения” могильного пространства. Ориентация центральных ям преимущественно юго-западная, периферийных - зависит от кругового расположения могил. В некоторых погребальных камерах совершены ярусные захоронения: в засыпи верхней части ямы, над основным погребением расчищены расчлененные костяки взрослых и костяки детей.

Наиболее массовой категорией сопровождающего инвентаря является керамика. Сосуды подразделяются на три основные категории. 1 категория - горшки с выраженным плечом в верхней трети тулова (рис. 14, 1-13; 15, 1-19). Это или сосуды приземистых пропорций, или крупные по объему высокие горшки с большим диаметром горла и дна. Есть миниатюрные горшки с такой же профилировкой. У отдельных сосудов фиксируется внутреннее ребро в верхней части венчика. 2 категория - горшки с плавной профилировкой тулова и отогнутым венчиком (рис.16, 1-19). Вариант такой профилировки - сосуды с шаровидным туловом (рис. 16, 20, 21). 3 категория - банки, иногда со значительным диаметром горла и объемом (рис.15, 20, 21).

Орнаментом украшены почти все сосуды. В целом, создается впечатление разнообразного сочетания элементов орнаментации. Имеется специфичный тип горшков, украшенных в одном стиле. Это елочное покрытие всего тулова в сочетании с заштрихованными треугольниками, ромбами, зигзагами на шейке сосуда. Наиболее сложные элементы орнамента - “овы”, “уточки”, перевернутые “ступенчатые пирамиды” и заштрихованные зигзаги. Мотивы из этих элементов включены в более сложную композицию. У нескольких сосудов на внутренней поверхности венчика имеются желобки. В ряде случаев на дне зафиксированы отпечатки ткани. Один горшок полностью окрашен охрой (рис 16, 16). Раскраска сосуда совершенно необычна для керамических традиций культур степных скотоводов. Она более характерна для земледельцев южного пояса Евразии.

Потаповская керамика специально изготавливалась для ритуальных целей, она предназначалась для установки в могилы. Из-за своей хрупкости и особой тонкостенности сосуды нередко растрескивались при обжиге. Но они были неотъемлемой частью погребального ритуала. В обрядовой практике той эпохи воплощение идеи было гораздо важнее экономической целесообразности. Поэтому, трещины на ритуальных сосудах скреплялись особыми скобками, изготовленными из бронзы. Сосуд из главной могилы 4 кургана 3 Потаповс-

кого могильника было скреплен семью массивными металлическими скобками (рис. 16, 1).

Другой сопровождающий инвентарь памятников потаповского типа представлен многочисленными металлическими изделиями, изделиями из камня, кости и рога (рис. 8-13). Обнаружено 29 ножей и 3 ножа-бритвы. Эту категорию вещей характеризует значительное типологическое разнообразие: массивные ножи с ромбической пяткой, боевые кинжалы с роговыми рукоятями, маленькие ножи-бритвы, ножи-серпы. Другие металлические изделия, обнаруженные в погребениях, представлены долотами, теслами, шильями, иглами, крючками, бляшками-накладками с пуансонным орнаментом, широкими желобчатыми браслетами, полыми височными подвесками в полтора оборота, височными кольцами, медными бусинами. Уникальными являются штыковидные изделия с крючком (рис. 9, 12, 17). Они абсолютно схожи с предметами весьма отдаленных металлургических очагов Передней Азии. В погребении 4, кургана 6 Утевского VI могильника найден массивный бронзовый наконечник боевого копья (рис. 12, 12). Вместе с металлическими предметами обнаружены сколы валунного галечника, которые служили для заточки и правки металлических изделий.

В погребениях найдены и изделия из драгоценных металлов: серебряная подвеска из плоского в сечении прутка (рис. 9, 9), а также золотая сережка, изготовленная из желобчатой пластины, согнутой в виде двух свернутых лепестков (рис. 13, 13).

В погребения укладывались целые колчаные наборы со стрелами. От них сохранился органический тлен и многочисленные кремневые наконечники стрел. В одном погребении может быть до шестнадцати таких наконечников. Они представлены несколькими типами: с выделенным черенком, бесчеренковые, с намеченной выемкой у основания. Длина стрел потаповцев была не менее 50 см, высота лука, соответственно - до одного метра. Стрела с кремневым наконечником, выпущенная из такого лука, по наблюдениям и экспериментальным стрельбам, достигала цели на расстояние до 300 м.

Одежда погребенных потаповцев украшалась низками бусин, изготовленных из металла, фаянса и камня. Иногда в низку с бусинами входили мелкие медные пронизки. Скопления бусин расчищены в области шейных позвонков, плечевых костей и костей ног.

Особая категория изделий – это дисковидные псалии из рога, обнаруженные в главных могилах при взрослых захоронениях. В одной яме их могло быть до четырех экземпляров. Всего обнаружено 15 псалиев. Обычно они имеют одно большое центральное отверстие и несколько дополнительных малых (рис. 5, 4; 10, 1-3; 12, 7-10; 13, 1, 2, 4-6). Шипы могут быть как монолитные, так и вставные. Три псалия орнаментированы зигзагом и овальным меандром, причем орнаментированы и шипы (мини-апорный крестик, вписанный в меандр). Псалии имеют аналогии по всей лесостепной и северной степной зоне Евразии.

Другие предметы из кости типологически так же разнообразны, как и металлические изделия. Это наконечники стрел (рис. 11, 23), плоские диски (рис. 13, 3) и цилиндры с центральным отверстием, бусины-трубочки, гребень (рис. 10, 10).

Таким образом, целевые исследования курганов привели к открытию в Самарском Поволжье особой группы памятников — памятников потаповского культурного типа. В предыдущие годы материалы подобного облика включались в раннесрубные. Понятие “культурный тип” используется как термин промежуточный. Сейчас еще не время для выделения особой археологической культуры, так как несомненно существенная близость потаповских памятников с другими одновременными культурными образованиями лесостепи Волго-Уралья (Новый Кумак, Синташта, Петровка). В то же время, ряд специфических особенностей не позволяет считать изучаемую группу памятников вариантом восточных культурных образований. Рассмотрим более детально черты сходства и различия памятников Поволжья и Урала.

Сравнение по погребальному обряду и инвентарю убедительно показывает значительное сходство памятников потаповского и синташтинского типов. Это позволяет ввести памятники потаповского типа в особый круг восточных культурных образований и предположить их близкую хронологическую позицию.

Отличительными являются следующие признаки: в потаповских памятниках полностью отсутствуют оградки из камня и дерева вокруг курганов и погребений, а также каменные закладки могильных ям. Нет и выраженных деревянных конструкций, включая обкладку стен могил плахами. Все эти признаки характерны для синташтинских памятников. Потаповские погребения имеют лишь перекрытия из тонких веток и плах, которые предавались огню. Есть подстилки и покрывала. В синташтинских комплексах абсолютно преобладает поза в слабоскорченном положении на левом боку, стандартны ориентировки погребенных, отсутствует охра. В потаповских памятниках имеется существенно большее разнообразие обрядовых традиций: на спине вытянуто, вторичное захоронение, “обнявшись”. То есть, в синташтинских памятниках наблюдается явная стандартизация обрядовых признаков, что более характерно для последующих культур алакульско-срубного времени. Потаповские могильники с различным положением погребенных скорее отражают переходный период, время сложения культуры. В керамических материалах синташтинских комплексов более четко фиксируются абашевские черты, тогда как в потаповских - полтавкинские. В синташтинских жертвенниках абсолютно преобладает лошадь, тогда как в потаповских большая доля отведена крупному и мелкому рогатому скоту, а также собакам. Отличительными особенностями потаповских погребений являются коллективные и вторичные захоронения; захоронения на правом боку, обильные подсыпки охры, покрывала, ориентировка в восточном секторе.

Необходимо особо отметить тот факт, что на Урале в синташтинско-петровских материалах орнаментированные псалии являются большой редкостью, тогда как на Волге и на Дону они широко известны. Однозначное объяснение этому наблюдению дать трудно, но полагаем, что данное явление отражает тесные взаимодействия населения этих регионов с населением Балкано-Карпат еще в предшествующее время — начиная с эпохи энеолита. В отличие от Волго — Донья, для культур Урала и Зауралья традиционно южное и юго-восточное направление связей.

Открытие нового культурного образования в Поволжье требует определения его места в системе восточноевропейских культур бронзового века. Сравнение с полтавкинской культурой показывает близость по следующим основным показателям: простые земляные насыпи, кольцевые ровики под насыпью, наличие ям средних и крупных размеров, сложные внутримогильные конструкции, ступени-уступы, канавки по периметру дна могильных ям, столбовые ямки на дне крупных могил, подсыпка охры и мела, наличие подстилок и покрывал на костях, положение погребенных на спине и скорченно на правом боку, их восточная ориентировка. В инвентаре - наличие отдельных полтавкинских сосудов, сосудов с уступчиком и заузненным горлом, орнаментация веревочкой, насечками, ногтевыми вдавлениями и шагающей гребенкой. В металле - ножи с прямыми черенками, слабо выраженными плечиками и перехватами. В целом полтавкинский компонент зафиксирован в двух основных проявлениях: в качестве относительно чистых комплексов, когда доминируют собственно полтавкинские признаки, и когда эти признаки фиксируются в смешанном виде.

Отдельные признаки погребального обряда и инвентаря памятников потаповского типа аналогичны при сопоставлении с такими же показателями абашевской культуры Приуралья: положение костяков вытянуто на спине; совершение вторичных и коллективных захоронений. В коллекции керамики Потаповского могильника есть сосуд, аналогичный миниатюрным сосудам уральского абашева. Часть горшков имеет отдельные подколоколовидные формы, внутреннее ребро; аналогичны отдельные мотивы: фестоны, желобки, заштрихованные ромбы и треугольники. В глине - обильная примесь толченой раковины. В металле следующие общие черты: наличие ножей с ромбической пяткой, крючков и пластинчатых орудий. В украшениях - наличие округлых желобчатых подвесок в полтора оборота и общих типов браслетов. Близки формы кремневых наконечников стрел и костяных дротиков.

Наряду с аналогичными имеются специфические признаки, отличающие потаповские памятники от полтавкинской и абашевской культур. Это совершенно особая организация подкурганного пространства: жертвенники из черепов и ног лошадей и быков, обмазка стен и дна могилы глиной, наличие жертвенников из черепов и костей ног мелкого рогатого скота в заполнении ям, западная ориентировка погребений. В керамике выделяется специфическая группа, не имеющая аналогий ни в одной из перечисленных культур. Это посуда с трехчленным делением профиля, с внешним и внутренним ребром, с зональной орнаментацией, состоящей обычно из геометрических фигур, украшающих шейку сосуда. Специфичен и ремонт сосудов с помощью металлических скобок.

Поскольку во всех памятниках и потаповского и синташтинского типов фиксируются абашевские проявления, то целесообразно определить соотношение этих комплексов с абашевскими. На современном уровне исследования не представляется возможным однозначно решить вопрос об этом соотношении. Потаповские памятники занимают юг лесостепной зоны. Севернее известны лишь отдельные подобные комплексы (II Новомордовский могильник, п. 13). В степной зоне их практически нет.

Самый южный погребальный комплекс потаповского облика - к. 35 юго-восточной группы Покровска (г. Энгельс). На юге лесостепного Поволжья и на западе Приуралья зафиксированы отдельные абашевские памятники (поселения Точка и Красные Пески, бескурганый могильник на дюне у Никифоровского лесничества), но в целом основная территория распространения абашевских памятников расположена севернее и северо-восточнее районов, где исследованы памятники потаповского типа. Довольно сложен вопрос о хронологической позиции абашевской культуры. В целом, имеющиеся сейчас данные позволяют рассматривать абашевскую культуру как генетически связанную с культурами фатьяновско-балановского круга. Эти культуры датируются первой половиной II тыс. до н.э., и вполне закономерно предположение о близкой датировке абашевской культуры. По данным В.С.Горбунова, на I Береговском поселении, кроме абашевской, покровско-абашевской и срубной керамики, выделяется группа горшковидных сосудов с острым внутренним ребром и желобком на внутренней стороне венчика. Орнамент состоит из горизонтальных желобков, сочетающихся с насечками, заштрихованными треугольниками и налепными шишечками. По мнению В.С.Горбунова, эта керамика близка петровской. Стратиграфически она залегала между абашевским и раннесрубным слоями. Как совершенно верно подчеркивает В.С.Горбунов, эти наблюдения принципиально важны для выяснения хронологического соотношения абашевского пласта с новокумакско - синташтинскими материалами (Горбунов В.С., 1986).

Южнее ареала распространения абашева находится территория полтавкинских памятников. Они занимают более раннюю хронологическую позицию, чем потаповские. В лесостепном Волго-Уралье территории двух культурных образований частично накладываются. Здесь обнаружены и исследованы памятники потаповского культурного типа.

Наиболее важной проблемой в настоящее время является проблема происхождения потаповского населения. Имеется несколько точек зрения. Весьма распространенной является гипотеза о продвижении синташтинских племен в Поволжье. Высказывается предположение, что Потаповка, это, буквально, “выплеск Синташты”. Основой данного представления является приоритет открытия памятников за Уралом, большое количество исследованных синташтинских комплексов, наличие укрепленных поселений (Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е., 1977; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992, Кузьмина Е.Е., 1994). Неповторимость, своеобразие группы позволяют специалистам выделять особую синташтинскую археологическую культуру и даже выделять, по образному выражению Г.Б.Здановича, особую “Страну городов бронзового века”. Действительно, на компактной территории Зауралья определен культурно — хронологический пласт памятников типа Синташты и Аркаима. Характерным для него является сложнейшее сочетание ритуальных признаков. Вместе с тем, немаловажным является наличие на всех бытовых памятниках Синташты свидетельств металлургического производства. Кажется, это ключ к пониманию расцвета культуры. Главным базисом ее развития послужила разработка богатых металлических рудопроявлений Южного Урала. Синташтинцы,

очевидно, первыми начали промышленную эксплуатацию рудников, продолжающуюся вплоть до настоящего времени. Организация производства и установление контроля над распределением продукции в бронзовом веке всегда поддерживается сложнейшей идеологической структурой, выраженной во всех ритуальных проявлениях, включая и погребальные обряды. Основой для возникновения синташтинского феномена является культурный мир первой половины бронзового века, расположенный к западу от Урала. Именно памятники ямно-полтавкинского круга территории Волго — Уральского междуречья могут быть признаны основой происхождения Синташты. Культурно-типологические характеристики синташтинских памятников представляются более стандартизированными, чем потаповские. Это в большей степени отвечает этапу уже оформившейся культуры, ее расцвету, а не периоду становления.

Сравнение радиоуглеродных датировок свидетельствует о синхронности потаповских и синташтинских комплексов. По калиброванным значениям радиоуглеродных дат они определяются в интервале между XX и XVIII вв. до н.э. (Кузнецов П.Ф., 1996; Трифионов В.А., 1996).

Таким образом, в настоящее время возможно говорить об одном общем и главном — ямно-полтавкинском компоненте потаповских и синташтинских культурных комплексов, и об их синхронизации. Вместе с тем, на данном этапе исследования мы не можем рассматривать потаповские материалы в рамках синташтинской культуры. Синташтинские памятники имеют отчетливую область распространения — вдоль восточных склонов Урала. Потаповские памятники локализируются существенно западнее. Между ними находится обширная территория, где синхронные материалы еще не исследованы. Данный регион может быть обозначен как Самаро - Уральское междуречье. Безусловно, потаповско-синташтинские комплексы наиболее тесно взаимосвязаны. Они имеют выраженное культурное сходство. Западнее к ним примыкают памятники власово-филатовского типа (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995), восточнее — петровского (Зданович Г.Б., 1988). Однако, рассматривать все эти материалы в рамках одной культуры было бы заведомым нарушением принципа археологических классификаций. Скорее, объединение памятников более отвечает понятию блока культур, имеющих общее происхождение. Эти памятники отражают определенную историческую общность населения южной лесостепи Восточной Европы. Доминирование восточного крыла, как главной базы металлургии, безусловно. В погребальных комплексах Синташты, Петровки, Потаповки, Филатовки впервые фиксируется достаточно устойчивое сочетание жертвенников коней, конской упряжи и колчаных наборов стрел. Богатое разнообразие категорий оружия в этих захоронениях позволяет говорить о выделении страты воинской знати, о колесничей аристократии бронзового века.

Особенно следует отметить наличие специфического, западного в своей основе компонента сложения памятников потаповского типа. В результате раскопок Вольского городища в Саратовской области и поселения Лбище на Самарской Луке выявлена новая культура среднего бронзового века, названная вольско-лбищенской. Вероятно, вольско-лбищенская культура была также одним из компонентов формирования населения потаповского типа.

Таким образом, формирование потаповского культурного типа явилось результатом трансформации полтавкинских населения лесостепного Поволжья и, видимо, абашевского, при взаимодействии и ассимиляции потомков шнуровых культур (Вольск-Лбище). Основной компонент - полтавкинский. На территории Волго-Уральского междуречья, в лесостепи и на севере степной зоны, имеется мощный пласт полтавкинских или ямно-полтавкинских памятников: Утевский I, Лопатинский I и другие могильники в Самарском Поволжье, Болдырево I и другие – в западном Оренбуржье. Чрезвычайная сложность погребального обряда, богатство инвентаря и достаточно высокий уровень металлургии - явные свидетельства социального расслоения общества. Это позволяет сделать предположение, что именно население Волго-Уральского междуречья и было основой возникновения потаповско-синташтинского культурного феномена. Роль абашевского компонента в сложении потаповского культурного типа весьма проблематична в связи с неясной хронологической позицией абашева. Существенно археологических доказательств предшествования абашевских материалов синташтинско - потаповским явно недостаточно. Более того, на синташтинских памятниках имеется выраженная коллекция собственно абашевской керамики. Дальнейшая судьба населения, оставившего памятники этого культурного пласта, связана с формированием срубной и алакульской культур.

Памятники потаповского типа расположены на территории лесостепного Поволжья в непосредственной близости с курганами ранней срубной культуры. Стратиграфические данные отсутствуют. Поэтому очень важно сопоставление данных памятников по всем категориям источников, так как такой анализ представит возможность определения хронологического статуса потаповских и срубных могильников. На территории данного региона известны многочисленные раннесрубные могильники, которые по комплексу признаков делятся на две группы. Одна из этих групп уже вошла в литературу под названием “покровская”. Покровские памятники по многим категориям источников сопоставимы с потаповскими. Аналогичны отдельные признаки обряда и категории изделий, поэтому необходим детальный анализ не только отдельных показателей, но и целой их системы, которая и выявляет неповторимость и своеобразие отдельных культур и культурных типов.

Сравнение организации потаповских и покровских могильников лесостепного Поволжья показывает следующее - могильники потаповского типа состоят из курганов, имеющих несколько захоронений. Самая крупная яма в кургане расположена всегда в центре (иногда их две), в окружении могил средних размеров и сложных жертвенников. Организация покровских могильников совершенно иная. Сама подкурганная площадка не имеет сложных жертвенников, только в отдельных случаях на ее краю или у могильной ямы расчищены черепа, кости ног или, в единичных случаях, костяки лошадей.

Сравнение погребальных камер следует проводить, деля их по размерам на крупные, средние и мелкие. Самые крупные покровские могилы по размерам ближе всего к среднего размера потаповским, так же как средние покровские ямы по размерам сопоставимы с мелкими потаповскими. То есть, сравнение по данным признакам дает возможность на статистическом большинстве показать, что пота-

повские погребальные камеры в целом больше по размеру, чем покровские. Большинство покровских могил имеет на ступеньках или в одном из углов в верхнем заполнении типичные жертвенники - черепа и кости, ног коней, бычков, козлят. В покровские могилы кладется только часть туши (в расчищенном виде это ребра животных на дне могилы). Самые крупные потаповские и покровские ямы организованы по различающимся канонам. Сложнейшее оформление потаповской центральной ямы с многочисленными жертвенниками, ступеньками, ровиками, и в отдельных случаях - вторичными захоронениями ни разу не встречено в покровских могилах. Но, тем не менее, отдельные неординарные признаки обряда являются общими для потаповских и самых крупных покровских ям. К таковым относятся: захоронение взрослого и ребенка, ступенька, но без жертвенников животных.

Очевидные аналогии есть в позициях погребенных - преобладающее слабоскорченное положение на левом боку с руками, согнутыми в локтях, и наличие костяков с неустойчивым положением рук, наличие и в потаповских, и в покровских памятниках целой группы могил, где костяк смещен к одной из стен погребальной камеры. Но следует отметить существенное различие: в покровских могилах такое смещение фиксируется практически всегда в самых крупных ямах, тогда как в потаповских - в обычных средних по размеру камерах. Разнообразие в положении костяков (спина, правый бок), встречающееся в потаповских могилах, почти не характерно для покровских. И в потаповских, и в покровских могилах встречаются коллективные и парные захоронения, но преобладание потаповских совершенно очевидно. Аналогичны посыпки охрой и мелом. Отличия фиксируются на количественном уровне - обильные подсыпки в потаповских погребальных камерах и слабые - в покровских.

Таким образом, сопоставление ритуалов потаповских и покровских памятников лесостепного Поволжья показывает ослабление ведущих показателей от первых ко вторым.

Керамика и в покровских, и в потаповских могилах является самым многочисленным инвентарем. Самая массовая форма в тех и других памятниках - горшковидная с ребром-уступом или наибольшим расширением тулова, расположенным на одной трети высоты сосуда. Венчик часто отогнут. Покровские горшки иногда не имеют венчика вообще или имеют прямой венчик, то есть профилировка представляется трехчленной. Варибельность в пределах одной формы незначительна. Сопоставимы размеры сосудов, с той особенностью, что в памятниках потаповского типа чаще, чем в покровских, встречаются высокие объемные сосуды. Следующая значительная по численности форма горшков в покровских памятниках - это сосуды высоких (только иногда средних и низких) пропорций с сильно отогнутым венчиком, образующим внутреннее ребро. Такие горшки встречаются в потаповских комплексах сравнительно редко. Еще две формы сосудов - высокие слабо профилированные горшки с отогнутым венчиком и приземистые остро-реберные или округлобокие (наибольшее расширение тулова приходится на середину высоты сосуда) имеют редкие аналогии в потаповских памятниках. Единичные формы - биконические и сильно округлобокие - встречаются и в тех, и в других

погребениях. Что касается банок, то численность их в покровских курганах намного превышает количество банок из потаповских могил.

Таким образом, сравнение сосудов по формам показывает наличие в покровских памятниках четырех устойчивых, массово представленных типов горшков, тогда как в потаповских комплексах многочисленен только один тип. В последних практически отсутствуют сосуды (слабопрофилированные и острореберные горшки), которые в развитой срубной культуре будут являться ведущими типами. Тем не менее, самые массово представленные формы и в тех, и в других памятниках вполне сопоставимы в рамках развития одного типологического ряда.

Исключительно интересен анализ орнаментов. Потаповские горшки в подавляющем большинстве (первая описанная форма) или полностью покрыты елочным узором, или только ниже ребра, а выше, по фризу, заштрихованными треугольниками, ромбами, двойными зигзагами, просто зигзагом. Покровские сосуды аналогичной формы, также самые массовые, не имеют орнамента на всей поверхности горшка. Елочный орнамент практически исчезает, остается только оформление фриза сосуда (совершенно аналогичное потаповскому) с явным преобладанием двойного зигзага как ведущего элемента орнамента (он либо одинок, либо входит в орнаментальную композицию). Остальная поверхность сосуда чаще всего покрыта упорядоченными зачистками (расчесами), выполненными штампом. Эти расчески как бы заменяют елочное покрытие. Отдельные сосуды в потаповских комплексах орнаментированы заштрихованными треугольниками (почти всегда вершинами вниз, тогда как в покровских - вершинами вверх). Есть уникальные для каждой из сопоставляемых групп памятников орнаменты: потаповские “овы”, перевернутые пирамидки, оттиски шагающей гребенки и покровские свисающие лопасти, протраченные штампы, свастики, “змейки” по всей поверхности сосуда.

Следует отметить еще одну отличительную особенность посуды из потаповских могильников: часть горшков отремонтирована медными скобами, в покровских керамических коллекциях такие сосуды отсутствуют.

Яркой особенностью памятников потаповского типа является богатство и разнообразие погребального инвентаря. Центральные могильные ямы характеризуются исключительным его обилием. Это изделия из металла, камня, кости. Такие же вещи, только в меньшем количестве, находятся и в периферийных захоронениях. Ничего подобного в покровских памятниках не встречено. Отдельные изделия обнаружены практически только в центральных могилах, в остальные ставились сосуды. Обычно изделия из металла в таких погребениях представлены исключительно украшениями.

Самой массовой категорией металлического инвентаря и в тех, и в других памятниках являются ножи. Отдельные типы этих изделий вполне сопоставимы по форме и размерам. Между тем, в потаповских коллекциях есть типы, ни разу не встреченные в покровских (маленькие овальные бритвы, ножи полтавкинских форм), точно так же, как в покровских могилах часто встречаются ножи с прямой рукояткой черена и намечающимся перекрестием, ни разу не найденные в потаповских погребениях, где ножи всегда имеют змеевидный черен. Иглы и шилья отличаются

только их очевидным количественным преобладанием в памятниках потаповского типа. Крючки, крюки и тесла из металла не встречаются в покровских могилах. Долота типологически едины.

Очевидные различия фиксируются в украшениях. Потаповские браслеты всегда широкие желобчатые, подвески - мелкие округлые с заостренными концами (из серебра, обложенные золотой фольгой, медные), полные височные кольца, сломанная очковидная подвеска, обилие фаянсовых, медных, костяных бус. Покровские браслеты всегда узкие желобчатые, подвески вытянутой формы (иногда обложенные золотой фольгой) с заостренными концами и в ряде случаев орнаментированы насечками и шишечками, височные кольца и очковидные подвески не встречены. Бусы в основном фаянсовые и из рубленого серебра. Известны наконсники и дисковидные бляхи, нашитые на одежду.

В памятниках потаповского типа и в покровских костяные изделия представлены следующими аналогичными категориями: наконечники стрел (отличия фиксируются в размерах и деталях оформления черена); в покровских погребениях известен еще один тип - трехгранные лопастные наконечники, которые не встречаются в потаповских могилах. Покровские костяные цилиндры с центральным отверстием (потаповские представлены всего несколькими неорнаментированными экземплярами) разнообразны по форме и размерам, почти всегда орнаментированы заштрихованными ромбами, треугольниками, прямыми линиями с насечками и т. д. Есть вещи из кости, встречающиеся только в потаповских памятниках - диски с центральным отверстием, гребень, лопатка и только в покровских - пряжки, концевые яблочки, орнаментированные втоки стрел.

Одно из важных отличий анализируемых памятников заключается в том, что для покровских комплексов лесостепного Поволжья практически не характерны псалии - известен только один экземпляр, найденный в заполнении ямы. Он имеет совершенно отличную от потаповских форму. В памятниках потаповского типа найденные псалии не только многочисленны, но и разнообразны по форме, орнаментации и технике изготовления шипов.

Кремневые наконечники стрел известны и в тех, и в других комплексах. В потаповских они представлены целыми колчанскими наборами, в покровских их довольно мало и типологически они менее вариативны - с усеченным основанием, только в единичных случаях имеется черешок.

Сравнительный анализ памятников потаповского типа и покровских лесостепного Поволжья показывает следующее. В данном регионе в настоящее время не обнаружено комплексов, кроме потаповских, которые бы имели целую систему признаков в обряде и инвентаре, сходную с такими же показателями в покровских памятниках. Причем, сильное количественное выражение признака в потаповских комплексах как бы значительно уменьшается в покровских (сложная организация подкурганного пространства и центральных ям в первом случае, отдельные моменты этой организации - во втором; статистически массово представленная керамика в потаповских комплексах имеет полное покрытие тулова орнаментом - в покровских остается только аналогичное оформление фриза сосуда; костяные наконечники

стрел и цилиндры также показывают развитие типа). Очень важен анализ вещей, которые характерны только для тех или других памятников. В керамике - это сосуды, орнаментированные "овами", оттисками шагающей гребенки, перевернутыми пирамидками (потаповка) и горшки, украшенные только под венчиком одним или двумя рядами оттисков штампа (покровка). В металле - наличие крюков, крючков, спиральных украшений, височных колец, скобок для ремонта сосудов (потаповка); ножей с прямой рукоятью черена (покровка). В кости - лопатка, трубочки, гребень, обилие псалиев (потаповка); концевые крючки, орнаментированные втоки древков стрел, трехгранные лопастные наконечники стрел, пряжки (покровка). Характерно, что все эти индивидуальные признаки в потаповском типе памятников имеются или в хронологически предшествующих культурах (полтавкинская, абашевская), или в синхронных памятниках (Синташта, Новый Кумак). Ничего подобного в покровских комплексах не фиксируется. Все вышеназванные признаки сближают покровские курганы Поволжской лесостепи с аналогичными памятниками Дона и степного Поволжья и с памятниками второго этапа культуры многоваликовой керамики, то есть с очевидно более поздними комплексами, чем потаповские материалы. В настоящее время на Дону исследован ряд могильников, которые входят в круг памятников синташтинско-потаповского типа (Власовка, Филатовка, Пичаево). Детальный анализ материалов раскопок последних лет в лесостепном Подонье позволяет говорить о наличии здесь значительного числа покровских памятников, близких по своим основным показателям покровским материалам степного и лесостепного Поволжья. Включая и собственно Покровский могильник, они характеризуют уже раннесрубную культуру начала позднего бронзового века.

Таким образом, если памятники потаповского типа несомненно входят в круг синташтинских, то покровские комплексы очевидно входят в круг иных культурных образований, а близость этих комплексов носит, видимо, генетический характер. Хронологически эти комплексы следуют одни за другим. Процесс был настолько быстротечен, что отдельные единичные вещи могли продолжать существование в покровских памятниках (кинжалы, ножи со змеевидным черенком, топоры сходных типов, булавы).

И, наконец, анализ материалов был бы неполным без упоминания о двух известных в лесостепи могильниках - Ишеевском и II Красносельском. Это курганы, в которых сочетаются потаповские и покровские признаки (керамика покровская, а отдельные вещи - мелкие подвески, костяная лопаточка, копье, псалии - могли бы находиться в потаповских коллекциях, так же как трехгранные лопастные наконечники стрел, известные только в покровских комплексах). Эти могильники фиксируют переходный период. Следует отметить, что в настоящее время раннесрубные комплексы на территории лесостепного Поволжья подразделяются как минимум на две группы - одна из них покровская, а вторая близка степной бережновской. Обе группы характеризуют единый этап в развитии культуры и являются показателями сложности ее формирования.

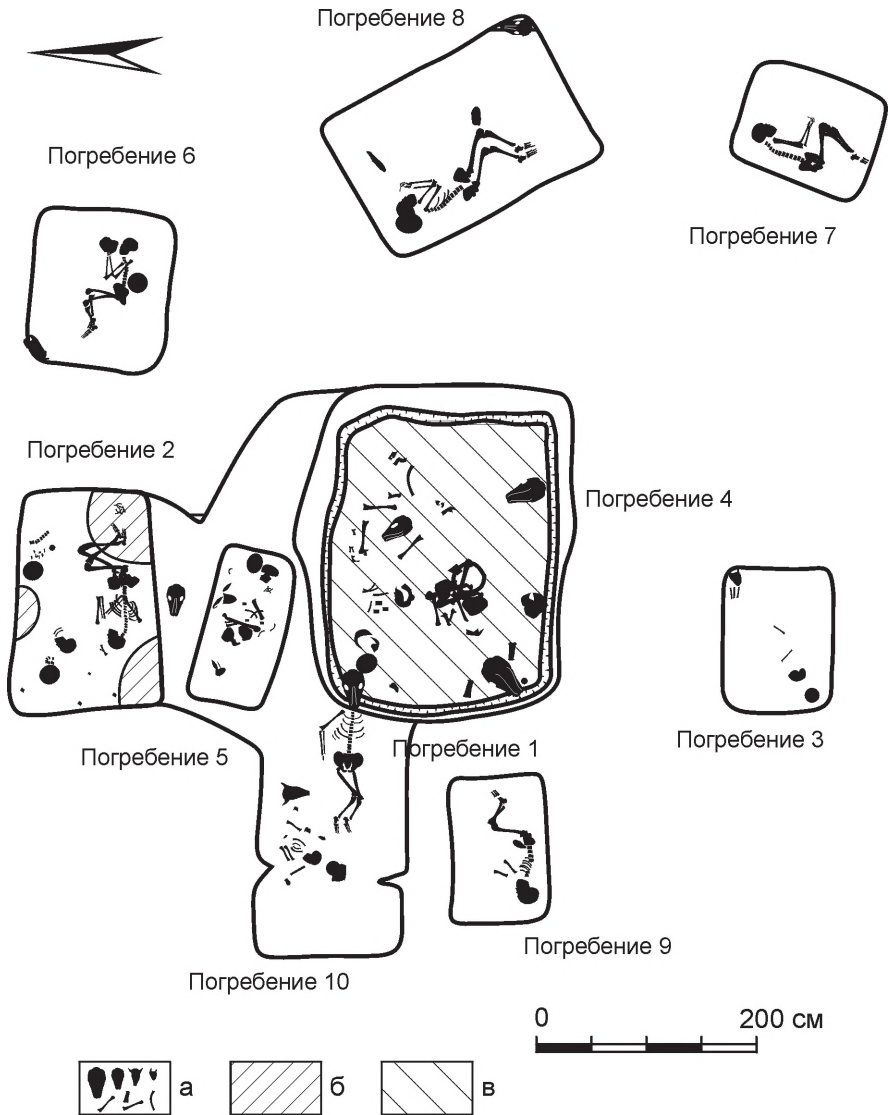
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочкарев В.С.*, 1991. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- Генинг Г.Б., Зданович Г.Б., Генинг В.В.*, 1992. Синташта. Челябинск.
- Горбунов В.С.*, 1996. Абашевская культура Южного Приуралья. Уфа.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.*, 1992. Погребения знати эпохи бронзы в Среднем Поволжье // Археологические вести. Вып. 1. СПб.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.*, 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Зданович Г.Б.*, 1988. Бронзовый век Урало - Казахстанских степей. Свердловск.
- Кузьмина Е.Е.*, 1994. Откуда пришли индоарии? М.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита - бронзового века юга лесостепного Поволжья // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб.
- Синюк А.Т., Козмирчук И.А.*, 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго - Уралья. Самара.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.*, 1977. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.
- Трифонов В.А.*, 1996. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита - бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. СПб.

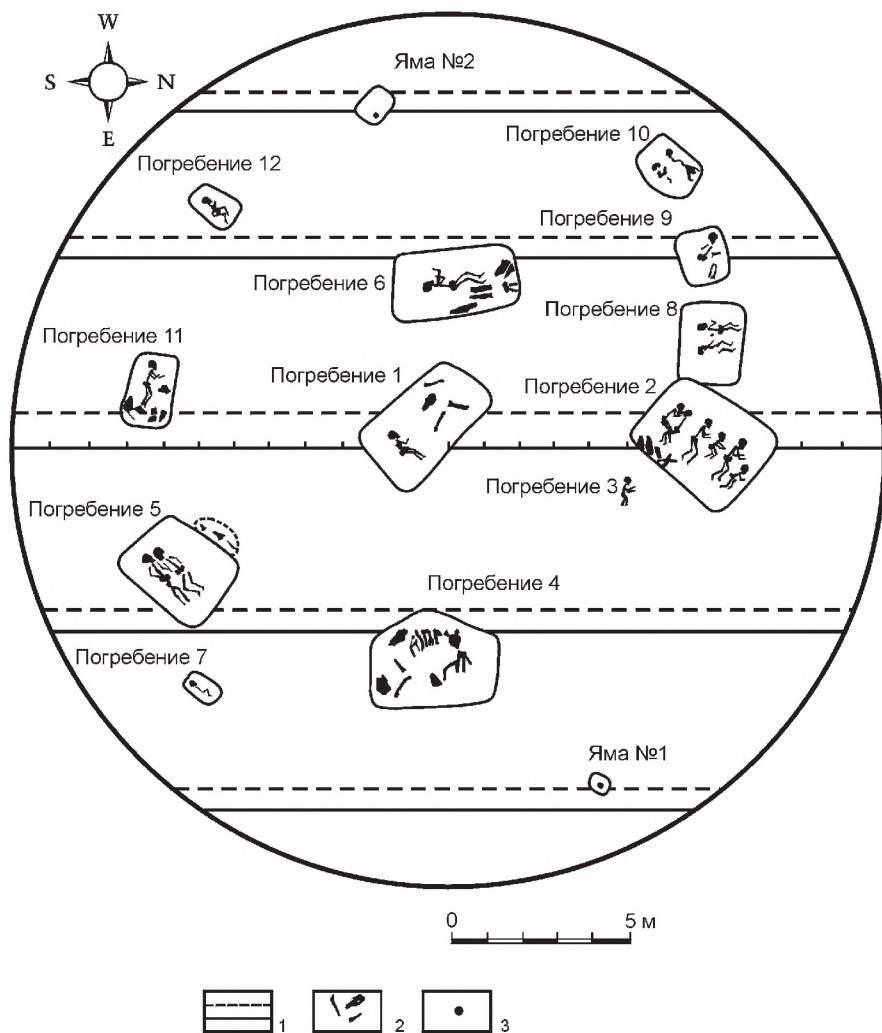
Рис.1. Карта памятников потаповского культурного типа.

1 – Потаповка, кург.мог.; 2 – Лопатино II, кург.мог.; 3 – Грачевка II, кург.мог.; 4 – Бариновка I, селище; 5 – Утевка VI, кург.мог.; Давыдовка, кург.мог..

Условные обозначения: а - кости жертвенных животных; б - обмазка глиной; в - подстилка из кожи.

Рис.2. Курган 3 Потаповского могильника.

Условные обозначения: 1 - бровка; 2 - кости жертвенных животных; 3 - сосуд.

Рис.3. Общий план кургана 6 могильника Утевка VI.

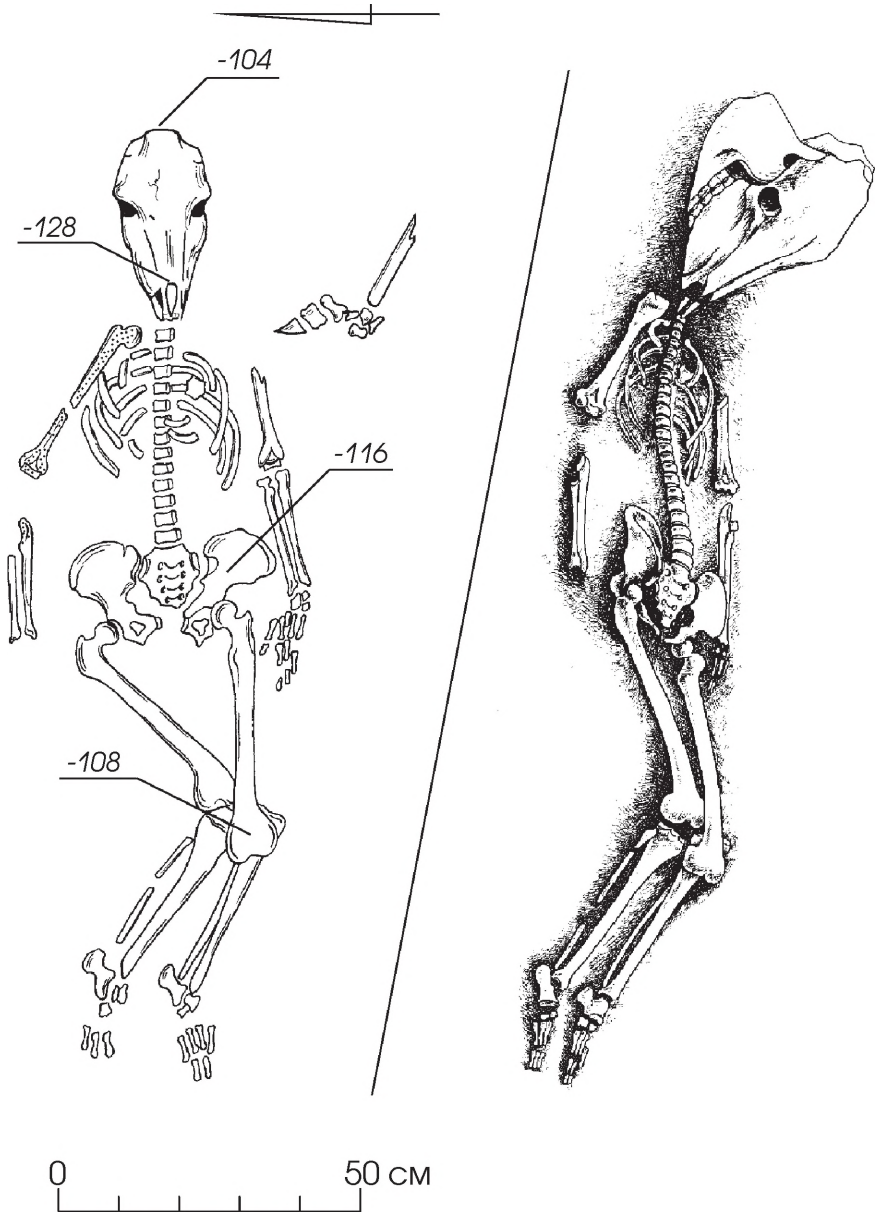

Рис.4. Потаповский могильник, курган 3, погр.1, включающее захоронение человека и череп коня. На правой плечевой кости - охра.

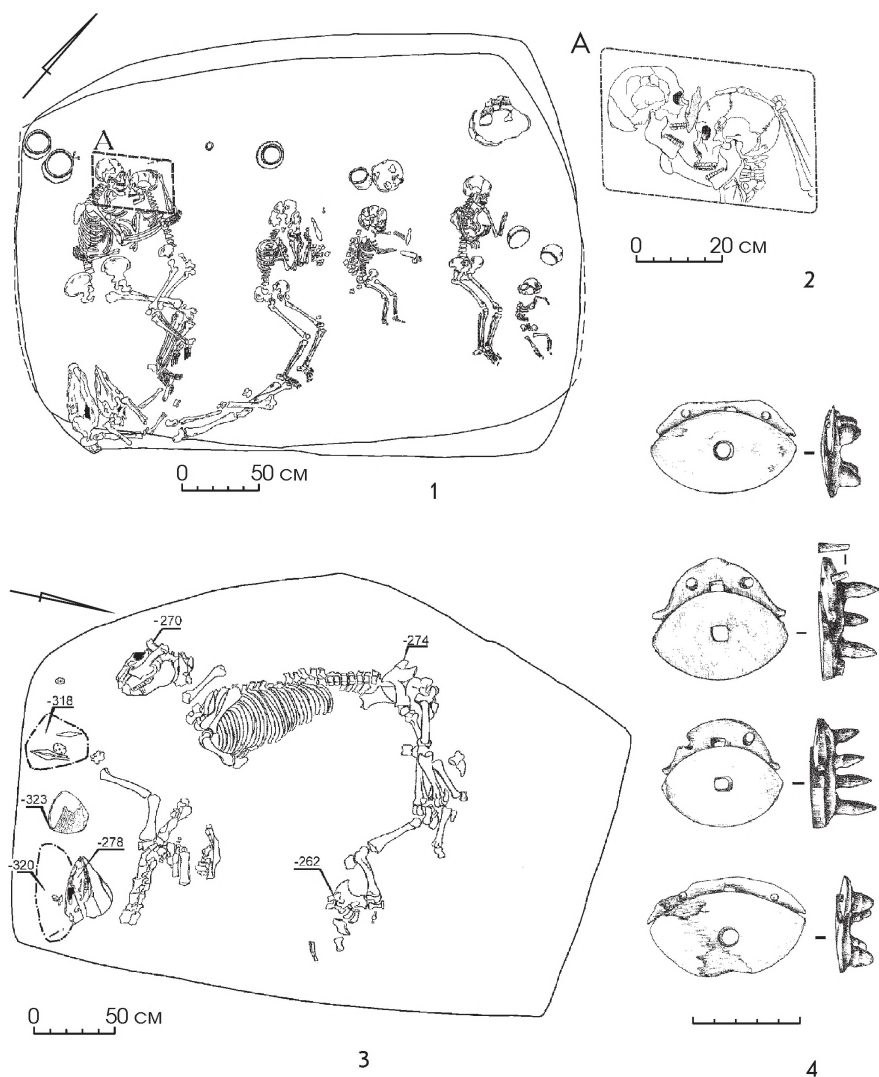
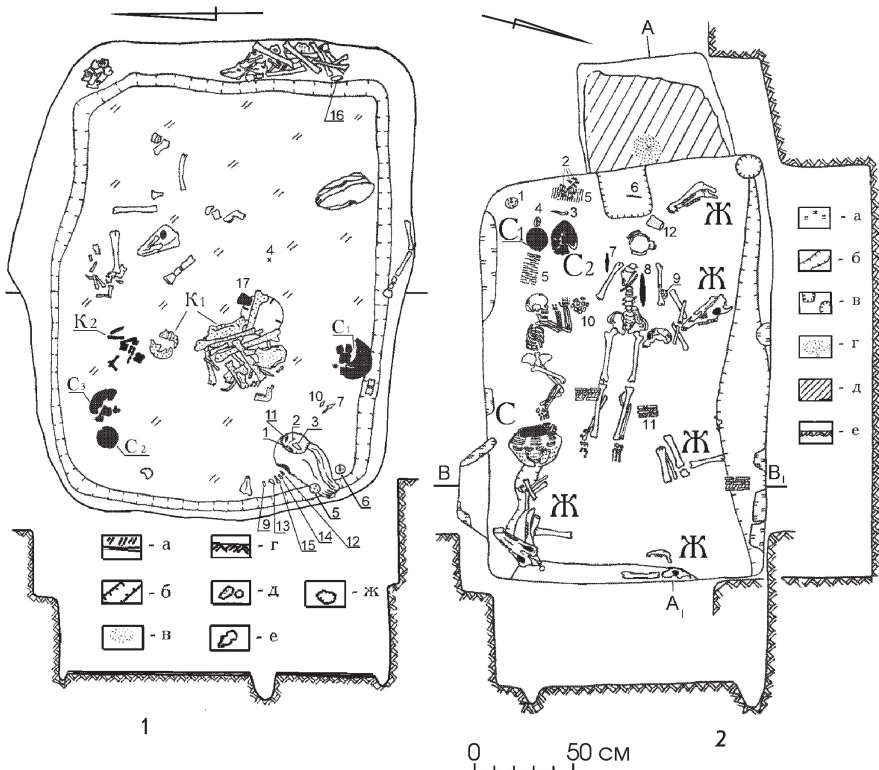

Рис.5. Погребальные комплексы могильника Утевка VI.

1 – погребение 2; 2 – позиция захоронения старших подростков в погребении 2; 3 – жертвенник коней в заполнении погребения 4; 4 – псалии из погребения 4.

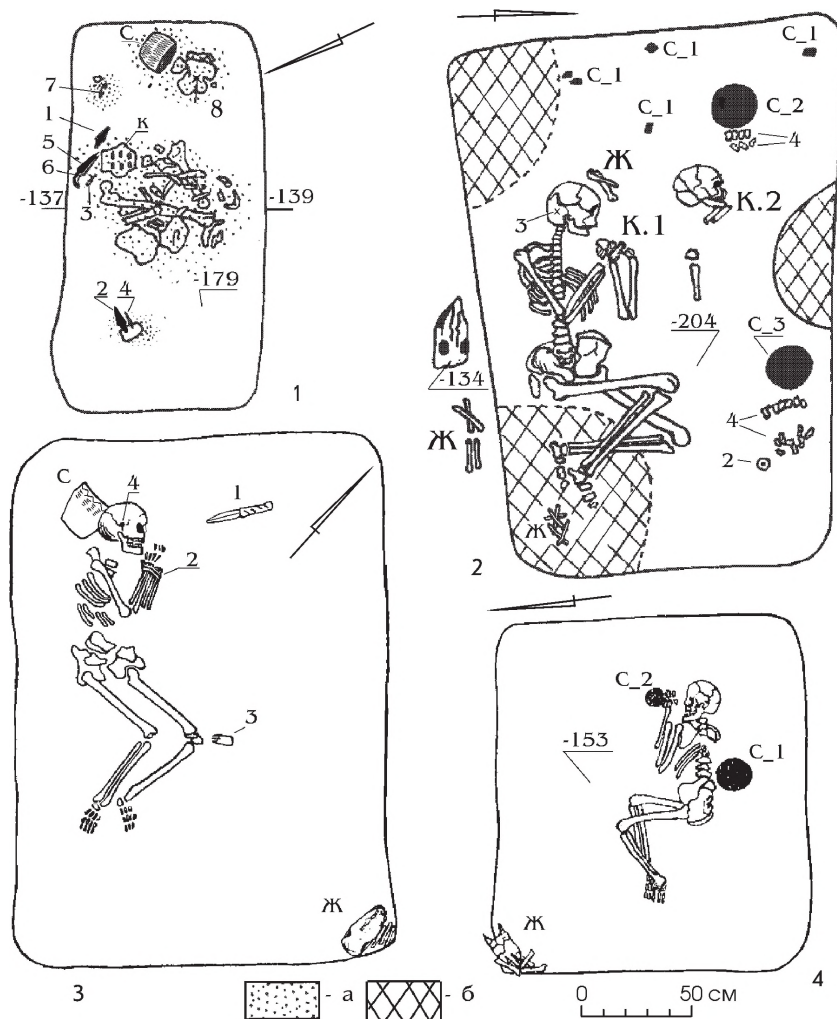

Условные обозначения.

1 - курган 3, центральное погребение 4: а – обмазка дна на плане и профиле; б – канавка вдоль стенок; в–охра; г-материк; д – отдельные кости животных; е–череп животных; ж–чехол с инвентарем на дне ямы, под черепом лошади; к – костяк; с – сосуд; 1 – нож; 2 – шило; 3 – крючок; 4 – спираль; 5 – псалий □ 1; 6 – псалий □ 2; 7 – гарпун; 8 – предмет из ребра животного с пропилами; 9 – пластинка из ребра бобра; 10–черешковый наконечник стрелы; 12–подтреугольный наконечник; 13 – бесчерешковый наконечник; 14 – ножевидная пластина; 15–каменное изделие; 16–речная раковина; 17–фрагмент сосуда □ 1.

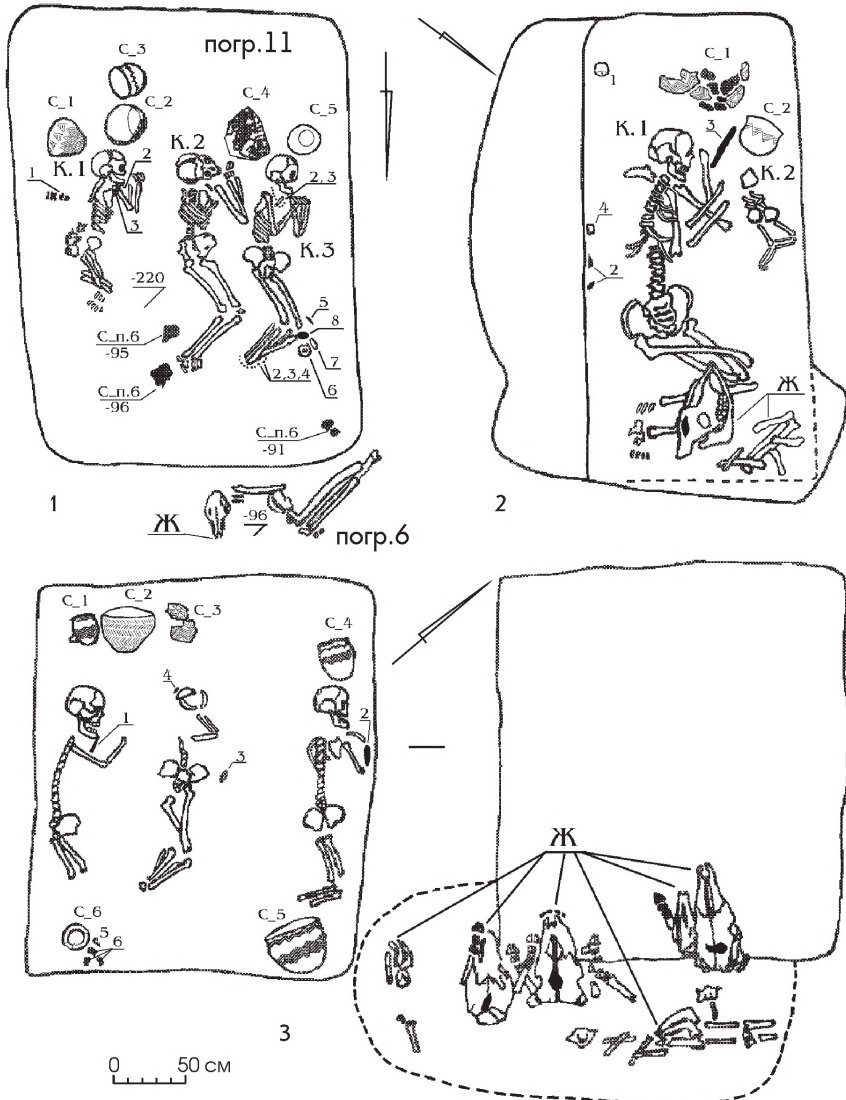
2 - курган 5, центральное погребение 8: 1 – псалий □ 1; 2–наконечники стрел; 3–изделие из рога; 4–псалий □ 2; 5–волокнистая прослойка; 6–шило; 7–нож □ 2; 8–нож □ 1; 9–псалий □ 3; 10–скопление бабок животного; 11–фрагменты сожженного перекрытия; 12–изделие из камня; а – глиняная обмазка; б – границы канавки; в – границы ям; г – охра; д – прослойка из дробленой кости; е – материк; ж – жертвенник из костей животных; к–костяк; п – череп и кости собаки; с – сосуд.

Рис.6. Погребальные комплексы центральных захоронений Потаповского могильника. 1 - курган 3; 2 - курган 5.

Погр.5 (1): 1-нож 1; 2-нож 2; 3-шило 1; 4-шило 2; 5,6-штыковидные изделия; 7-медная скобка; 8-серебряная подвеска; К.-крестец животного. Погр.2 (2): 1-шило; 2-костяной диск; 3-фрагменты медной подвески; 4-астргалы. Погр.8 (3): 1-нож с роговой рукоятью; 2-четыре металлических браслета на запястьях; 3-костяной гребень с восемью зубцами; 4-металлическая подвеска. Погр.6 (4): К.-костяк; Ж-жертвенник; С-сосуд; -153-глубина от вершины кургана; а-охра; б-обмазка.

Рис.7. Погребальные комплексы периферийных захоронений кургана 3 Потаповского могильника.

К.-костяк. С.-сосуд. Ж-жертвенник.

Рис.8. Погребальные комплексы периферийных захоронений кургана 5 Потаповского могильника. 1 - погр.6, 11 (1 - астрагалы; 2 - подвески из зубов животного; 3 - пастовые бусы; 4 - медные бусы; 5 - шило; 6 - костяной диск; 7 - предмет из смолы; 8 - миниатюрный сосуд); 2 - погр.13 (1 - костяное изделие; 2 - кремневые наконечники стрел; 3 - нож; 4 - сплеск металла); 3 - погр.14 (1-4 - металлические ножи; 5 - металлический крючок; 6 - астрагалы).

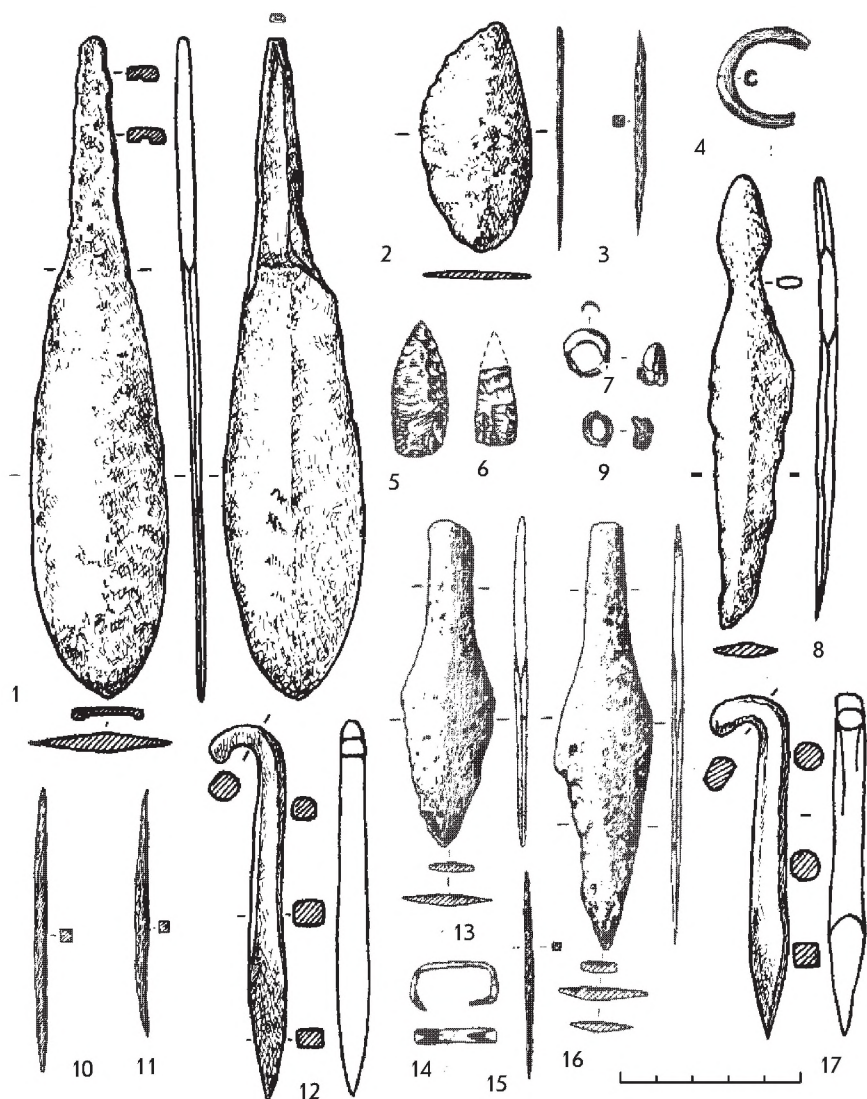

Рис.9. Погребальный инвентарь Потаповского могильника.
 1–6 – кург.1, погр.4; 7 – кург.3, погр.2; 8 – кург.1, погр.5; 9–16 –
 кург.3, погр.5; 17 – кург. 3, погр. 2.
 1–4, 7, 8, 10–17 – медные изделия; 5, 6 – наконечники стрел из кремня;
 9 – серебряная подвеска.

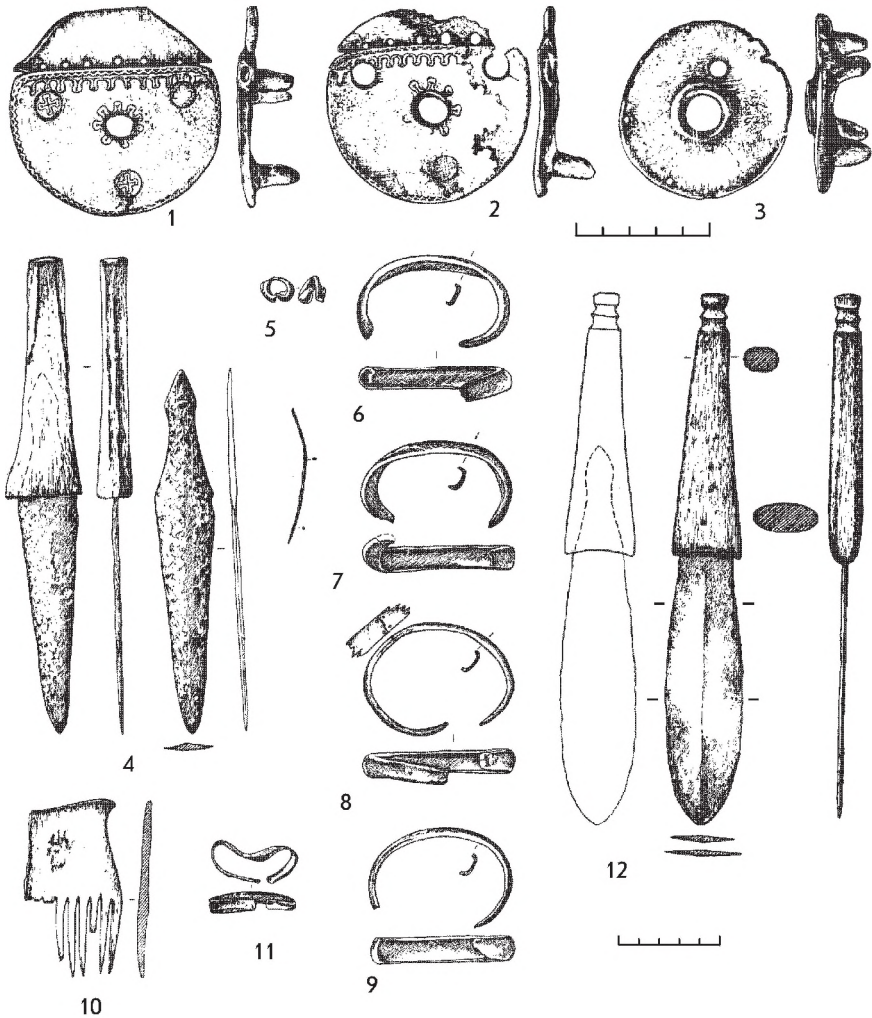

Рис. 10. Погребальный инвентарь Потаповского могильника, включающий боевые ножи – кинжалы с роговой рукоятью, подвески, браслеты, костяной гребень и роговые псалии – главную деталь конской узды, украшенные в микенском стиле северовосточного Средиземноморья.

1–3 – псалии из погребения 8 кургана 5; 4–11 – инвентарь погребения 8 кургана 3; 12 – кинжал из погребения 8 кургана 5.

1–3, 10 – кость; 4–9, 11, 12 – бронза.

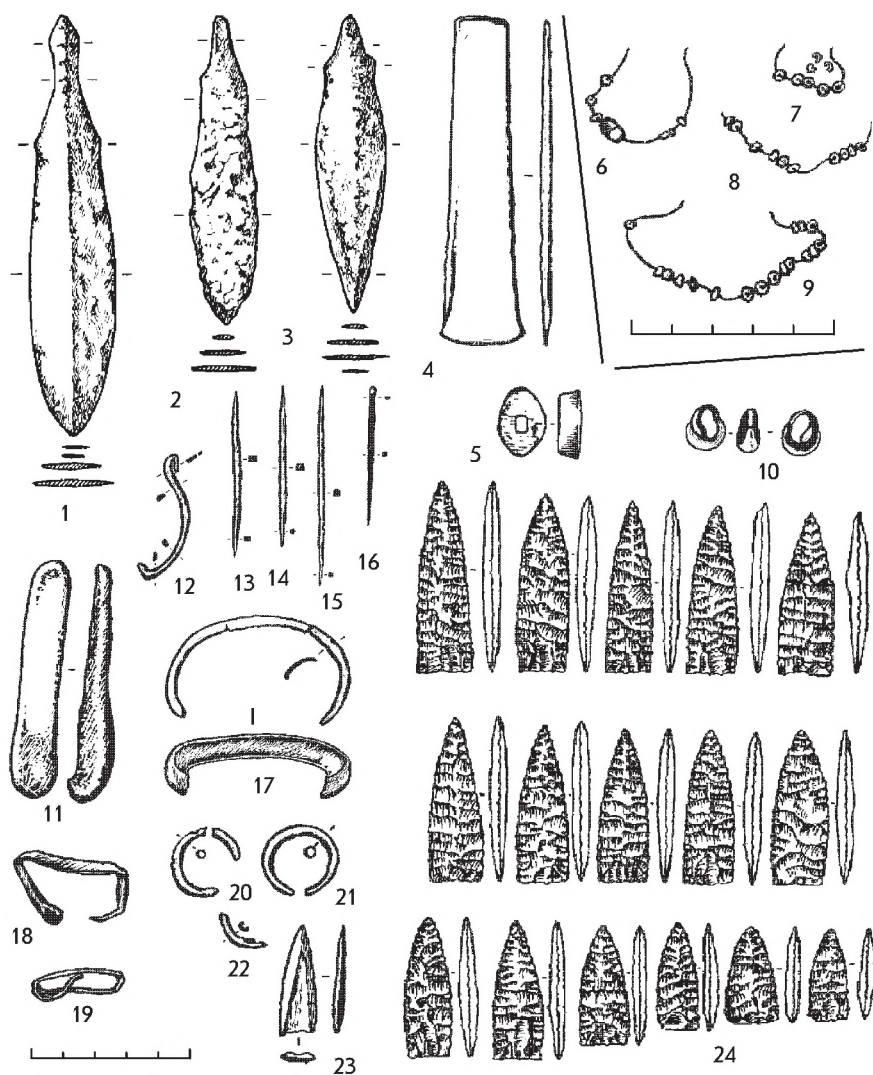

Рис.11. Погребальный инвентарь погребения 2 кургана 6 могильника Утевка VI.

Бронзовые изделия: ножи-кинжалы (1–3), тесло (4); костяное навершие плети (5); агатовая (6) и фаянсовые (7–9) бусины; оселок (11); медные изделия: подвески (10), крючок (12), шилья (13 – 16), скрепки для глиняных сосудов (18, 19), браслеты (17, 22), серьги (20, 21); кремневые наконечники боевых стрел (24); ритуальная костяная стрела (23).

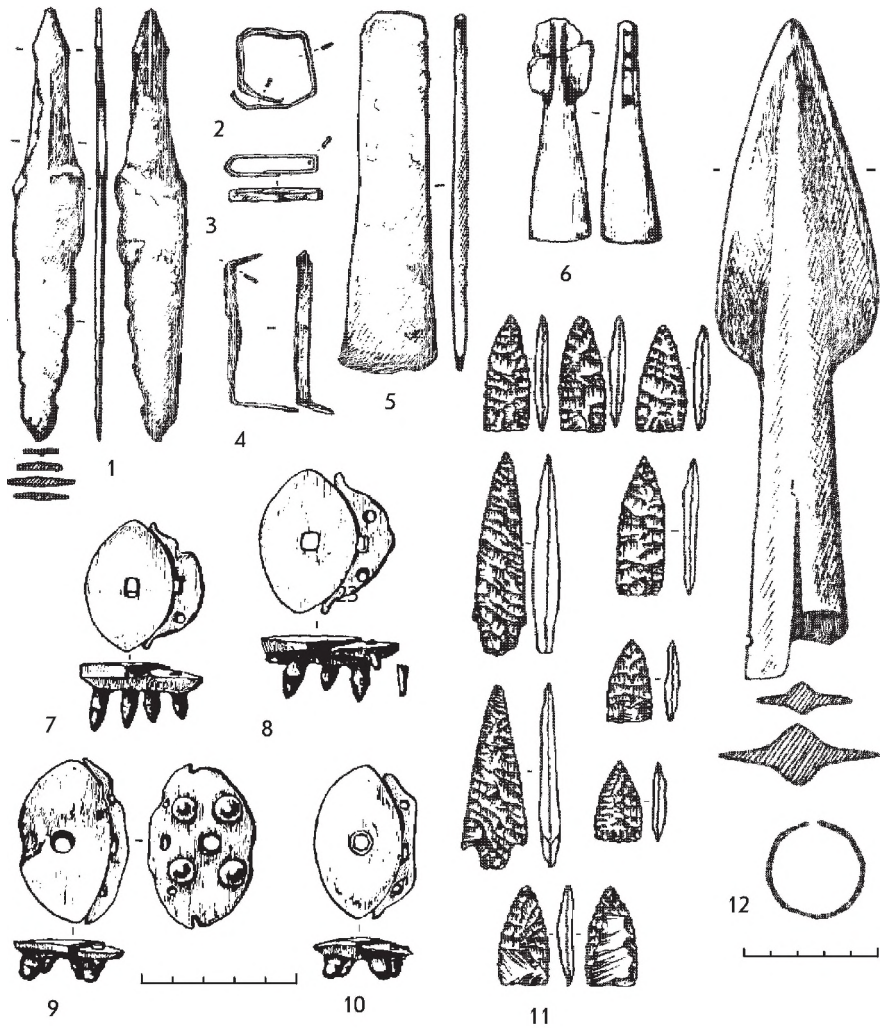

Рис.12. Погребальный инвентарь погребения 4 кургана 6 могильника Утевка VI, включающий бронзовый наконечник копья (12), боевой нож-кинжал (1), тесло (5), скрепки для ритуальных глиняных сосудов (2 – 4), костяное навершие "штанбарта" (6), кремневые наконечники боевых стрел (11), роговые псалии для управления колесницей (7 – 10).

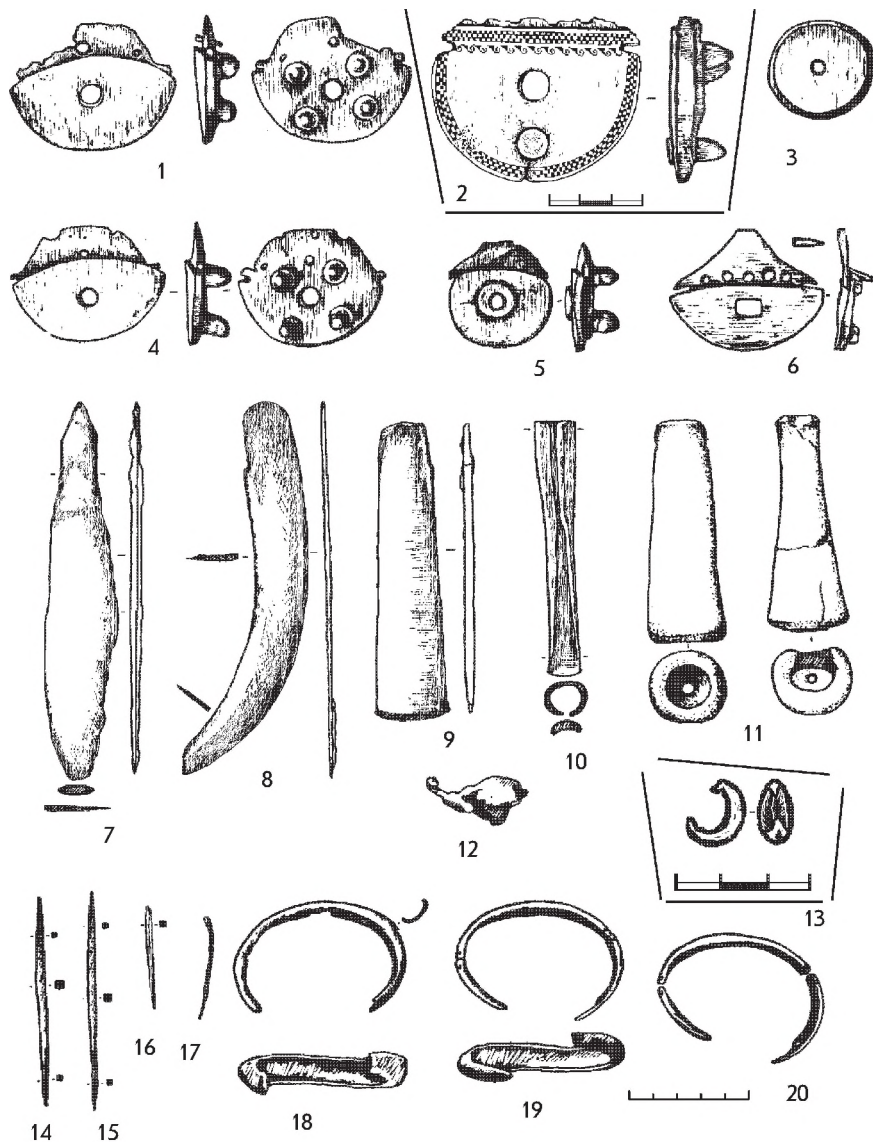

Рис.13. Погребальный инвентарь погребений 5 и 6 кургана 6 могильника Утевка VI.

1-6 роговые псалии; 7 - бронзовый нож-кинжал; 8 - серп; 9-10 - тесла; 11 - глиняные металлургические сопла; 12 - медный сплеск; 13 - золотая подвеска; 14-17 - шилья; 18-20 - браслеты.

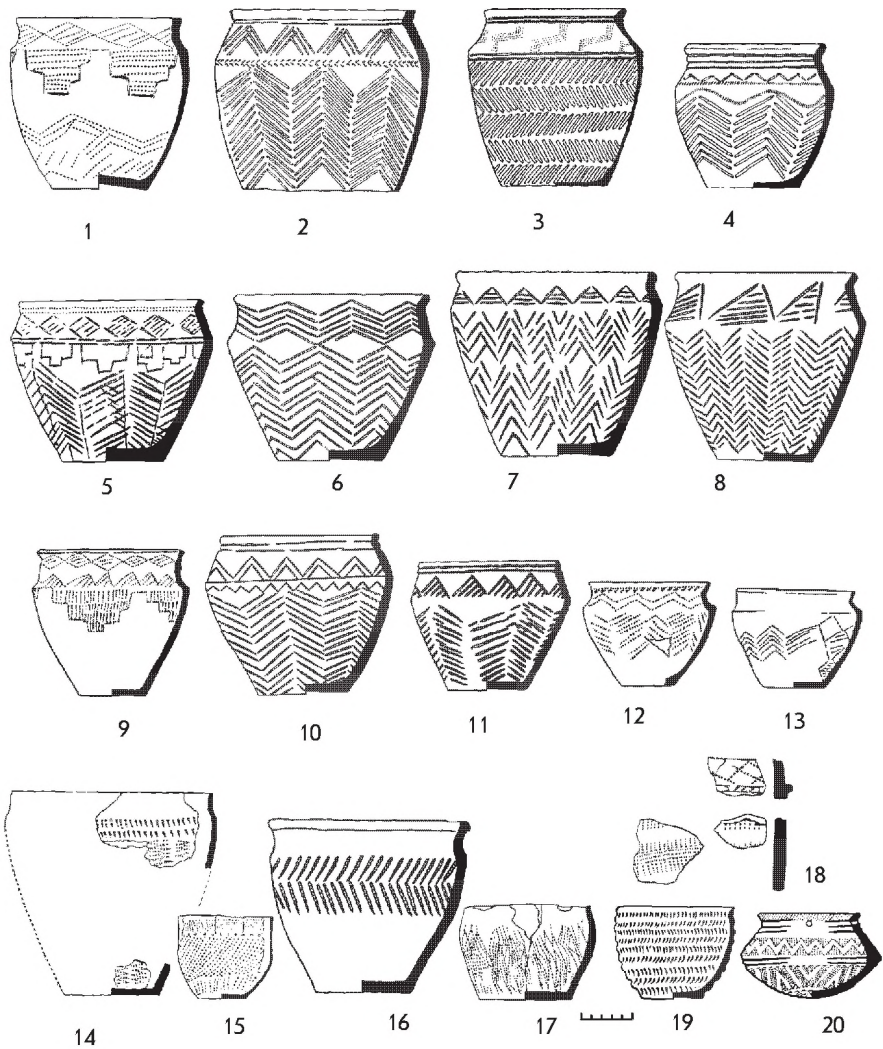

Рис.14. Керамика потаповского типа с внутренним и с внешним ребром по тулову (1 – 13); керамика полтавского облика из Потаповского и VI Утевского могильников (14 – 19), миниатюрный сосуд абашевского облика из погребения 1 кургана 1 Потаповского могильника (20).

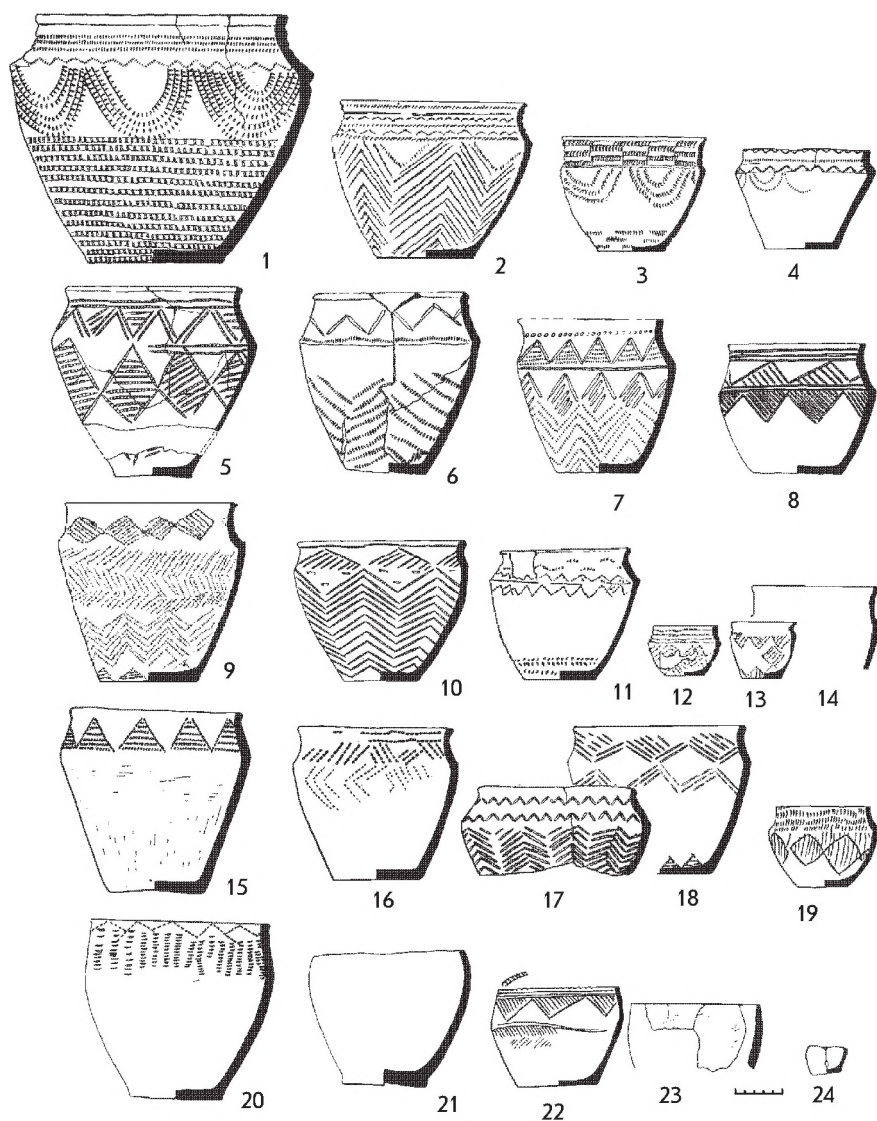

Рис.15. Керамика потаповского типа с внешним ребром по тулову (1–19), сосуды баночных форм (20 – 24).

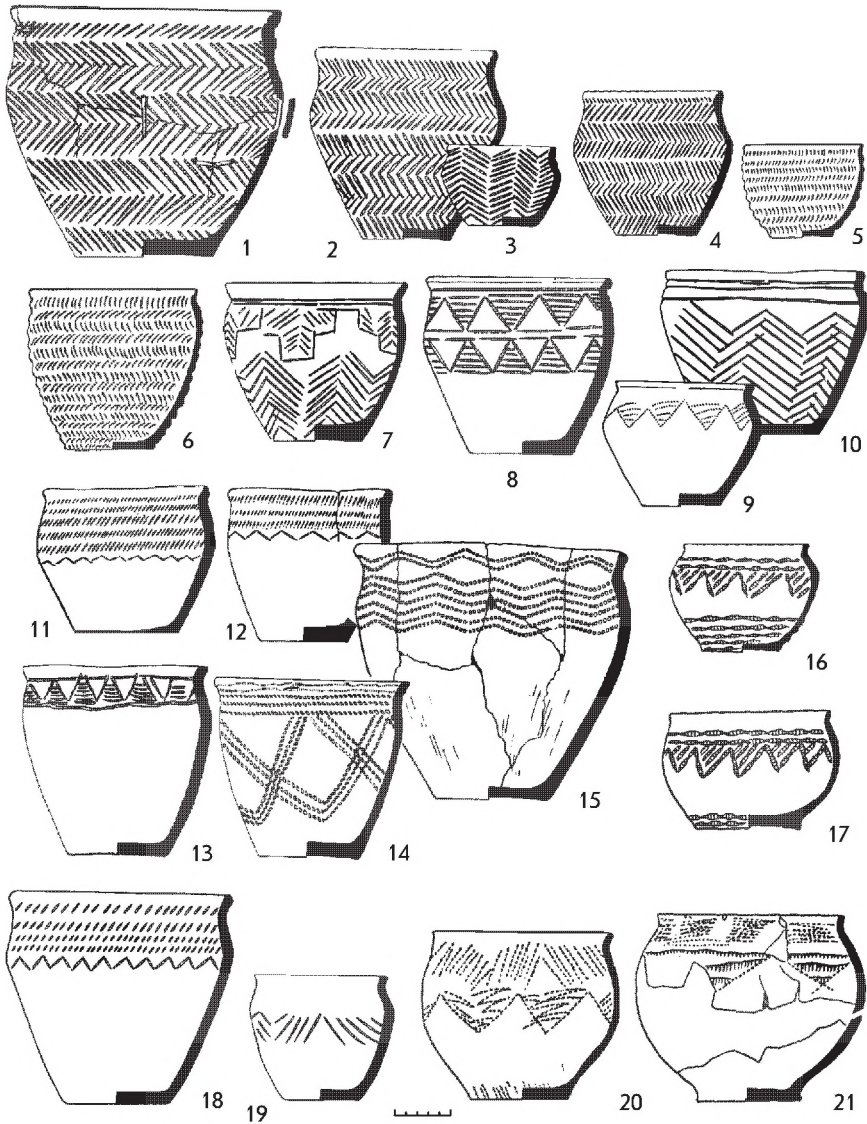

Рис.16. Керамика потаповского типа с овальным туловом, с внутренним ребром (11-13) и без ребра (14 - 21).

ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

ГЛАВА V

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Завершение эпохи средней бронзы и переход к эпохе поздней бронзы в лесостепном Поволжье ознаменован появлением ярких комплексов, в которых фиксируются черты взаимодействия различных культурных образований. Многие исследователи считают, что на основе этой разнородной, но чрезвычайно насыщенной “культурной среды” сформировался срубно-андроновский блок культур, развитие которого наполнило конкретным содержанием всю эпоху поздней бронзы (Бочкарѳ В.С., 1991. С.25). Характерными чертами этого времени являются: распространение оловянистых бронз, каменные литейные формы, литье “слепой” втулки, то есть переход к новому техническому и хозяйственному этапу развития. В этот период (XVII-XVI вв. до н.э.) лесостепное Поволжье входило в волго-уральский регион, который считается крупнейшим очагом культурогенеза. Стремительностью процесса культурогенеза исследователи склонны объяснять появление таких исключительных памятников как Синташта, Потаповка, Утевка, в которых прослеживаются черты различных культурных образований. Многие раннесрубные комплексы имеют значительную степень близости с названными выше. Именно на основе этой близости было выделено ядро волго-уральского очага, состоящее из блока трех культур: покровской, синташтинской и петровской (Бочкарѳ В.С., 1995. С.26). Считается, что эти культуры знаменуют начальную фазу волго-уральского культурогенеза. Суть этого периода - движение и взаимодействие различных культурных компонентов. Именно поэтому исследователи фиксируют в памятниках этих образований наличие еще не оформленных типов в отдельных категориях источников.

Дальнейшее развитие в волго-уральском регионе проходило в стабильном эволюционном направлении: покровский этап срубной культуры переходит в развитой, синташтинская и петровская культуры развиваются в алакульскую.

Срубная культура - это феноменальное по размерам историко-культурное явление. Памятники этой культуры известны на огромной территории - от Приуралья на востоке до Северного Причерноморья на западе и от Прикамья на севере до Прикубанья на юге. Отдельные памятники срубного типа известны на западе до Нижнего Подунавья и севера Балканского полуострова, на востоке - до Южного Приуралья и вплоть до южных пределов Средней Азии (Мерперт Н.Я., 1985. С.5). Известны сотни поселений и курганных групп, грунтовые могильники, клады бронзовых предметов и литейных форм. Поселения и могильники срубной культуры занимают бассейны практически всех крупных рек Восточной Европы, протекающих через степи и лесостепи: Волги, Урала, Дона, Северского Донца и Днепра. Значительная источниковая база дала возможность исследователям объединить такую огромную территорию в единую

культурно-историческую область. Несмотря на наличие общих культурных признаков, четко выявляется специфика срубных памятников конкретных районов этой огромной территории. Лесостепное Поволжье - один из таких районов.

Географически территория лесостепного Поволжья входит в лесостепную ландшафтную зону, которая делится на ряд ландшафтных провинций (Мильков Ф.Н., 1977). Правобережье р. Волги входит в лесостепную провинцию Приволжской возвышенности, которая характеризуется необычайно широким распространением на ее территории оподзоленных почв и лесных массивов. Долина р. Волги в пределах левобережья входит в провинцию типичной лесостепи низменного Заволжья, слагается из широкой поймы и трех надпойменных террас. Преобладающий тип рельефа провинции - плоские или волнисто-увалистые равнины. Малые реки террасовой равнины левобережья Волги вследствие маловодности летом пересыхают, превращаясь в суходолы. Отличительной чертой почвенного покрова является широкое распространение долинных черноземов. Лесостепь низменного Заволжья - остепненная провинция. Водораздел Кондурчи и Сока, Сока и Большого Кинеля, Большого Кинеля и Самары входит в лесостепную провинцию высокого Заволжья. В почвенном покрове здесь преобладают среднегумусированные (обыкновенные) черноземы. Широкие надпойменные террасы рек и пологие склоны сыртов остепнены, безлесы, покрыты обыкновенными черноземами. Волнистые вершины возвышенных сыртов, увенчанные шиханами и шишками, несут острова дубрав и березовых лесов. Почвенный покров здесь - тучные и выщелоченные черноземы. Территория Самарского Заволжья южнее р. Самары входит в степную и лесостепную провинцию низменного Заволжья. В провинции преобладает ландшафт южной лесостепи, внешне сходный со степным. Господствующим зональным типом растительности на севере являются разнотравно-типчакowo-ковыльные на севере зоны и типчакowo-ковыльные на юге. Обычны малогумусные черноземы и темно-каштановые почвы, возрастает роль засоленных почв.

Начало формирования срубной культурно-исторической общности совпадает по времени с улучшением увлажнения (Иванов И.В., 1996. С.95). К этому времени относится александрбайская регрессия Каспия. Теплый климат и богатая растительность создали условия, которые позволили срубным племенам вести комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. Исследователи отмечают, что в срубное время наблюдалась наибольшая плотность населения за весь голоцен, исключая современную эпоху (Иванов И.В., 1996. С.96). В лесостепи Среднего Поволжья зафиксировано около 2000 памятников срубной культуры. Это своего рода демографический взрыв. Смена аридных условий суббореала эпохи бронзы (ранняя суббореальная аридизация) поздним суббореальным увлажнением явилась немаловажным экологическим импульсом для развития хозяйства срубных племен (Иванов И.В., 1996. С.96). Таким образом, в целом ареал распространения срубных древностей охватывает две природно-географические зоны - степную и лесостепную полосы Восточной Европы. Изучение срубной культуры лесостепной полосы показало наличие локаль-

ных отличительных признаков групп памятников и позволило выделить три лесостепных варианта их распространения: северо-восточный (Среднее Поволжье и Приуралье), среднедонской (Верхнее и Среднее Подонье) и северо-западный (бассейн Северского Донца и левобережные притоки Днепра) (Качалова Н.К., 1978).

История изучения срубной культуры. Основные проблемы

Впервые погребения срубной культуры были выделены как “погребения в срубках” на территории Северского Донца В.А.Городцовым в первые десятилетия двадцатого века (Городцов В.А., 1905). Погребения занимали строго определенную стратиграфическую позицию, следуя за ямными и катакомбными и предшествуя погребениям в насыпи и на горизонте. В.А.Городцов видел в “погребениях в срубках” не местную группу, а “явление гораздо более широкого плана, охватившее огромные пространства южнорусских степей” (Мерперт Н.Я., 1985. С.3). С этого момента начинается изучение срубной культуры. Следует отметить, что с самого начала культура выделялась не по одному признаку, а по целому ряду показателей: особенности погребального сооружения, положение погребенного, инвентарь.

Исследование памятников срубной культуры в лесостепном Поволжье начинается еще в дореволюционное время, однако систематические исследования, подчиненные определенному плану, начались лишь после образования в 1918 г. Самарского университета. Экспедицией В.В.Гольмстен были открыты сотни поселений и курганов, но только некоторые из них были раскопаны (Гольмстен В.В., 1928). В 1936 г. начались археологические работы в районе будущей Куйбышевской ГЭС, которые с перерывами велись до середины 50-х годов. В результате этих исследований были получены значительные материалы по срубной культуре Среднего Поволжья, опубликованные в ряде статей сотрудников экспедиции (Гроздилов Г.П., 1941; Збруева А.В., Смирнов А.П., 1939) и монографической работе Н.Я.Мерперта (Мерперт Н.Я., 1958).

В 1955 г. вышла монография О.А.Кривцовой-Граковой, в которой были использованы материалы довоенных работ в лесостепном Поволжье, а также первых лет работ Куйбышевской экспедиции (Кривцова-Гракова О.А., 1955).

Новый этап в исследовании срубной культуры лесостепного Поволжья связан с работами Средневолжской археологической экспедиции Самарского государственного университета и Самарского педагогического института (ныне, университета), областного отделения ВООПИК и музея краеведения. В результате была создана значительная источниковая база, материалы многих раскопанных памятников были опубликованы в сборниках статей Куйбышевского госуниверситета и педагогического института. Статьи носили не только чисто публикационный характер. Авторы анализировали вещевые комплексы, приводили аналогии, датировали памятники.

Накопление значительной базы источников и их осмысление уже в первые десятилетия изучения культуры выявило ряд ключевых проблем, от решения которых зависело представление об этом уникальном явлении позднего бронзового века в целом. К числу ключевых относится проблема происхождения срубной культуры.

Вторая проблема - периодизация и хронология (длительность существования во времени). Третья - заключительный этап развития и историческая судьба срубных племен. Как только выяснилось, что срубные комплексы занимают огромные территории, все эти проблемы стали решаться в каждом регионе на конкретной историко-этнографической базе. Тем не менее, изучение проблем в различных регионах всегда находилось в общей связи с изучением культуры в целом на всей территории ее распространения.

Первая проблема впервые основательно рассматривалась О.А.Кривцовой-Граковой. Она считала, что территорией формирования срубных племен было Нижнее Поволжье и что единственным источником возникновения всей срубной общности являются полтавкинские памятники. Именно из степей Нижнего Поволжья срубные племена распространились на другие территории, включая лесостепное Поволжье. Она подчеркивала, что передвижение носило постепенный характер, это были принципиально новые и важные выводы. Значительное расширение источникового фонда и развитие самой археологии как науки (появление новых методов анализа источников) в последующие десятилетия практически не опровергали, а развивали и углубляли представления О.А.Кривцовой-Граковой о срубной культуре. Так, последующие исследования позволили значительно расширить территорию, занятую полтавкинскими памятниками, и выделить в лесостепном Поволжье раннесрубные комплексы. Это означало, что прародиной срубных племен было не только степное Заволжье, но и южные районы поволжской лесостепи и Волго-Уральское междуречье (Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б., 1985. С.16).

Появление в лесостепном Поволжье целого пласта раннесрубных памятников позволило исследователям сделать вывод об участии не только полтавкинских, но и абашевских племен в формировании срубных (Кузьмина О.В., 1983; Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семанова А.П., 1983. С.10). Именно с этого времени (начало 90-х годов) проблема происхождения срубной культуры приобретает остро дискуссионный характер и оказывается тесно связанной с так называемой "покровской" проблемой. Поволжские срубные памятники с абашевскими чертами представлены наиболее ярко погребениями Покровского могильника, открытого и исследованного в 20-е годы профессором Саратовского государственного университета П.С.Рыковым в Нижнем Поволжье. О.А.Кривцова-Гракова включила ряд таких погребений с "богатым" инвентарем в ранний этап срубной культуры, который стали именовать "покровским" (Малов Н.М., 1992. С.4). Выделение покровских памятников следует признать ключевым моментом в изучении всей срубной культуры, в первую очередь, вопросов ее формирования. Характерной особенностью покровских материалов является присутствие в них, наряду со срубными, абашевских черт. В настоящее время существует обширная историография, посвященная "покровской" проблеме. В ней выделяются два направления. Одни исследователи считают покровские памятники результатом контактов срубных и абашевских племен, другие предполагают, что покровские памятники возникли при участии в их генезисе абашевского этнокультурного компонента.

Покровские памятники (могильники и поселения) распространены на “громadных пространствах степи, лесостепи и прилегающих окраинах полупустыни от Приуралья до Подоноья” (Малов Н.М., 1992. С.1). Причем, исследователями срубной культуры, работающими в различных регионах такой громadной территории, покровские материалы рассматриваются или как “тип”, “этап”, “период” (Синюк А.Т., 1991. С.46) или как “культура” (Отрошенко В.В., 1997. С.70-72; Кузьмина О.В., 1995. С.27-51).

Сами покровские комплексы называются “позднеабашевскими”, “раннесрубными с абашевскими элементами”, “синкретическими абашевско-срубными”, “покровско-абашевскими”, “раннесрубными” (Малов Н.М., 1996. С.47). За всеми этими терминами просматривается в целом близкое понимание покровских памятников.

В последние десятилетия в Поволжской и Приуральской лесостепи были открыты памятники, в которых, так же как в покровских, фиксировались абашевские проявления. Исследователи единодушно определили эти ярчайшие могильники как престижные, социально значимые, воинские и т.д. В настоящее время этот пласт памятников известен в лесостепной зоне от Дона на западе до Ишима на востоке. Объединяющими признаками для всех этих комплексов является наличие воинских захоронений, сопровождающихся богатым инвентарем и, как правило, наличием могил с деталями конской упряжи.

В лесостепном Поволжье такие уникальные комплексы были названы памятниками потаповского типа (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семџнова А.П., 1994). Участие абашевской культуры в происхождении памятников потаповского типа признается всеми исследователями.

Открытие Потаповского могильника и аналогичных ему захоронений привело к появлению еще одной точки зрения на происхождение срубной культуры - в лесостепном Поволжье покровские памятники формируются на основе потаповских (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семџнова А.П., 1995. С.36; Мочалов О.Д., 1997. С.17). Таким образом, наличие абашевских признаков в покровских материалах стало объясняться не прямым участием абашевской культуры в их происхождении, а трансформацией их через потаповские.

В эти же годы активные работы в Нижнем Поволжье привели к открытию новых покровских комплексов, содержавших не только вооружение, но и детали конской упряжи - явление редкое для самарского лесостепного Поволжья. Такие открытия позволили исследователям считать покровские памятники синхронными синташтинским, потаповским, петровским (Малов Н.М., 1992. С.15). Н.М.Малов считает покровские памятники самостоятельным культурным типом абашевско-синташтинско-петровского блока культур. “Этот блок культур-вождеств начального этапа эпохи поздней бронзы сформировался на периферии катакомбного мира и при его активном участии, образовав Волго-Уральский очаг культурогенеза” (Малов Н.М., 1996. С.15).

О.В.Кузьмина, тщательно анализируя все категории источников абашевской и покровской культур, приходит к выводу, что “покровские памятники обладают статусом археологической культуры; абашевская и покровская культуры относятся к хронологически следующим друг за другом этапам бронзового века Волго-Уралья.

Абашевская (Баланбашская) культура синхронна Турбинскому могильнику, Покровская - Сейминскому и Бородинскому кладу; покровская культура открывает эпоху поздней бронзы Волго-Уралья” (Кузьмина О.В., 1995. С.48-50), абашевские памятники являются одним из компонентов формирования покровских (Кузьмина О.В., 1995. С.50).

Кроме того, существует точка зрения, что срубные племена сформировались на основе взаимодействия полтавкинских племен с племенами более западных территорий (Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семшнова А.П., 1995. С.22).

Подводя итог краткому обзору историографии проблемы происхождения срубной культуры в лесостепном Поволжье, следует отметить существование в настоящее время двух направлений в решении этого сложного вопроса. 1. Абашевские и полтавкинские памятники явились основой сложения синташтинско-потаповских и покровских комплексов. Отличия покровских и синташтинско-потаповских материалов носят культурный, а не хронологический характер. Во время бытования последних абашевская культура прекращает существование. Абашевская (баланбашская) культура синхронна Турбинскому могильнику, покровская - Сейминскому могильнику и Бородинскому кладу. 2. Срубные памятники сформировались на основе потаповских. Памятники потаповского типа входят в круг синташтинско-новокумакских и синхронны им, покровские входят в круг иных культурных образований. Хронологически эти комплексы следуют одни за другими. Процесс трансформации носил быстротечный характер. Раннесрубные комплексы на территории лесостепного Поволжья подразделяются как минимум на две группы: одна из них покровская (четко фиксируются абашевские черты, многочисленны “воинские” захоронения), вторая - без абашевских проявлений. В этой группе не выявлено “воинских” погребений. Обе группы характеризуют единый этап в развитии культуры и являются показателями сложности ее формирования. Вторая группа близка степной, получившей название “бережновской”. Эта группа генетически связана с полтавкинской культурой.

Следующая проблема в изучении срубной культуры - это ее периодизация. В конце 40-х - начале 50-х годов О.А.Кривцова-Гракова предложила выделить два периода развития срубной культуры: первый - XVI-XIII вв. до н.э., второй - XIII-VIII вв. до н.э. Каждый период характеризовался определенными чертами в обряде, керамике, металлических изделиях (Кривцова-Гракова О.А., 1955).

Более дробная периодизация по материалам Среднего Поволжья была разработана Н.Я.Мерпертом. На основе отличий в конструкциях погребальных сооружений Н.Я.Мерперт выделил четыре хронологических этапа - I этап - XVI-XV вв. до н.э.; II этап - XV-XIII вв. до н.э.; III этап - последняя четверть II тыс. до н.э.; IV этап - первая четверть I тыс. до н.э. (Мерперт Н.Я., 1958. С.61-151).

С восьмидесятих годов наступает новый период в осмыслении срубной культурно-исторической общности. К этому времени в лесостепной срубной культуре Н.К.Качаловой были определены и охарактеризованы три группы срубных памятников в лесостепи: северо-восточная в Среднем Поволжье и Приуралье, средне-

донская и северо-западная в пределах левобережных районов р.Днепр (Качалова-Н.К., 1978). В работах этого времени систематизировались огромные материалы срубной культуры в каждом регионе ее распространения, и, самое главное, проводилось сопоставление региональных периодизационных схем. Первоочередными, в этом случае, являлись районы Поволжья, т.к. именно здесь, как считают исследователи, происходило сложение и формирование срубной общности. Для степного Поволжья периодизационная схема была разработана Н.К.Качаловой (Качалова-Н.К., 1985).

Н.К.Качалова продолжила исследования в направлении, намеченном Н.Я.-Мерпертом - в первую очередь были проанализированы курганные материалы, т.к. именно они давали стратиграфические данные, явившиеся базой для создания периодизации. Н.К.Качалова отмечала, что решение проблемы периодизации срубной культуры следует вести в двух направлениях, которые взаимно дополняют и уточняют друг друга. Первое - это типологическая классификация всего инвентаря. Второе - выделение стратиграфических горизонтов в курганах. Только соединение того и другого, их взаимная корреляция дает возможность определения хронологических этапов (Качалова Н.К., 1979. С.28). Подобная методика позволила Н.К.Качаловой выделить в Нижнем Поволжье четыре периода существования срубной культуры и подробно охарактеризовать каждый из них. На основании данных стратиграфии были вычленены собственно срубные погребения и погребения инокультурного или смешанного облика, находившиеся с ними в той же хронологической позиции.

Первый период срубной культуры Нижнего Поволжья Н.К.Качалова считает синхронным памятникам новокумакского-петровского круга и датирует его XVI - началом XV вв. до н.э. Этот период был назван "бережновским". Выделение "бережновских" погребений имело огромное значение для изучения срубных древностей. Оно послужило своеобразным импульсом для активизации решения проблемы происхождения срубной культуры. Последующие корректировки и уточнения ни в коей мере не умаляют значения сделанных Н.К.Качаловой выводов. В материалах этих захоронений полностью отсутствовали абашевские черты. Погребальный обряд по форме и размерам могильных ям, их перекрытиям, ориентировке погребенных фиксировал несомненную близость с раннеполтавскими традициями. На несомненную генетическую связь указывала и близость форм полтавских и бережновских сосудов.

Погребения с абашевскими чертами, "покровские", Н.К.Качалова считала относящимися ко второму периоду и свидетельствующими о наивысшей активизации связей абашевского населения со степным срубным (Качалова Н.К., 1985. С.44). Второй период датировался исследователем XV-XIV вв. до н.э.

Последующее накопление материалов позволило синхронизировать покровские и бережновские погребения, назвать и те, и другие раннесрубными. Этот факт давал основание предполагать разные пути формирования памятников бережновского и покровского типов (Мыськов Е.П., 1991. С.29).

Таким образом проблема периодизации срубной культуры, особенно выделение раннего этапа, оказалась тесно взаимосвязанной с проблемой происхождения срубных племен.

Хронологические рамки третьего периода намечались в пределах XIII-XII вв. - до н.э., четвертого - XI в. до н.э. Время четвертого периода определялось Н.К. Качаловой ориентировочно, т.к. в материалах этого времени полностью отсутствуют датированные показатели.

Активные работы Средневолжской археологической экспедиции создали значительную базу источников, исчисляющихся десятками срубных могильников и сотнями погребений. В 1983 и 1985 годах в г.Куйбышеве вышло два сборника статей, посвященных проблемам срубной культурно-исторической общности. В одном из них группой самарских археологов была предложена периодизация срубных памятников лесостепного Поволжья (Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семпнова - А.П., 1985).

Схемы относительной хронологии создавались параллельно и независимо для каждого района. Сопоставление схем обнаружило их близость и выявило одинаковые тенденции в развитии срубной культуры степного и лесостепного Поволжья. Но методика, которая применялась Н.К. Качаловой, в лесостепном регионе полностью не могла быть использована. Типологический метод был единственно возможным на современном этапе исследования, т.к. случаев стратиграфии в лесостепных курганах практически не известно. Покровские памятники включались исследователями в группу раннесрубных, т.е. хронологически они относились в первую очередь к периоду развития культуры.

В последние годы специальный анализ керамики эпохи средней бронзы Волго-Уральской лесостепи, предпринятый О.Д. Мочаловым, позволил автору сделать вывод о том, что “признаки средневолжской полтавкинской керамики почти в равной мере представлены в покровских и бережновских памятниках. На бережновской посуде нельзя отрицать наличие...потаповских черт, что в определенной мере размывает границы между понятиями “покровская” и “бережновская” керамика” (Мочалов О.Д., 1997. С.17).

Решение вопросов периодизации срубной культуры тесно связано с еще одной ключевой проблемой - заключительный этап развития и историческая судьба срубных племен. Еще В.А.Городцов выдвинул гипотезу о распространении срубной культуры из заволжских степей в Причерноморье. Позже О.А.Кривцова-Гракова приходит к выводу, что причерноморские племена и та часть срубного населения, которая осталась в Поволжье, доживают до эпохи раннего железа.

Последний период развития срубной культуры в лесостепном Поволжье был выделен условно. К этому времени относится к.9у с.Кайбелы, исследованный Н.Я.-Мерпертом. В материалах этого кургана, несмотря на то, что под насыпью содержалось 99 погребений, полностью отсутствуют датированные вещи, поэтому хронологические границы четвертого периода были определены исследователями весьма приблизительно XIII в. до н.э. (Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семпнова А.П., 1985. С.81), и само выделение его считалось проблематичным.

К концу эпохи бронзы в лесостепном Поволжье отнесен так называемый “сусканский тип памятников”. Эти памятники “свидетельствуют о резкой культурной переориентации данного региона в позднем бронзовом веке” (Колев Ю.И., 1991. С.162). Анализ сусканских комплексов, проведенный в последние годы Ю.И.Колевым, показывает, что генетической связи со срубными они не имеют (Колев Ю.И., 1991. С.174). Существует точка зрения, что увеличение влажности привело к тому, что степная зона стала создавать большие возможности для кочевого типа хозяйства. Возможно, этим следует объяснять уход значительной части срубного населения из северо-восточных районов в степное Поволжье и дальше на запад в Причерноморье (Обыдпеннова М.Ф., Обыдпеннова Г.Т., 1992. С.161).

Сложен вопрос о хронологии поздних срубных памятников в Поволжье. Одни исследователи считают, что “в Поволжье, на Нижнем Дону и в Прикубанье параллельно во времени с сабашиновской продолжает существовать срубная культура, доживая до к.ХІІІ вв. до н.э. (Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. С.66); другие, что “нет оснований для датирования срубных древностей в более широких рамках, чем те, что дают сейминские могильники, а точнее клады бронзовых изделий типа Хайдушамшон, Апа, то есть позже ХVІ - начала ХV вв. до н.э. (Колев Ю.И., 1991. С.197)

Такова историография основных проблем срубной культуры лесостепного Поволжья и тех территорий, без сопоставления с которыми решение этих проблем невозможно.

В поволжской лесостепи срубная культура представлена двумя видами археологических памятников - могильниками и поселениями. Известны многочисленные курганные кладбища, одиночные курганы и грунтовые могильники. Последние встречаются редко, возможно, из-за определенных трудностей, связанных с их выявлением. Прослеживается закономерность в расположении срубных могильников в лесостепи. Обычно они находятся на вторых надпойменных террасах. Ни одна из культур, существовавших до или после срубной, не оставила такого значительного количества памятников. Особенностью погребальных памятников данной территории является крайне редкое фиксирование случаев прямой стратиграфии, несмотря на то, что в настоящее время известно более тысячи срубных погребений. Захоронения каждого кургана или могильника составляют единое родовое кладбище и оказываются связанными близким погребальным обрядом, похожими формами и орнаментом сосудов, металлических изделий и прочего инвентаря. Погребения почти никогда не нарушают друг друга. Это свидетельствует о том, что формирование могильников происходило планомерно, без больших хронологических перерывов между захоронениями. Возможно, отсутствие прямой стратиграфии является косвенным доказательством сравнительно недолгого пребывания срубных племен в самарском лесостепном Поволжье (ХVІ-ХV вв. до н.э.), т.к. при существовании в 400 и более лет случаи нарушения одних захоронений другими обязательно были бы зафиксированы. По мнению В.В.Отропенко, близлежащий к поселению курганный могильник был местом проведения общинных собраний и церемоний, то есть курган носил не только мемориальную, но и культовую функцию (Отропен-

ко В.В., 1990. С.6). Пока соплеменники помнили об этом, погребения не могли быть нарушены.

На реках Сок и Самара изучены микрорайоны, где памятники полтавкинские, потаповского типа и срубные находятся на сравнительно близком расстоянии друг от друга.

Современное состояние источников позволяет в настоящее время считать, что срубная культура в самарской лесостепи представлена двумя группами памятников - раннесрубными и развитыми. Закономерно, что существуют комплексы, которые носят промежуточный характер. Раннесрубные покровские рассматриваются не как отдельная культура, а как ранний этап срубной культуры.

Ранний этап срубной культуры

Покровские погребальные памятники известны на всей территории лесостепного Поволжья. Это Неприкский, Широценский, I Хряпшевский, I, II Федоровские, Чернореченский, Новопавловский, II Спиридоновский, Нижнеозерецкие, I Осинковский курганные могильники, могильник у с. Чулпан, у с. Песочное, I Каширский одиночный курган, II Съезжинский грунтовый могильник и др. (рис.1).

Изучение планиграфии могильников показывает, что обычно курганы расположены "в ряд" на незначительном расстоянии друг от друга. Иногда один или два кургана находятся вне этого ряда. При такой планиграфии могильник чаще всего включает до 10 насыпей. Есть могильники, где курганы расположены многочисленной (до 19 насыпей) компактной группой, но исследование только нескольких курганов из группы не позволяет считать такую планиграфию закономерной для покровских кладбищ. Иногда насыпи крупных размеров с диаметром более 30 м и высотой равной или более 1 м. Все курганы в плане имеют округлую форму.

Практически все полностью раскопанные могильники имеют похожую организацию. Большинство или все курганы в могильнике содержат незначительное число захоронений под насыпью (1-2-3) и только в одном кургане бывает 4-8 и, редко, более могил (рис.2).

Жертвенники на подкурганых площадках встречаются редко. Обычно они фиксируются в одно- или маломогильных курганах и всегда расположены вблизи могилы. Такие могилы отличаются от основной массы деталями погребального обряда и инвентарем. Жертвенники всегда состоят из костей животных: это или целые скелеты, или черепа и конечности крупных животных (рис.3). На площадках разводили костры, затем на прогоревшие угли или специальную подстилку из коры клались целые туши животных или их части. Сверху они покрывались корой или войлоком. В кургане 7 могильника у с. Песочное на жертвенной площадке были обнаружены скелеты двух лошадей, лежавших ногами друг к другу и ориентированные черепами на юг, в кургане 4 Новопавловского могильника - целый скелет овцы. Скопление челюстей и костей конечностей мелкого рогатого скота были обнаружены в кургане 2 могильника у с. Чулпан.

Если под насыпью расположено одно погребение, то практически всегда оно находится в центре кургана. Если два, то одно близко к центру или в центре, другое на незначительном расстоянии от центрального и оба ориентированы длинными сторонами в одном направлении. Если под насыпью 3-4 захоронения, то обычно они расположены приблизительно на одинаковом расстоянии друг от друга по одной линии или три - по одной линии, четвертое - в стороне.

Могильные ямы имеют, в основном, прямоугольную, подквадратную, овальную и неправильную (редко) форму. Если весь могильник состоит из курганов с 1-3 погребениями под насыпью, то все погребальные камеры имеют значительные размеры (длина более 2 м, ширина 1 м и более). Если на подкурганной площадке большое количество могильных ям, то размеры их обычно меньше указанного стандарта. Все ямы прорезают материк. Редко глубина в материке превышает 1 м, обычно ямы углубляются в материк на 0,4-0,5 м. В большинстве случаев погребальные камеры имеют прямые отвесные стенки, редко - ступеньки в одной из стен ямы.

В маломогильных курганах в могильнике часто фиксируются остатки деревянного перекрытия плахами. Иногда сверху плах лежит слой коры (Нижеозерцкой, к.3, п.1; I Кашпирский одиночный курган, п.1). В единичных случаях перекрытие ямы плахами сочетается с наличием дополнительной деревянной конструкции (Золотая Нива I, к.2, п.2 дно ямы по периметру было выложено прямоугольником из досок).

В других курганах фиксируется лишь деревянная труха в заполнениях ямы или следов дерева вообще не отмечается.

Дно большинства могил выстлано подстилкой (фиксируется тлен, возможно, от травянистых подстилок). Редко используется подстилка из коры или покрывало.

Абсолютно преобладает положение костяка в скорченном состоянии на левом боку. В маломогильных курганах преобладает слабая скорченность и положение костяка к одной из длинных стен могилы так, что перед костяком остается свободное пространство (рис.4, 6-10). В курганах с большим количеством захоронений фиксируется средняя и даже сильная скорченность костяков и положение (за редкими исключениями) по центральной оси могилы. Та же закономерность прослеживается в нахождении ребер крупного животного (часть туши) перед костяком и в наличии охры или мела (реже) на костяке и дне ямы в многомогильных курганах. Как правило, у умерших руки были согнуты в локтях так, что кисти расположены перед лицевой частью черепа, хотя в ряде случаев фиксируется иное положение рук - одна вытянута к коленям.

Коллективные (3-4 погребенных) и парные захоронения встречаются крайне редко. Захоронение в таких случаях производилось по существующим правилам (рис.4, 4,5).

Чаще всего ориентация костяков совпадает с ориентацией могильных ям. Ведущие ориентировки - СВ и С, реже СЗ и иногда В.

Среди покровских памятников в особую группу выделяются могильники, в которых под насыпями захоронены умершие, занимавшие при жизни особое соци-

альное положение (мог. у с. Песочное, Чулпан, Новопавловский, I Федоровский). Как правило, инвентарь таких могильников включает бронзовые ножи, кинжалы, орнаментированные костяные кольца, костяные пряжки, наконечники стрел, каменный топор (рис. 5; 6; 7). Почти в каждом таком погребении, кроме названного инвентаря, были найдены сосуды. Обычно в могильную яму ставились один или два сосуда. Причем, прослеживается определенная закономерность. Если в могиле два сосуда, то один из них имеет вертикальные пропорции, отогнутый венчик, часто образующий внутреннее ребро или желобок, плавно овальную профилировку. Сосуды объемны, внешняя поверхность иногда украшена упорядоченными расчесами зубчатым штампом (рис. 5, 5). О. В. Кузьмина считает, что такие расчесы делают поверхность рельефной. “Направление расчесов подчеркивает детали формы сосуда - шейку, тулово. Отпечатки зубцов штампа как бы поднимают глину, делая рисунок объемным” (Кузьмина О. В., 1995. С. 30). Такие сосуды или неорнаментированы (большинство) или украшены “особыми” орнаментами: проташенный, подковообразный штампы, “свастики”, в единичных случаях другие (классические покровские) орнаменты (рис. 12). Рисунок расположен только под венчиком. Другой сосуд приземистый, острореберный. Венчик отогнут, наибольшая ширина тулова - на середине высоты сосуда (рис. 5, 4). Орнаментированы такие горшки особым, традиционным для данного могильника рисунком: Новопавловский - композиция с крестами; Песочное - зигзаги (одинарный, двойной, заштрихованный); Чулпан - зигзаги (одинарный, двойной, тройной). Рисунок украшает верхнюю половину сосуда.

Если в погребении находился один сосуд, то чаще всего это был описанный выше сосуд первого типа, реже - второго типа, иногда - сосуды, имеющие другие формы (со стянутым горлом и овальным туловом), но орнаментированные традиционным способом: проташенные штампы, двойные зигзаги). Горшки ставились над и под коленями; у кистей рук, в верхнем (над головой) или нижнем углу могилы. Орнаменты на костяных кольцах аналогичны орнаментам на сосудах (зигзаги, заштрихованные зигзаги).

Таким образом, описанные социально значимые покровские могильники выделяются особым инвентарем, включая керамические сосуды. В. В. Отрошенко считает, что на сосуде из п. 3 к. 3 Новопавловского могильника воспроизведена “наиболее развернутая “картина” модели мироздания в представлениях носителей срубной культуры” (Отрошенко В. В., 1990. С. 14). “Отгисками гребенчатого штампа на острореберный горшок нанесены четыре орнаментальные зоны: тройной зигзаг под ребром, изобразительный фриз, разделенный зигзагом, над ребром, узкий зигзаг под краем венчика и косые насечки по краю венчика (рис. 11, 18). По нашему мнению, такая орнаментальная схема имеет структурный смысл, отражая пространственные представления носителей срубной культуры. Нижний мир передан условно в силу расплывчатых представлений о нем, видимый представлен водной гладью по линии ребра. По ней слева направо “плывут” девять “уточек”. Они отделены от мира наземного двойным зигзагом. Сам мир передан вереницей неповторяющихся знаков-фигур. Среди них мы выделяем главную вертикаль. К вершине ее примы-

кает два угла вершинами вниз. Образовавшаяся фигура может быть трактована как дерево. Показательно, что именно у основания этой фигуры одна из девяти “уточек” “ныряет”, фиксируя, таким образом, контакт между зримым и нижним миром (ключевой момент для понимания смысла воспроизведенной на горшке структуры). Влево от осевой фигуры изображены два ромба, разделенных наискосок линией, и угол вершиной вниз — символика женского начала. Вправо — две модификации креста, две пересекающиеся конские головки (схема конька крыши), угол вершиной вверх и наклонная линия — знаки мужского начала. Верхний мир передан одинарным зигзагом, изображающим небо и солнце” (Отрошенко В.В., 1990. С.14-15).

Таким образом, в описанной социально значимой группе присутствуют сосуды, декоративные элементы которых имеют определенный смысл.

Инвентарь таких могильников включает оружие, орудия труда, так называемые инсигнии власти, редко украшения. Украшения встречаются в погребениях с керамикой и орудиями труда.

Оружие: кинжалы, топоры, лук с костяными и кремневыми наконечниками стрел, ножи (рис.5; 6, 1,2).

Кинжалы или ножи с металлическими литыми рукоятками (Новопавловский могильник, к.4; п.1; Песочное, к.1, п.7) отличаются значительной металлоемкостью и большими, по сравнению с ножами, размерами (рис.7). Рукоятки литые, с прорезью и перегородкой или без нее и сплошные. Кинжалы отличаются тщательной отделкой, законченностью, на всех отмечена оковка лезвия по периметру. Аналогичные им есть в Подонье (Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П., 1979. С.73). Нефритовый топор бородинского типа (Новопавловский могильник, к.5, п.1) (рис.6, 1) встречается вместе с наконечниками стрел, костяными и кремневым. В покровских могильниках встречаются кремневые наконечники стрел двух типов: черешковые и с усеченным основанием; трех- или четырехгранные костяные наконечники стрел со скрытой втулкой или вырезом в основании; втулки древков стрел, обычно украшенные резьбой (рис.6, 2; 8, 6-21).

Отдельные массивные ножи также могут считаться оружием (мог. Чулпан, к.3, п.2) (рис.7, 3).

Орудия труда представлены ножами, долотом, иглами, шильями. Долото желобчатое с несомкнутой втулкой было найдено в Новопавловском могильнике, к.2 п.3. Ножи характеризуются типологическим разнообразием: ножи без перекрестия, ножи с намечающимся и выраженным перекрестием и перехватом и с различным оформлением черена. Оформление пятки черена тоже различно.

Иглы известны двух типов: у одних ушко завернуто, у других пробито в стержне. Шилья имеют с двух сторон заостренные концы.

Исследователи считают, что инсигнией власти у срубных племен был жезл (Цимиданов В.В., 1997. С.86). Считается, что срубные жезлы делятся на три типа: 1) жезлы с навершием в виде каменного сверленного топора; 2) жезлы с навершием в виде булавы; 3) жезлы в виде плети или трости с резными костяными деталями. В покровских памятниках лесостепного Поволжья вместе с оружием часто находят

орнаментированные костяные кольца (рис. 6, 2; 8, 1, 5). Возможно, это детали жезла. Часто такие костяные кольца встречаются в погребениях с костяными пряжками (рис. 6, 3; 8, 4). Такие пряжки характерны для культуры многоваликовой керамики, памятники которой в основном расположены на территории Украины и Дона. В покровских комплексах пряжки имеют в основном ромбическую форму. Есть так называемые “рогатые” пряжки. Размеры пряжек различны, поэтому каждая пряжка индивидуальна.

В могильнике у с. Песочное в единственном погребении вместе с оружием и керамическими сосудами была найдена бронзовая обкладка, возможно, от деревянного сосуда (рис. 5, 1). Деревянная посуда известна в памятниках почти всей срубной общности. Для территории Украины характерны многофигурные бронзовые оковки деревянных чаш. В покровских памятниках лесостепного Поволжья такие оковки не встречены. Но следует отметить, что на всей территории срубной общности бронзовые оковки встречаются в неординарных погребениях.

Таким образом, описанная выше группа социально значимых покровских могильников имеет свои яркие отличительные особенности в погребальном обряде и в инвентаре. Материалы именно этой группы памятников чаще всего сравниваются исследователями с абашевскими и синташтинско-потаповскими. Именно в этих комплексах прослежены четкие абашевские традиции, которые одним исследователям позволили предполагать участие абашевской культуры в формировании покровских памятников, а сами покровские комплексы объединить в покровскую культуру, другим — считать абашевские черты полученными через потаповские и предполагать участие потаповских племен в формировании покровских. Первый вывод базируется на одной и той же смысловой нагрузке покровских и синташтинско-потаповских погребений, воинско-жреческих, и на находках однотипного, в основном металлического инвентаря. Различие этих памятников объясняется принадлежностью их к различным, но хронологически одновременным культурам. Другие исследователи видят в различиях хронологический характер, а близкие черты объясняют типологическим развитием.

Большое количество социально престижных комплексов открыто в последние десятилетия на Дону. Детали погребального обряда, наличие жертвенников лошадей, наличие в могилах воинского инвентаря показывает, что эти комплексы имеют тот же самый социальный смысл, что и потаповские и покровские. Они выявлены в Богоявленском, Кондрашкинском, Власовском, Филатовском, Селезневском и других могильниках.

Эти памятники одними исследователями относятся к доно-волжской абашевской культуре и датируются в пределах развитого и, частично, позднего этапа доно-волжской абашевской культуры, как минимум синхронного пласту захоронений колесничих более восточных территорий и, естественно, предшествующему тому, что называется “покровским” временем (Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., 1979. С. 30). Другие считают, что захоронения с воинской и жреческой атрибутикой свидетельствуют о продвижении населения из Волго-Уральского региона на Дон (Синюк А. Т.,

Козмирчук И.А., 1995. С.64) и объединяют их с памятниками покровско-абашевского типа (Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. С.67).

Таким образом, приведенный выше краткий обзор показывает, что в Подонье, так же как в Поволжье, существуют различные точки зрения по поводу интерпретации анализируемых комплексов.

Погребальный обряд “престижных” памятников Подонья показывает значительную степень близости с покровским: могилы значительных размеров, на дне — остатки органических подстилок, положение умершего на левый бок в слабоскорченном положении, смещение костяка к одной из стен могилы, наличие кенотафов.

Анализ формы керамических сосудов из “престижных” могил Подонья показывает, что массовая форма (подколоколовидная с резко отогнутым венчиком, образующим ребро на внутренней поверхности) очень близка формам сосудов из покровских памятников Нижнего Поволжья. Но ведущая орнаментация керамики покровских памятников всех территорий не типична для “престижных” комплексов Подонья.

Все анализируемые комплексы имеют неординарные наборы металлических костяных и каменных изделий. Именно эти наборы позволяют исследователям синташтинские, потаповские, “престижные” донские и покровские комплексы объединить в единый хронологический пласт памятников, несущих одну и ту же смысловую нагрузку - воинско-жреческих и говорить о существовании в XVII-XVI вв. до н.э. в волго-уральском регионе крупнейшего очага культуругенеза.

В самарском лесостепном Поволжье раскопаны покровские могильники, в которых отсутствуют воинские захоронения. Это II Федоровский, I Хрящевский, II Черновский, Широченский, Гвардейский, Лузановский (курганы 15, 16, 17), II Съезжинский грунтовые могильники.

Организация курганных могильников такая же, как и в первой группе, за исключением наличия в ряде памятников многомогильных курганов. Несмотря на то, что могильник одновременен, погребальный обряд захоронений таких курганов отличается от одно- и маломогильных более мелкими по длине и ширине, глубине и проще организованными могилами (отсутствие деревянных перекрытий, часто не фиксируются подстилки). Костяки лежат на левом боку в средне-, редко сильно- и слабоскорченном положении. На подкурганных площадках отсутствуют жертвенники животных, редки ребра крупных особей на дне ям.

Основной инвентарь - керамика, орудия труда и украшения. Отличительной характеристикой керамики этой группы покровских памятников является отсутствие сосудов высоких вертикальных пропорций, которые характерны для социально значимых захоронений и описаны выше и значительное количество банок, которые в социально значимых погребениях единичны.

В остальном керамика обеих групп могильников имеет общие черты, поэтому дается ее общая характеристика.

По формам выделяется несколько типов сосудов. Все типы, за исключением банок (количество их преобладает), представлены приблизительно одинаковым числом экземпляров.

1. Горшки вертикальных пропорций с овальным туловом и венчиком, образующим внутреннее ребро или отогнутым (рис. 9, 1-9). Часто не имеют “рисунчатого” орнамента. Характерная особенность — нанесение упорядоченных борозд на внешнюю поверхность. Считается, что эти борозды имеют функцию декорирования сосуда. В целом орнаменты описаны выше.

2. Низкие приземистые горшки с наибольшим расширением тулова на середине высоты сосуда имеют или четко выраженное, или сглаженное ребро (рис. 9, 10-18). Отличаются размерами, оформлением венчика и дна. Венчик отогнут плавно или сильно, с образованием внутреннего ребра. Дно плоское, иногда с небольшим поддоном и закраиной. Орнаментированы такие горшки обычно до ребра, редко — ниже ребра и в единичных случаях — в придонной части. Орнаментированы зигзагами: одинарными, двойными, тройными. Двойной зигзаг — основной элемент орнамента покровской керамики (рис. 12, 7-18). На этих сосудах он входит в композиции с горизонтальными линиями, проходящими или под венчиком, или подчеркивающими ребро крестами, “уточками”, отпечатками наклонных линий. Часто встречается одинарный заштрихованный зигзаг (рис. 12, 20, 22). В придонной части горшки орнаментированы или двойными зигзагами, или заштрихованными одинарными. В единичных случаях на поверхности выше ребра выделены широкие желобки. Орнамент наносился среднезубчатым штампом, реже — гладким. Только в ряде случаев поверхность обработана так же, как на сосудах первого типа.

3. Горшки с ребром, расположенным на трети высоты сосуда. Венчик или прямой, или чуть отогнут. В ряде случаев такие горшки вообще не имеют венчика. Орнаментированы заштрихованными зигзагами, ромбами, наклонными линиями. У отдельных сосудов поверхность имеет расчесы. Орнамент — “гусенички”, резной, среднезубчатый (рис. 10, 1-10).

4. Редкие формы горшков (рис. 10, 11-20). А. Сосуды средних пропорций с округлым, иногда “шарообразным” туловом. Венчик отогнут и образует внутреннее ребро или просто сильно отогнут. На каждом сосуде — индивидуальный орнамент — наклонные, крупные каплевидные отпечатки под венчиком, крупный тройной зигзаг с заходящими концами, ромбы, одинарный зигзаг. У одного сосуда поверхность декорирована упорядоченными расчесами; Б. Биконические. Орнаментированы косым двойным зигзагом и двойным зигзагом, заштрихованным горизонтальными параллельными линиями. В. Подкололоводные приземистые сосуды.

Банки (рис. 11, 1-15). Составляют значительную часть коллекции. В основном имеют небольшие размеры. Банки подразделяются на два вида: с открытым и с закрытым горлом. Есть банки с округлым и биконическим туловом. Орнаментированы крестами, наклонными линиями, заштрихованными ромбами, вдавлениями полой палочкой, желобками. В отдельных случаях на поверхности видны расчесы крупнозубчатым штампом. Часть банок не орнаментирована.

Украшения в покровских памятниках представлены височными подвесками, браслетами, пастовыми бусами, накосниками.

Височные подвески в полтора оборота, желобчатые овальной формы. Грушевидные подвески крупные, орнаментированы шишечками. Сделаны из бронзы, редко - золотые.

Браслеты сделаны из желобчатой бронзовой пластины с креплением концов или заходящими концами.

Накосники — наборные украшения. Известны в Лузановском и в II Спиридоновском могильниках. Состоят из центральной фигурной бляшки, от которой на кожаных шнурах спускаются пронизи и обоймочки. На пронизях крепятся круглые орнаментированные бляхи (рис. 13).

Таким образом, в лесостепном Самарском Поволжье существует пласт раннесрубных покровских памятников. Этот пласт характеризуется особым погребальным ритуалом, специфическими формами сосудов, оружием, наборами украшений, орудий труда.

В целом, покровские вещи имеют аналогии в Сейминском могильнике и Бородинском кладе. Эти аналогии позволяют датировать их XVI в. до н.э.

Несмотря на то, что в покровских памятниках прослеживаются абашевские традиции (в форме, в характерном изгибе венчика, с ребром и желобком на внутренней поверхности, в типах украшений, в способе составления и ношения гарнитура украшений, в типах оружия и орудий труда) (Кузьмина О.В., 1995. С.49), все они характеризуются уже вполне сложившимися признаками срубной культуры, которые четко видны в комплексах развитого этапа — в этих комплексах при практически полном исчезновении абашевских традиций “срубные” признаки в обряде и инвентаре приобретают законченный облик.

В лесостепном Самарском Поволжье выделяется еще одна группа раннесрубных памятников, в которых при отсутствии абашевских традиций прослежены полтавкинские реминисценции. Это I Новоорловский, Луначарский, могильники у сел Солнечное, Ягодное, Вислая Дубрава, одиночный курган у с. Ягодное.

Планиграфия могильников не отличается от покровской. В основном количество курганов в могильнике 4-6. Организация полностью раскопанных памятников показывает, что, как правило, все курганы в могильнике содержат одно погребение, редко - два и более захоронений. Насыпи округлой в плане формы.

Обычно насыпи больших размеров (диаметр 30 м и более, высота 1 м и более). Иногда (I Новоорловский могильник) первичная насыпь выкладывалась корой. Только в одном случае (I Новоорловский могильник, к.4) в насыпи был обнаружен жертвенник из мелких костей (птиц?). В I Солнечном могильнике в к. I в погребенной почве был вырыт ровик, заполненный золой, кусочками пережженной докрасна земли с пережженными костями животных.

В целом, обряд этой группы характеризуется следующими признаками: большинство могил имеет четкую прямоугольную и подквадратную форму, значительные размеры (длина 2 м и более, ширина 1 м и более), ступеньки вдоль одной или двух стенок могилы, столбовые конструкции в яме; деревянные, иногда усложнен-

ные надмогильные сооружения (накатники, двойные накатники), срубы, культ огня, органические подстилки, окраска костяков охрой или мелом (рис. 14). Именно эти признаки обряда являются свидетельством участия полтавкинских племен в формировании срубных. Отдельные, указанные выше, признаки присутствуют и в обряде покровской группы, но в более слабом качественном и количественном выражении.

Положение костяков — среднескорченное на левом боку с руками, согнутыми в локтях. Отклонения от этого правила единичны. Ориентация костяков совпадает с ориентировкой могил — С, СВ, исключения редки. Не зафиксировано ни одного случая смещения костяков к одной из длинных стен могил — все костяки лежат по центральной оси ям.

Как и в покровских памятниках, в захоронениях этой группы прослеживается культ огня. Этот культ выражался в обожжении деревянных конструкций: плах, перекрывающих яму, срубов, а также в кремации умерших. В заполнении ряда могильных ям обнаружены скопления угольков и золы. Кремация совершалась на стороне. Затем кальцинированные кости клались на подстилки практически всегда в большие по размерам ямы: Нижнеозерецкий, к.2, п.1 — 2,1 x 1,3 x 0,3 м; к.3, п.1 — 2,2 x 1,9 x 0,4 м; к.7, п.1 — 2,4 x 2,2 x 0,1 м; I Солнечный, к.3, п.1 — 3,2 x 2,8 x 0,2 м. Почти во всех курганах Нижнеозерецкого могильника были обнаружены кремации. Как правило, яма с захоронением остатков кремации была единственным погребением в кургане. В отдельных случаях кальцинированные кости покрыты корой или глиной. Исследователи объясняют появление обряда кремации у срубных племен продолжением развития традиций культа огня местных ямно-полтавкинских племен.

Следующим общим моментом в погребальном обряде и покровских, и описываемых памятников является наличие символических захоронений-кенотафов, то есть могил, в которых нет костяков. Ямы-кенотафы всегда имели значительные размеры (I Солнечный могильник, к.2, п.1 — 7,7 x 2,4 x 0,3 м; Кировский одиночный курган — 4 x 2 x 0,8 м). Это самые крупные могильные ямы среди всех раннесрубных захоронений (рис. 14, 4).

В описанных могильниках отсутствует воинский инвентарь. Самая массовая категория инвентаря — керамика. Обычное расположение сосудов — у костей рук. В одно погребение ставились два, редко — один или три сосуда. Несмотря на явное усложнение погребального обряда (сближающее эту группу с социально значимыми покровскими), инвентарь только единичных захоронений включает кроме сосудов костяные проколки, кольца, ножи, иглы и шилья.

Среди сосудов много банок, как в рядовых покровских захоронениях. Отсутствуют сосуды высоких пропорций с характерным орнаментом (“подковообразный” штамп, “проташенный” штамп), с особой обработкой поверхности упорядоченными расчесами. В этой группе нет сосудов со специфической покровской технологической традицией формирования венчика: отгибом, образующим внутреннее ребро и нет желобков под венчиком.

Сосуды подразделяются на несколько типов.

1. Горшки часто вертикальных пропорций со слабым отгибом венчика и слегка овальным туловом (рис. 15, 1-6). Украшены в верхней части типичными срубными орнаментами: наклонные отпечатки крупнозубчатого штампа, тройные зигзаги, нанесенные отпечатками среднезубчатого штампа, уголкового вдавления и т.д. Единичные горшки не имеют орнамента. Несмотря на то, что этот тип горшков в пропорциях очень близок первому типу покровских сосудов, технология формовки, обработка поверхности и в целом орнаментальные композиции — иные, хотя на других типах покровской керамики и наклонные линии, и тройные зигзаги также встречаются (рис. 15).

2. Горшки приземистых пропорций со слабопрофлированным туловом и слегка отогнутым венчиком (рис. 15, 7, 8, 10-12). Наибольшее расширение тулова находится на середине высоты сосудов. Различаются высотой и степенью округлости тулова. Близки второму типу покровских горшков. Отличаются формовкой венчика (не образуют внутреннего ребра) и не имеют такого сильного расширения тулова, как покровские. Ни разу не встречен такой часто повторяющийся на покровской керамике элемент орнамента, как двойной зигзаг. Орнаментированы такие горшки в верхней части одинарным заштрихованным зигзагом, ограниченным снизу и сверху ямками и наклонными отпечатками зубчатого штампа, ромбами, выполненными отпечатками “веревочки”, сеткой, горизонтальной “елочкой”, крестами (рис. 15, 7-12). Такие сосуды близки полтавкинским. В покровской коллекции есть аналогичные горшки (могильник у с. Новый Ризадей, к.4).

3. Банки. Приземистые и вертикальных пропорций. Устье открытое и стянутое, так же, как у покровских. Иногда орнаментированы наклонными отпечатками среднезубчатого штампа, горизонтальной елочкой.

Редкие формы горшков (рис. 15, 9, 13, 14). С отогнутым венчиком, сильно раздутым острорезерным туловом, дном небольшого диаметра с поддоном. Орнаментирована верхняя половина сосуда тройным зигзагом, “елочкой”, одинарными зигзагами и наклонными отпечатками “двузубого” штампа.

В декоре керамики данной группы памятников отсутствует “рисунчатое письмо” — несимметричный рисунок, состоящий из повторяющихся элементов. Такое “рисунчатое письмо” — особенность покровского декора (рис. 11).

Другой инвентарь встречается в единичных могилах и не отличается от аналогичного покровского.

Таким образом, в лесостепном Самарском Поволжье ранний этап срубной культуры представлен двумя группами памятников. Обе группы, несмотря на описанные выше отличия, имеют общие, характеризующие единую культуру показатели в погребальном обряде и инвентаре. Специфика объясняется различной степенью проявления абашевского и полтавкинских компонентов в формировании срубной культуры. В степном Поволжье прослеживается аналогичная ситуация. Покровская группа в лесостепном Поволжье численно преобладает.

Появление в покровских памятниках острорезерной и баночной посуды, украшенной типично “срубными” орнаментами, ножей “срубного” типа, другого инвентаря и украшений, характеризующих “развитые” срубные комплексы не по-

зволяет выделить их в особую, покровскую культуру, т.к это ведущие показатели всей срубной общности в целом. Об этом же свидетельствует погребальный обряд — положение умершего на левый бок в среднескорченном состоянии, ориентировки в СВ и С секторах — все это ведущие признаки огромного количества срубных захоронений, следующих по хронологии за покровскими.

Выше уже указывалась территория распространения покровских памятников. В каждом регионе покровские комплексы имеют местные особенности. На территории Приуралья часть таких памятников имеет сильную связь с покровскими лесостепного Поволжья, но есть могильники (Ветлянка), в которых прослеживаются яркие алакульские признаки. Первые имеют определенную степень близости с потаповскими, вторые — с синташтинскими. На всей территории распространения покровские комплексы обладают ведущими признаками срубной культуры, представляя ее ранний этап.

Развитый этап срубной культуры

Этот этап представлен многочисленными курганными могильниками, исследованными практически во всех районах Самарской области. Это I Красносельский, Каменновражский, Лузановский, Белозерский, Звенигородский, Старо-Ивановский, Киевский, Волчанковский, II Подстепкинский, IV Кашпирский, I Кировский, Четьровский курганные могильники, могильник у с. Золотая Нива II, Кошкинский одиночный курган.

Все эти памятники характеризуются едиными общими признаками:

- 1) особая организация могильника;
- 2) многочисленность захоронений;
- 3) стандарты в совершении погребального ритуала;
- 4) стандарты типов керамической посуды.

Набор этих признаков свидетельствует о вполне сложившихся погребальных традициях и гончарных приемах изготовления и орнаментации сосудов.

Совершенно естественно, что в этой многочисленной группе в ряде могильников еще доживают покровские традиции. Особенно четко это прослеживается в I Красносельском, Белозерском, Каменновражском могильниках. Несмотря на отдельные покровские проявления, это могильники новой эпохи.

Могильники состоят из 3–14 насыпей. Если насыпей больше трех, то большая часть из них расположена цепочкой на близком расстоянии друг от друга, остальные на таком же расстоянии от основного ряда, но правее или левее его. Иногда такие могильники находятся рядом с покровскими (I Красносельский, II Золотая Нива, Лузановский).

Организация самого могильника отличается от покровской. Курганы в основном незначительных размеров, кроме одного–двух. В ряде могильников овальные удлиненные насыпи. Под всеми остальными насыпями совершены многочисленные захоронения (до 35 погребений) (рис. 16).

Несмотря на общие стандарты, каждый могильник характеризуется своими особенностями в обряде и керамическом инвентаре. Это четко прослеживается, так как каждый памятник дает многочисленный материал. Анализ керамики показыва-

ет, что гончары, сохраняя общие принципы, вносили свои особенности в формовку и орнаментацию сосудов: в каждом могильнике прослеживается “своя” форма и повторяющаяся орнаментальная композиция сосудов.

Насыпи простые, земляные. Иногда в насыпях встречаются кости животных, фрагменты сосудов.

Жертвенников на подкурганых площадках нет. Несмотря на то, что диаметр большинства курганов небольшой (от 14 до 30 м), на подкурганых площадках производились многочисленные захоронения. В целом это время характеризуется большим числом детских погребений. Преобладание детских погребений в ряде могильников срубной культуры “демонстрирует вполне обычный для культур степной бронзы показатель” (Литвиненко Р.А., 1996. С.65). Обычно под насыпью одного кургана находятся и взрослые, и детские захоронения, иногда детские или взрослые расположены в отдельных курганах. Планиграфически детские погребения чаще всего были расположены в центральной части подкурганной площадки, но особо выделенных мест не занимали.

В большинстве курганов выделяется центральное погребение, остальные находятся или в части, близлежащей к геометрическому центру, или в периферийной области подкурганной площадки. Иногда фиксируется как бы круговое расположение могил, в большинстве случаев — бессистемное.

Погребальный обряд характеризуется четким стандартом всех выполняемых действий. Могильные ямы имеют прямоугольную или неправильную форму с закругленными углами и четкие определенные размеры: взрослые — 1,4 х; 0,6-0,8 м; 1,2-1,1 х 0,7-0,8 м; детские 0,6-0,9 х 0,4-0,6 м (рис. 17). Глубина в материке — 0,3-0,5 м. Покровские могилы такого стандарта не имеют. Крупные по размерам могилы редки и обычно находятся среди остальных.

Деревянные конструкции. Встречаются могильники, где большинство погребений имеют перекрытия. В основном, все они расположены в Ставропольском районе, где и в покровское время прослежен этот обряд в усложненном исполнении (срубы различных конструкций, бревенчатые накатники). В этом же районе исследовано погребение (I Подстепкинский могильник, к.1, п.2), в котором был обнаружен сруб. Сруб имел небольшие размеры: 1,2 х 0,8 м, то есть размеры, не выходящие за рамки стандартных размеров могильных ям. В остальных могильниках или только часть погребений имеет перекрытия, или во всех могилах перекрытий не зафиксировано.

Костяки лежат на левом боку в средне- и сильноискорченном положении с руками, сильно согнутыми в локтях. Слабая скорченность встречается только в могильниках, имеющих покровские ремниисценции.

Иногда фиксируются органические подстилки. Преобладающими ориентировками являются СВ и С. Остальные (В, СЗ, З, ЮВ, ЮЗ) связаны с подкурганым расположением могил на подкурганной площадке. В ряде курганов представлена почти только северо-восточная ориентировка (Волчанковский, к.7, 12; Звенигородский, к.2); в некоторых преимущественно северная (I Кировский, к.12). Устойчивость ориентировок характерна для курганов с 10-12 захоронениями под насыпью.

Известны парные захоронения (в основном подростков и детей). В таких погребениях часто костяки лежат на правом и левом боку.

Как и в покровских памятниках, в комплексах развитого этапа известны единичные захоронения ничком. В покровском Новопавловском могильнике это социально значимое захоронение; в I Кировском могильнике, к. 5, п. 2 (развитое время) захоронение ничком было совершено в погребенной почве.

Так же, как в покровское время, в отдельные могильные ямы развитого периода (только социально значимые) кладется часть туши крупного животного или альчики и бабки (в основном, в детские могилы).

Кульг огня зафиксирован в небольшом числе захоронений. Это кремации, произведенные на стороне (Четырковский, к. 1, п. 1; Староивановский, к. 1, п. 2; Лузановский, к. 11, п. 1, 3; I Кировский, к. 1, п. 2; к. 12, п. 2; к. 9, п. 7; к. 5, п. 1; к. 11, п. 15; Подстепкинский, к. 1, п. 9; Каменновражский, к. 2, п. 25). Планиграфически эти ямы не выделяются из массы остальных захоронений кургана. В заполнениях ряда могил встречены угольки и зольные прослойки. Угли и зола на дне ямы обнаружены в нескольких захоронениях (II Золотая Нива, к. 1, п. 3, 8, 17).

Слабые охристые или меловые подсыпки встречаются крайне редко.

Самой многочисленной категорией инвентаря являются керамические сосуды. В одно погребение обычно ставилось по одному или два сосуда. В редких случаях — три, в единичных — четыре-пять. Как правило, три сосуда находятся в детских могилах, четыре-пять — в могилах с парными захоронениями. Обычно сосуды ставились у кистей рук и колен, у локтей и колен умершего. Редко — за затылком, у стоп и за спиной.

Анализ керамической коллекции в целом показывает, что в развитой период устанавливаются выработанные правила изготовления погребальной посуды. Самой массовой посудой, которая ставилась в погребение, являются сосуды баночной формы (рис. 20). Их количество в три-четыре раза превышает количество сосудов других форм. Значительная часть погребений содержит только банки. С покровского времени не появляется ни одного нового типа сосудов. Все новшества в технологии изготовления сосудов фиксируются только в рамках изменения уже выработанной в покровское время формы, то есть в рамках одного типологического ряда. Некоторые чисто покровские типы посуды перестают существовать. Такие же выводы можно сделать относительно украшения поверхности сосудов орнаментами. Некоторые покровские элементы орнамента не встречаются совсем (“подковообразный”, проташенный штампы, упорядоченные расчески крупнозубчатым штампом, то есть приемы, которые делают поверхность сосуда рельефной). Все остальные элементы орнамента (зигзаги, кресты, заштрихованные ромбы и зигзаги, наклонные линии, ряды ямок и т.д.), известные на покровской посуде, образуют новые композиции и имеют другое количественное выражение. Если в покровских памятниках ведущие типы горшков не выделяются (все типы представлены приблизительно равным числом сосудов), то в развитое время ведущими, массовыми являются только два типа горшков. Вариативность внутри каждого типа зависела от племенных гончарных традиций: так в каждом могильнике повторяется посуда определенных

форм со своими особенностями в орнаментах. Нового типа такая посуда не образует, являясь лишь вариацией определенного типа сосудов.

Горшки подразделяются на следующие типы:

1. Горшки вертикальных пропорций со слегка округленным туловом или чуть отогнутым венчиком (рис. 18, 1-11). Иногда венчик высокий прямой или сильно отогнут. Внутреннего ребра нет. В ряде случаев наибольшее расширение тулова имеет ребро. Этот тип продолжает развитие близкого покровского типа горшков. Различно оформление венчиков. Обработка внешней поверхности, орнаменты; высота и объемы таких сосудов в преобладающем большинстве случаев меньше покровских.

2. Горшки низкие приземистые с наибольшим расширением тулова на середине высоты сосуда (рис. 18, 12-17). Тулово округлое, только в единичных случаях образующее ребро. Венчик или высокий слабо отогнутый (почти прямой), или короткий слегка отогнутый. Этот тип имеет сильную связь с острореберными покровскими сосудами (второй тип покровских горшков). Отличается оформлением венчика, обработкой поверхности и орнаментальными композициями. В отличие от других сосудов развитой срубной культуры, этот тип горшков почти всегда пышно орнаментирован. Основу орнаментальной композиции в большинстве случаев составляет крупный одинарный заштрихованный зигзаг (рис. 18, 13, 14, 15). Этот зигзаг ограничен с одной или двух сторон горизонтальными линиями, сверху и снизу могут идти ряды ямок, мелких одинарных зигзагов. Иногда центральный заштрихованный зигзаг заменяется лентой заштрихованных ромбов или тройным зигзагом, наполненным крестами (рис. 18, 16). Если такой тип в одном могильнике представлен определенным количеством сосудов, то орнаментируются они очень похоже, то есть гончары, соблюдая общие традиции, вводят как бы свой стиль декорирования (I Красносельский, I Кировский, III Подстепкинский, Звенигордский могильники, Кошкинский одиночный курган и т.д.). Покровские орнаменты на близкой форме сосудов (2 тип) такими особенностями не обладают и орнаментируются по-другому.

Горшки второго типа имеют близкие размеры. Обычно высота сосуда меньше диаметра горла. Существует вариант данного типа — горшок с наибольшим расширением тулова, расположенным немного выше середины высоты сосуда (рис. 19). Такие горшки могут быть миниатюрными. Иногда дно имеет небольшие поддоны или закраины. Такой сосуд из Кошкинского одиночного кургана близок “вазам” из раннесрубного Нижнеозеречского могильника (к.4) (рис. 18, 12).

Горшки второго типа из памятников развитого этапа как бы продолжают развитие аналогичного типа сосудов из раннесрубных памятников, описанных выше как не имеющих абашевских черт.

В развитие время в этом типе сосудов как бы соединились две технологические традиции раннесрубного времени: острореберные приземистые покровские горшки с абашевскими реминисценциями и округлобокие горшки со слабоотогнутым вен-

чиком с полтавкинскими чертами (2 тип) из второй раннесрубной группы могильников.

Редкие формы горшков. Зафиксированы во II Подстепкинском курганном могильнике (к. 1, 2) (рис. 18, 6). Сосуды первого и второго типов местные гончары изменили за счет другой формовки венчика: на этих горшках венчик высокий, слегка отогнутый или прямой. В этом могильнике видно продолжение гончарных традиций раннесрубного времени: в могильнике (раннесрубном) у с. Вислая Дубрава, расположенном в том же районе, где и II Подстепкинский, отдельные горшки тоже имеют высокие венчики.

Банки (рис. 20). Как уже отмечалось выше, банки составляют значительную часть всей керамической коллекции. В основном банки имеют диаметр горла, ненамного превышающий диаметр дна, то есть стенки слегка расширяются вверх. Реже встречаются “открытые” банки и в единичных случаях — банки со стянутым устьем. Таких банок гораздо больше в покровское время. Банки различаются размерами и оформлением дна. В основном, это небольшие по сравнению с горшками сосуды. В редких случаях встречаются высокие банки со слегка расширяющимися или почти прямыми стенками. Большинство банок имеют прямое плоское или слегка вогнутое дно. Редко встречаются поддоны и закраины. В покровское время поддоны и закраины на всех формах сосудов встречаются гораздо чаще, чем в развитое. В “развитых” памятниках больше асимметричных сосудов.

Значительная часть керамики не орнаментирована. Как правило, это сосуды баночной формы (рис. 20).

Ведущими орнаментами развитого этапа являются один или два ряда оттисков штампа или палочки под венчиком, а также так называемый “наполненный” зигзаг (одинарный, двойной, тройной).

Ряды обычно состоят из наклонных или прямых (вертикальных, в единичных случаях горизонтальных) отпечатков крупнозубчатого или гладкого штампов (рис. 21). Иногда это ямки или подтреугольные вдавления. Почти все орнаментированные банки украшены именно таким способом.

Орнаменты покровских банок не выявляют такой устойчивой традиции.

“Наполненные” зигзаги — сверху и снизу (или только сверху или только внутри) наполняются отпечатками короткого двузубого штампа, “капельными” или подтреугольными вдавлениями (рис. 22). В единичных случаях такие оттиски спускаются ниже зигзага и украшают всю поверхность сосуда.

Заштрихованные зигзаги встречаются, как правило, только в композициях (рис. 23). Эти композиции были описаны выше при характеристике второго типа сосудов. На покровских горшках одинарный заштрихованный зигзаг на каждом сосуде выполнен как бы “по-своему” и в сложные композиции не входит. Таким образом, в развитых срубных комплексах почти все сосуды орнаментированы однотипно.

К числу редких приемов декорирования относится украшение верхней части горшков “сеткой”, ромбами (заштрихованными или заполненными крестами), горизонтальной елочкой.

В комплексах развитого этапа появляется посуда с чертами керамика развитой алакульской культуры (уступчатое плечо, лощение поверхности, в орнаментации — “уточки”, косые заштрихованные треугольники, пирамидки). Иногда повторяющиеся геометрические фигуры прерываются другими элементами орнамента. В каждом могильнике фиксируется повторяющийся на многих сосудах свой способ декорирования, то есть одна и та же орнаментальная композиция повторяется на нескольких сосудах.

Орудия труда и украшения встречаются редко (рис.24). Это единичные ножи, чаще — иглы и шилья. Украшения — браслеты, подвески, бусы, нашивные металлические украшения, наборы костяных подвесок. Орудия труда редко встречаются в одном погребении с украшениями. Шилья и иглы не отличаются от покровских. Украшения — желобчатые браслеты, различающиеся оформлением концов, подвески в полтора оборота, иногда обложенные золотой фольгой (крупные, восьмерковидной и грушевидной формы). Бусы из серебра или пасты встречаются вместе с подвесками и браслетами. В одном из погребений Подстепкинского могильника (к.1, п.13) найдены свастиковидные накладки из тонкой пластины, украшенные пуансонным орнаментом (рис.24, 9).

Исключительный интерес представляет набор из погр.2 кургана 6 Волчанковского курганного могильника (рис.25, 1-6). Это четыре подтреугольные костяные подвески и миниатюрная подвеска в виде туфельки с выделенным каблучком и загнутым вверх носком. В этом же погребении были найдены обломки бронзовой подвески в полтора оборота, обернутой золотой фольгой, обломок бронзового желобчатого браслета, бронзовая игла. “На дне ямы на подстилке из коры лежал костяк взрослого человека в слабоскорченном на левом боку положении, головой на север. На запястье правой руки погребенного был надет браслет, состоящий из трех ниток бус: внешние ряды — из сурьмяных бус, внутренний — из стекловидных пастовых бус. У кистей рук находился предмет, сделанный, вероятно, из кожи. Этот предмет был расшит сурьмяными и пастовыми бусами”. Костяные подвески были обнаружены на этом предмете (Кузнецова Л.В., Седова М.С., 1991. С.171).

В этом же могильнике в погр.5 кургана 8 был найден сосуд с изображением идущего человека (рис.25, 8). В.В.Отрощенко считает, что это изображение и “туфелька” символизируют “переход” умершего в потусторонний мир, “причем, для рядовых общинников, похороны которых не сопровождалось жертвоприношениями животных, именно переход и представлял реальную возможность переправы” (Отрощенко В.В., 1990. С.9).

В Лузановском могильнике (к.7, п.1) была обнаружена маленькая костяная модель булавы с четырьмя выступами (рис.24, 8). За спиной захороненного лежало 24 астрагала овцы. На малой берцовой кости скелета прослеживались следы пропила до половины кости, а затем кость была сломана. Слом прослеживался и на толстой берцовой кости. В этом же кургане (п.11) было найдено шлифованное костяное изделие в виде трубочки с расширяющимся одним концом (рис.24, 11).

Особо следует остановиться на могильниках, которые наиболее близки раннесрубным (I Красносельский, Камменновражский). В керамике и вещевых комп-

лексах отдельных погребений отмечается сильная близость с покровскими материалами, но в целом погребальный обряд, типы керамических сосудов, орнаментальные композиции соответствуют памятникам развитой срубной культуры. Такие могильники, вероятнее всего, сооружались в переходное время. Наиболее сильно раннесрубные черты прослеживаются в социально-значимых погребениях. Существование выраженной социальной стратификации у срубных племен считается общепризнанным (Отрощенко В.В., 1989. С.162).

Отмечается наличие погребений военной и невоенной знати, жрецов и рядовых общинников. Наибольшее число воинских погребений открыто в Поволжье и Подонье. В.В.Отрощенко проанализировал 4284 погребения и пришел к выводу, что “в среднем поясе ареала срубной культурно-исторической общности процесс социальной дифференциации протекал наиболее интенсивно. Особо ярко он проявляется в средней зоне Поволжья и в Оренбуржье” (Отрощенко В.В., 1989. С.163). В раннесрубное время (покровские памятники) на территории самарского лесостепного Поволжья сооружались целые курганные могильники знатных воинов.

В развитой период социальная прослойка знатных воинов исчезает. Нет ни одного могильника знати. Неординарные погребения, выделяющиеся усложненным погребальным обрядом и особым инвентарем, находятся в кургане среди рядовых захоронений. Обычно инвентарь, находящийся в социально-значимых погребениях, является символом власти. Именно такие захоронения были обнаружены в I Красносельском и Каменновражском могильниках.

В I Красносельском могильнике в кургане 1 (п.9) были обнаружены детали жезла, сделанного из рога, и бронзовый нож. Жезл пышно орнаментирован свастикообразными фигурами и “волнами” (рис.26). Само захоронение было совершено по “покровскому” обряду: в обширной яме на подстилке из камыша лежал костяк взрослого человека. Костяк находился в слабоскорченном положении на левом боку. Кости одной руки слабо согнуты в локте. Погребенный был уложен головой на север. Над коленями лежали ребра крупного животного. В данном случае прослежена обычная для культур эпохи бронзы ситуация, когда социально-значимые захоронения определенного времени оказываются более тесно связанными с такими же погребениями предшествующего периода, чем все остальные. Такие захоронения всегда следует рассматривать в системе всех показателей материалов могильника.

В Каменновражском могильнике (к.2, п.25) в яме средних размеров были обнаружены кальцинированные кости — остатки кремации. Исследователи считают, что кремировали тела именно знатных умерших (Отрощенко В.В., 1989. С.163). Инвентарь в погребении уникален — это нефритовая эллипсовидная булава (рис.25, 7). В заполнении ямы были обнаружены следы дерева, видимо, могила была перекрыта жердями.

В I Красносельском и Каменновражском могильниках прослежена такая “покровская” особенность, как нанесение на поверхность сосуда “рисунчатого письма”. В I Красносельском могильнике в кургане 1 (п.17) была обнаружена банка, на поверхности которой были нанесены ломаные прочерченные линии, кресты и ка-

пельные вдавления, расположенные в ряд по верхней части сосуда. Аналогичные ломаные линии и вдавления “украшали” горшок из погребения 4 кургана 2 Каменновражского могильника (рис.25, 9).

В целом “в период развитой срубной культуры общество в социальном плане выглядит более однородным. Из показателей знатности исчезает оружие. Большое значение придается напутственной пище, символам власти, ритуальным чашам и погребальному сооружению” (Отрошенко В.В., 1989. С.163).

В материалах развитой срубной культуры самарского лесостепного Поволжья прослеживаются черты развитой алакульской культуры, а не синташтинско-потаповские, характерные для раннесрубного периода. Взаимоотношения срубных племен с алакульскими носили опосредованный характер — через срубно-алакульские племена Приуралья. Об этом свидетельствует отсутствие собственно алакульской керамики в срубных памятниках лесостепного Поволжья и каких-либо алакульских черт в погребальном обряде. Наиболее ярко процесс взаимодействия срубных и алакульских племен проявляется при изучении их металла. Металлообработка срубных племен базировалась на рудных источниках Уральской горно-металлургической области. Срубные мастера, воспринимая от алакульских технологические идеи, модифицировали их и производили собственные изделия. Так же происходил обмен сырьем и готовыми изделиями.

На наличие алакульских черт в срубной культуре лесостепного и степного Урало-Поволжья указывали все исследователи. В.Н.Зудина подробно проанализировала материалы более сорока памятников, в которых прослежены алакульские элементы (Зудина В.Н., 1981). В Южном Зауралье и в лесостепном Оренбуржье сложилась смешанная срубно-алакульская культура. В этом районе известны как чисто срубные, так и чисто алакульские памятники, а также большое число смешанных комплексов (Обыднин М.Ф., Обыднина Г.Т., 1992. С.144).

Считается, что самым поздним памятником срубной культуры лесостепного Поволжья является курган 9 Кайбельского могильника, исследованный Н.Я.-Мерпертом. В этом кургане было совершено 99 захоронений. Преобладают мелкие ямы, вырытые в насыпи и погребенной почве. Датированных вещей нет, поэтому финальные памятники срубной культуры на территории самарского лесостепного Поволжья датируются приблизительно XV вв. до н.э.

В это время на большей части своей территории срубная культура прекращает существование. В лесостепном Поволжье появляются другие культурные образования. “На этом завершается самый активный и яркий период волго-уральского культурогенеза. Он оказался очень результативным: именно тогда родилась эпоха поздней бронзы южной половины Восточной Европы и Казахстана. Хотя и в дальнейшем Волго-Уралье оставалось одним из мощных генераторов различного рода инноваций и новых культур, его роль в Северной Евразии постепенно снижается” (Бочкарёв В.С., 1995. С.27).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семёнова А.П.*, 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р.*, 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.
- Бочкарёв В.С.*, 1991. Волго-уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте. СПб.
- Бочкарёв В.С.*, 1995. Карпато-дунайский и Волго-уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П.*, 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.
- Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П.*, 1995. Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (III тыс. до н.э.). Самара.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семёнова А.П.*, 1985. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Горбунов В.С.*, 1996. Проблемы генетической преемственности абашевской и срубной археологических культур // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степи и лесостепи Евразии. Тамбов.
- Городцов В.А.*, 1905. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской области в 1901 г. // Результаты Археологического съезда в Харькове. М.
- Гольмстен В.В.*, 1928. Археологические памятники Самарской губернии // Тр. РАНИОН. Т.IV.
- Гроздилов Г.П.*, 1941. Жигулевский массив // Археологические исследования в РСФСР в 1934-36 гг. М.-Л.
- Збруева А.В., Смирнов А.П.*, 1939. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла в 1938 г. // ВДИ. □4.
- Зудина В.Н.*, 1981. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев.
- Иванов И.В.*, 1996. Бронзовый век евразийских степей. Его место в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена и в историческом процессе // Древности Волго-Донских степей в системе восточно-европейского бронзового века. Волгоград.
- Качалова Н.К.*, 1978. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре // АСГЭ. Вып.18.
- Качалова Н.К.*, 1979. Стратиграфические горизонты Бережновских курганных могильников // АСГЭ. Вып.20.
- Качалова Н.К.*, 1985. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.

- Колес Ю.И.*, 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 47.
- Кузнецова Л.В., Седова М.С.*, 1991. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. 3.
- Кузьмина О.В.*, 1983. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Кузьмина О.В.*, 1995. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы средней и восточной Европы. Ч. I. СПб.
- Литвиненко Р.А.*, 1996. Некоторые черты половозрастной организации срубных могильников Донецкого региона // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Малов Н.М.*, 1992. "Абашевские племена" Нижнего Поволжья (памятники покровского типа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Малов Н.М.*, 1996. П.С. Рыков и проблемы изучения покровской культуры // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.
- Мерперт Н.Я.*, 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 61.
- Мерперт Н.Я.*, 1985. Срубная культурно-историческая область (к постановке вопроса) // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б.*, 1985. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Мильков Ф.Н.*, 1977. Природные зоны СССР. М.
- Мочалов О.Д.*, 1997. Керамика эпохи средней бронзы Волго-уральской лесостепи и проблема формирования срубной культуры. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж.
- Мыськов Е.П.*, 1991. Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблема их формирования // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.
- Обыдлин М.Ф., Обыдлин Г.Т.*, 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.
- Отрощенко В.В.*, 1989. К вопросу о социальной структуре племен срубной культурно-исторической общности // Проблемы истории и археологии древнего населения Украинской ССР. Киев.
- Отрощенко В.В.*, 1990. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. Киев.
- Отрощенко В.В.*, 1997. К вопросу о покровской срубной культуре // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П.*, 1979. Новоусманский могильник эпохи бронзы в Воронежской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев.

Пряхин А.Д., Моисеев Н.Б., Беседин В.И., 1998. Селезни-2. Курган доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Донского бассейна. Вып.3. Воронеж.

Синюк А.Т., 1991. О соотношении памятников покровского типа и доно-волжской абашевской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А., 1995. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара.

Цимиданов В.В., 1997. Триада срубных инсигний власти: место сложения // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов.

К карте памятников срубной культуры (могильники).

1 - Хрящевка; 2 - Вислая Дубрава; 3 - Верхние Белозерки; 4 - Золотая Нива; 5 - Луначарский; 6,7 - Ягодное I и один.курган; 8 - Подстепкинский I, II; 9 - Каменный Овраг; 10 - Лузановка; 11 - Четыровка; 12 - Старая Ивановка; 13 - Киевка; 14 - Мазуровка; 15 - Васильевка; 16 - Борма; 17 - Суруш; 18 - Суходол; 19 - Неприк; 20 - Гвардейцы; 21 - Широченка; 22 - Съезжее; 23 - Утевка II,III,IV; 24 - Черновский; 25 - Волчанка; 26 - Кировский I,III; 27 - Андросовка II; 28 - Новопавловка; 29 - Соляниха; 30 - Звенигородка; 31 - Песочное; 32 - Осинки; 33 - Сосновка; 34 - Александровка IV; 35 - Солнечный; 36 - Кашпир I,II,IV; 37 - Нижнеозерецкий; 38 - Федоровка I,II; 39 - Давыдовка; 40 - Владимировка; 41 - Чулпан; 42 - Шигоны; 43 - Новый Ризадей I; 44 - Верхнепечерское; 45 - Виловатое I; 46 - Выселки III; 47 - Красноселки; 48 - Красносамарское; 49 - Кряж; 50 - Лопатино II; 51 - Нижняя Орлянка; 52 - Осиновка; 53 - Бол.Рязань; 54 - Преполовенка; 55 - Студенцы; 56 - Спиридоновка; 57 - Красный Ключ; 58 - Кривая Лука; 59 - Масленниково; 60 -Иоганнесфельд.

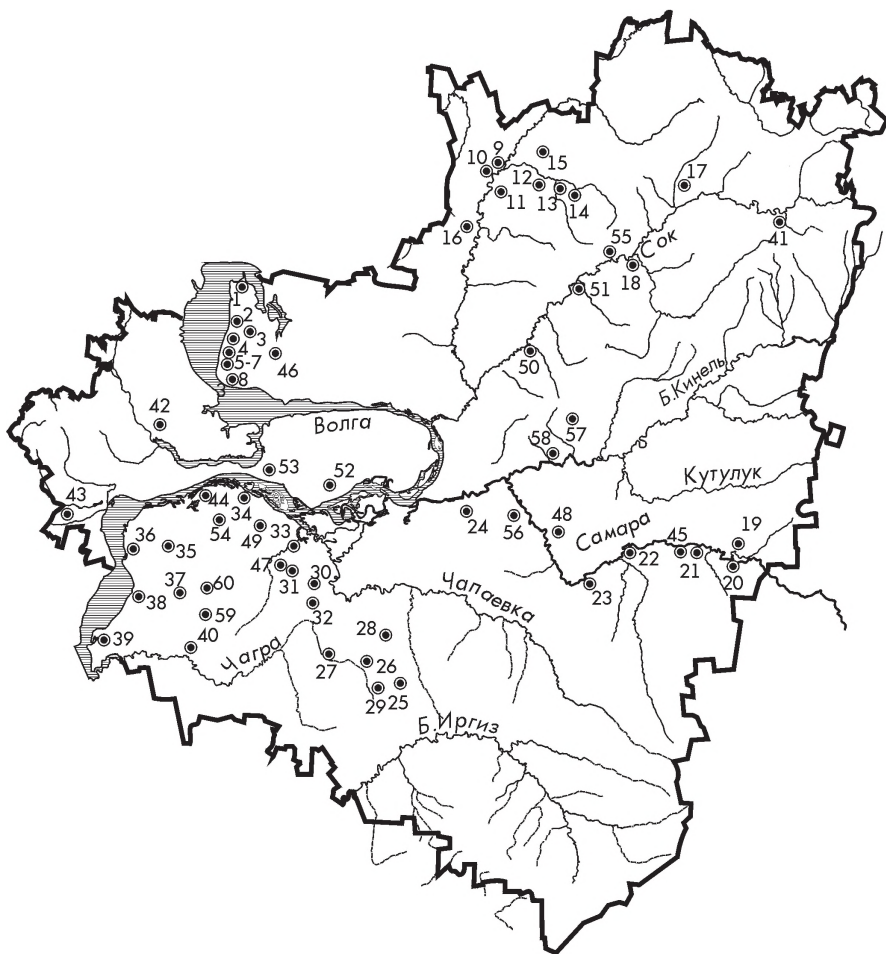

Рис.1 Карта памятников срубной культуры (могильники).

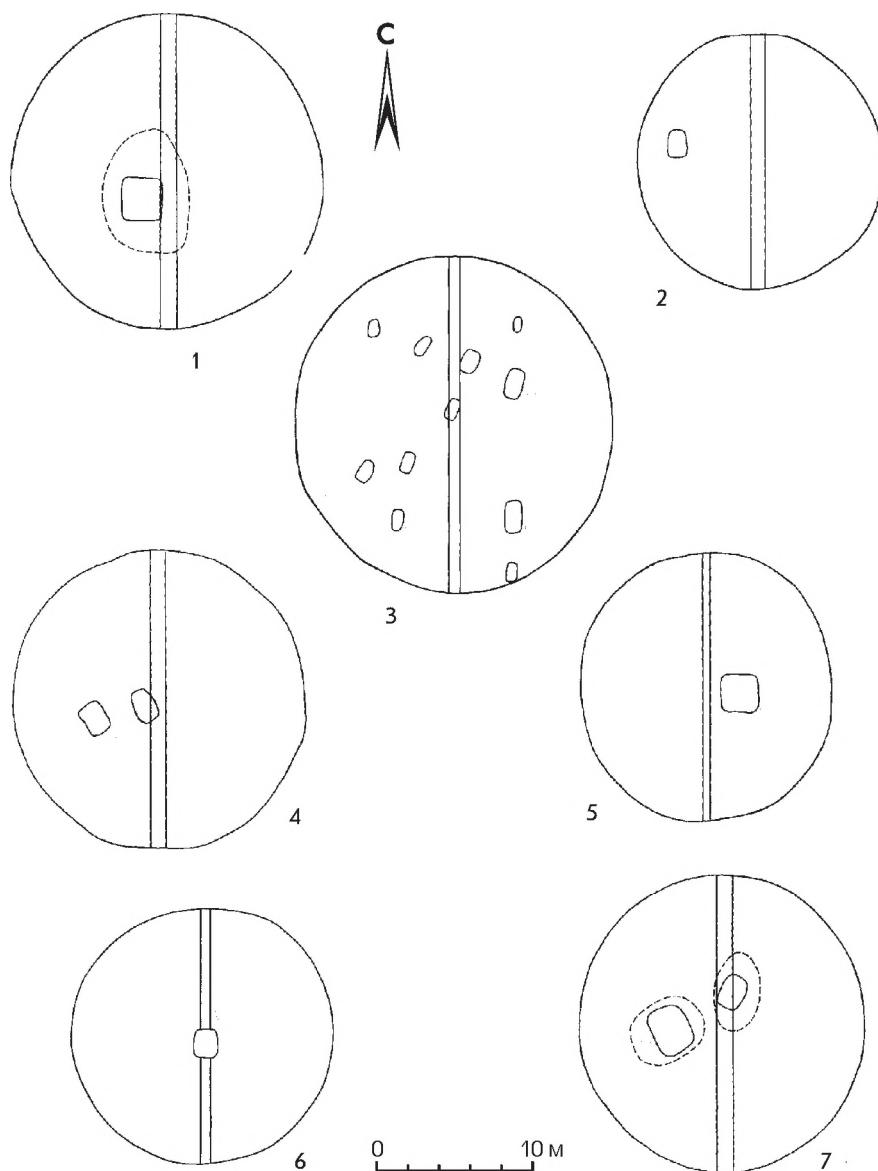

Рис.2. Типичная организация покровских могильников.

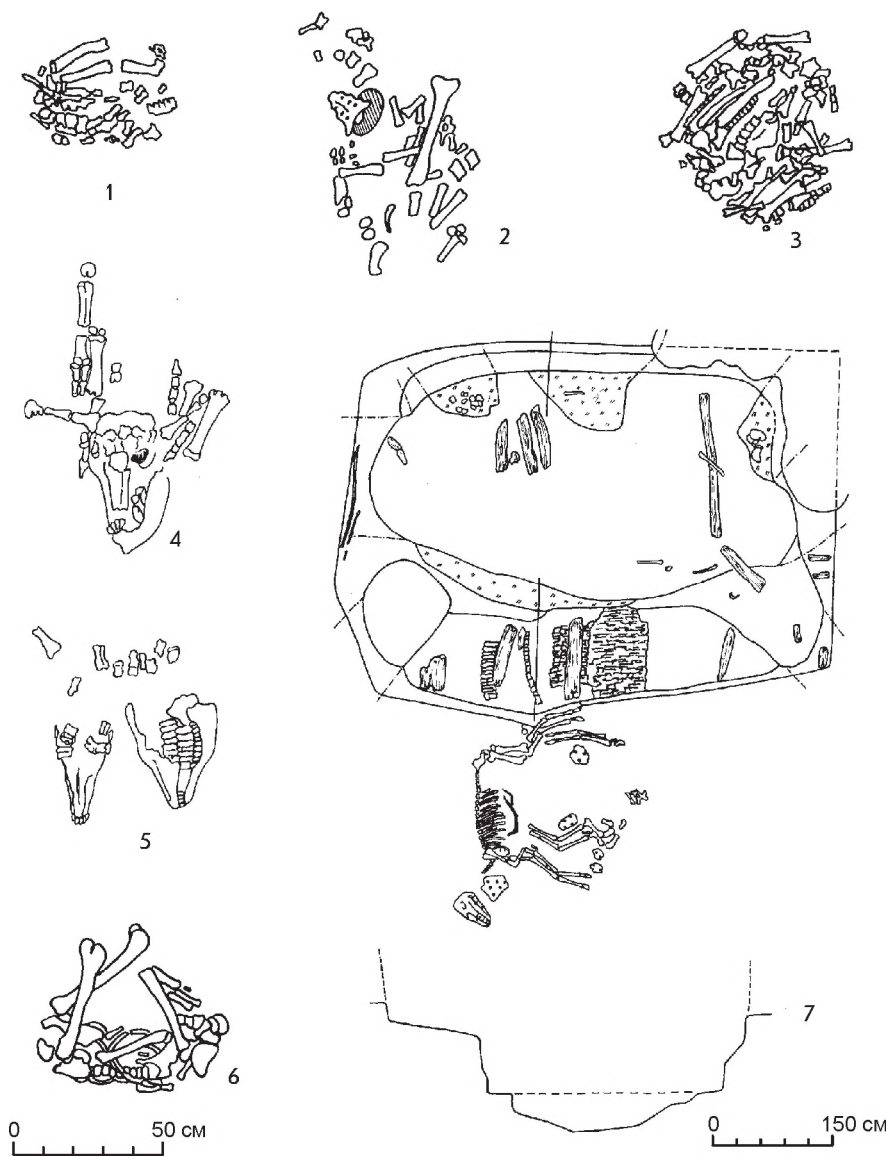

Рис.3. Жертвенники из покровских курганов.

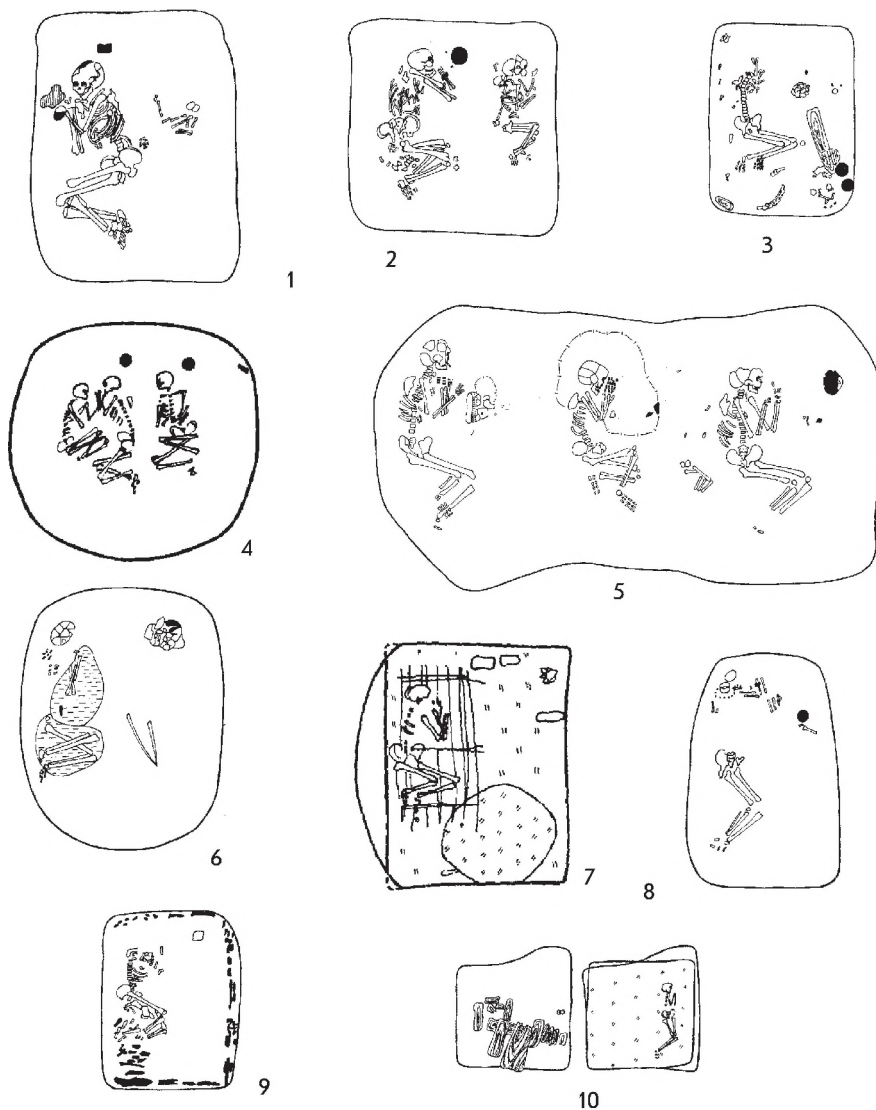

Рис.4. Покровские захоронения.

1 – II Федоровский, к.7, п.6; 2 - II Федоровский, к.2, п.25; 3 – Хрящевка I, к.6, п.1; 4 – Лузановка, к.16, п.2; 5 – Неприк, к.2, п.3; 6 – Хрящевка I, к.7, п.2; 7 – Новопавловка, к.4, п.2; 8 - Хрящевка I, к.4, п.1; 9 – Новопавловка, к.5, п.1; 10 – I Федоровский, к.1, п.1.

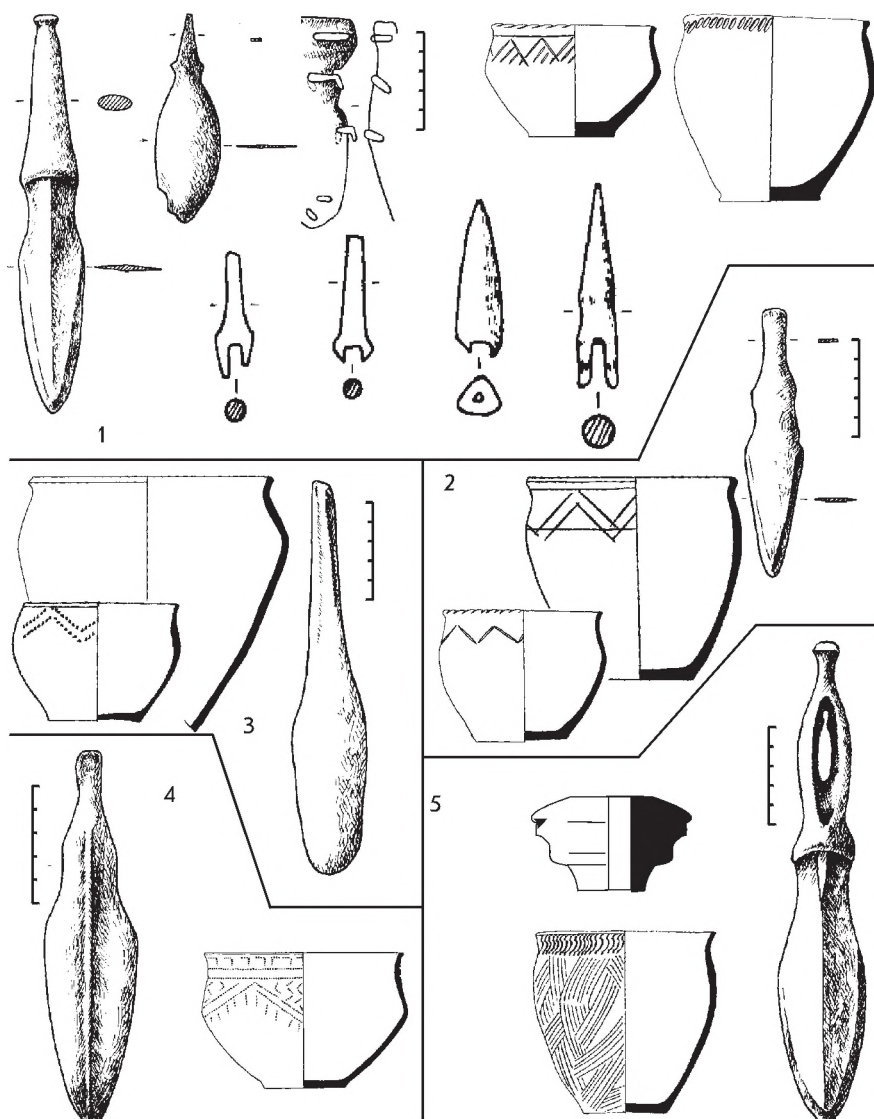

Рис.5. Вещи из социально значимых покровских погребений.

1 – Песочное, к.1; 2 – Песочное, к.2; 3 – Песочное, к.3, п.2; 4 – Песочное, к.8; 5 – Песочное, к.7.

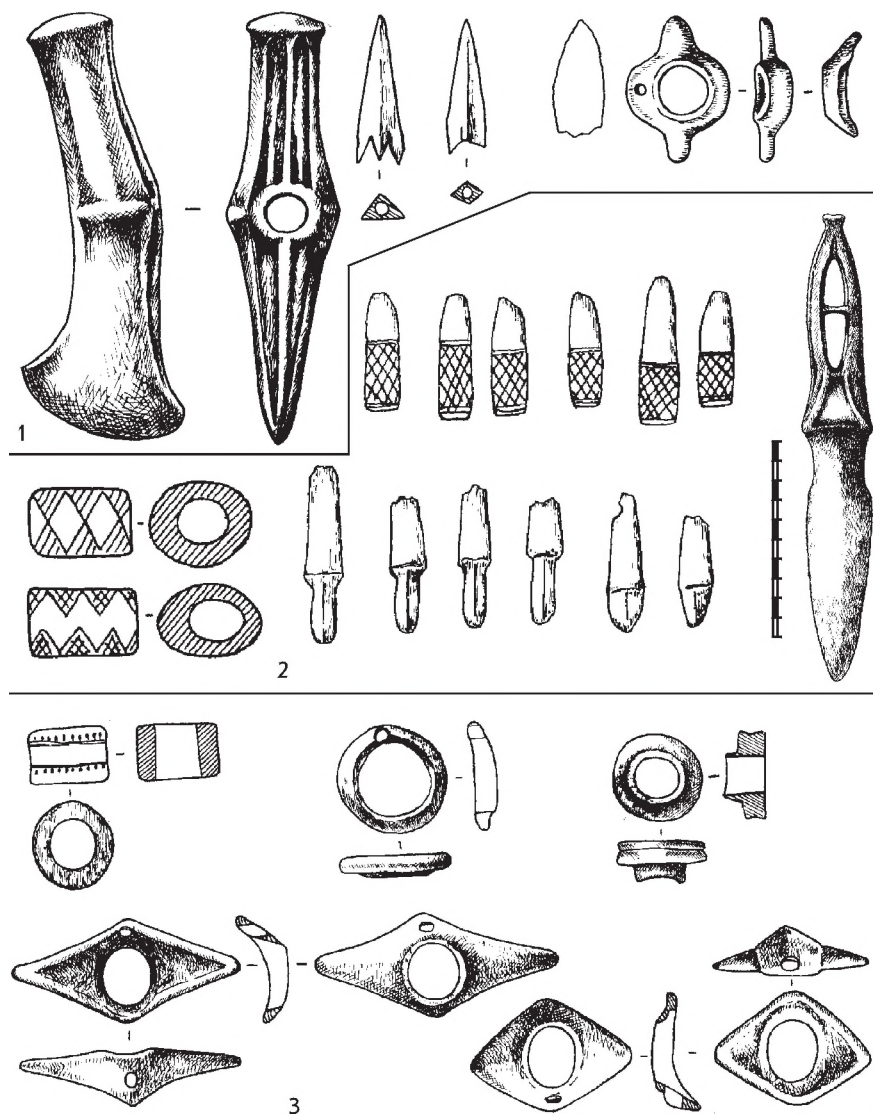

Рис.6. Вещи из социально значимых покровских погребений.
1 – Новопавловка, к.5, п.1; 2 – Новопавловка, к.4, п.1, 3 –
I Федоровский, к.1, п.1.

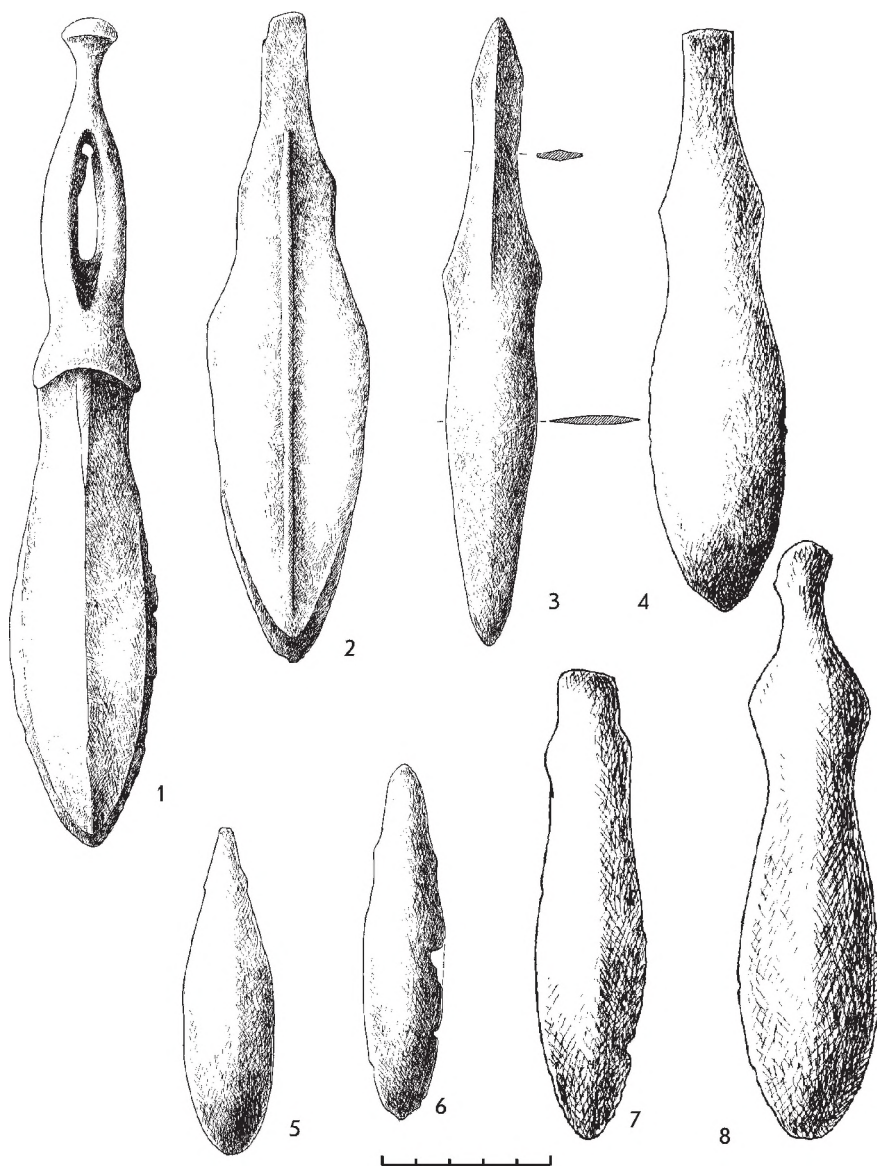

Рис.7. Бронзовые ножи из покровских погребений.

1 – Песочное, к.7; 2 – Песочное, к.8; 3 – Чулпан, к.3, п.2; 4 – II Спиридоновский, к.2, п.34; 5,6 – I Хрящевский, к.5, п.1, к.7, п.2; 7, 8 – Неприк, к.3.

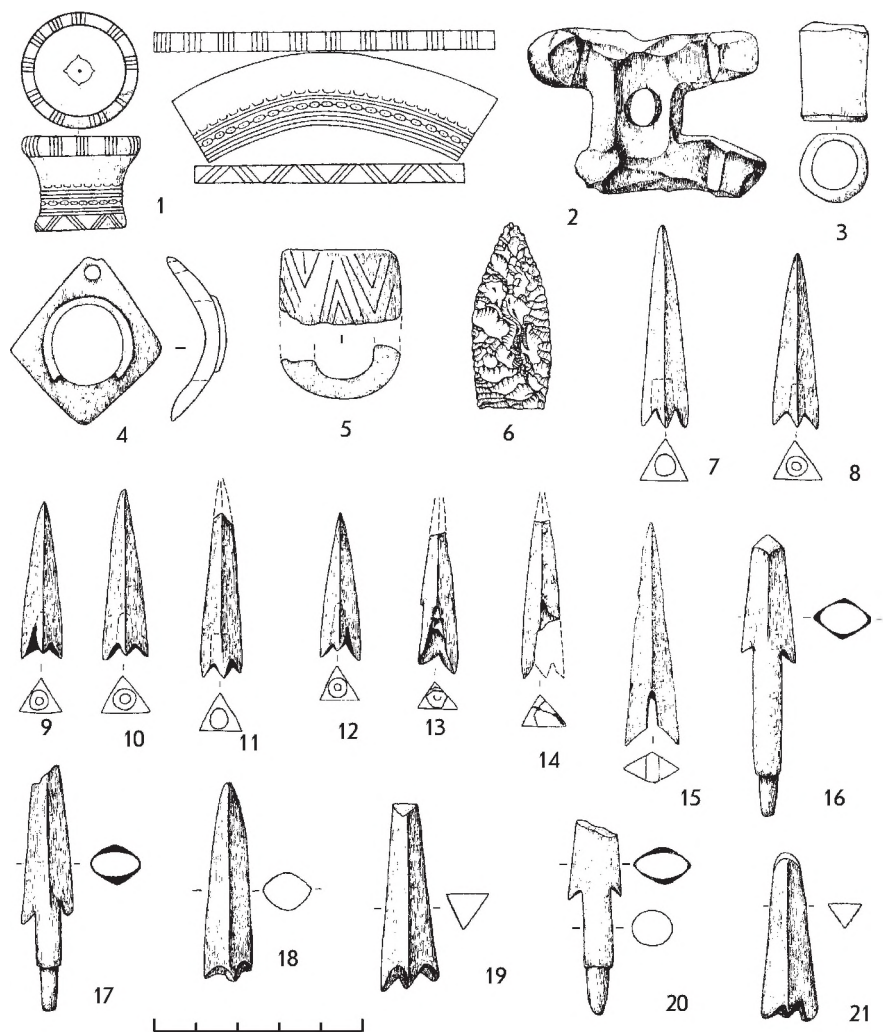

Рис.8. Вещи из раннесрубных погребений.

1 – Новый Ризадей, к.4, костяная деталь жезла; 2 – Новоорловский, к.1, п.2, костяное изделие; 3 – Чулпан I, к.1, п.1, костяная трубочка; 4 – Чулпан I, к.1, п.1, костяная пряжка; 5 – Чулпан I, к.1, п.1, костяная деталь жезла; 6 – Хрящевский одиночный курган, кремневый наконечник стрелы; 7-15 – I Федоровский могильник, к.2, п.3, костяные наконечники стрел; 16-21 – Новый Ризадей, к.1, п.2, костяные наконечники стрел.

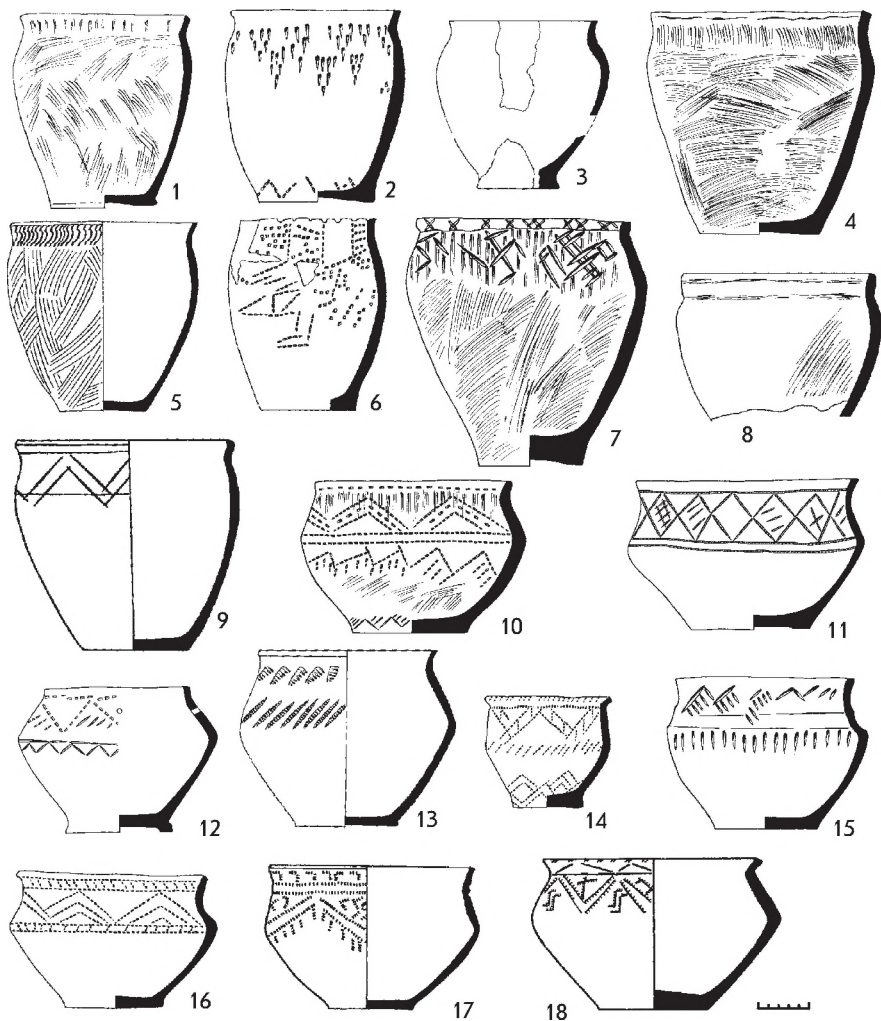

Рис.9. Покровские горшки (1-9 - I тип; 10-18 - II тип).

1 - I Федоровский, к.1, п.1; 2 - I Федоровский, к.2, п.4, с.3; 3 - Черноречье, к.2, п.1; 4 - II Федоровский, к.1, п.1; 5 - Песочное, к.7; 6 - Новый Ризадей, к.1, п.1; 7 - I Федоровский, к.2, п.4, с.2; 8 - Чулпан, к.3, п.2; 9 - Песочное, к.3, п.2; 10 - Чулпан, к.11; 11 - II Съезженский, п.37; 12 - II Съезженский п.11, с.2; 13 - Новопавловка, к.2, п.6; 14 - II Федоровский, к.2, п.12; 15 - Чулпан, к.11, п.1; 16 - Чулпан, к.12; 17 - Песочное, к.8; 18 - Новопавловка, к.3, п.3.

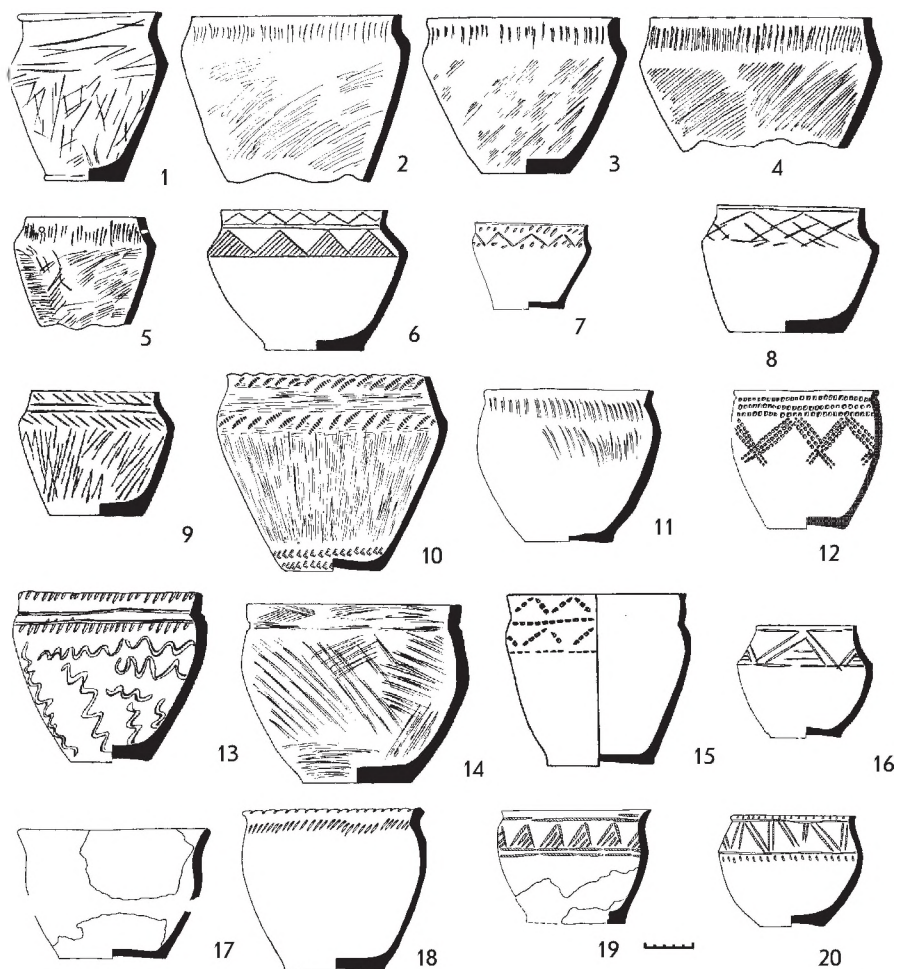

Рис.10. Псковские горшки (1-10 – III тип, 11-20 – редкие формы).

1 – Осинки I, к.4, п.2; 2 – Неприк, к.5, п.2; 3 – Неприк, к.3, п.4; 4 – Неприк, к.1, п.2; 5 – Неприк, к.3, п.4; 6 – Неприк, к.2, п.2; 7 – II Съезженский, п.72; 8 – Неприк, к.4, п.2; 9 – Неприк, насыпь; 10 – I Федоровский, к.1, п.1, с.1; 11 – II Федоровский, к.6, п.6; 12 – II Федоровский, к.6, п.5; 13 – I Федоровский, к.1, п.1, с.2; 14 – Чулпан I, к.3, п.1; 15 – Песочное, к.3, п.1; 16 – II Федоровский, к.4, п.5, с.1; 17 – II Съезженский, п.73; 18 – II Федоровский, к.5, п.1, с.2; 19 – Новый Ризадей, к.4; 20 – II Федоровский, к.6, п.4, с.1.

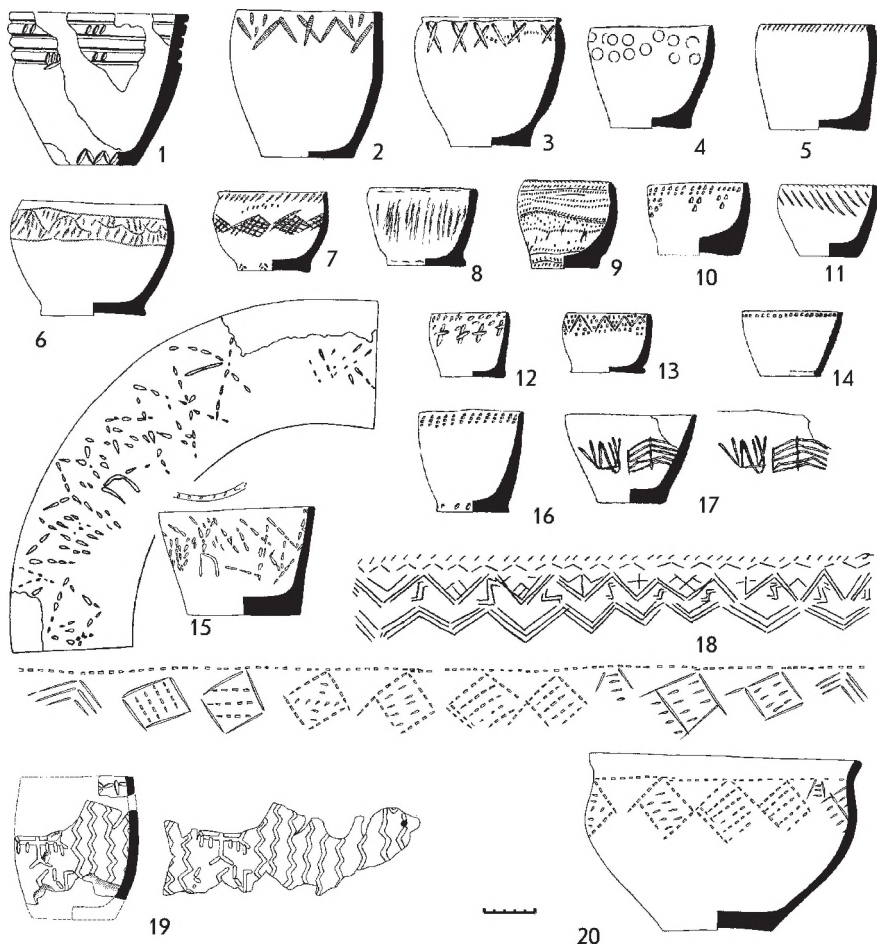

Рис.11. Покровские банки и сосуды со "смысловым" орнаментом.

1 – Новый Ризадей, к.1, п.2; 2 – II Федоровский, к.1, п.10, с.2; 3 – I Федоровский, к.2, п.3; 4 – II Федоровский, к.4, п.4; 5 – I Федоровский, к.2, п.1; 6 – II Съезженский, п.59; 7 – II Федоровский, к.4, п.11; 8 – II Федоровский, к.2, п.14; 9 – II Федоровский, к.5, п.1, с.1; 10 – II Федоровский, к.2, п.5; 11 – II Федоровский, яма 2; 12 – II Федоровский, яма 1; 13 – II Федоровский, к.2, п.18; 14 – II Федоровский, к.4, п.2; 15 – II Съезженский, п.68; 16 – II Федоровский, к.2, п.10; 17 – II Федоровский, к.3, п.3; 18 – Новопавловка, к.3, п.3; 19 – Кирово, одиночный курган, п.1, с.1; 20 – II Съезженский, п.66.

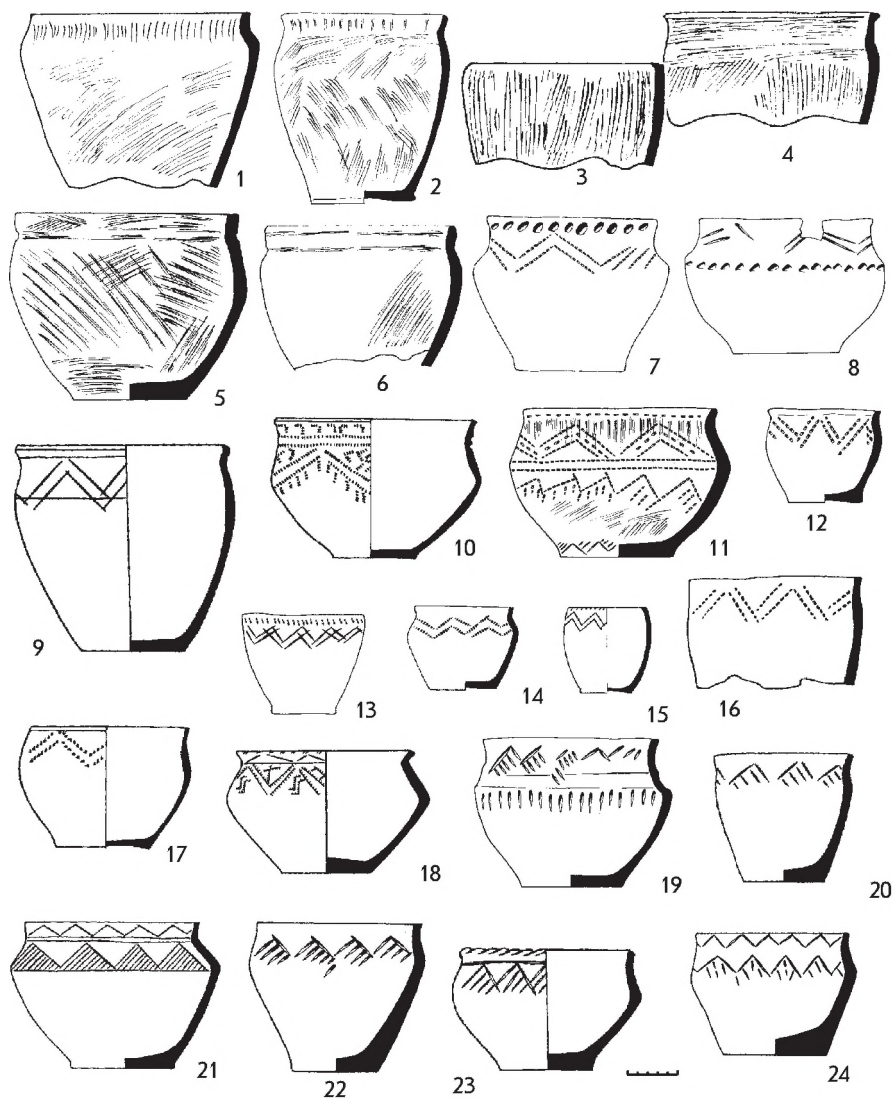

Рис.12. Ведущие типы орнаментов на покровской керамике.

1-6 – сосуды, поверхность которых орнаментирована упорядоченными расчесами; 7-18 – сосуды, орнаментированные двойным зигзагом и композициями с двойным зигзагом; 19-24 – сосуды, орнаментированные заштрихованными зигзагами.

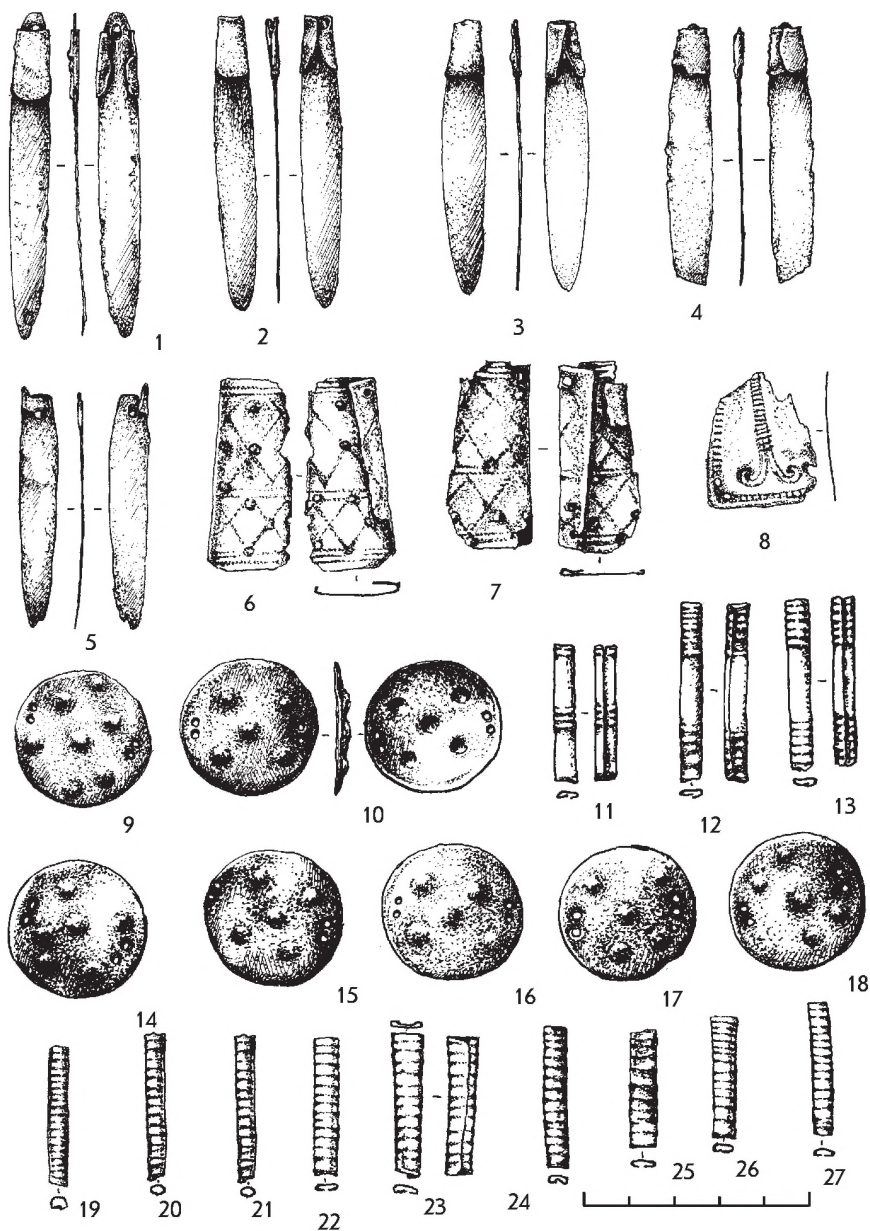

Рис. 13. Детали наконечников (1-8, 11-13, 19-27) и бронзовые бляхи (9, 10, 14-18) из II Спиридоновского могильника.

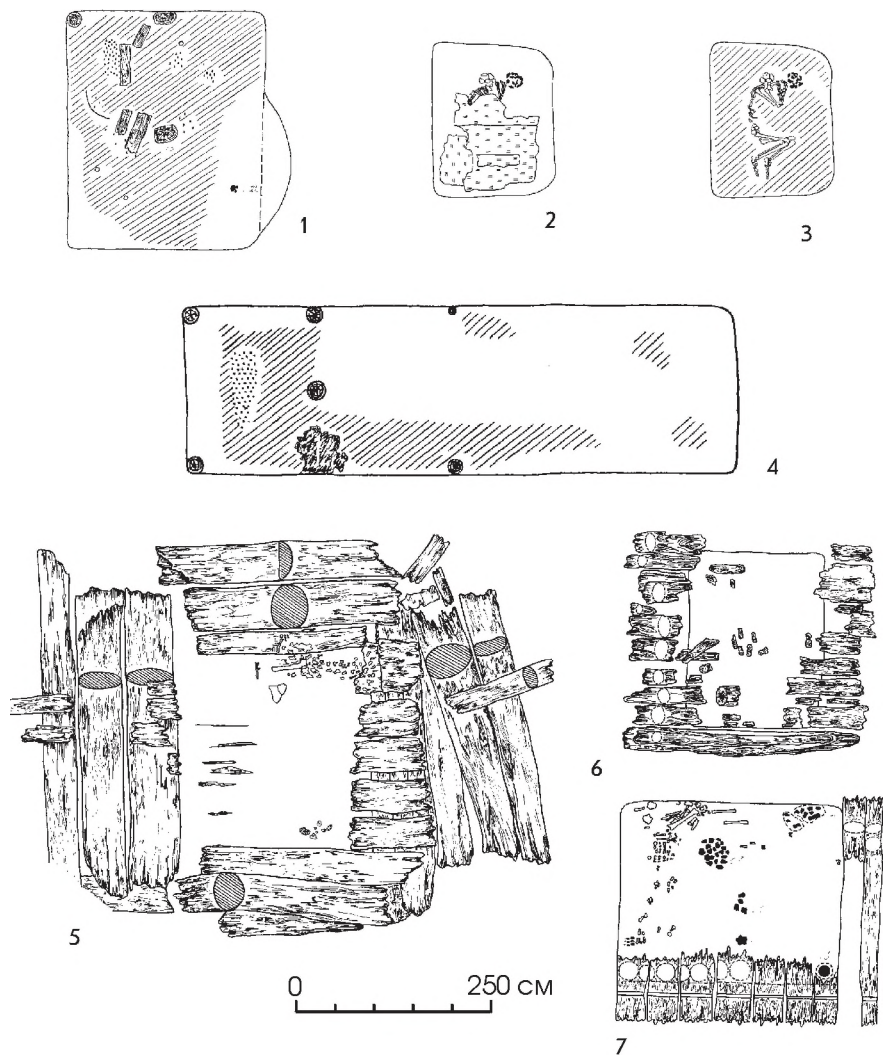

Рис.14. Захоронения и деревянные конструкции из могильников ранней срубной культуры (не имеющих абашевских черт).

1-4 – Солнечный (1 – к.3; 2, 3 – к.1, п.1; 4 – к.2); 5 – Ягодное, одиночный курган, п.1; 6,7 – Вислая Дубрава, к.1, п.6, к.2, п.1.

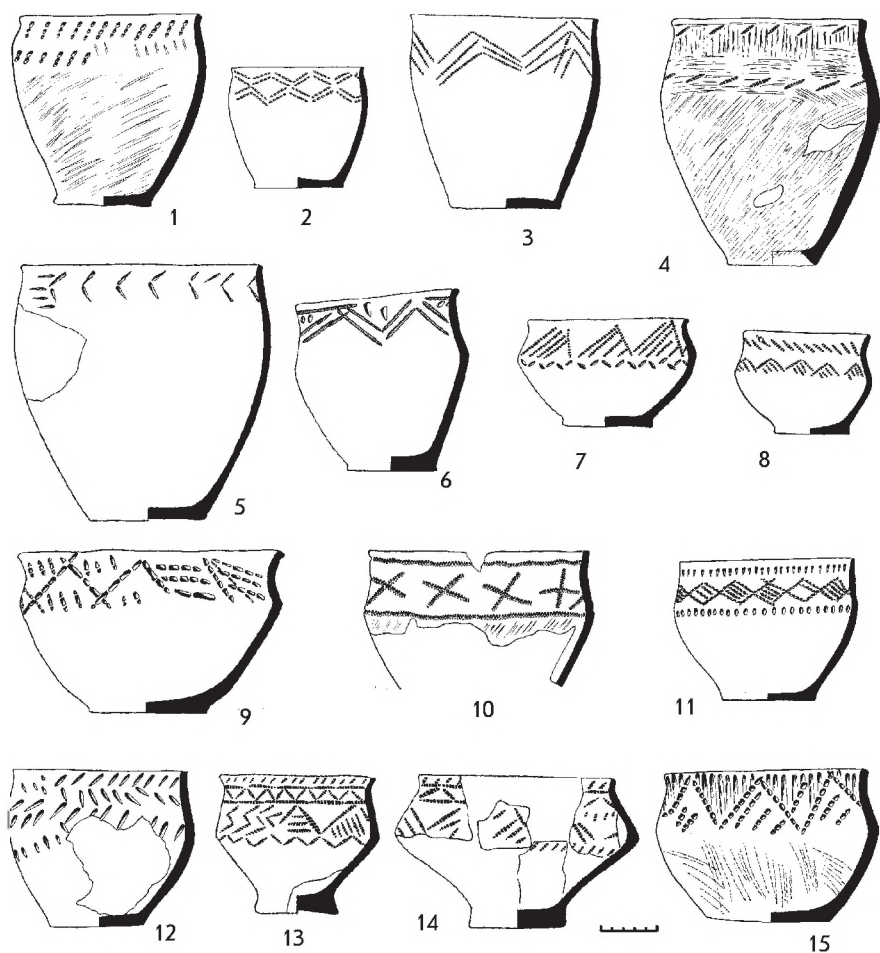

Рис.15. Типы срубных сосудов из раннесрубных могильников, не имеющих абашевских черт (1-6 – I тип, 7, 8, 10-12, 15 – II тип; 9, 13, 14 – редкие формы).

1 – Нижнеозерецкий, к.3; 2 – Вислая Дубрава, к.1, п.6, с.2; 3 – Солнечное, к.5, п.3; 4 – Нижнеозерецкий, к.2, п.1; 5 – Нижнеозерецкий, к.6, п.1; 6 – Вислая Дубрава, к.2, п.2, с.3; 7 – Солнечное, к.5, п.2; 8 – Луначарский, к.4, п.2, с.2; 9 – Солнечный, к.1, п.2; 10 – I Новоорловский, к.4, п.1; 11 – Луначарский, к.4, п.2, с.1; 12 – I Новоорловский, к.5, п.2; 13 – Нижнеозерецкий, к.4; 14 – Нижнеозерецкий, к.2, п.2; 15 – Солнечный, к.5, п.1.

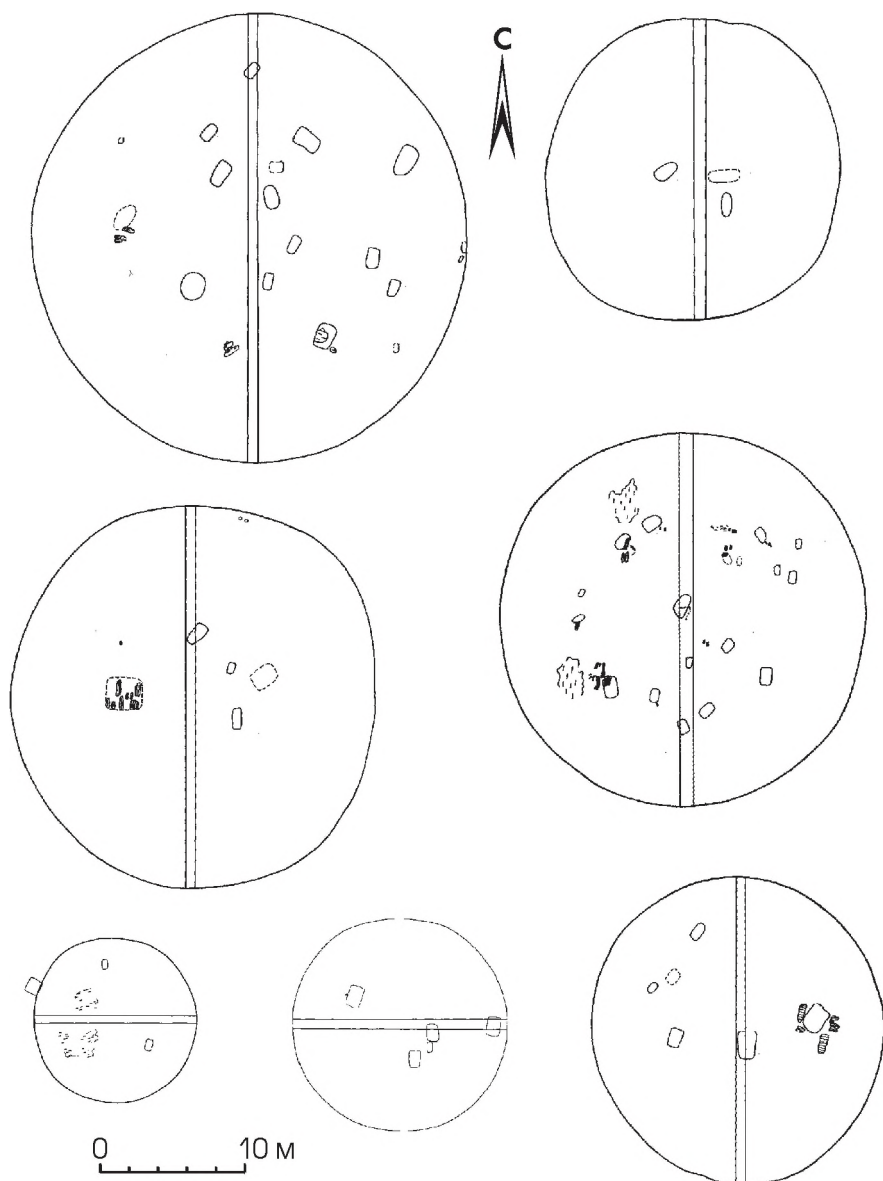

Рис.16. Типичная организация могильников развитой срубной культуры.
I Кировский курганный могильник.

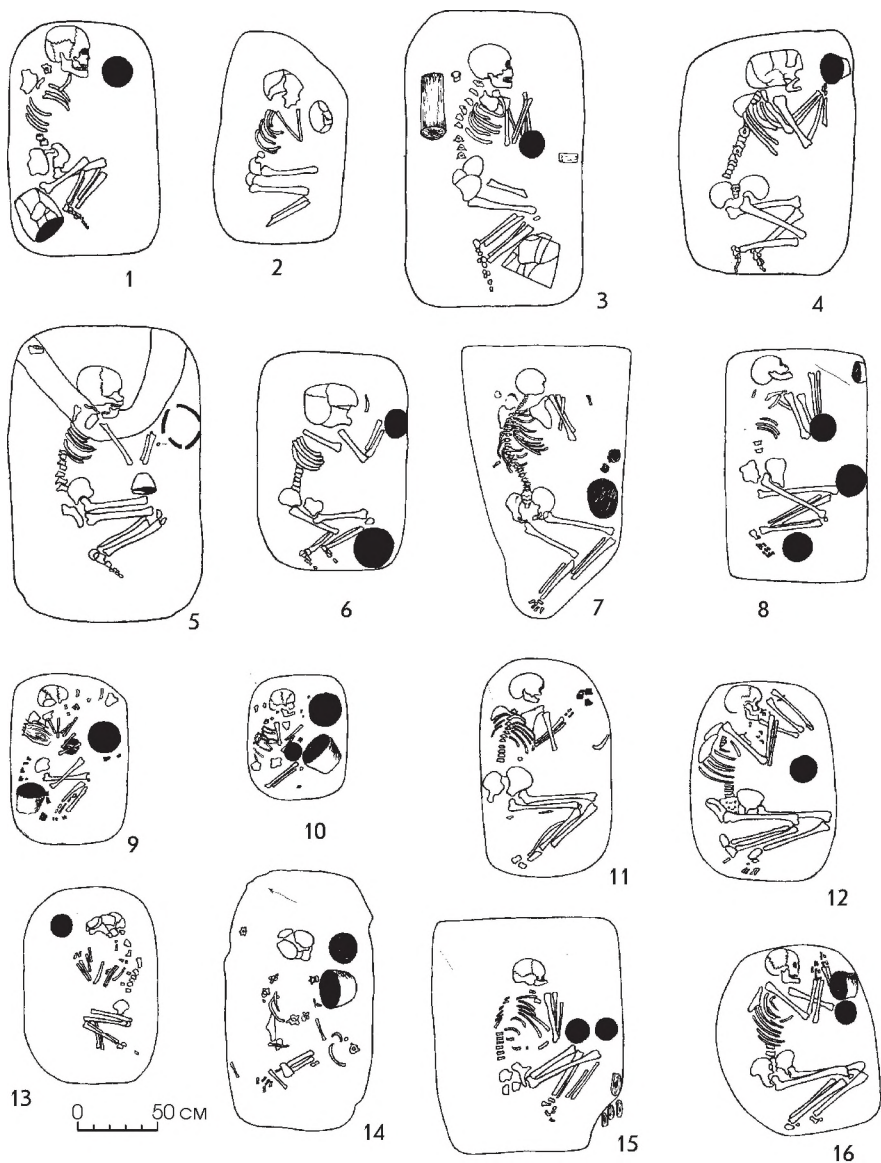

Рис.17. Типичные погребения развитого этапа срубной культуры.
 1-6 – Волчанка, к.3; 7-12, 15, 16 – Каменный Враг, к.2; 13, 14 – Золотая Нива II, к.2.

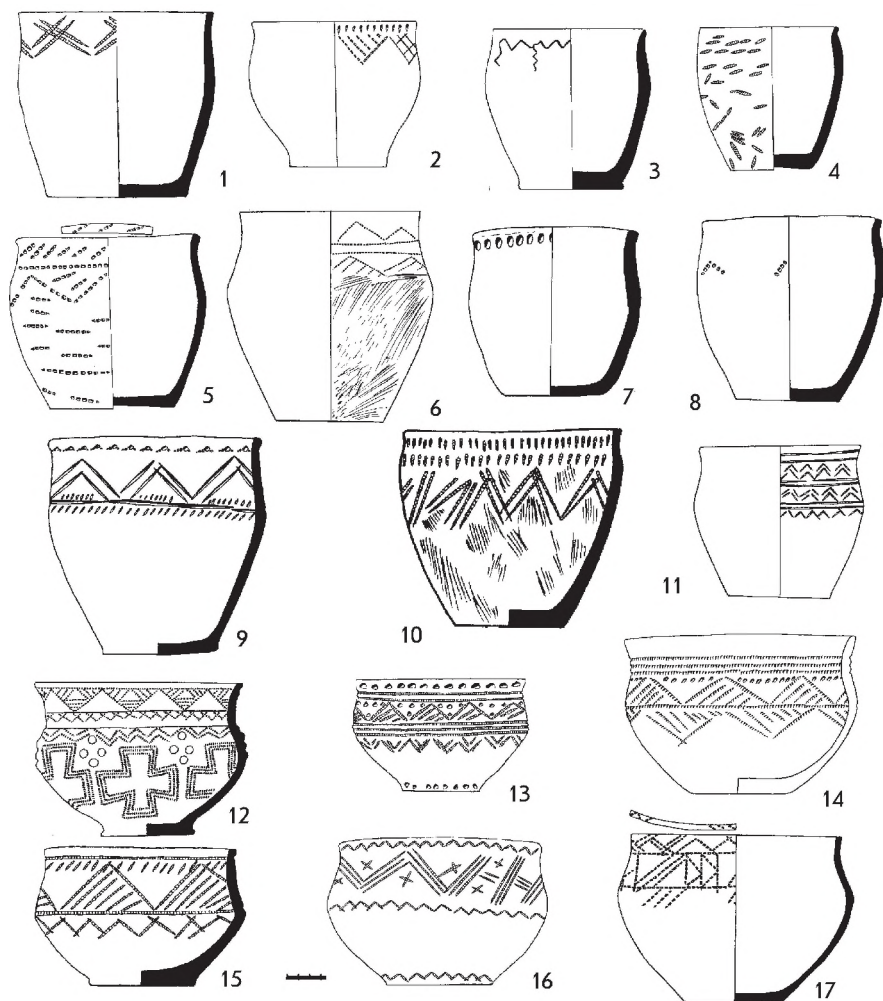

Рис.18. Типы горшков развитого этапа срубной культуры (1-11 – I тип, 12-17 – II тип).

1 – Золотая Нива II, к.2, п.21; 2 – Подстепки II, к.1, п.4, с.3; 3 – Звенигородка, к.3, п.5, с.2; 4 – Золотая Нива II, к.2, п.23; 5 – Звенигородский, к.2, п.9, с.1; 6 – Подстепки II, к.2, п.1, с.2; 7 – Волчанка, к.3, п.7, с.2; 8 – Волчанка, к.4, п.6, с.2; 9 – Кошки, одиночный курган, п.4, с.2; 10 – Каменный Враг, к.2, п.22; 11 – Подстепки II, к.1, п.12, с.2; 12 – Кошки, одиночный курган; 13 – I Кировский, к.9, п.21; 14 – Красноселки I, к.1, п.9; 15 – Кошки, одиночный курган; 16 – Кировский I, к.9, п.21; 17 – Волчанка, к.7, п.3.

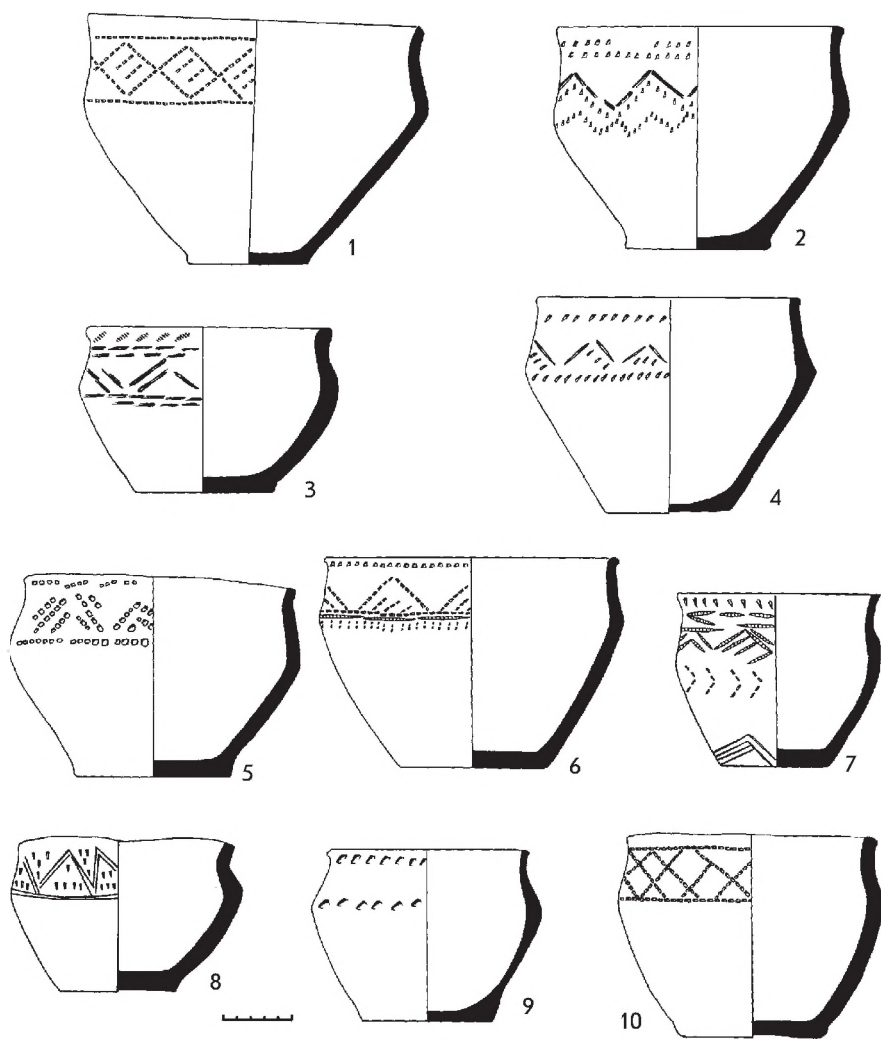

Рис.19. Сосуды из погребений развитого этапа срубной культуры.

1 – Золотая Нива II, к.2, п.15; 2 – Белозерский, к.6, п.2; 3 – Белозерский, к.6, п.1; 4 – Белозерский, к.6, п.3; 5 – Звенигородский, к.2, п.10, с.1; 6 – Золотая Нива II, к.2, п.2; 7 – Золотая Нива II, к.2, п.11; 8 – Волчанка, к.3, п.9, с.1; 9 – Белозерский, к.5, п.7; 10 – Звенигородский, к.3, п.7, с.2.

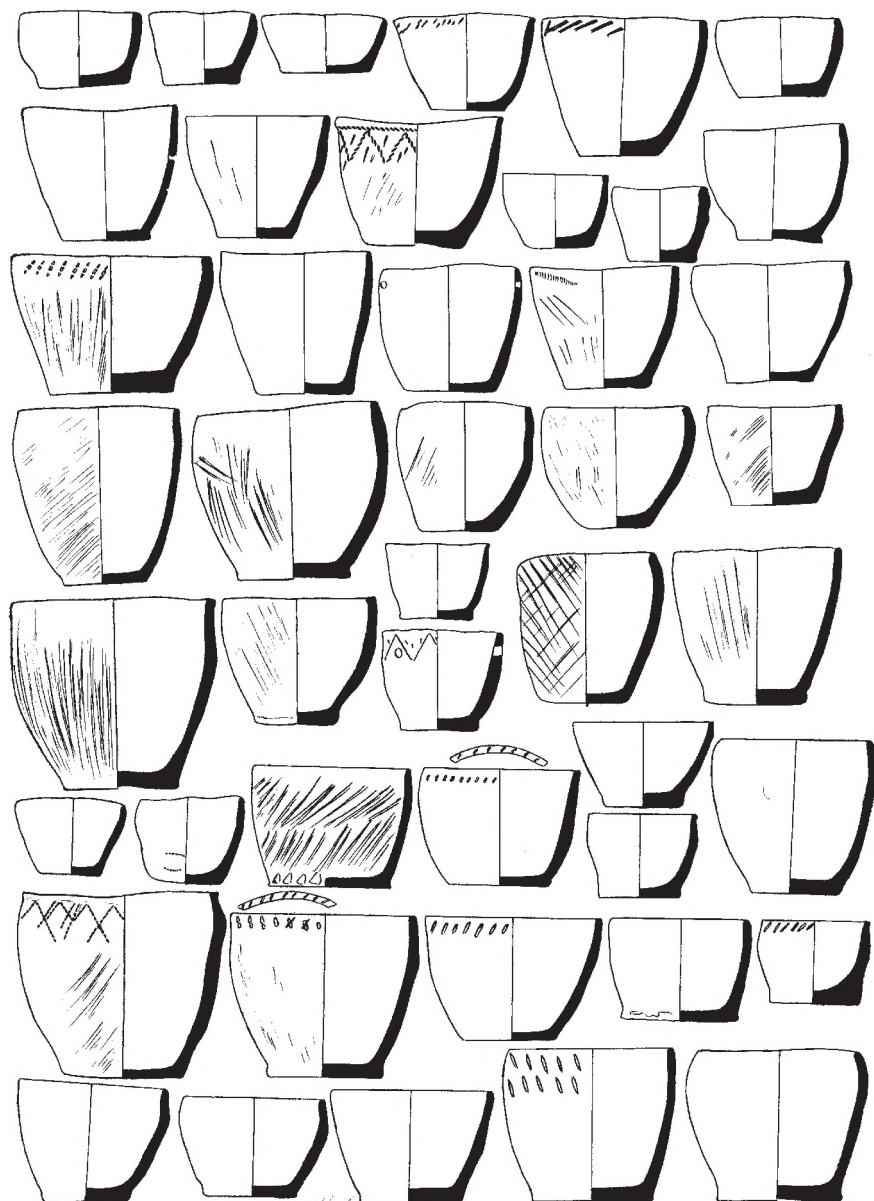

Рис.20. Банки из захоронений развитого этапа срубной культуры.

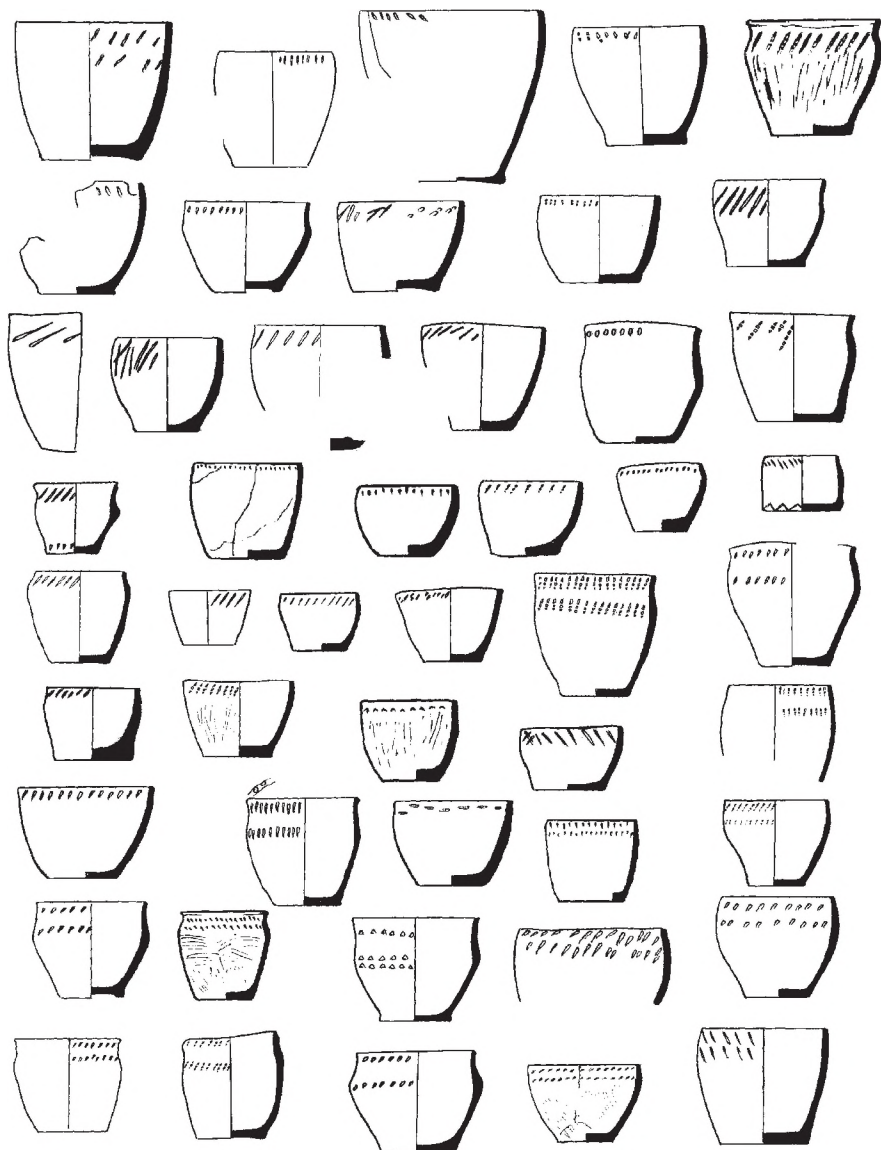

Рис.21. Ведущие орнаменты на сосудах развитой срубной культуры.

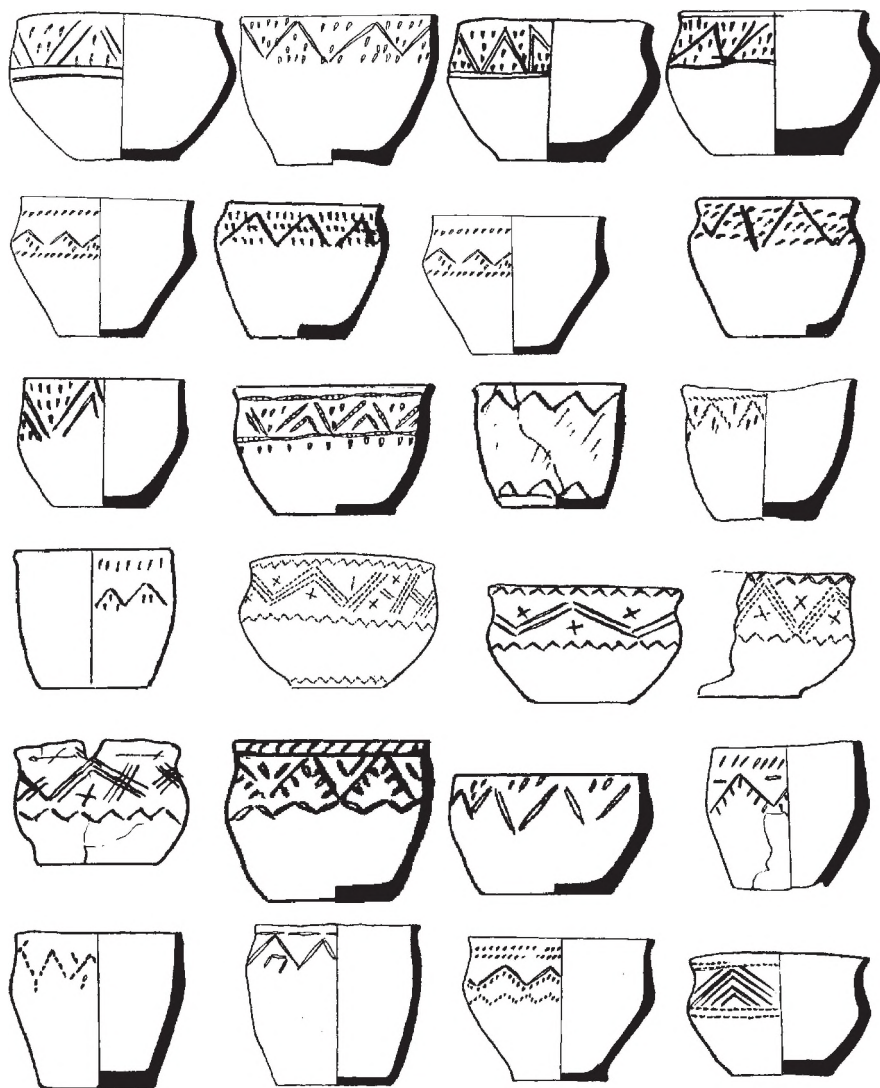

Рис.22. Ведущие орнаменты на сосудах развитой срубной культуры. "Наполненные" зигзаги.

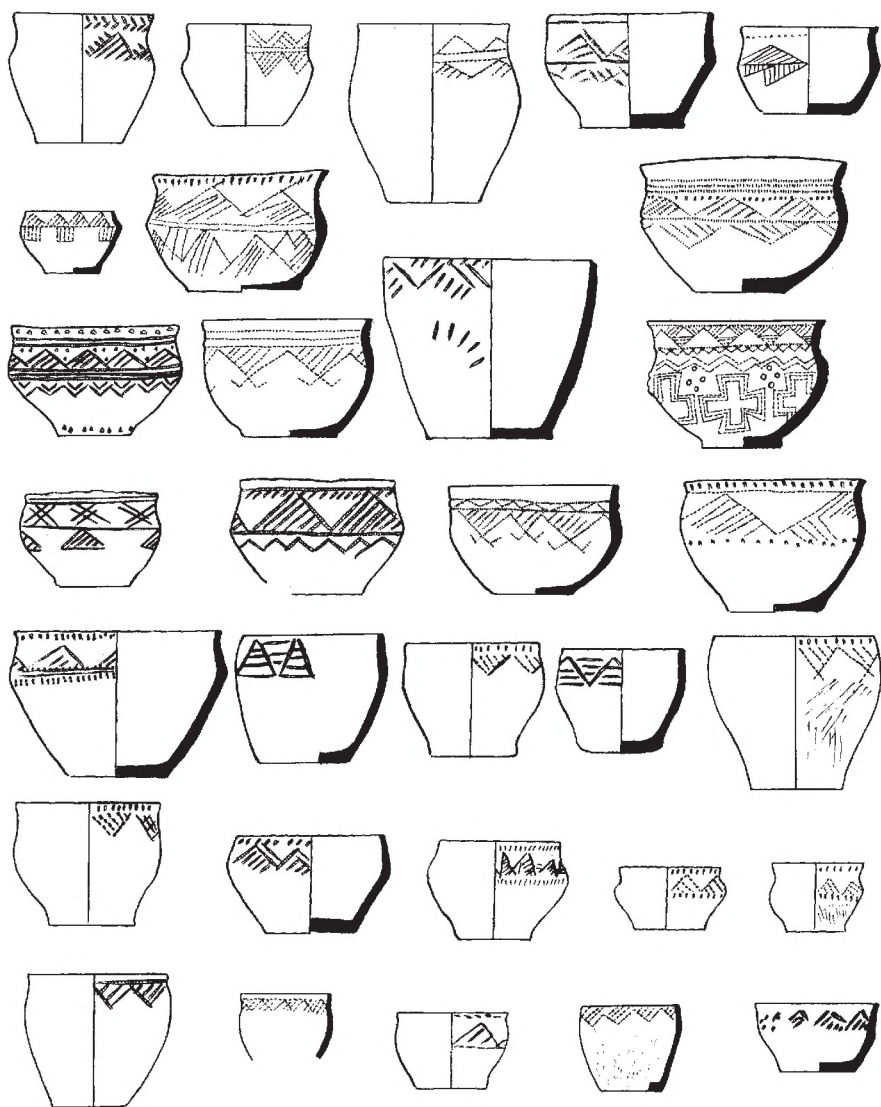

Рис.23. Ведущие орнаменты на сосудах развитой срубной культуры. Заштрихованные зигзаги.

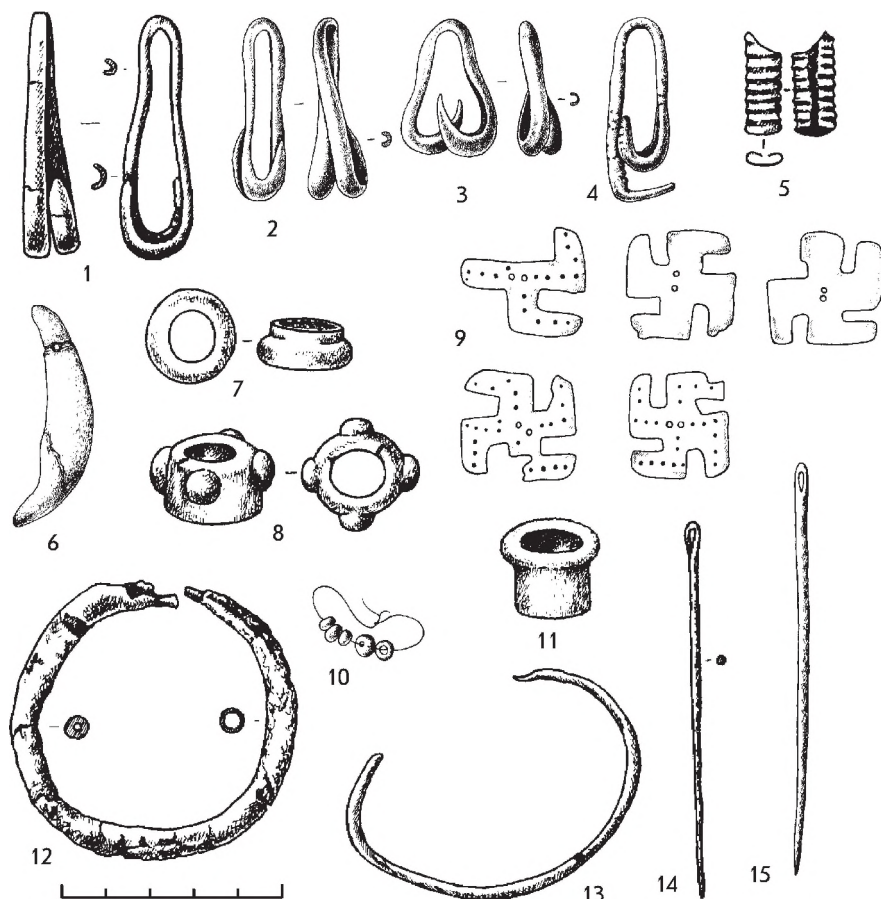

Рис.24. Вещи и украшения из захоронений развитого этапа срубной культуры.

1 – Подстепки II, к.2, п.1, бронзовая подвеска; 2 – Каменный Враг, к.2, п.16, бронзовая подвеска; 3 – Подстепки II, к.2, п.11, бронзовая подвеска; 4 – Волчанка, к.4, п.8, бронзовая подвеска; 5 – Лузановка, к.13, п.2, бронзовая пронизка; 6 – Подстепки II, к.2, п.11, просверленный клык; 7 – Лузановка, к.12, п.2, костяное изделие; 8 – Лузановка, к.7, п.1, костяная модель булавки; 9 – III Подстепкинский, к.1, п.13, бронзовые накладки; 10 – Волчанка, к.4, п.8, пастовые бусы; 11 – Лузановка, к.7, п.6, костяное изделие; 12, 13 – Лузановка, к.8, п.2, браслеты; 14 – Лузановка, к.7, п.6, бронзовая игла; 15 – Подстепки II, к.2, п.8, бронзовая игла.

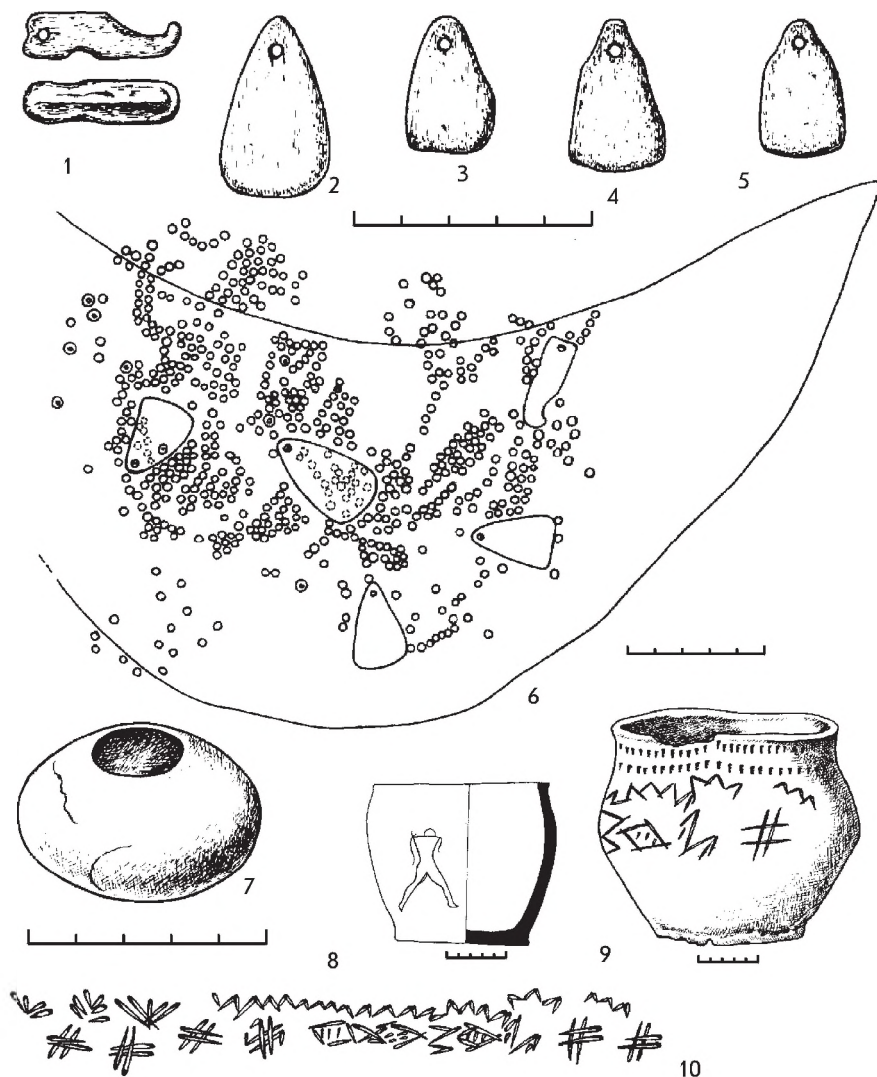

Рис.25. Вещи и сосуды с рисунками из могильников Волчанка и Каменный Враг.

1-6 – Волчанка, к.6, п.2, костяные подвески; 7 – Каменный Враг, к.2, п.25, нефритовая булава; 8 – Волчанка, к.8, п.5, с.2; 9, 10 – Каменный Враг, к.2, п.4, сосуд и развертка строчки "загадочных знаков", нанесенных на него.

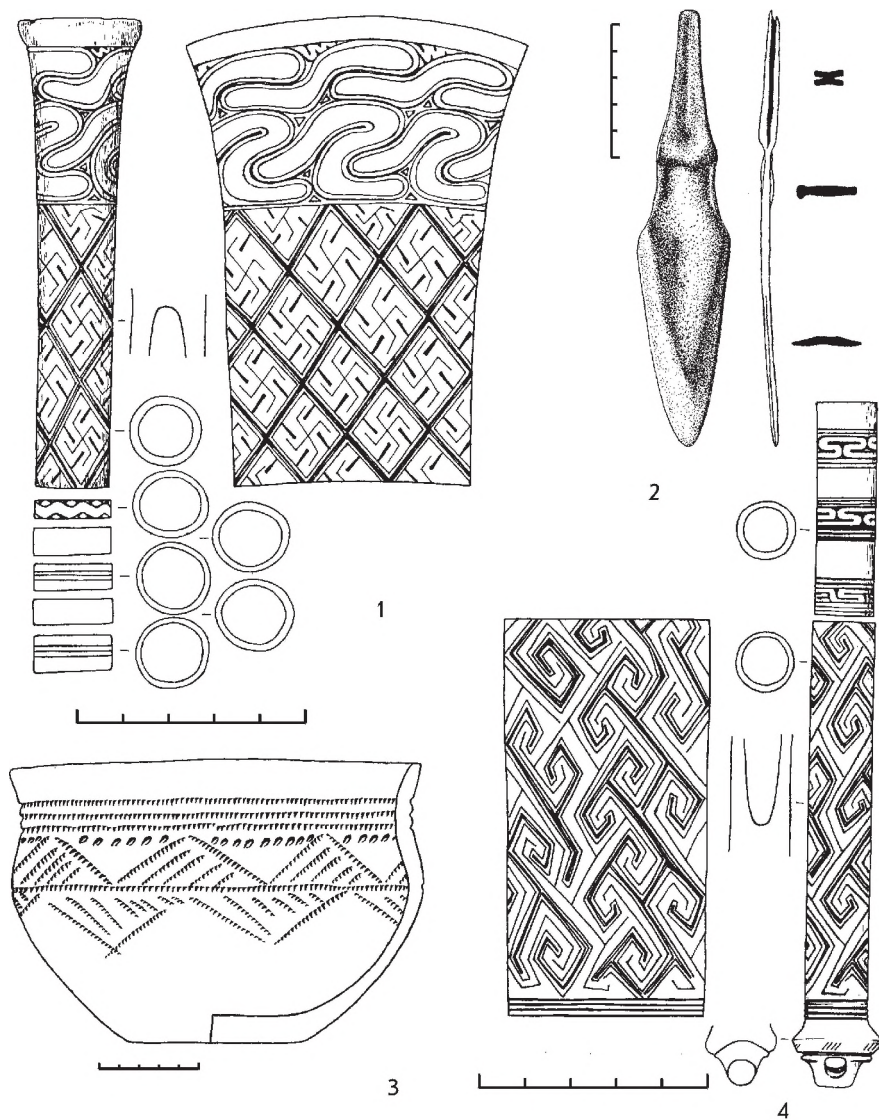

Рис.26. Могильник Красноселки I, курган 1, погребение 9, инвентарь.
1 – рукоять жезла, 2 – нож, 3 – сосуд, 4 – наконечник жезла
(1, 4 – рог; 2 – бронза; 3 – керамика).

ГЛАВА VI

ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Поселения срубной культуры лесостепного Поволжья по сравнению с погребальными памятниками изучены значительно меньше.

Их научное исследование началось в 20-е годы членами Общества археологии, истории, этнографии при Самарском университете под руководством В.В.Гольмстен. Из-за существовавших в то время трудностей экспедиции Общества носили рекогносцировочный характер, это были в основном пешие разведки со сбором материалов с поверхности памятников. Среди наиболее значительных можно назвать сборы близ с.Аверьяновка, с.Пустовалово на р.Кутулук, у с.Воскресенка Самарского уезда, близ станции Безымянка, в Грачевом Саду и у Кирпичных Сараяв близ Самары. В Самарской губернии В.В.Гольмстен и ее учениками разведками выявлено около 300 памятников, относимых ею к срубной культуре (Гольмстен В.В., 1925. С.2-7. Юнусова Р.М., 1975. С.11.).

В.В. Гольмстен в своих работах охарактеризовала основные признаки этой культуры, реконструировала ее быт и хозяйство, высказала предположение о ее генезисе и дальнейших судьбах (Гольмстен В.В., 1928. С.5). Она делила культуру на два этапа: собственно срубный и хвалынский, исчезновение последнего связывала с появлением "скифской" культуры (Гольмстен В.В., 1924. С.159).

Несмотря на то, что в дальнейшем многие взгляды В.В.Гольмстен были пересмотрены последователями, ее вклад в развитие знаний по древнейшей истории Поволжья имеет очень большое значение.

Первый Самарский университет просуществовал очень недолго, и с его закрытием в археологическом исследовании Самарского края наступил перерыв. Следующий этап в изучении бытовых памятников срубной культуры начался в связи с подготовкой строительства Куйбышевской ГЭС. Начавшиеся в 1936 году работы были организованы экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры под руководством Г.П.Гроздилова. Экспедиция обследовала берега р. Волги в зонах затопления и долину р. Усы до с.Комаровка (Алихова А.Е., 1960. С.96). В 1938-39 годах были осмотрены берега рек Черемшан, Утка, Кама, Сок, Кондурча и открыто большое количество срубных селищ, тянувшихся почти непрерывной полосой вдоль берегов р. Усы. Их раскопки в основном производились в 50-е годы московскими археологами А.Е.Алиховой, Н.В.Трубниковой и Н.Я.Мерпертом. Наиболее значительные работы велись на поселении на дуне Барок к северо-востоку от с.Комаровка, I Анновском, II Воскресенском, Муранском, (Алихова А.Е., 1960). Мочечном I поселении (Алихова А.Е., 1958). Н.В.Трубниковой изучены поселения близ озера Старицы, у дер.Актуши, у с.Березовка и Воскресенское поселение (Трубникова Н.В., 1953; 1954).

В те же годы Н.Я.Мерпертом раскапывались I и II Сусканские поселения (Мерперт Н.Я., 1958), поселение на р. Шейкиной (Мерперт Н.Я., 1953).

Результаты работ экспедиции ГАИМК значительны. Было изучено 11 поселений срубной культуры, введен в научный оборот новый обширный мате

риал, опубликованы итоговые статьи (Трубникова Н.В., 1958, Алихова А.Е., 1958) и монография Н.Я.Мерперта (Мерперт Н.Я., 1958).

В этих работах авторы, как и их предшественники, разделяли срубную культуру на два этапа - ранний и поздний. Они относили керамику, орнаментированную налепными валиками, ко второму, финальному этапу культуры, считая ее результатом естественного развития керамических форм срубной культуры и отмечая усиление восточного влияния в это время. Н.Я.Мерпертом отмечено культурное своеобразие поселений изучаемого района, которое он связывал с влиянием приказанской культуры.

Новый этап в изучении поселений в Самарском Поволжье наступил в результате образования археологических лаборатории в Куйбышевском (Самарском) госуниверситете в 1969 году, а в дальнейшем в педагогическом институте (университете) и создания Средневолжской археологической экспедиции.

Раскопки памятников в это время проводились в основном в зонах новостроек, чаще всего оросительных систем. В силу топографических особенностей расположения памятников, в строительную зону попадали, как правило, курганные могильники, располагавшиеся на речных террасах и на водоразделах. Поселений же изучалось очень немного, и раскопки велись небольшими площадями. Достаточно полно исследованы лишь некоторые из них: Кировское, Шигонские, Лебяжинка V, Михайло-Овсянка, Шелехметское. В 1999-2000 годах значительная площадь вскрыта на поселении Сачково.

Нужно отметить, что большинство материалов поселений не опубликовано.

К настоящему времени на территории только Самарской области известно около 200 поселений и местонахождений срубной керамики. Лесостепное Поволжье, богатое благоприятными для расселения человека природными условиями, в эпоху поздней бронзы было плотно заселено племенами срубной культуры. Их экономика, основанная на пастушеском скотоводстве, была как нельзя лучше приспособлена к местным условиям, что приводило к быстрому росту численности населения.

Топография срубных селищ довольно единообразна. Выбор мест для их основания определялся, прежде всего, хозяйственными интересами. Для успешного ведения пастушеского скотоводства требовались обширные, близко расположенные пастбища. Заливные луга по берегам небольших водоемов были идеальным местом для выпаса скота, а растущий здесь кустарник мог обеспечить веточным кормом животных на зиму. Большинство поселений располагаются в низких местах: на первых террасах небольших рек и старичных озер и в высоких поймах. Но есть и поселения, расположенные на высоких мысах по берегам крупных рек. Примером могут служить памятники, открытые вдоль берегов р. Усы. Поселений, устроенных на высоких террасах и водоразделах не известно.

Практически все известные срубные селища находятся в небольших ложбинах, образованных складками местности или располагаются вблизи более высоких речных террас, т.е. имеют естественную ветрозащиту.

Эпоха поздней бронзы в Евразийской лесостепи была мирным временем, поэтому селища того периода, как правило, не имели оборонительных сооружений. Исключением может быть I Сусканское поселение, на котором открыты остатки оплывших рвов шириной около трех метров и сильно распаханных валов (Мерперт Н.Я., 1958. С.118), хотя культурная принадлежность этих сооружений не ясна.

Срубные селища лесостепного Самарского Поволжья, как и других территорий, имеют различные размеры и мощность культурного слоя. Скорее всего, это связано с их функциональными различиями. По своим функциям одни из них были, вероятно, долговременными поселениями со стационарными постройками, служившими круглый год. Другие же имели сезонный характер и были связаны с хозяйственными работами. По размерам и планиграфическим характеристикам их можно разделить на два типа: хутора и поселки. Планиграфической единицей этой системы является жилище. На поселениях срубной культуры жилища обычно расположены на некотором удалении друг от друга и окружены хозяйственными площадками. На площадках находились летние очаги, хозяйственные ямы, часто колодец. Иногда здесь же располагались хозяйственные постройки, навесы, небольшие производственные центры, использовавшиеся летом. Такие комплексы можно назвать усадьбами, их существование связано, вероятно, не только с хозяйственными, но и социальными условиями срубного общества.

Хуторами являются поселения, состоящие из одной усадьбы. Такой тип был самодостаточен в хозяйственном смысле и довольно широко распространен. К нему относится Шелехметское I поселение и, вероятно, все небольшие по площади селища. На Кировском селище обследовано два хутора, расположенных на берегу старицы, в 500 м друг от друга.

К другой разновидности селищ относятся поселки. Они представляют собой систему нескольких жилищ, имеющих уличное, круговое или бессистемное расположение или систему нескольких усадеб. В Среднем Поволжье к ним можно отнести Шигонские поселения, Шиловское и Мосоловское в Воронежской области, III Юмаковское и I Береговское в Приуралье, Усово Озеро на Северском Донце. Такие поселки обычно большие по площади, часто имеют единый производственный центр, на поселении Усово Озеро существовало единое культовое место.

О планиграфии поселков в Самарской области сказать что-либо трудно, т. к. подвергавшиеся раскопкам селища, содержащие две-три постройки, как правило, содержат разновременный материал.

Еще одной особенностью поселений срубной культуры является размещение нескольких (2-6) хуторов или поселков группой, на небольшом удалении друг от друга. Расстояние между ними колеблется от 0,3 до 1,5 км. Такое расположение имеют поселения Михайло-Овсянка (раскопки И.Б.Васильева и Г.И.Матвеевой), Сосновские (раскопки С.А.Агапова), Яковские (раскопки О.В.Кузьминой), Веретяевские (материалы разведок Н.И.Имайкина.), Шелехметские (материалы разведок, раскопки М.С.Седовой), Кировские (раскопки Р.С.Багаутдинова), Сухая Речка (материалы разведок) и целый ряд других - в

Самарской области, поселение Новоселки на юге Татарии (материалы раскопок Л.В.Кузнецовой и М.С.Седовой), известны они и в Нижнем Поволжье, и в Приуралье. Видимо, часть этих комплексов функционировала одновременно, например, селища Михайло-Овсянка, где вокруг рудных источников могли располагаться сразу несколько жилых поселков, или Кировские селища, состоящие из двух хуторов, разделение на которые вызваны, скорее всего, топографическими особенностями местности. Но известны комплексы, дающие разновременный материал. Небольшие раскопки на Яковских поселениях позволяют предполагать, что пункты Яковка I и IV, на которых обнаружены фрагменты покровской керамики, и Яковка II и III с керамикой, орнаментированной налепными валиками, существовали не одновременно (Зудина В.Н., Кузьмина О.В., 1977. С. 63-71).

На поселениях срубной культуры лесостепного Поволжья были изучены жилые и хозяйственные постройки. К сожалению, многие из них происходят с многослойных памятников, содержащих как срубный, так и более поздний материал и не имеющих четкой стратиграфии. К таким поселениям относятся Шигонские, Лебяжинка V, Поплавское, Новоселки, Сусканское I. Однокультурными памятниками с исследованными жилищами являются Кировские поселения, Шелехметское, Михайло-Овсянка, Сачково.

Постройки срубной культуры как жилого, так и хозяйственного назначения довольно разнообразны по типам. Тип жилища в древних обществах зависел от ряда причин. Это, прежде всего, степень оседлости населения, его хозяйственно-культурный тип, природные условия, имеющийся в распоряжении материал для строительства. Формирование типа жилища шло опытным путем на протяжении довольно длительного времени. К началу бронзового века в Евразийской лесостепи у оседлых скотоводов сформировался унифицированный тип постройки, основные детали которой были изготовлены из дерева. Население срубной культуры к моменту своего культурного формирования владело навыками сооружения стационарных поселений с прочными долговременными жилищами.

У срубных племен известны две группы построек - наземные и полуземлянки. Они отличаются друг от друга положением уровня пола по отношению к древней поверхности. Наземные постройки не углублялись в почву, а для строительства полуземлянок рылись котлованы глубиной от 20 до 150 см.

Наземные постройки встречаются реже, хотя об истинном их числе судить трудно - обычно в раскопах они фиксируются авторами только в случае существования столбовых ям большой глубины, достигающих до уровня материковой глины. Некоторые наземные столбовые конструкции могут быть остатками навесов или загонов для скота.

И те, и другие группы построек были распространены по всей территории культуры, а на некоторых поселениях сосуществовали - Кировское поселение (Багаутдинов Р.С., 1978; 1979), Тавлыкаевское (Морозов Ю.А., 1983. С.29), I Исмагиловское поселение (Морозов Ю.А., 1980. С.160).

В Самарском Поволжье так же известны сооружения, которые могли быть наземными постройками. Часть наземного жилища, его угол была раскопана

на Кировском поселении в 1979 году. Оно фиксировалось по столбовым ямам, расположенным по периметру. Ямки сходились в углу сооружения под прямым углом. В 3-3,5 метрах от стены постройки, внутри нее проходил еще ряд ямок. У северо-восточной стены находились два очага в ямах глубиной 15-20 см и диаметром 45-50 см. В 4 м южнее угла жилища за его пределами находился колодец. Его глубина составляла 3,8 м, диаметр около метра. Стенки колодца вертикальные, ничем не укреплены. Между колодцем и жилищем располагался еще один очаг и развалы сосудов.

Остатки наземной постройки или навеса раскопаны А.И.Крамаревым на поселении Мало-Микушкино на северо-востоке Самарской области, на берегу небольшой речки Чембулатки. От сооружения сохранились пять столбовых ямок, три из которых были расположены в линию, параллельную склону к речке. Один столб расположен в углублении, уходящем под стенки раскопа.

Достаточно сложным является вопрос о реконструкции построек. Судя по тем немногим сохранившимся остаткам наземных конструкций, они были деревянными. Использование дерева характерно для лесостепных территорий, где этого материала было достаточно. В местах с его дефицитом при строительстве использовался камень (Горбов В.Н., 1989. С.120-121).

Срубники достаточно совершенно владели приемами обработки дерева, об этом свидетельствуют сложные деревянные конструкции в погребальных комплексах лесостепного Поволжья. Известны погребения, перекрытые накатниками из бревен, плах, срубы с креплением "внахлест", "в лапу", "в чашу", "в ласточкин хвост" (Агапов С.А., 1976. С.70). В кургане 23 у с.Кайбелы был сооружен сруб с подтесанными концами. Со всех четырех сторон имелись вырезы для крепления "в обло", на концах - квадратные вырезы для деревянных шипов (Мерперт Н.Я., 1958. С.95). В кургане 11 у с.Кайбелы исследовано сложное погребальное сооружение - погребальный дом. Его площадь составляла около 130 кв. м, он имел три ряда столбов, на которые опиралась крыша, плоская в центре и имевшая два ската по бокам. Видимо, первоначально этот дом был сооружен на древней поверхности, а затем, после образования вокруг него кладбища, засыпан землей (Мерперт Н.Я., 1958. С.91-92).

Несмотря на сложность сооружаемых деревянных конструкций, набор используемых срубниками деревообрабатывающих инструментов весьма немногочислен. Наибольшее распространение имели бронзовые топоры. Среди находок со срубных поселений Самарского Поволжья известны литейные формы, (рис. 4, 2,4) находки же самих топоров обнаружены в кладе на Царевом кургане и в Рождественском курганном могильнике на Самарской Луке. В курганном могильнике у с.Песочное и на I Шелехметском поселении были обнаружены бронзовые долота с несомкнутой втулкой (рис.3, 5), аналогичное долото происходит и из клада на Царевом кургане. Необычной является находка ножа-пилы с Чесноковского поселения (рис.3, 3).

Нам известно очень немного остатков деталей наземных конструкций, по которым можно воспроизвести постройки. В основном все реконструкции строятся на интерпретации столбовых ямок. Различаются несколько вариантов в расположении ямок: в один, два или три ряда вдоль длинной оси котлована

(поселения Кировское, Шелехметское, I Сусканское, Моечное Озеро), в центре одна или несколько ямок, расположенных “кустом” (II Сусканское поселение), по периметру котлована (поселение Атлаш в Ульяновской области, раскопанное С.А.Агаповым, постройки Мосоловского поселения на Дону), и, наконец, расположенные и в центре котлована, и по его периметру. Кроме основных ямок в каждой постройке со столбовой конструкцией есть ямки, появившиеся в результате ремонта или перестройки. Но есть постройки, где столбовые ямки, пригодные для несущих столбов, отсутствуют вообще. Такие сооружения исследователи предлагают реконструировать либо как шатровые, (Грязнов М.П., 1953. С.144-145), либо как срубовые. Последней точке зрения придерживаются большинство исследователей.

По способам сооружения наземной части построек можно выделить два типа: каркасно-столбовые и шалашеобразные. В первом случае речь идет о двухчастной конструкции, состоящей из стен, в основе которых лежала срубовая или столбовая конструкция, и крыши (рис.15, 5), во втором случае об одночастной, когда скаты крыши являются продолжением земляных стен (рис.15, 2, 3).

Среди построек срубной культуры известны несколько разновидностей конструкций сооружения, которые можно отнести к одночастным. Чаще всего распространены постройки с двускатной крышей, опирающейся одним концом в дно котлована, другим на один или два ряда столбов, идущих вдоль его длинной оси. Крайние столбы в сооружениях этого вида расположены недалеко от торцевых стен, которые возводились под углом, близким к прямому. Если же столбы находятся в центре котлована в один ряд, отстоящий от торцевых стен, то такое перекрытие можно реконструировать как четырехскатное (рис. 15, 1-3) (Седова М.С., 1993. С.69-70). Недостатком такой конструкции является невозможность использовать пространство у стен из-за низкого потолка. Выходом из этого положения может быть увеличение высоты стен за счет их достройки или за счет углубления котлована, а также изменение угла падения скатов в комбинированных перекрытиях. Такое перекрытие, видимо, было у постройки, раскопанной на Кировском поселении.

Жилая полуземлянка Кировского поселения имела котлован семиугольной формы, площадь которого составляла около 250 квадратных метров (рис. 14, 3). Длина котлована - 27 м, ширина в северо-восточной части - 13 м, в центральной - 19,8 м за счет устроенной в длинной стене ниши, длина которой 8,7 метра, ширина от 2 до 5 м. В своей юго-западной части котлован резко сужается до 11 м и уходит под западную стенку раскопа. Постройка сооружена на склоне, поэтому глубина котлована в материке не одинакова и колеблется от 3 до 120 см. Вынутая из котлована почва использовалась для строительства насыпных стен, которые опоясывали его по периметру. Остатки насыпных стен отмечались Н.Я.Мерпертом в жилище финальной бронзы на I Сусканском поселении (Мерперт Н.Я., 1958. С.114-115) и на срубном I Шелехметском поселении (рис.14, 1). На дне Кировской постройки обнаружены ямки от столбов, стоявших в три ряда вдоль длинной оси в центральной части жилища. Два ряда поддерживали кровлю, третий - перегородку между основной частью по-

мещения и нишей. Так как несущие кровлю столбы находились лишь в центре котлована, его перекрытие можно достаточно уверенно реконструировать как рамное, плоское в центре с пологими скатами, упирающимися в пол постройки или в насыпные стены по ее краям. На опорные столбы настраивалась бревенчатая прямоугольная рама. Для прочности соединения балок и опорных столбов на вершине столба, вероятно, делались выемки или бревна закреплялись в развилке столба. К раме приставлялись жерди, которые упирались одним концом в раму, другим в грунт по краям котлована (надстроенные стены) или в его дно. Сверху жерди засыпались травой, обкладывались дерном и засыпались землей. В качестве водоотталкивающего слоя могла использоваться глина, а на некоторых поселениях в заполнении котлована находилось много золы, что позволяет предполагать ее использование в сооружении крыши. Остатки глиняной обмазки были найдены в заполнении котлована постройки Кировского I поселения.

Промежутки между скатами крыши и древней поверхностью засыпались извлеченной из котлована почвой и глиной.

Крыша Кировского жилища была комбинированная: плоская в центральной части и с наклонными скатами. Плоская часть крыши нависала над скатами, и в месте их соединения были оставлены отверстия, через которые выходил дым от очагов. Именно наличием таких вытяжных отверстий можно объяснить привязку очагов к столбовым линиям. Вдоль них находились семь из девяти очагов жилища. Два других располагались у третьего ряда столбов, который отделял нишу от остальной части постройки. Скат крыши в этом месте состоял, вероятно, из двух частей и здесь тоже были дымовыводные отверстия. Такие постройки имеют аналогии в современной практике сооружения хозяйственных построек у башкир (Шитова С.Н., 1978. С.45; 1984. С.193-197).

Сооружения в Кировской постройке были в основном сосредоточены в восточной части. Здесь располагался хозяйственный комплекс, в котором обнаружены следующие находки: каменная ступа, песты, терочные плиты, каменный молот, вкопанный в землю сосуд. Все это находилось в районе двух очагов - большого кострища и маленькой костровой ямы, имевшей диаметр 110-120 см и глубину в полу 25 см. Здесь же на полу, на участке размерами 40x18 см находились остатки мелких кусочков меди или медной руды. За пределами жилища у его южной стены находился колодец, за северной и южными стенками - огромный зольник, насыщенный культурными остатками.

Часть полуземлянки со столбовой конструкцией была обследована на I Шелехметском поселении (рис. 14, 1). От нее сохранился котлован шириной 7,5-8,0 м и длиной раскопанной части - 26 м. Котлован углублен в материковую глину на 40- 60 см. Пол постройки был плоский и довольно неровный. По краям котлована с внутренней и внешней стороны фиксировались остатки насыпных стен, состоящих из смеси материковой глины и черного гумусированного суглинка. Примечательно, что эта засыпка была и внутри котлована, и с его внешней стороны на уровне верхней границы материковой глины. Очевидно, границы котлована на уровне погребенной почвы были несколько больше, а по его краям оставлены материковые уступы. Их ширина, видимо, со-

ставляла около 140 см - такова максимальная ширина завалившейся насыпной стены с внешней стороны котлована. На полу сооружения обнаружено 26 столбовых и две хозяйственные ямы. Четко выделяются две линии столбовых ямок, проходящие вдоль длинной оси постройки. Расстояния между столбами внутри рядов почти равные и составляют около 2,4 м. Диаметры столбиков от 25 до 30 см, глубина около 20 см от уровня пола. Заполнены ямки темно-серым суглинком. В северо-западной части постройки находилось сооружение 1 - очажная яма круглой формы. Диаметр ее устья составлял 85 см, глубина 50 см от уровня пола. Дно ямы и стенки обожжены, на дне мелкие угольки. В 4 м к северо-западу находилась яма 19. Она имела округлую форму, диаметр 88 см и глубину 60 см от уровня пола. Находок яма не содержала, ее назначение не ясно. У южной стенки жилища было устроено материковое возвышение подпрямоугольной формы, расположенное торцом и под углом к стенке. Оно представляло собой участок не скрытой при строительстве котлована материковой глины. Длинным концом сооружение уходило под стенку раскопа. Длина его раскопанной части 240 см, ширина 170 см.

Наличие земляных или глиняных возвышений на полу срубных жилищ отмечается многими исследователями. Они могут быть расположены в центре постройки или у ее стен. При расположении у стен они интерпретируются как нары для сна, хотя не исключено, что в ряде случаев это могли быть закраины котлована, связанные с конструкцией перекрытия. В жилищах на поселении Усово Озеро на Северском Донце возвышения находились в центральной части построек и, по предположению автора раскопок, выполняли роль столов, а, возможно, и алтарей или домашних жертвенников (Березанская С.С., 1990. С.34-35). Что-либо сказать о назначении возвышения в Шелехмтской постройке трудно, находок на нем не было.

Наземную часть постройки Шелехметского селища можно реконструировать как одночастное комбинированное перекрытие, имевшее плоскую центральную часть и два ската по краям, лежащие одним концом на двух рядах столбов, другим концом упирающиеся в закраины котлована. Реконструировать перекрытие как двускатное невозможно из-за ямы 19, расположенной почти вплотную к западной боковой стене.

Устройство котлована с закраинами имеет довольно широкое распространение в позднеандоновских памятниках: на пос. Камышное I, (Потемкина Т.М., 1985. С.325) с керамикой межовско-черкаскульского типа, на пос. Новоселки с керамикой финальной бронзы сусканского облика (Седова М.С., 1987). На дне котлованов с закраинами часто имеются ряды ямок от столбов, поддерживавших кровлю, но есть и бесстолбовые конструкции. К такому типу принадлежит постройка 2 II Шигонского поселения, содержавшая только срубную керамику, на ее дне обнаружены лишь следы от тонких колеб, являвшихся, видимо, основой для стенки-плетня, стоявшей поперек постройки.

Еще один способ сооружения кровли на поселении срубной культуры зафиксирован Н.Я. Мерпертом при раскопках II Сусканского поселения. Жилища на нем располагались в центральной части и представляли собой полуземлянки квадратной формы площадью около 20 кв. м. Раскопанная землянка

углублена в землю на 0,6-0,7 м, пол ее ровный, никакой специальной обмазки не имел и отличался утрамбованной поверхностью. Стенки котлована пологие, следов бревен, крепящих стены, нет. В заполнении встречались следы глиняной обмазки, которой, очевидно, были обмазаны стены. Кровля жилища реконструируется автором как шатровая, при расчистке выявлены следы трех столбов, стоявших в центре, и бревна кровли лежали веерообразно.

Для полуземлянок Самарского Поволжья характерны в основном котлованы прямоугольных, реже квадратных пропорций. Котлованы аморфной формы известны либо на многослойных поселениях, где их очертания являются, скорее всего, результатом разрушения в ходе функционирования памятника, либо они не были углублены в материк и плохо фиксировались (Шигонское I поселение, Лебяжинка V). Вход в постройки оформлялся в виде ниши-тамбура с покатым в сторону основного помещения или горизонтальным полом (Шигонское I пос., постройка 2, Шигонское II пос., сооружения 1 и 6, пос. Лебяжинка V, постройка 1) или в виде ямы со ступеньками (Шигонское II пос., сооружение 2) (рис. 14, 2). Иногда вход фиксируется просто в виде понижения стены котлована. Обычно имелся один выход из постройки, который был направлен в сторону естественного понижения площадки, где стояло жилище, чтобы туда не попадала дождевая и талая вода. Но на поселениях лесостепной срубной культуры были обнаружены и постройки с двумя выходами (I Береговское, Усово Озеро). Внутренняя планировка срубных жилищ не отличается особой типологической устойчивостью. Обычно там фиксируются очаги, хозяйственные ямы, вкопанные в пол сосуды, иногда колодцы, очень редко культовые места. Хозяйственные постройки не имели очагов и были более бедны находками, чем жилые. Некоторые помещения можно отнести к производственным.

Очень немногие авторы, анализируя результаты своих исследований, приходят к выводу о некоторой закономерности в устройстве интерьера жилищ. В некоторых жилищах поселения Усово Озеро исследователем памятника отмечается определенная стандартизация интерьера: на участке, прилегающем к входу, располагался кухонный очаг с хозяйственными ямами и вкопанными вдоль стен сосудами-хранилищами. В центральной части находились округлые земляные или глинобитные возвышения. Примерно в половине исследованных жилищ вдоль стен прослеживались нары (Березанская С.С., 1990. С.34-35). На раннесрубных поселениях Нижнего Поволжья очаг располагался в противоположной от входа половине (Лопатин В.А., 1995. С.7). В жилищах Самарского Поволжья если находилось несколько очагов, то располагались они либо бессистемно, либо были привязаны к дымовыводным отверстиям (Кировское поселение). Если очаг был только один, то он обычно располагался в центральной части. Часто в центральной части жилища находился большой кухонный очаг, на I Сусканском поселении он был устроен в яме, а в остальных частях жилища находились еще несколько небольших очагов-кострищ, которые служили для обогрева и освещения.

Можно выделить несколько основных типов очагов. Простые очаги-кострища наиболее распространены и имеются практически на всех поселениях

на всей территории культуры, как в постройках, так и рядом с ними, на хозяйственных площадках. Среди них есть очаги кухонные, характеризующиеся крупными размерами, мощным слоем прокала и большим количеством кухонных отбросов. Иногда дно таких очагов было выложено слоем камней. Такие очаги с камнями распространены в основном в Приуралье, они известны на I Береговском поселении (Сальников К.В., 1959. С.32), Давлекановском IV (Обыденев М.Ф., 1992. С.51). В Самарской области каменные оградки с находившейся внутри них золой, но без прокала обнаружены на поселении Михайло-Овсянка (Агалов С.А., Васильев И.Б., 1976. С.116). На II Шигонском поселении в жилище находился очаг, обложенный камнями. На поселении Точка О.В. Кузьминой обнаружена кладка из камней, ее размеры составляли 60х 80 см. Под ней лежал слой золы и углей.

На срубных поселениях так же известны очаги в ямах, они отличаются большим разнообразием, среди них есть и обычные кухонные очаги, и более сложные сооружения, возможно, производственные печи. На Кировском I поселении раскопан очаг, имевший усеченно-коническую форму, верхний диаметр его составлял 100 см, нижний 32 см. Стенки и дно очага были выложены глиной, прокаленные остатки которой сохранились по западной стенке ямы. Остатки пода и стенки очага пропитаны сажой (Багаутдинов Р.С., 1979. С.11).

Хозяйство племен лесостепной срубной культуры большинством исследователей определяется как комплексное земледельческо-скотоводческое, с ведущей ролью последнего. Лесостепь, богатая черноземными почвами и заливными лугами с пышным разнотравьем, насыщенным злаковыми формами, явилась идеальным местом для продуктивного разведения мясомолочных животных, особенно крупного рогатого скота. Скотоводство в Евразийских степях и в лесостепи имеет давние традиции. Первые следы животноводческой деятельности на территории Среднего Поволжья и Приуралья прослеживаются с IV тысячелетия до н.э. Уже тогда неолитические племена, заселявшие южные районы этой территории разводили крупный и мелкий рогатый скот и лошадь. Традицию разведения свиней исследователи связывают с балановскими и ямно-полтавкинскими племенами (Петренко А.Г., 1984. С.137, 138). У абашевских племен состав стада уже не имел существенных различий со срубным. По данным, полученным с памятников уральской абашевской культуры, эти племена также преимущественно разводили крупный рогатый скот и в меньшей степени мелкий, лошадей и свиней (Горбунов В.С., 1989. С.97).

К началу развития срубной культуры скотоводство имело давние традиции и устойчивые виды domestцированных животных. В лесостепи оно носило в основном пастушеский придомный характер, хотя не исключена возможность существования отгонных форм, когда стада перегонялись на отдаленные от основных поселков пастбища. Связано это было с сезонным истощением кормовой базы. Возможно, этими сезонными передвижениями можно объяснить наличие небольших селищ с тонким культурным слоем, на которых не обнаружены жилища.

О наличии обширного стада свидетельствуют многочисленные находки костей домашних животных, которые употреблялись в пищу и, возможно, ис-

пользовались в качестве тягловой силы. Данные возрастного анализа костей и зубов домашних животных из срубных памятников позволяют говорить о мясомолочном направлении скотоводства. Анализ костных остатков проводился на многих поселениях срубной культуры по всей ее территории. В Самарском Поволжье костные остатки определялись из культурных слоев II Сусканского поселения, поселений Акуши, Данилово Озеро, I, II, III поселений у Моечного озера (Цалкин В.И., 1958), поселения Съезжее (Петренко А.Г., 1984. С.12). Говорить о количественной характеристике стада срубных племен по результатам полученных определений можно с достаточной степенью осторожности, ведь не все кости животных остаются на поселениях и попадают в кухонные отбросы.

В целом, по качественному составу поселения срубной культуры дают следующую картину: на первом месте по числу особей находился крупный рогатый скот, на втором мелкий рогатый скот (козы и овцы с преобладанием коз), на третьем месте лошадь или свинья. По породным данным крупный рогатый скот сравнительно однороден, представлен особями крупных размеров, в стаде преобладали комолые коровы и быки - явление, которое появляется на поздних стадиях доместикиации (Петренко А.Г., 1984. С.138). Высоко развитое скотоводство у срубных племен достаточно полно обеспечивало население пищей, поэтому роль присваивающих отраслей - охоты и рыболовства была незначительна. Процентное соотношение найденных на поселениях костей диких животных по отношению к домашним составляет от 4% в степных памятниках до 14-16 % в лесостепи.

Сложнее обстоит дело с доказательствами существования земледелия и, особенно, с определением его формы. Большинство исследователей культуры не отрицают его существование. Основным аргументом в данном случае является мощный демографический взрыв и высокий уровень развития животноводства. Только наличие кормового подспорья, основанного на земледелии (солома, овес, ячмень и т.д.) могли создать достаточную кормовую базу для высоко развитого оседлого скотоводства, и только наличие эффективного комплексного хозяйства могло прокормить быстро растущее население. Другим аргументом являются многочисленные находки бронзовых серпов, каменные и костяные мотыжки, каменные песты и зернотерки (рис.6, 1,5). Все перечисленные аргументы являются косвенными. Прямыми доказательствами могут быть находки культурных злаков, достоверные же сведения о находках пыльцы таковых пока известны только с Мосоловского поселения в Воронежской области (Спиридонова Е.А., 1989. С.100). На поселениях срубной культуры отсутствуют глубокие ямы-хранилища для зерна, известные у всех земледельческих народов.

У срубных племен были развиты различные ремесла. Их условно можно разделить на две группы: специализированные, требовавшие значительных профессиональных знаний, такие, например, как металлургия и бытовые, которыми занимались многие жители поселков - ткацкое, косторезное, кожевенное, гончарное. Свидетельств существования ткачества среди поселенческих находок немного в основном это всевозможные пряслица - грузики-маховики

для веретен, которые изготовлены из глины, черепков разбитого горшка, или эпифиза кости (рис.2, 1-8). По форме пряслица бывают дисковидные, цилиндрические и в форме усеченного конуса. Никакой зависимости между формой и материалом, из которого оно изготовлено, не прослеживается. Наиболее распространена форма усеченного конуса - такое пряслице наиболее устойчиво. Иногда его поверхность покрывалась орнаментом: отпечатками зубчатого штампа, вдавлениями полой палочки (Кировское поселение), изображением плывущих уток и лошадок (Моечное поселение).

На поселениях собрана большое количество костяных предметов (рис.5). Из кости изготавливались орудия, которым не требовалась большая твердость. Из цилиндрических костей делались всевозможные рукоятки для медных и бронзовых орудий - шильев, ножей, проколов (рис.5, 1,5,10). Свойство размягченной кости легко расщепляться вдоль волокон использовалось при изготовлении проколов и проверток (рис.5, 2,3,4,7). Кость широко использовалась в кожевенном производстве. Это тупики из челюстей животных (рис.5, 14), струги из ребер крупного рогатого скота, при помощи которых мездрили шкуры и удаляли волосы (рис.5, 12, 13), лощила на концах ребер (рис.5, 11), разбивники из берцовых костей (рис.5, 6). Подобные орудия однотипны и не имеют четкой культурной и хронологической принадлежности, на поселениях срубной культуры распространены повсеместно.

Как уже отмечалось, в эпоху бронзы металлургия являлась самым сложным ремеслом, требующим специальных знаний. Именно поэтому существовали специализированные поселки рудокопов, находящиеся обычно вблизи источников металла. В Самарском Поволжье это Михайло-Овсянка - целое гнездо небольших поселений, расположенных в месте добычи медной руды. Здесь обнаружены шахты, штреки и отвалы породы из них. Шахты находились на территории поселка, вокруг них сосредоточен обычный культурный слой с бытовыми находками: кусками керамической посуды, кухонными отбросами. Там же было обнаружено несколько котлованов жилищ (Агапов С.А., Васильев И.Б., 1976. С.113). Добытую в шахтах руду видимо здесь же плавил, в обнажении берега Р.С.Багаутдиновым была обнаружена каменная кладка, диаметром около 70 см, в центре которой находились куски медной руды.

Металлообработка - отливка из металлических слитков изделий, осуществлялась практически на всех поселениях срубной культуры. Об этом говорят многочисленные находки сплесков металла, обломков тиглей, литейных форм (рис.4). Существование поселений, типа широко известного Мосоловского в Воронежской области, являвшегося в эпоху срубников центром металлообработки целого региона, говорит о возможном существовании в древности специализированных поселков. В Поволжье пока известно только одно специализированное на металлообработке поселение - Липовый Овраг в Саратовской области. Здесь была открыта легкая постройка, навес, в которой находилась плавильная печь и большое количество обломков каменных литейных форм. На поселении изготавливались ножи, наконечники копий, шилья, топоры, серпы (Агапов С.А., Иванов А.Ю., 1989).

Хронологию поселений лесостепной срубной культуры к настоящему времени нельзя назвать окончательно разработанной. Этому есть целый ряд причин, исходящих из специфики данного вида археологического источника: нечастые находки датирующих вещей, к которым относятся некоторые изделия из металла, псалии и другие вещи, которые люди уносили с собой, покидая поселение. Отсутствие за редким исключением доподлинно закрытых комплексов, а в условиях многослойных памятников с нечеткой стратиграфией это усугубляет проблему и, наконец, раскопки большинства поселений небольшими площадями. Все эти факторы особенно характерны для срубных поселений Самарского Поволжья.

Для определения хронологической позиции памятника внутри самой срубной культуры исследователи долгое время пользовались периодизацией О.А.Кривцовой-Граковой, состоящей из двух периодов, где автор попыталась проследить типологические изменения в керамике (Кривцова-Гракова О.А., 1955). Самарские археологи в 80-х годах предложили выделить три периода срубной культуры Среднего Поволжья и охарактеризовали признаки каждого из них (Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983; Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985).

Материалы срубных поселений рассматриваются в русле общей концепции хронологии и периодизации культуры, которая в последние годы претерпела значительные изменения. Выделен пласт культур финального бронзового века, куда причислены памятники с валиковой керамикой, относимые раньше к срубной культуре. Выделены памятники сусканского типа, получившего свое название от коллекции Сусканского I поселения (Колев Ю.И., 1991; Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995), выявлен круг памятников раннего покровского типа, открывающих срубную культуру.

В настоящее время представляется возможным выделить два периода внутри срубной культуры: период становления, когда просматриваются реминисценции предшествующих культур - полтавкинской, потаповско-синташтинские культурные признаки и период развитой культуры, когда одни культурные проявления угасают, а другие получают естественное развитие. Характеристика основных категорий инвентаря по хронологическим периодам, сделанная на материалах погребальных памятников, дана в главе, посвященной погребальному обряду срубной культуры. Эта характеристика справедлива и для поселенческого материала.

Как уже отмечалось, большинство раскопанных срубных поселений лесостепного Поволжья являются многослойными нестратифицированными памятниками, поэтому говорить об их принадлежности к тому или иному периоду за редким исключением нельзя. Можно лишь отмечать наличие в материале признаков тех или иных хронологических периодов. Однослойных памятников, на которых велись обширные раскопки, немного. Наиболее интересными из них являются I Михайло-Овсянковское поселение, Федоровское, Кировское. Первые два принадлежат к первому периоду существования культуры, а Кировское - ко второму.

Поселение Михайло-Овсянка датируется ранним периодом по находке ножа (рис.3, 4) и керамике, в которой автор раскопок И.Б.Васильев усматривает реминисценции предшествовавшей полтавкинской культуры. Это орнамент из отпечатков полой кости, веревочки (Агапов С.А., Васильев И.Б., 1976. С.113). В целом керамический комплекс этого поселения характеризуется отсутствием покровских признаков. Возможно, его материалы иллюстрируют линию развития культуры, берущую свое начало от полтавкинского компонента. К этой же группе принадлежит поселение Мало-Микушкино (рис.10, 1-11).

Другая линия развития, в основе которой просматриваются черты северо-восточных лесостепных культур синташтинско-потаповского круга, дала культурное явление, названное покровским. Наиболее ярким памятником с покровскими чертами является Федоровское поселение (раскопки И.Н.Васильевой). Для него характерна типично покровская керамика: горшки без шеек с коротким, слегка утолщенным уплощенным венчиком прямым или резко отогнутым наружу, с внутренним ребром в месте отгиба и с плавно профилированным одночастным туловом. Поверхность сосудов часто покрыта разнонаправленными расчесами. Орнамент довольно бедный, это овальные или подтреугольные ямки, зубчатый штамп с двумя-тремя зубцами. Расположен орнамент в одну, редко две зоны (рис.7; 8). Имеются фрагменты с примесью раковины и белой крошки в глиняном тесте. На верхних горизонтах культурного слоя селища появляются плавнопрофилированные трехчастные горшки, которые сосуществуют с предшествующими формами, расширяется зона орнамента, появляются заштрихованные треугольники, зигзаг из отпечатков зубчатого штампа, уменьшается количество расчесов. Покровская керамика присутствует на большинстве известных срубных поселениях (Русская Селитьба, Чесноковка, Поплавское, Сусканское, Григорьевское и т.д.).

К периоду развитой срубной культуры относится Кировское поселение. Здесь полностью отсутствует посуда, характерная для покровских памятников, обнаружена керамика алакульской и федоровской культур (их стратиграфическое соотношение не выяснено). Среди горшечных форм преобладают сосуды с высокими прямыми или слегка отогнутыми венчиками, орнаментированы в подавляющем большинстве ямками в один или два ряда по венчику, нарезным орнаментом или отпечатками гладкого штампа, образующими перекрещивающиеся линии, зигзаги, ромбы. Орнамент редко расположен в несколько зон. Интересны находки овальных сковород с низкими бортиками, встречающимися в федоровской культуре (рис.2, 11). В Поволжье подобные сосуды обнаружены в Канадейском курганном могильнике на юге Ульяновской области в погребении с двумя типично срубными банками (Багаутдинов Р.С., 1991. С.36). На Кировском поселении найдены глиняные крышки с высокими цилиндрическими и низкими подпрямоугольными ручками (рис.2, 9,10). Поселений периода развитой срубной культуры известно достаточно много, в основном это коллекции с многослойных памятников или сборы археологических разведок.

О заключительном этапе существования срубной культуры в Среднем Поволжье известно немного. Видимо, в это время приходит постепенное умень-

шение населения за счет вымирания и оттока оставшейся части на юг и юго-запад в степи Приазовья и Причерноморья. В материалах поселений этот процесс пока не зафиксирован. Несмотря на повсеместное присутствие срубной керамики на поселениях, где имеются находки сусканско-лебяжинской или валиковой керамики, генетическая связь между ними пока не установлена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А.*, 1976. Деревянные погребальные сооружения срубной культуры на территории Куйбышевской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Агапов С.А. Васильев И.Б.*, 1976. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев.
- Агапов С.А., Иванов А.Ю.*, 1989. Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности. Воронеж.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.*, 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Алихова А.Е.*, 1958. Комаровское поселение у Моечного озера // МИА. 61.
- Алихова А.Е.*, 1960. Памятники срубной культуры Самарской Луки // МИА. 80.
- Багаутдинов Р.С.*, 1978. Отчет об археологических раскопках в Красноармейском районе Куйбышевской области // Архив археологической лаборатории СамГУ.
- Багаутдинов Р.С.*, 1979. Отчет об археологических раскопках в Красноармейском районе Куйбышевской области // Архив археологической лаборатории СамГУ.
- Багаутдинов Р.С.*, 1991. Курганы бронзового века у с.Канадей // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.*, 1985. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Березанская С.С.*, 1990. Усово Озеро - поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев.
- Гольмстен В.В.*, 1924. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение. Ч.1. Самара.
- Гольмстен В.В.*, 1925. Материалы по археологии Самарской губернии // Бюлл. ОАИЭЕ. №2.
- Гольмстен В.В.*, 1928. Материалы по археологии Самарской губернии // Бюлл. ОАИЭЕ. №5.
- Горбов В.Н.*, 1989. О применении камня в домостроительстве срубной культуры северо-восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк.
- Горбунов В.С.*, 1989. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев.

- Грязнов М.П.*, 1953. Землянки бронзового века близ хут. Ляпичева на Дону // КСИИМК. Вып.50.
- Зудина В.Н. Кузьмина О.В.*, 1977. Поселения эпохи бронзы на юго-западе Куйбышевской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Колев Ю.И.*, 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Колев Ю.И., Ластовский А.А. Мамонов А.Е.*, 1995. Многослойное поселение эпохи неолита-позднего бронзового века у с. Нижняя Орлянка на р.Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 46.
- Лопатин В.А.*, 1995. Поселения срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Мерперт Н.Я.*, 1953. Археологические памятники у с. Хрящевки // КСИИМК. Вып.50.
- Мерперт Н.Я.*, 1958. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 61.
- Морозов Ю.А.*, 1980. Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Южного Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа.
- Морозов Ю.А.*, 1983. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа.
- Обыденков М.Ф.*, 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.
- Петренко А.Г.*, 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.
- Потемкина Т.М.*, 1985. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.
- Сальников К.В.*, 1959. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии // Башкирский археологический сборник. Уфа.
- Седова М.С.*, 1987. Отчет о раскопках в зоне строительства нефтепровода Холмогоры-Клин в 1986 году // Архив археологической лаборатории СамГУ.
- Седова М.С.*, 1993. О некоторых принципах типологизации построек срубной культуры // Археологические исследования в Поволжье. Самара.
- Спирidonова Е.А.*, 1989. Результаты изучения культурного слоя Мосоловского поселения эпохи поздней бронзы методом спорово-пыльцевого анализа // Поселения срубной общности. Воронеж.
- Трубникова Н.В.*, 1953. Поселение эпохи бронзы у деревни Воскресенской // КСИИМК. Вып.50.
- Трубникова Н.В.*, 1954. Поселения эпохи бронзы по течению р.Усы // МИА. 42.
- Трубникова Н.В.*, 1958. Итоги археологических исследований по р.Усе // МИА. 61.

Цалкин В.И., 1958. Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья // МИА. 61.

Шитова С.Н., 1978. Постройки типа землянок у башкир // Культура и быт башкир. Уфа.

Шитова С.Н., 1984. Традиционные поселения и жилища башкир. М.

Юнусова Р.М., 1975. В.В.Гольмстен - первый советский исследователь древнего прошлого Самарской губернии // Краеведческие записки. Вып.3. Куйбышев.

К карте памятников срубной культуры (поселения)

1-4 - Хрящевка; 5 - дорога Ягодное - Хрящевка; 6 - Сускан; 7,8 - Лузановка; 9 - Мазуровка; 10 - Красное Поселение; 11 - Горностаевка; 12 - Шабановка; 13 - Елховка; 14 - Чесноковка; 15 - Булькиновка; 16 - Алмазовка; 17 - Константиновка-Алмазовка; 18 - Высокая Грива; 19 - Калиновка (Кобельма); 20 - II Старое Вечканово; 21 - I Старое Вечканово; 22 - Валентиновка; 23 - Исаклы; 24 - Заря; 25 - Ново-Обошино; 26 - Суруш; 27 - Ключи; 28 - II Чесноковское; 29 - I Чесноковское; 30 - Подгоры; 31 - Рогатка; 32 - Сергиевск; 33 - Умет; 34 - I Калиновское; 35 - II Калиновское; 36 - III Серноводское; 38 - Павловка; 39,40 - Нероновка; 41 - Чесноковка-Чекалино; 42,43 - Раковские; 44 - Лужковка; 45 - Нижне-Солонцовка; 46 - Красный Яр; 47 - Белозерка; 48 - Старо-Семейкино; 49 - Вислая Дубрава; 50 - Волжский (Царевщина); 51 - Терегелевка; 52 - Нугай; 53, 54 - Венера I, II; 55 - Осиновые Ямы; 56 - Чувашская Поляна; 57 - Винная Багановка; 58 - Сопляки; 59 - Березняки; 60 - хут.-Микулино; 61 - Лозовка; 62 - I Лозовское; 63 - II Лозовское; 64 - Полуденка; 65 - Толкай; 66 - Кинель-Черкассы; 67,70 - II Осиновские; 71,72 - I,II Алексеевские; 73 - II Федоровское; 74 - Ключи; 75 - Георгиевка; 76 - Тургеневка; 77 - Кривая Лука; 78 - Широченка; 79 - Коноваловка; 80 - Немчанка; 81 - Виповатое; 82 - Захар-Калма; 83 - Марычевка; 84 - Съезжее; 85 - Максимовка; 86 - Мочи; 87 - Нур; 88 - Поплавское; 89-90 - Подлесное I, II; 91 - Бажаниха; 92,93 - I, II Белозерские; 94-95 - I,II Черновские; 96 - Алексеевка; 97 - Черноречье; 98 - Монашеский Хутор; 99 - Кирпичные Сарай; 100 - Грачев Сад; 101 - Постников Овраг; 102 - Барбашина Поляна; 103 - Пушкарка; 104 - Горяиновка; 105 - Летниково; 106 - I Ивановское; 107 - II Ивановское; 108 - Озерное; 109 - Знамя Труда; 110 - Сухая Вязовка; 111 - Воздвиженка; 112 - совхоз Чапаева; 113,114 - I,II Воскресенское; 115,118 - IV Сосновские; 119 - Григорьевское; 120 - Криволучье; 121 - Каралык; 122 - Большая Глушица; 123 - Малая Глушица; 124,125 - I,II Высоковское; 126 - Михайло-Овсянка; 127 - Точка; 128 - Красные Пески; 129-130 - Сухая Речка III, IV; 131 - Новый Аманак; 132 - Дальне-Азинск; 133 - Тимашево; 134 - Токмакла; 135 - Красный Строитель; 136 - Озерки; 137 - Малое Микушкино; 138 - Шелехметь I; 139 - Севрюкаево; 140 - Кировское; 141 - Федоровка; 142 - Екатериновка; 143 - Сачково; 144 - Ялта; 145 - Лагерева; 145 - Остроумовка; 147,148 - I,II Шигонские; 149 - Моечное Озеро; 150 - Комаровка; 151 - Лебязинка V.

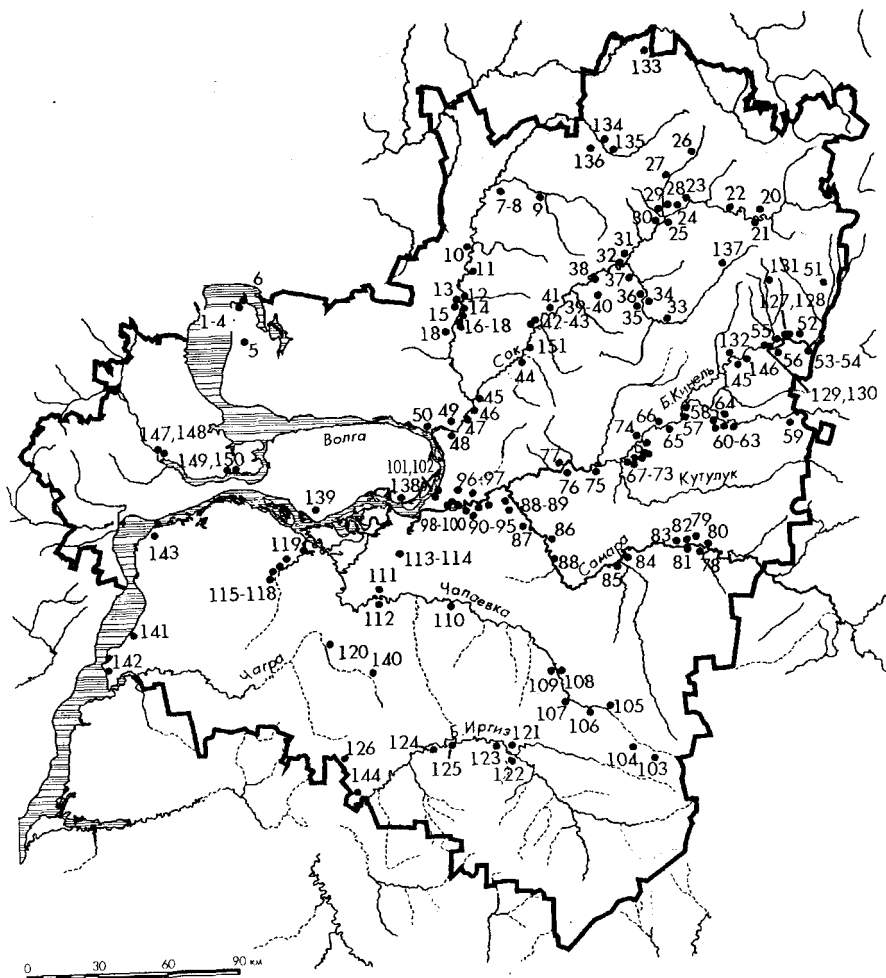

Рис.1. Карта памятников срубной культуры (поселения).

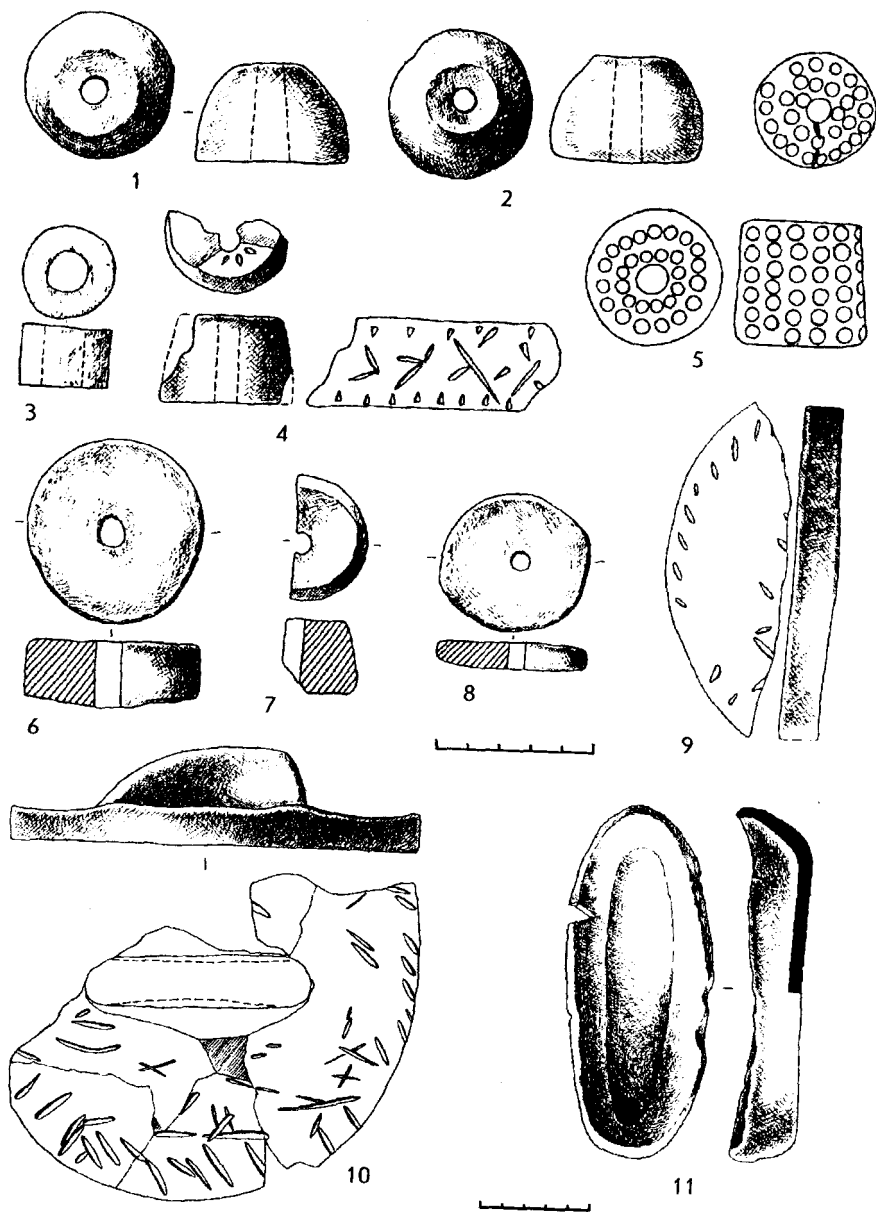

Рис.2. Глиняные и костяные изделия с поселений срубной культуры.
 1 – Шелехметь; 2 – Федоровское I; 3-5, 9-11 – Кировское I;
 6-8 – Григорьевка.

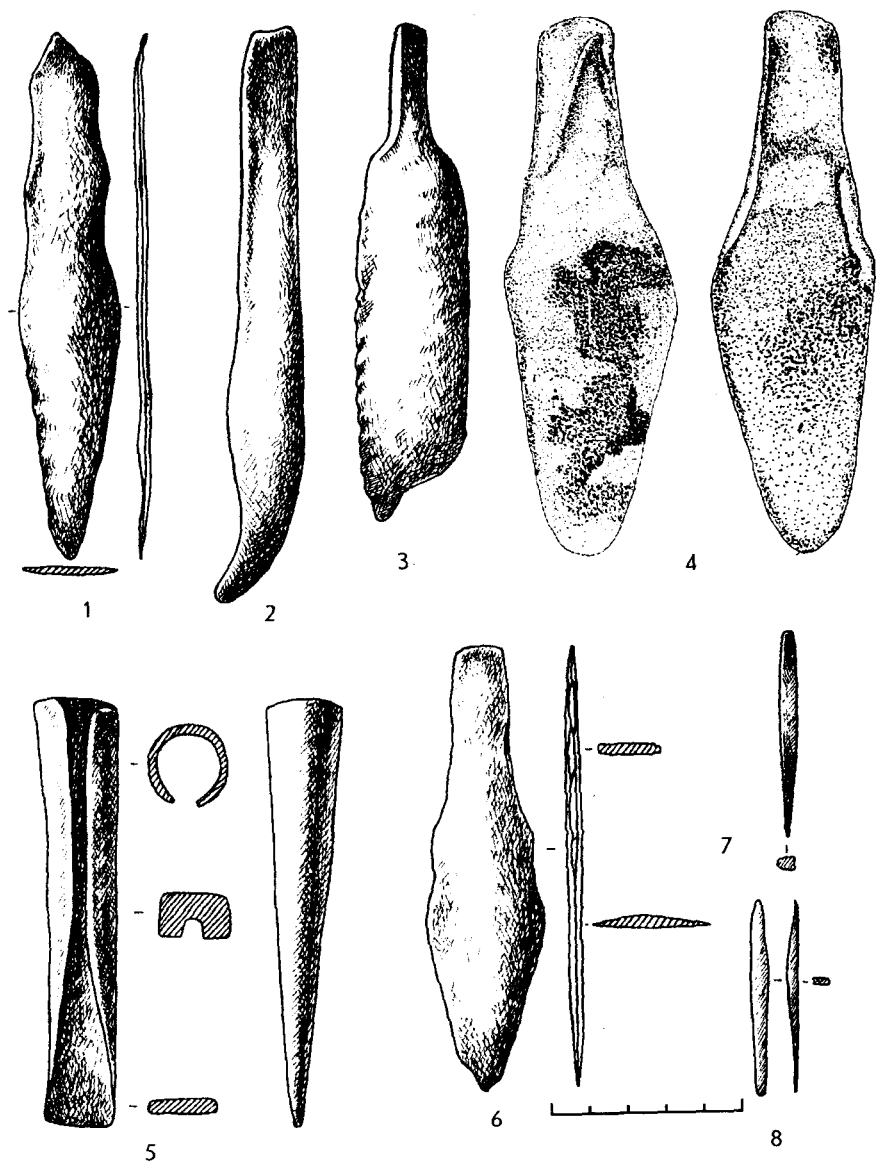

Рис.3. Металлические орудия с поселений срубной культуры.
 1 – Лебяжинка V; 2 – II Шигонское; 3 – Чесноковское I; 4 – Михайло-Овсянка; 5,8 – Шелехметь; 6 – Поплавское; 7 – Яковское I.

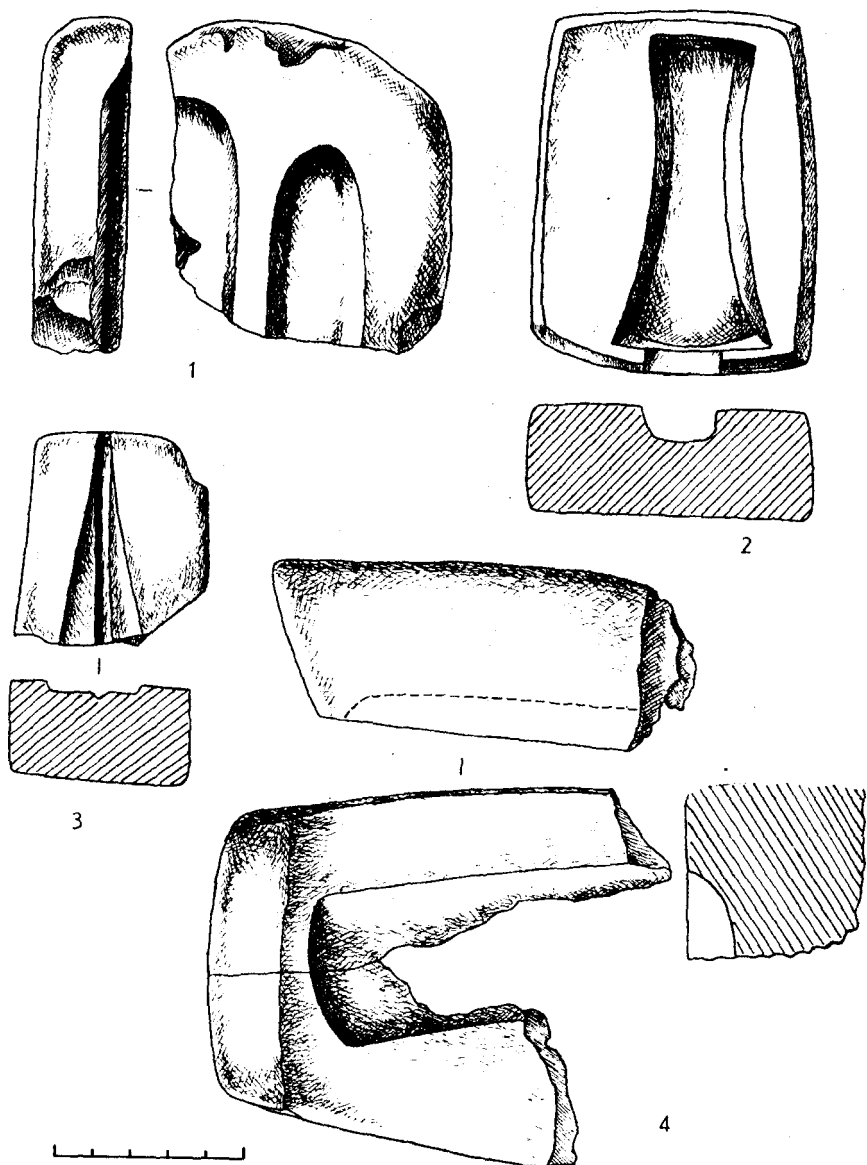

Рис.4. Литейные формы с поселений срубной культуры.
 1 – Кировское; 2,3 – Липовый овраг; 4 – Григорьевка.

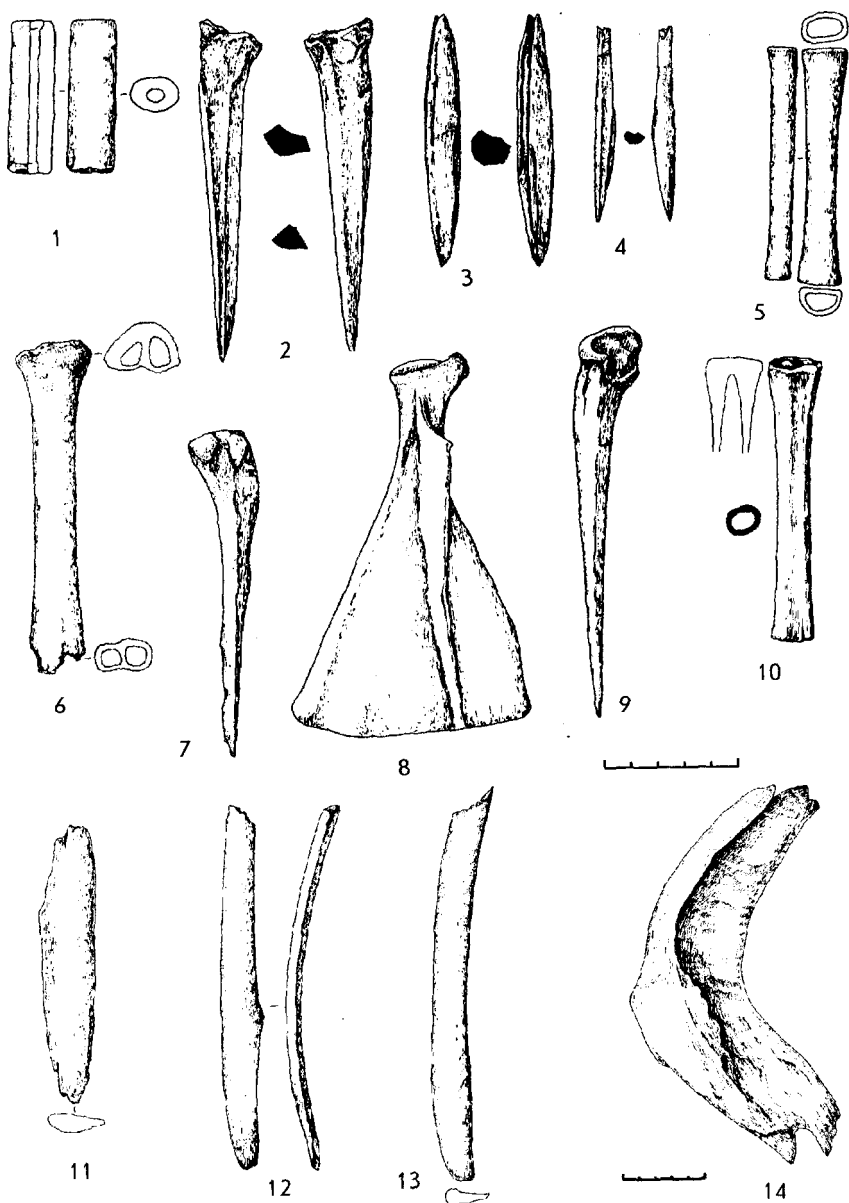

Рис.5. Костяные изделия с поселений срубной культуры.
 1 - Григорьевка II; 5, 10, 12-14 - Кировское; 2-4, 10 - Поплавское;
 6-9, 11 - Федоровское.

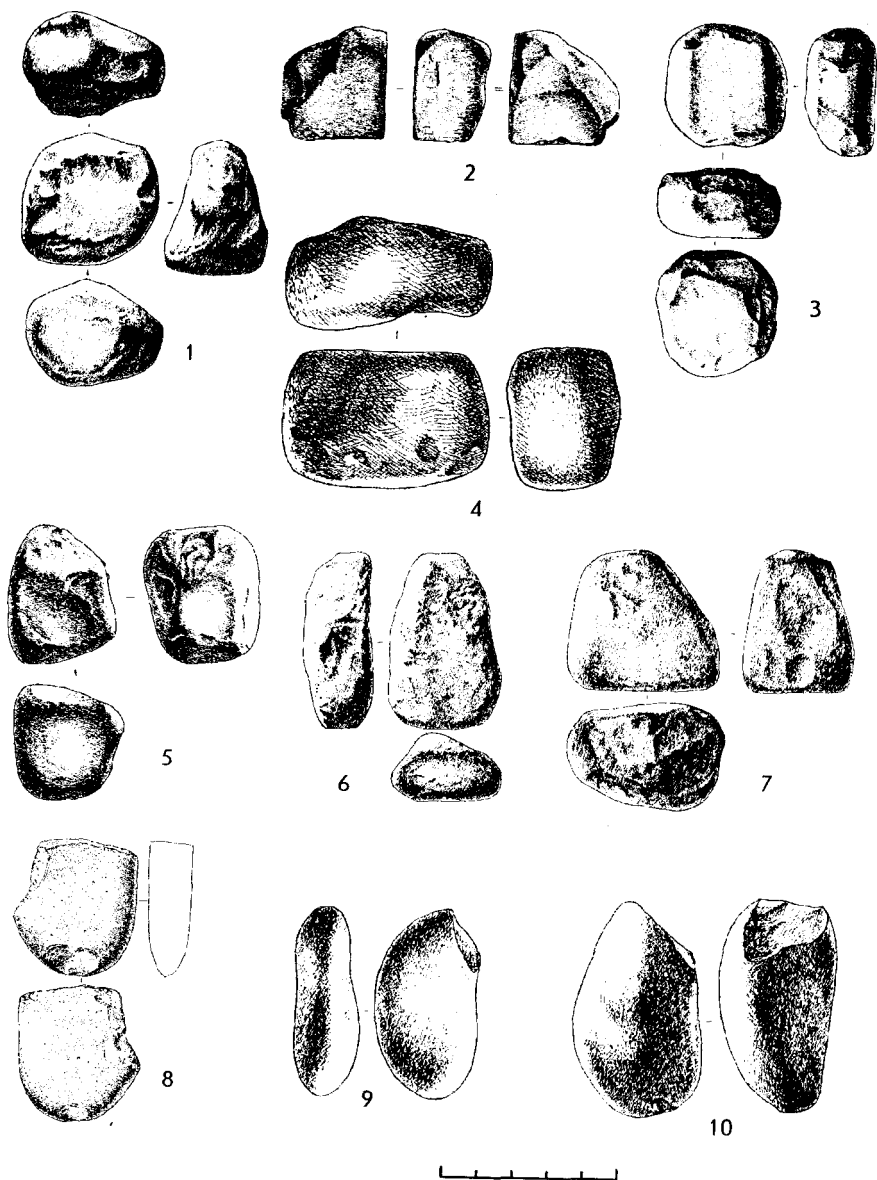

Рис.6. Каменные изделия с поселений срубной культуры.
 1-3, 5-7 – Лебяжинка V; 4, 8-10 – Поплавское.

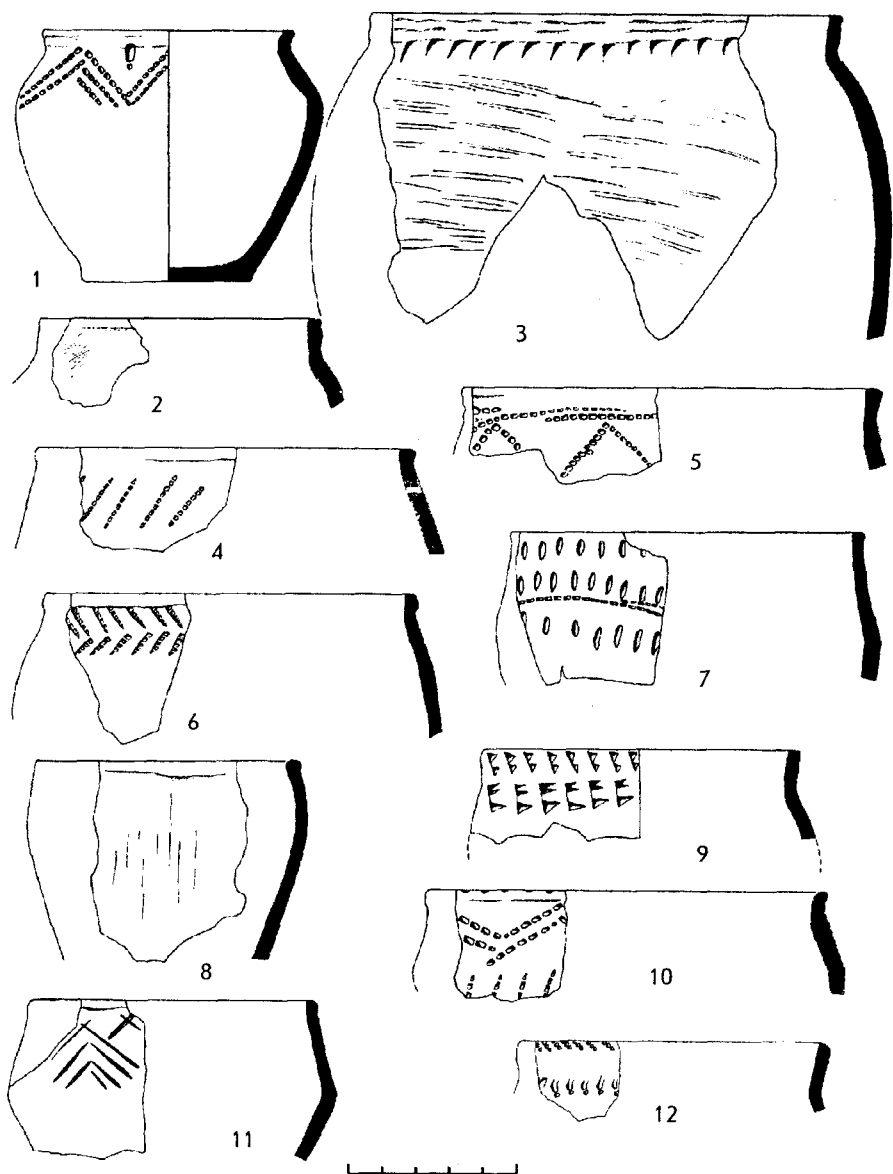

Рис.7. Керамика с Федоровского поселения.

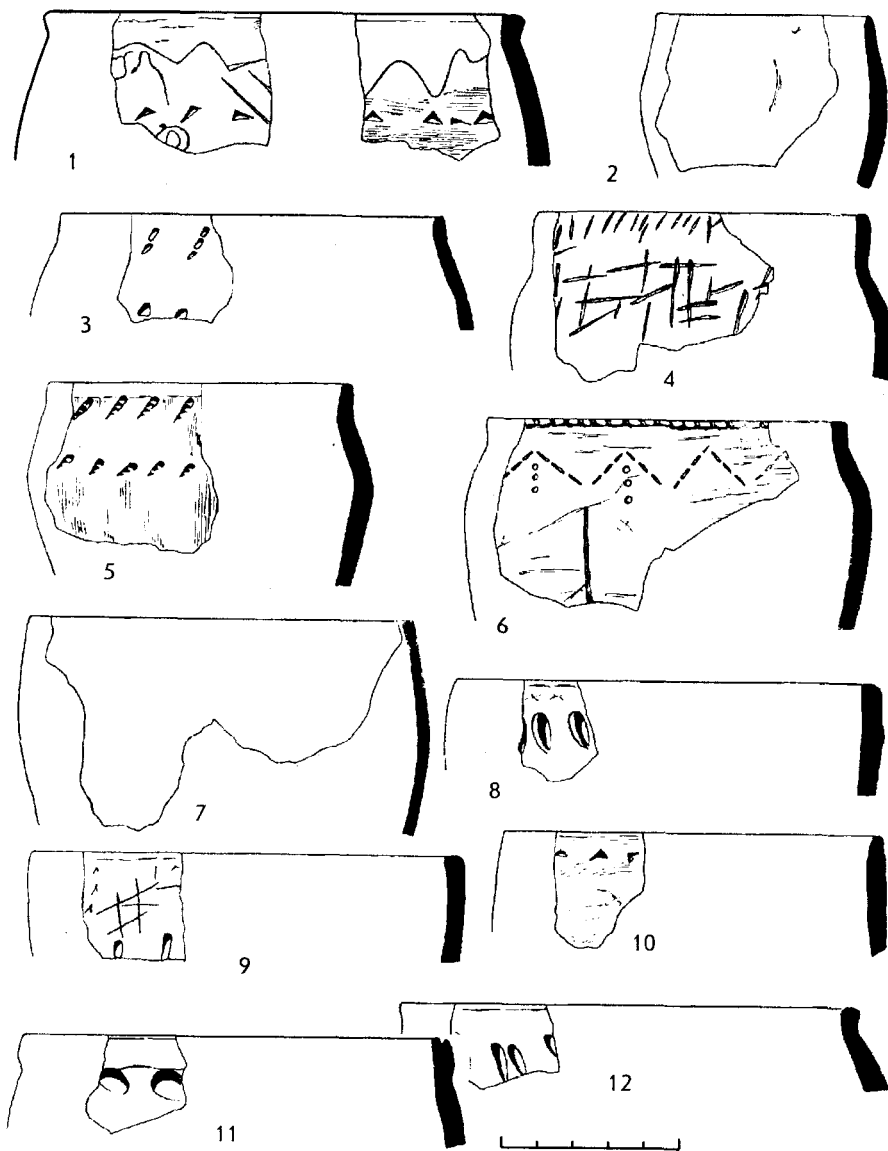

Рис.8. Керамика с Федоровского поселения.

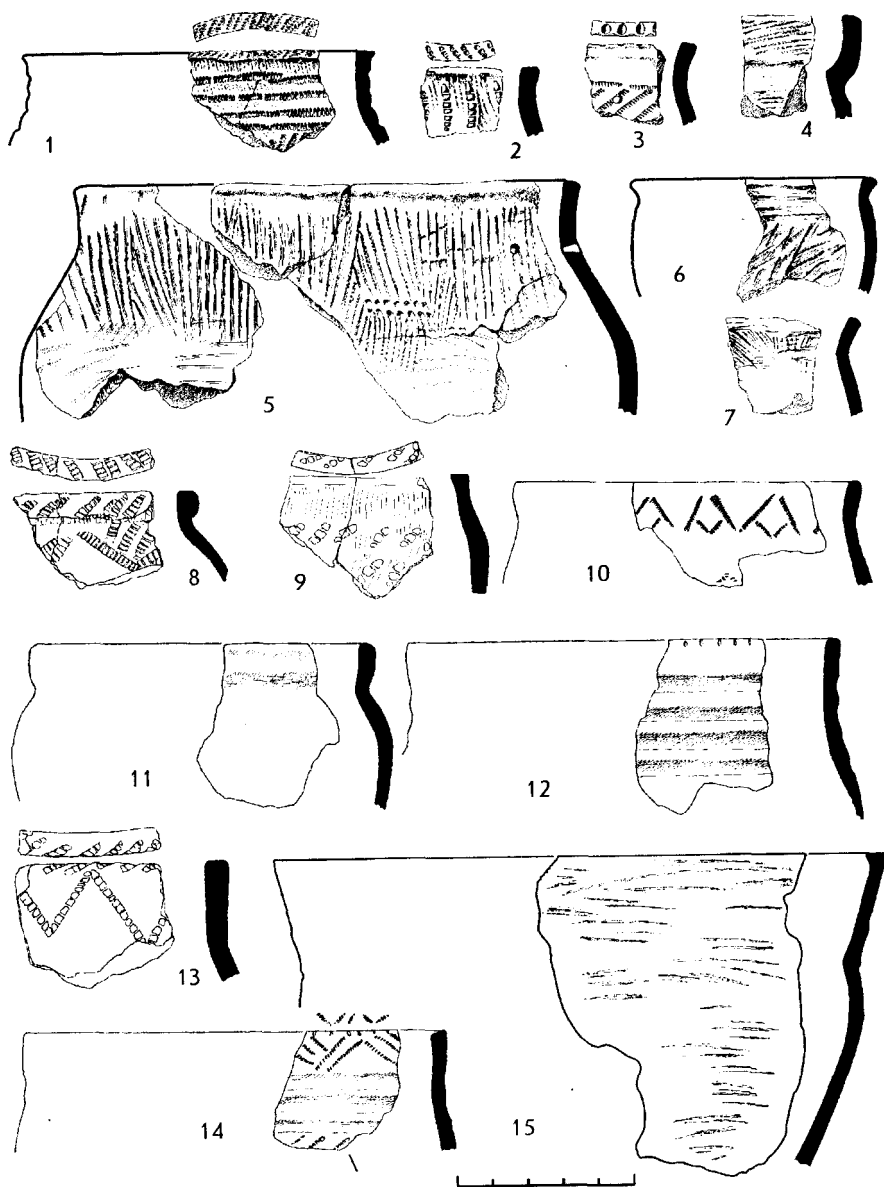

Рис.9. Керамика с поселений срубной культуры.

1-7, 15 - Р.Селитьба; 8,9,13 - Чесноковка I; 10,11,12,14 - Поплавское.

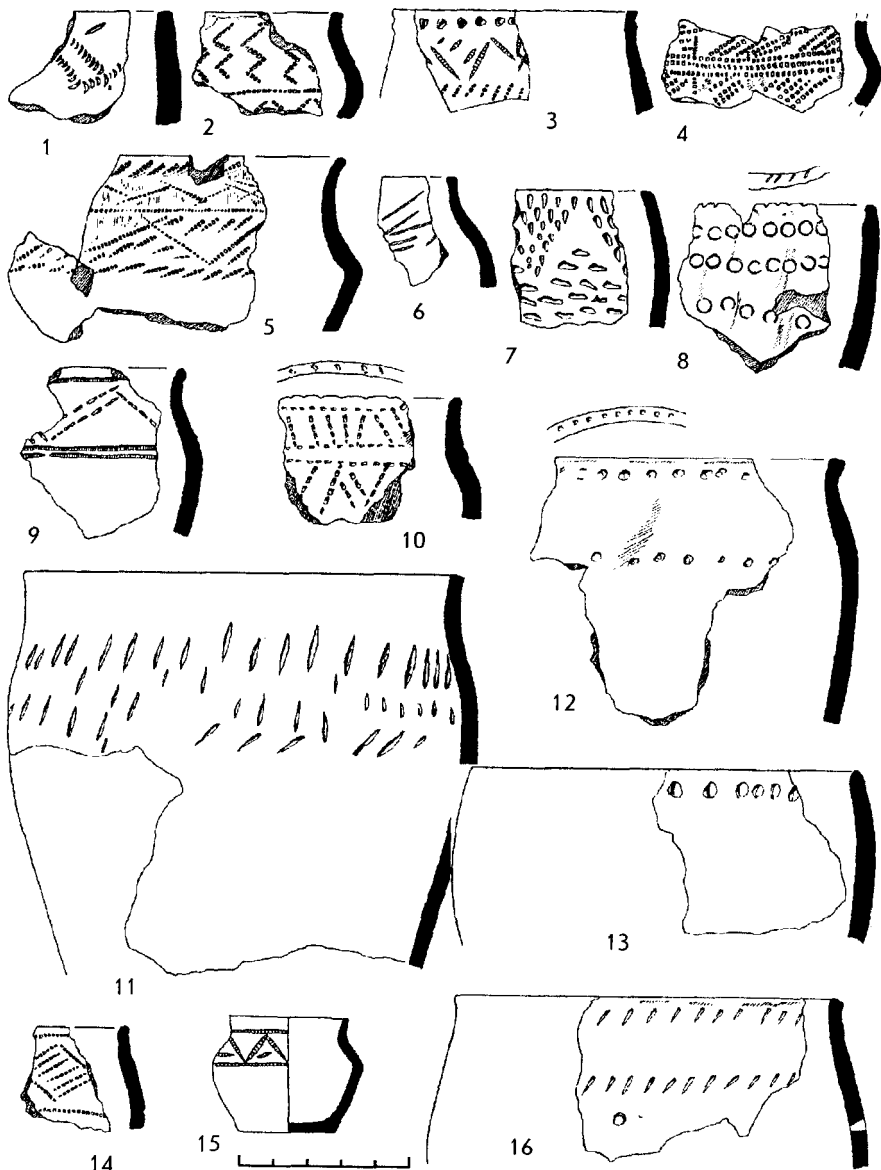

Рис. 10. Керамика с поселений срубной культуры.
 1-11 – Мало-Микушкино; 12-16 – Поплавское.

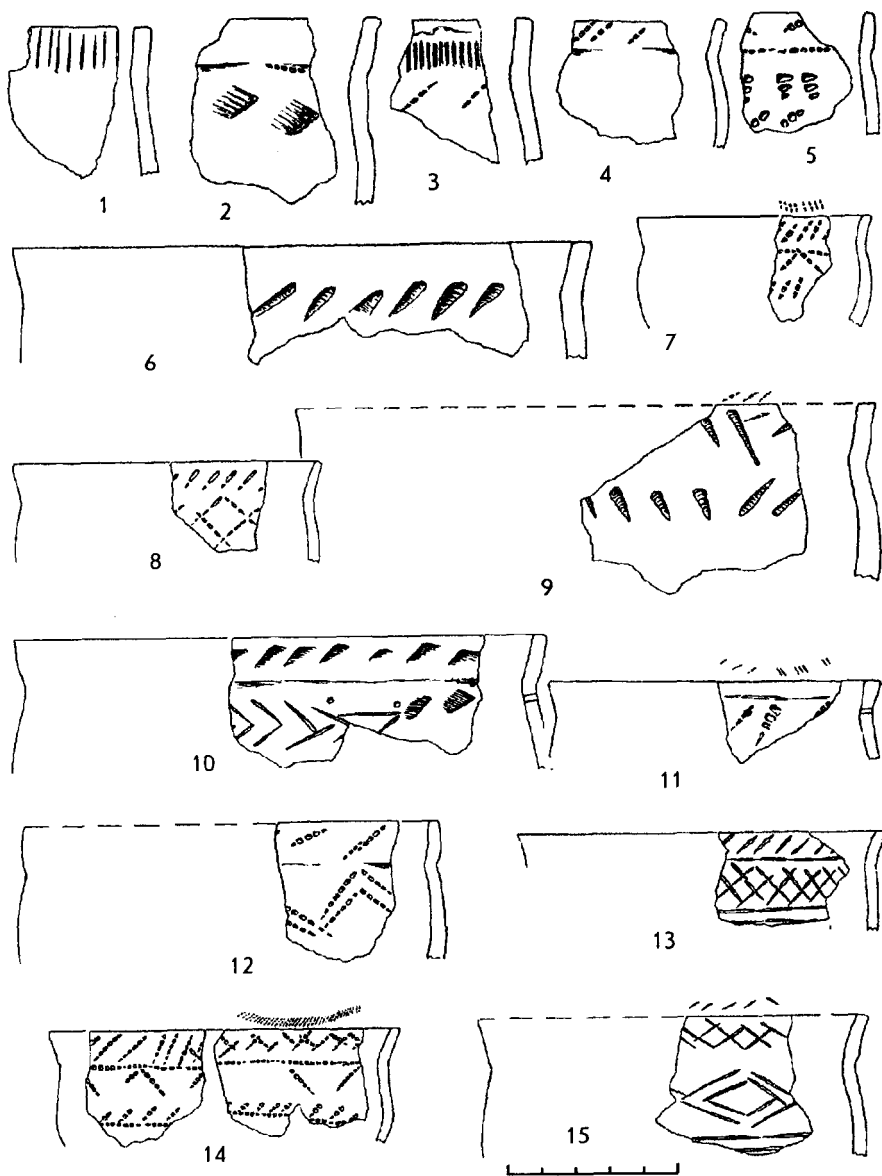

Рис.11. Керамика срубной культуры с I Сусканского поселения.

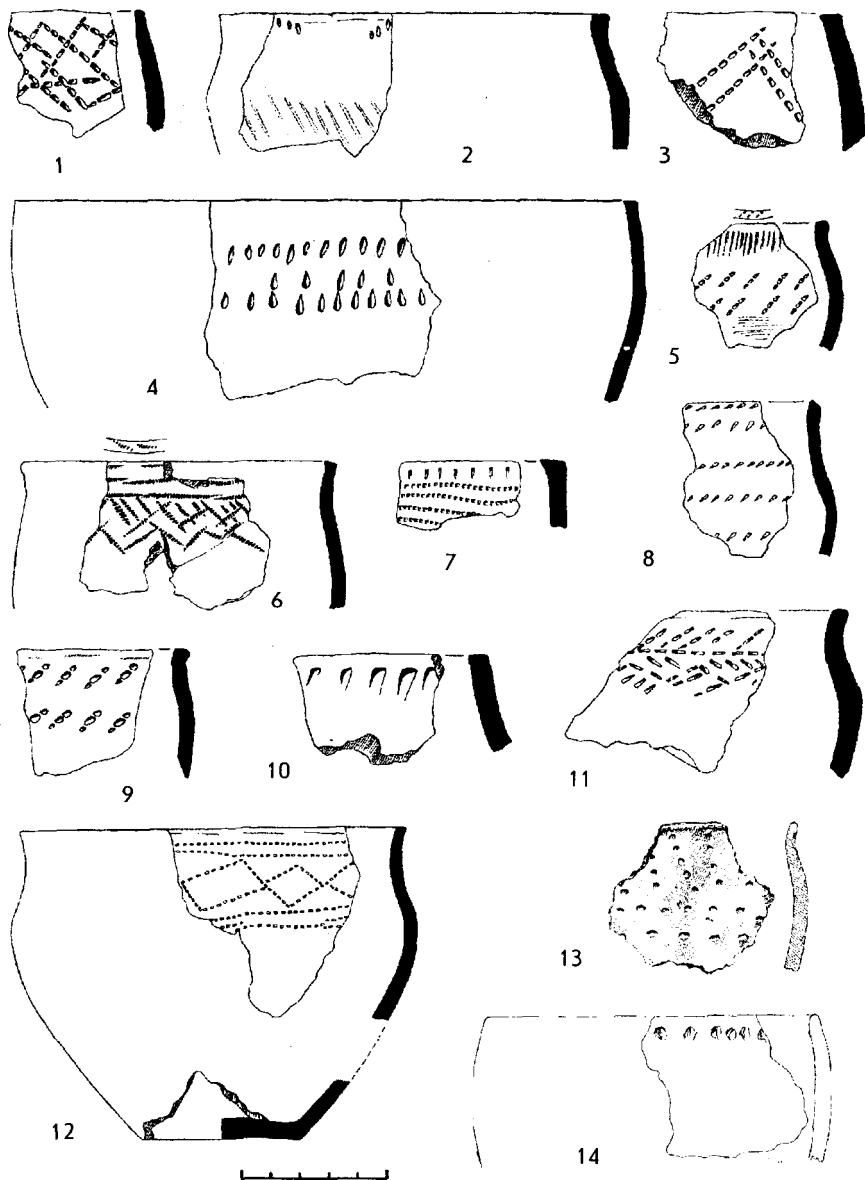

Рис.12. Керамика с поселений срубной культуры.
 1,7,10,11 – Лебяжинка V; 2-5,9,14 – Поплавское; 6,8 – Чесноковка I; 12 – Р.Селитьба; 13 – Михайло-Овсянка.

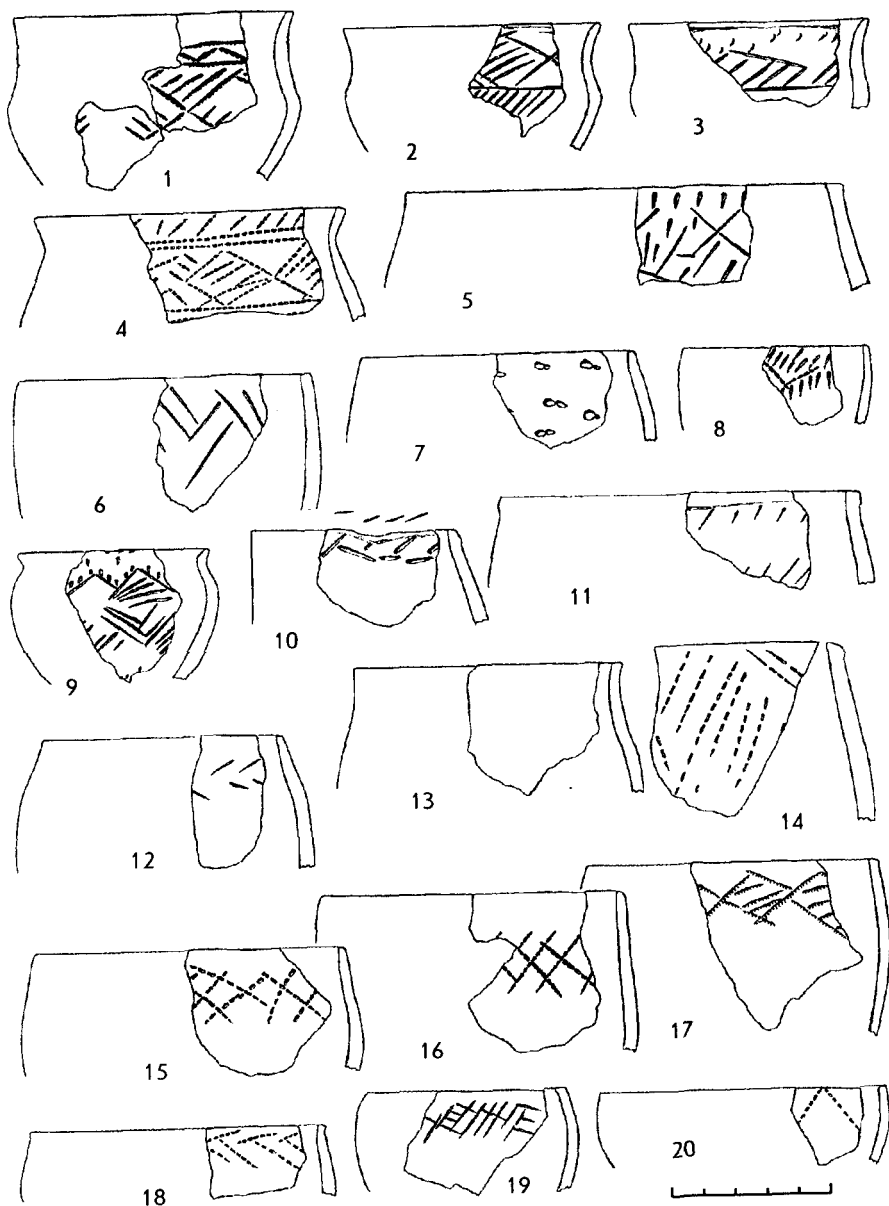

Рис.13. Керамика с Григорьевского поселения.

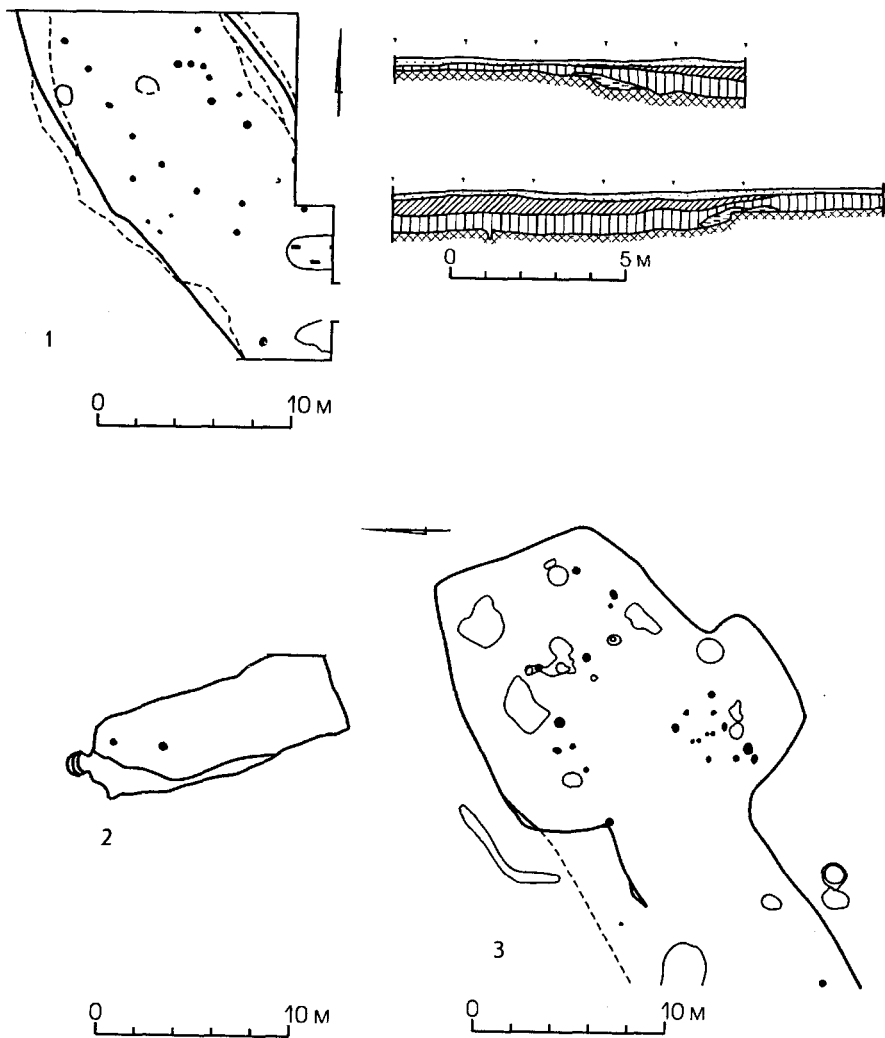

Рис. 14. Котлованы построек срубной культуры.
 1 – Шелехметь; 2 – Шигонское II; 3 – Кировское.

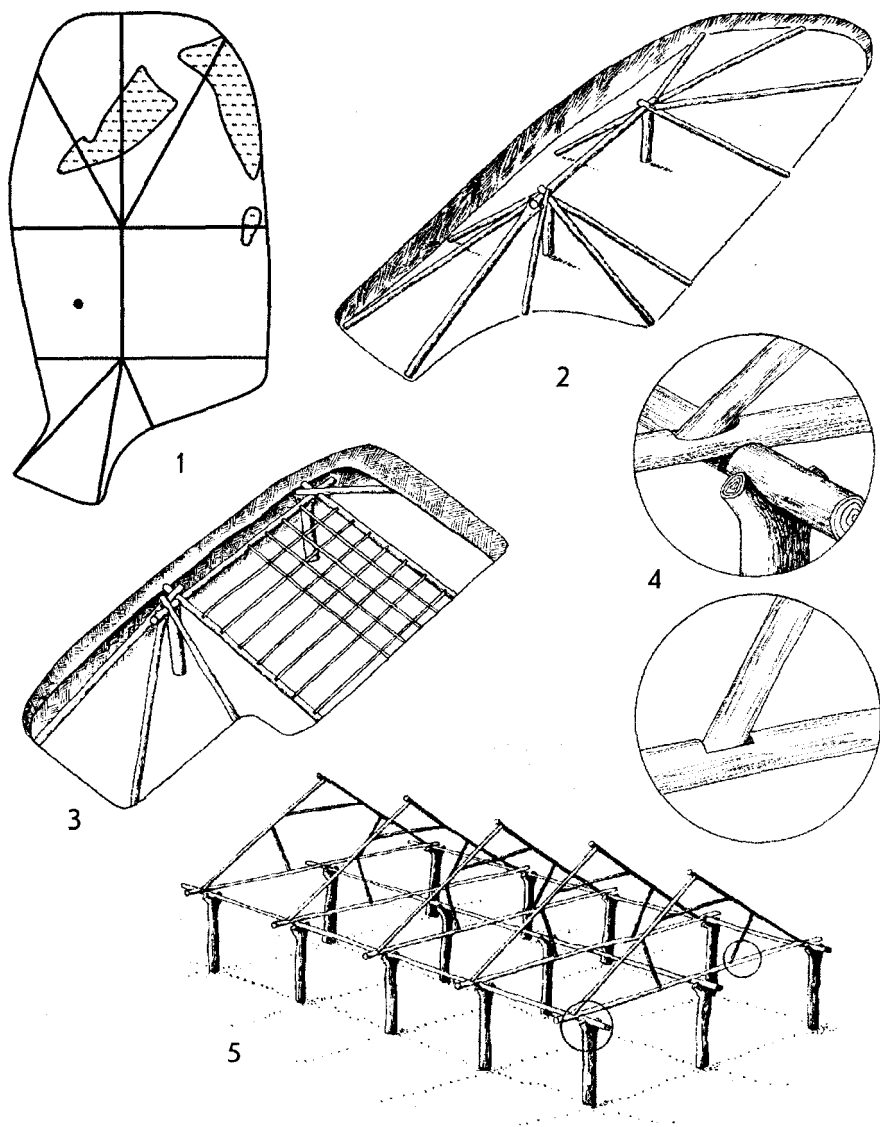

Рис.15. Реконструкция построек срубной культуры.

1-3 – поселение Шигонское I; 4 – способы крепления несущих опор;

5 – реконструкция несущих опор построек с каркасно-столбовой конструкцией.

ГЛАВА VII

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПОВОЛЖЬЕ

История изучения заключительного этапа эпохи бронзы в Поволжье

Продолжительный период бронзового века Волго-Уралья, охватывающий почти всю вторую половину II тыс. до н.э. и начало I тыс. до н.э., выделяется в особый, заключительный, этап, что определяется принципиальными изменениями, которые происходят в культуре региона и в самом направлении ее развития. На протяжении всего предшествующего периода бронзового века культура местных племен была ориентирована на развитие важнейших достижений скотоводческого общества и связана преимущественно с традициями степного мира. Значительные перемены в истории древнего населения Поволжья, охватившие все наиболее важные сферы производства и культуры, начинаются с третьей четверти II тыс. до н.э. Осваиваются новые приемы выплавки бронзы, новые сырьевые источники, обеспечивающие, прежде всего металлообрабатывающее производство, складываются новые хозяйственные механизмы, направленные на эффективное использование сырьевых и природных условий Поволжья. Меняются формы социокультурной организации населения, что выразилось в расположении и размерах древних поселков, в кардинальной смене погребальной обрядности. Основные направления культурных связей смещаются на восток – в лесостепное Зауралье, степные районы Казахстана, Южной Сибири и Средней Азии. Предпосылки этому были подготовлены еще в срубную эпоху.

Более динамичными становятся процессы культурогенеза, эпицентр которых в Поволжье смещается из степей вглубь лесостепной зоны. Именно в лесостепном Волго-Камье очень быстро утверждаются новые традиции в сфере важнейшего производства – металлообрабатывающего. Эти традиции, принесенные в Восточную Европу племенами литейщиков из Западной и Южной Сибири, не только получили развитие в среде волго-камского лесостепного населения, но и дали толчок для образования мощнейшего металлургического очага – дербеденевского. Деятельность волго-камских металлургов в свою очередь оказала существенное влияние на развитие металлургических традиций как в степном Поволжье, так и в соседних регионах, включая Дон и Днепровское Левобережье.

Значение лесостепного Волго-Камья в истории позднего бронзового века не исчерпывается распространением новых металлургических традиций. В дальнейшем регион становится центром культурогенеза, который впитывал и перерабатывал культурные традиции различных волн мигрантов из Зауралья и Западной Сибири, из Волго-Окского междуречья, из степных районов Волго-Уралья. В результате, во второй половине II тыс. до н.э. в Волго-Камье и лесостепном Самарском Поволжье последовательно сменяют друг друга несколько культурных пластов с яркими проявлениями традиций как восточного, угорского, так и западного, балтского, происхождения. Такая динамичность развития региона создала благо-

приятную среду для формирования впоследствии одной из древнейших культурных общностей раннего железного века — ананьинской.

Культурные процессы, начавшиеся в лесостепном регионе, в значительной мере затронули и степной мир. Здесь, на обширных пространствах от Балкан до Алтая, во второй половине II тыс. до н.э. складывается целый ряд культур с общими чертами в гончарстве и бронзолитейном производстве. Исследователи не без оснований объединяют их в общность культур валиковой керамики (ОКВК). В Поволжье эта общность представлена памятниками ивановской культуры, которые ярким образом демонстрируют начало новой исторической эпохи, характеризующейся необычайно высоким уровнем культурной интеграции степного населения, постепенным переходом его к подвижным формам хозяйствования, созданием предпосылок для формирования скотоводческих потестарных обществ раннего железного века.

Современные представления о заключительном этапе эпохи бронзы Поволжья формировались на протяжении нескольких десятилетий и претерпевали изменения, связанные как с появлением новых памятников, так и с развитием археологической теории в целом.

Первоначально к позднему периоду бронзового века были отнесены памятники так называемой хвалынской культуры, выделенной в Поволжье В.А.Городцовым (Городцов В.А., 1910). В.А.Городцов не стал включать их в число срубных, учитывая своеобразие комплексов типа Сосновомазинского клада и поселений с валиковой керамикой из района г.Хвалынска.

Позже, когда были исследованы типичные для срубной культуры поселения и могильники, стало возможным объединить эти памятники с хвалынскими в срубно-хвалынскую культуру. Вместе с тем, очевидные различия между керамическими комплексами памятников дали повод для выделения в рамках срубной культуры особого, позднего, этапа (Кривцова-Гракова О.А., 1955). Неоднократно предпринимались исследования, направленные на уточнение хронологии и периодизации срубной культуры Поволжья (Мерперт Н.Я., 1958; Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1979; Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1985). При этом, не отделяя еще памятники с валиковой керамикой от срубной культуры, все исследователи отмечали их своеобразие.

Новый этап в изучении заключительного этапа эпохи бронзы Поволжья наступает в начале 80-х годов. В это время начинается исследование целой серии памятников, керамические коллекции которых содержат преимущественно материалы заключительного этапа бронзового века. В 1983–84 гг. исследован культурный слой поселения Григорьевка II, содержащий два комплекса — срубный и ивановский. В 1985 г. исследованы поселения Попово Озеро и Лебяжинка II с материалами андроновского облика, в 1986 г. начато исследование поселения Русская Сельтьба II. В 1993–95 гг. вскрыта значительная площадь поселения Нижняя Орлянка II с материалами нескольких культурно-хронологических типов. В настоящее время исследование поселений заключительного этапа эпохи бронзы в Поволжье приобретает столь же массовый характер как когда-то изучение срубных памятников.

Уже в 80-е гг. стало возможным дать сравнительно-статистическую характеристику исследованных комплексов, привлекая также материалы уже известных памятников (Сусканского I поселения, Танавского городища, Кайбельского селища). В результате удалось обнаружить принципиальные различия в традиции орнаментации керамики срубной, валиковой и сусканской (Колев Ю.И., 1988). Специфические особенности лесостепных памятников (поселения I Сусканское, II Лебяжинское, Попово Озеро и др.) позволили выделить их в сусканскую культуру, характеризующую первый этап заключительной фазы бронзового века в лесостепном Поволжье, отражающий значительный культурный импульс андроновского урало-западносибирского происхождения (Колев Ю.И., 1991).

В последующем, андроновские традиции в сусканской культуре постепенно нивелируются под влиянием местных культур, в том числе степной ивановской, и на смену сусканским памятникам приходят комплексы атабаевско-кайбельского типа, выявленные в основном в лесостепной части Самарского Поволжья (Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995).

Конец эпохи бронзы был до последнего времени представлен в Самарском Поволжье единичными памятниками типа поселения Гривка на северо-востоке области, которые авторы раскопок отнесли к предананьинскому культурно-хронологическому пласту (Васильев И.Б., Иванов В.А., 1979), и комплексами с так называемой нурской керамикой переходного времени от бронзового к раннему железному веку в степной части Поволжья (Агапов С.А., Васильев И.Б., 1975). И лишь в 90-е годы в Самарском Поволжье были открыты комплексы маклашеевской культуры на поселениях Нижняя Орлянка II (Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995) и Новый Путь (раскопки А.И.Крамарева и Г.И.Матвеевой), выделены комплексы круглодонной и текстильной керамики (Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е.). Эти памятники характеризуют более сложный характер этнокультурных процессов, происходивших в лесостепи на заключительных этапах бронзового века, чем представлялось ранее.

Лесостепное Поволжье на заключительном этапе бронзового века

Сусканская культура

Памятники сусканской культуры, представленные преимущественно поселениями, занимают значительную территорию лесостепного Волго-Камья, правобережье Волги от устья Камы до широты г.Хвалынска, Самарское Заволжье, а также западные районы Приуралья вплоть до р.Демы. В Заволжье сусканские памятники распространены преимущественно в лесостепной зоне, южным рубежом которой была, очевидно, р.Самара. По правому, высокому, берегу Волги сусканские памятники встречаются и южнее (поселение Екатериновка), но основная их часть сосредоточена на левых притоках Волги - рр. Кондурча, Сок, Черемшан, Б.Кинель (рис. 1).

Сусканские поселения занимают, как правило, невысокие мысы надпойменной террасы или ее останцы (рис. 2; 3). Основной дифференцирующий культурный признак сусканских памятников - керамика ярко выраженного андроновского об-

лика (рис.4-6). Сосуды плоскодонные, лепные, сравнительно тонкостенные. Формовочная масса - хорошо отмученная глина с мелкозернистыми примесями (известковой крошкой, толченой раковинной). Необычна профилировка сосудов: стянутое горло со срезанным внутрь венчиком, плавный переход от горла к раздутому тулову. Орнамент покрывает верхнюю треть сосуда, включая верхнюю часть тулова, и состоит из двух-трех зон, для каждой из которых характерен свой орнаментальный мотив. Для верхней зоны наиболее характерны горизонтальные линии, косозаштрихованные полосы, ряды уголковых вдавлений; для нижней - горизонтальная и вертикальная "плочка", заштрихованные треугольники, обращенные вершиной вниз, в том числе косоугольные. Орнамент наносился преимущественно гладким штампом или щепой, реже - зубчатым штампом.

При всем своеобразии сусканской керамики, не позволяющем отождествить ее ни с одной из культур позднего бронзового века, можно отметить определенное сходство сусканских сосудов с керамикой ряда культур Зауралья, Казахстана и Западной Сибири, объединяемых исследователями в андроновский культурный пласт. С андроновским миром сусканские памятники связывают не только ведущие формы керамики и основные приемы орнаментации, но и такие специфические типы посуды, как парадные подлощенные сосуды с s-видным профилем, орнаментированные желобчатými линиями, меандрами и свастиками, выполненными мелкозубчатым штампом (рис.7-10). Подобная керамика встречается практически на каждом сусканском поселении и может рассматриваться как одно из свидетельств андроновского происхождения сусканского культурного типа.

На тесные связи сусканской культуры с андроновским культурным миром указывают и так называемые сосуды-кубки на высоких ножках-поддонах (рис.11). Подобные сосуды являются чрезвычайно редким типом керамики. В настоящее время на огромной территории евразийской степи и лесостепи их насчитывается не более шести-семи десятков. Кубковидные сосуды отличаются удивительным своеобразием, и их появление в памятниках Поволжья и Поднепровья не может быть объяснено исключительно внутренними тенденциями развития местных культур. Желобчатая орнаментация, косоугольные треугольники, использование мелкозубчатого штампа, наконец, высокая ножка-поддон не имеют прототипов в срубном гончарстве. Погребения с кубками, исследованные в Поднепровье, вопреки распространенному мнению об их срубной принадлежности, характеризуются рядом черт, отличающих их от большинства срубных захоронений (юго-восточная ориентировка погребенных, положение их на правом боку), и не имеют четко выраженного срубного контекста - нет собственно срубной керамики и других срубных погребений, подтверждающих культурную атрибуцию курганных насыпей. Кроме того, курганы, под которыми обнаружены погребения с кубками, занимают достаточно обособленное место среди срубных могильников Поднепровья (Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., 1976. С.57-58; Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М., 1981. Рис.3, 9; Ковалева И.Ф., Волкобой С.С., Костенко В.И., Шелобудов В.Н., 1978. Табл.10,2). Перечисленные обстоятельства, а главное, технологические

особенности кубков, заставляют рассматривать эту группу керамики скорее как предмет импорта или культурного обмена, в котором, возможно, участвовали и срубные племена. На культурные истоки кубковидных сосудов указывает распространение их преимущественно в восточной зоне Евразии, а также значительное число кубков в памятниках андроновского круга - черноозерско-томских (могильник Еловка II), федоровско-алакульских (могильник Тау-Тары), алексеевско-саргаринских (поселение Алексеевка), федоровско-черкаскульских (поселение Родниковое). По мнению некоторых исследователей, традиция изготовления сосудов на высоких поддонах восходит к древнеземледельческим культурам Переднего Востока и получает распространение в степной Евразии благодаря тесным контактам степных культур с населением среднеазиатских земледельческих оазисов (Кузьмина Е.Е., 1974. С.21-23). Даже если согласиться с этой точкой зрения, нельзя не признать, что именно в степной андроновской среде кубковидные сосуды приобретают специфические особенности, характеризующие этот тип керамики на обширной территории его распространения вплоть до конца бронзового века.

Андроновское происхождение кубков подтверждается и исследованиями в Поволжье, где к настоящему времени выявлено не менее семи памятников, содержащих керамику подобного типа. Шесть из них - сусканские поселения, на которых найдено около трети всех известных кубков. Это поселение Нижняя Орлянка II (рис.11, 2-7), I Сусканское (Мерперт Н.Я., 1958. Рис.19, 15, 16), II Лебяжинское (рис.11, 8), I Луговское (рис.11, 12), Ильичевское, сусканский комплекс поселения Екатериновка (11, 1). В Нижнем Поволжье кубок найден на поселении Ерзовка (рис.11, 10) в комплексе с керамикой со значительной долей черт позднеандоновского облика (Дьяченко А.Н., 1992).

Во всех случаях кубки отличаются от остальной керамики целым комплексом признаков, указывающих на существование керамической традиции, связанной, возможно, с древним архетипом или с особой, сакральной, категорией культурного обмена. И в том, и в другом случае подтверждается тесная связь волго-камской сусканской культуры с андроновским миром и значительная роль последнего в культурных процессах, протекавших в лесостепном поясе Евразии в позднем бронзовом веке.

Погребальные памятники сусканской культуры изучены в меньшей степени, чем поселения. На сегодняшний день к сусканской культуре можно отнести лишь небольшое число погребальных комплексов: группу захоронений могильника Такталачук на Средней Каме (Казаков Е.П., 1978), некоторые из погребений IV Соколовского могильника в зоне Куйбышевского водохранилища (Казаков Е.П., 1987), курган I могильника Студенцы на р.Сок (раскопки П.Ф.Кузнецова). Кроме того, сусканская керамика встречена в разрушенных погребениях могильника Екатериновка на берегу Саратовского водохранилища (Колев Ю.И., 1991. Рис.10, 1) и в Луговских курганах в Прикамье. От массы захоронений позднего бронзового века сусканские погребения отличается не только специфическая керамика, но и традиция захоронения умерших преимущественно на правом боку с ориентировкой в юго-восточный сектор, хотя встречаются и другие позы. В могильнике Студенцы I в кургане I обнаружено два захоронения. Обе могильные ямы были ориентирова-

ны по линии СЗ-ЮВ. Костяк сохранился полностью в центральном погребении 2. Погребенный был уложен на правый бок и ориентирован головой на ЮВ. Такую же позу и ориентировку можно предполагать по положению черепа для погребения 1 (рис. 13, 1-3). Сосуды из захоронений и сосуд из жертвенника над погребением 2 имеют весь набор характерных сусканских признаков (рис. 13, 4-6). Погребение с сусканским сосудом встречено при исследовании многослойного поселения Лебяжинка V на р.Сок (рис. 13, 7,8). Костяк подростка сохранился лишь частично, однако по расположению костей ног и таза можно судить о первоначальном положении погребенного скорченно на правом боку головой на ЮВ. Сходные ритуальные черты (юго-восточная ориентировка погребенных, положение на правом боку) отмечаются в позднем бронзовом веке у населения, оставившего памятники чернозерско-томского варианта андроновской культуры, а также в андронидной черкаскульской культуре (Косарев М.Ф., 1987. С.279-280; Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., 1995). Для сусканской культуры, как и для андроновских племен, характерно постепенное вытеснение традиционного курганного обряда бескурганскими некрополями. Курганные насыпи отличаются, как правило, небольшими размерами (Студенцы) или не фиксируются вовсе (Такталачук).

Хозяйственная и производственная деятельность сусканских племен еще нуждается в исследовании. Такой важный этнографический признак как форма жилых и хозяйственных построек реконструируется со значительными трудностями. Во многих случаях сусканским населением использовались заброшенные срубные поселки и их постройки. Достоверным представляется факт использования сусканцами жилых построек площадью до 250 кв.м (I Сусканское поселение), с чуть углубленным котлованом и одним-тремя очагами. Интересна постройка, изученная на поселении Русская Селитьба II (рис. 14, 1). Она имела прямоугольную форму и необычные для Поволжья тамбуры, примыкающие к длинной и короткой стенкам. В центре постройки обнаружены колодцы с великолепно сохранившимися конструкциями для облицовки их нижней части (рис. 14, 2).

Наиболее важным показателем новой эпохи, с которой связана сусканская культура, является металлообрабатывающее производство, получившее в середине II тыс. до н.э. мощный импульс со стороны сейминской культурной традиции. Как показывают исследования, с племенами, оставившими могильники сейминско-турбинского типа, связано начало распространения в Приуралье и в Волго-Окском регионе новых технологий бронзолитейного производства, а именно, замена мышьяковых бронз оловянными, использование сердечника для тонкостенного литья, замена проушных топоров на кельты, внедрение других новых типов орудий (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1987). Хотя деятельность сейминских литейщиков пришла по времени еще на срубную эпоху, в металлообработке срубной культуры новые технологии не нашли применения. Напротив, племена сусканской культуры, не связанные древними культурными традициями Поволжья, оказались более восприимчивы к инновациям. Не случайно расцвет производства орудий из оловя-

ных бронз - кинжалов и ножей с кольцевым упором, кельгов, желобчатых долот, наконечников копий с прорезными крыльями - совпадает в Волго-Камье с распространением памятников сусканской и родственной ей луговской культуры. Беспрецедентное количество бронзовых орудий, найденных в пределах Волго-Камья, устойчивое сочетание основных типов орудий в комплексах, ярко выраженные морфологические особенности этих орудий несомненно свидетельствуют о сложении мощного очага металлообработки - волго-камского или, по названию одного из известнейших памятников, дербеденевского. Если не по объему производства, то по самобытности и значению его можно поставить в один ряд с ингуло-красноярским и лобойковским очагами металлообработки в Поднепровье. При этом не находит подтверждения предположение о значительной роли последних в его формировании. Можно лишь согласиться с тем, что многие орудия из Поднепровья по своим технико-морфологическим особенностям являются подобием типичных волго-камских изделий.

Достаточно сложен вопрос о связи дербеденевского металлообрабатывающего очага с археологическими культурами Поволжья. Нельзя не учитывать уже упомянутой точки зрения Е.Н.Черныха о том, что в позднем бронзовом веке металлообрабатывающее производство начинает выходить за рамки отдельных культур, и кланы литейщиков-кузнецов стремятся обеспечивать своей продукцией обширные культурные регионы (Черных Е.Н., 1976. С.166-174). В какой-то мере это может оказаться справедливым и относительно дербеденевского производственного очага, продукция которого достигает достаточно удаленных регионов - Нижней Волги, Подонья и даже левобережного лесостепного Поднепровья. Однако основная область распространения дербеденевских изделий практически совпадает с ареалом сусканской культуры и близких ей культурных образований. Кроме того, нет пока надежных данных, которые бы подтверждали существование в металлообрабатывающем производстве Волго-Камья клановой структуры: невелико количество кладов, отсутствуют погребения литейщиков, не выявлены литейные мастерские и, тем более, поселения литейщиков. Поэтому более вероятным представляется, что дербеденевская металлообработка носит, по крайней мере, на первом этапе, характер домашнего производства. Его следы встречены на многих сусканских поселениях. В частности, на поселении Русская Селитьба найден обломок каменной литейной формы для отливки втульчатых наконечников стрел (рис. 16, 4), заготовка бронзового орудия с неснятыми литейными швами (рис. 15, 7).

Хотя свидетельств собственного металлообрабатывающего производства у племен сусканской культуры пока немного, факт использования продукции дербеденевского металлообрабатывающего очага преимущественно сусканским населением представляется бесспорным. Об этом свидетельствуют находки в сусканских комплексах ножей с упором-утолщением на II Карташихинском поселении, на территории Екатерининского могильника (рис. 15, 4), наконечников копий с прорезными крыльями у II Лебяжинского поселения (рис. 16, 2), дербеденевского кельта с лобным ушком на поселении Поплавское (рис. 16, 3). Последняя находка особенно

важна, так как обнаружена на дне постройки в комплексе с выразительной сусканской керамикой (рис. 12).

Значительное количество костей домашних животных в культурном слое поселений предполагает ведущую роль животноводства в экономике сусканского населения. В остеологических коллекциях преобладают кости овцы и крупного рогатого скота, встречается лошадь. Развитие коневодства выразилось также в появлении новых приемов - упряжи - с использованием стержневидных удил с взаимопересекающимися отверстиями вместо традиционных для эпохи ранней и средней бронзы дисковидных и желобчатых псалиев. Образец стержневидного псалия найден на I Сусканском поселении и представляет собой одно из наиболее архаичных изделий подобного типа (рис. 17, 1). Обломок псалия с взаимопересекающимися отверстиями найден на поселении Лебяжинка V (рис. 17, 2). Близкие сусканскому удила получают широкое распространение в культурах позднего бронзового века Восточной Европы (Смирнова Г.И., 1970; Mozsolics A., 1953). Возможно, что какое-то время продолжали использоваться и щитковые псалии, но расположение отверстий на них отвечало уже новым приемам упряжи и отличало их от древних дисковидных изделий. Пара подобных псалиев обнаружена в слое I Казангуловского поселения в Башкирии, содержащем помимо срубной керамики, керамику, близкую сусканской (Калинин В.К., Обьденнов М.Ф., 1975).

В сусканское время складываются некоторые новые приемы охоты и рыболовства, предполагающие использование массивных костяных наконечников стрел с плоским черешком (рис. 18, 3-5), луков с роговыми накладками (рис. 17, 7), роговых гарпунов с одним бородком (рис. 18, 1, 2). Близкий набор охотничье-рыболовческого снаряжения характерен для культур конца эпохи бронзы Волго-Камья и урало-западносибирского региона.

Формирование сусканской культуры и дербеденевского металлообрабатывающего очага положили начало первому этапу позднего бронзового века лесостепного Поволжья. Этот этап характеризуется доминирующей ролью восточных культурных импульсов. Его хронологические рамки определяются концом существования срубной культуры, с одной стороны, и хронологией родственных культурных образований, с другой. Наиболее сложным является вопрос о конечной фазе срубной культуры и о хронологическом ее соотношении с сусканской. Вопреки достаточно распространенной точке зрения о постепенной трансформации срубной культуры в сусканскую, исследование многочисленных срубных и сусканских памятников не дало никаких достоверных подтверждений этому. Более того, срубная керамика, сопутствующая на некоторых памятниках андроновидной сусканской, имеет ярко выраженные покровские черты, которые принято считать архаичным признаком. Этот факт вполне согласуется с тем обстоятельством, что все бесспорные даты срубной культуры не выходят за пределы микенско-сейминских параллелей, а, следовательно, за рамки XVI-XV вв. до н.э. Надежных стратиграфических данных нет, однако имеется немало косвенных признаков, указывающих на независимое происхождение срубных и сусканских комплексов. Есть и чисто сусканские памятники (II Лебяжинское поселение), и памятники, на которых сусканский и срубный ма-

териал различается планиграфически (поселения Русская Селитьба II, Поплавское). Вместе с тем, перечисленные факты не исключают возможности взаимодействия срубного и сусканского населения. Это взаимодействие носило, скорее всего, характер постепенного вытеснения или культурной ассимиляции срубников сусканскими племенами, стремительно осваивавшими лесостепное Волго-Камье.

На возможность взаимодействия сусканской культуры со срубной указывает и характер сусканских могильников, которые по некоторым признакам продолжают срубные некрополи, хотя и занимают на них особые участки, как в грунтовом могильнике Такталачук, или отдельные насыпи, как в могильнике Студенцы на р.Сок. Свидетельством контактов андронидной культурной традиции со срубной являются и поднепровские погребения с кубками.

К настоящему времени для сусканских памятников получено несколько радиоуглеродных дат, представленных в таблице.

Памятник	Лаб. номер	Дата
Р.Селитьба II, соор.3	ГИН-9425а	3320±40 л.н.
Р.Селитьба II, соор.2	ГИН-9425в	3270±40 л.н.
Лебяжинка V, погр.10	ГИН-9425б	3110±110 л.н.
Студенцы, кург.1, погр.2	Ох-4260	3350±70 л.н.

Учитывая рассмотренные факты, можно предполагать формирование сусканской культурной традиции уже в конце срубной эпохи, то есть в середине II тыс. до н.э., ориентировочно в XV в. до н.э. Этой дате не противоречат уже отмеченные сейминские истоки дербеденевско-сусканской металлообработки. На XV в. до н.э., как на возможную дату сложения сусканской культуры, указывают и типологические параллели дербеденевскому металлу среди изделий лобойковского металлообрабатывающего очага, и хронология родственных сусканской культуре андронидных памятников Зауралья и Западной Сибири. Верхний хронологический рубеж сусканских древностей определяется появлением на этой территории керамических комплексов с воротничковым оформлением венчиков сосудов (поселения Кайбелы, Атабаево, памятники межовского круга).

Памятники с атабаевской керамикой

Памятники с воротничковой керамикой атабаевско-кайбельского типа, сменявшие сусканские древности, пока немногочисленны (рис. 19). Наиболее исследованными остаются Атабаевское поселение в Прикамье, поселения Кайбельское и Нижняя Орлянка II (рис. 21-23) в Среднем Поволжье. Самостоятельный культурный комплекс образует воротничковая керамика на поселениях Винновка IV и Русская Селитьба II (рис. 20). Керамика с этих памятников характеризуется таким специфическим орнаментальным приемом, как утолщение венчика в виде широкого воротничка, уплощенного или подтреугольного (рис. 21, 2, 6, 7, 11; 22). Памятники атабаевско-кайбельского типа сформировались, видимо, на основе местных культурных традиций, а потому сохранили основные гончарные навыки культур позднего бронзового века Волго-Камья, в том числе плоскостность сосудов, гор-

шквидную форму, плавную тюльпановидную профилировку. На волго-камские истоки атабаевской керамики указывают и многие орнаментальные мотивы, восходящие к сусканско-андроновским образцам: косозаштрихованные треугольники, обращенные вершиной вниз, горизонтальная “елочка” и некоторые другие. В остальном атабаевская керамика достаточно своеобразна. Орнамент, покрывающий обычно горло и верхнюю часть тулова, выполнен гладким, реже зубчатым штампом, отпечатки которого образуют горизонтальные ряды косопоставленных оттисков, решетку, сетку. На некоторых сосудах горизонтальные ряды образованы круглыми ямочными вдавлениями, “жемчужинами”. Реже встречаются более сложные композиции из зигзагов, треугольников, а также налепной валик на шейке сосуда. Этот элемент орнаментации заимствован, возможно, у степной ивановской культуры, контакты с которой были достаточно интенсивны на юге лесостепной зоны. В целом же, атабаевско-кайбельская гончарная традиция оформлялась за счет постепенной утраты сусканской и родственной ей бальмско-карташихинской культурой наиболее архаичных андроновских черт. Этот процесс происходил, видимо, под некоторым влиянием местных традиций и степной валиковой культуры. Завершился он ориентировочно к XIII-XII вв. до н.э., что подтверждается и временем появления в Приуралье родственной межовской культуры.

Материальная культура племен, оставивших памятники с воротничковой керамикой, изучена пока недостаточно. Можно лишь предполагать, что она определялась теми же видами хозяйственной деятельности, что и в предшествующее сусканское время. Мало изменились навыки охоты и рыбного промысла. Для бронзолитейного производства были характерны в основном те же типы орудий и оружия, что и для сусканской металлообработки, что подтверждает их преемственность. Более того, разделение сусканского и атабаевско-кайбельского металлообрабатывающего комплексов представляет определенные трудности. По существу, атабаевско-кайбельские памятники образуют единый культурно-исторический пласт с сусканскими и бальмско-карташихинскими. Памятники с воротничковой керамикой завершают эпоху, начало которой дали сейминская металлургия и андроновский культурный импульс, и содержание которой было определено функционированием мощного волго-камского очага культурогенеза и металлообработки.

Культура степного региона

Памятники ивановской культуры

История степных районов Поволжья в позднебронзовом веке складывалась иначе, чем в лесостепи. Здесь, на обширной территории, охватывающей Поволжье, Подонье и левобережное Поднепровье, территории, занятой в середине II тыс. до н.э. срубной культурно-исторической общностью, в третьей четверти II тыс. до н.э. формируется ивановская культура, характеризующаяся, прежде всего, рельефной орнаментацией керамики. Валик, главная отличительная особенность этой керамики, характерен для целой свиты культур степной Евразии, распространившихся от Алтая до Дуная. В настоящее время эти культуры объединены в общность культур валиковой керамики (ОКВК) (Черных Е.Н., 1984). В этом археологическом об-

разовании отразился имевший место исторический феномен - формирование системы культурных, экономических, идеологических связей, объединивших степное скотоводческое население Евразии. Необычайно высокая степень интеграции населения огромного региона была обусловлена относительно подвижным образом жизни скотоводов, возросшим уровнем специализации хозяйственной деятельности и, следовательно, интенсивностью обменных связей. Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что культуры с валиковой керамикой формируются на базе родственных культур - мноваликовой, срубной, андроновской, что также способствовало образованию культурной и этноязыковой общности. Не только гончарные традиции, но и металлообработка в восточной зоне ОКВК представляет единую производственную и культурную традицию, что и дало исследователям основание для объединения металлообрабатывающего производства этого региона в единую Евразийскую металлургическую провинцию (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. С.266-267).

Каждая культура в системе ОКВК имеет набор элементов общевразийского характера, а также некоторые черты своеобразия, связанные с ее происхождением, культурным окружением, производственными и культурными связями. Это дает возможность, несмотря на достаточную неопределенность границ между валиковыми культурами, локализовать ивановскую культуру в пределах степной территории от левобережья Днепра до Урала. Именно этот регион в предшествующую эпоху был основной территорией распространения памятников срубной культурно-исторической общности. Поэтому представляется вполне вероятным, что традиции срубной культуры определенным образом отразились и в ивановских памятниках. Однако в основных своих чертах ивановские комплексы отличаются ярким своеобразием, позволившим исследователям бронзового века Поволжья еще в начале нынешнего столетия поставить вопрос о выделении их в особую культуру. В.А.Городцов предлагал именовать ее хвалынской по одному из наиболее известных к тому времени районов ее распространения (Городцов В.А., 1910). В 50-е годы О.А.Кривцова-Гракова установила более поздний возраст памятников с валиковой керамикой по отношению к классическим срубным древностям и синхронизировала их с Сосновомазинским кладом бронзовых орудий (Кривцова-Гракова О.А., 1948. С.161), открытие которого стало в свое время поводом для выделения особой хвалынской культуры. Однако в последующих работах О.А.Кривцова-Гракова включила валиковые комплексы и бронзовые орудия, подобные сосновомазинским, в поздний, хвалынский этап срубной культуры и тем самым отказалась от выделения в истории позднего бронзового века самостоятельной заключительной фазы (Кривцова-Гракова О.А., 1955. С.9-82). С этого момента валиковые комплексы Восточной Европы стали рассматриваться большинством исследователей в рамках срубной культуры. Однако позже в самостоятельную культуру были выделены сабастиновские валиковые памятники в Северном Причерноморье (Рыбалова В.Д. 1961. С.82; Шарафутдинова И.Н., 1968. С.19-34), алексеевско-саргаринские памятники Северного Казахстана (Зданович С.Я., 1979). Лишь в отношении Поволжья в связи с малочисленностью здесь памятников заключительного этапа эпохи бронзы до пос-

ледного времени сохранялось традиционное представление о валиковых комплексах как о позднесрубных. Рассматривать эти комплексы в рамках особой культуры стало возможным только благодаря исследованиям новых памятников и дополнительному анализу коллекций уже известных.

Ивановская культура - явление чисто степное. Наиболее изученными являются поселения Григорьевка в районе Самарской излучины и Танавское городище на правом берегу Волги в районе Саратова. Судя по этим памятникам, оставившее их население отдавало предпочтение при выборе места для поселка высоким береговым мысам, естественным образом защищенным овражными балками или излучиной реки (рис. 24). Своеобразие ивановской культуры проявилось прежде всего в гончарстве, которое характеризуется отчетливой стандартизацией технологии и морфологических признаков керамики. Сосуды плоскодонные, изготовлены из глины с примесью шамота и песка, имеют хорошо профилированное горло с отогнутым венчиком (рис. 25-28). На многих сосудах венчик выделен посредством утолщения в виде воротничка. Главную часть орнаментальной композиции большинства сосудов составляет налепной валик, опоясывающий горло сосуда или основание шейки в виде жгута, концы которого иногда свисают вниз. Налепной валик орнаментирован в свою очередь отпечатками штампа, которые придают ему сходство с веревкой или перевитым шнуром. Обычно сосуд орнаментирован одним, реже - двумя валиками. На некоторой части керамики валиковая керамика дополняется геометрическими композициями, выполненными отпечатками гладкого, реже - зубчатого штампа. Обычно это треугольники с вершинами, направленными вниз, на верхнюю часть тулова, а также горизонтальная "слочка". Характерен орнамент в виде круглых налепов и "жемчужин", выдавленных с внутренней стороны сосуда, которые встречаются на некоторой части керамики. Подобные элементы в восточной зоне ОКВК и в лесостепной зоне Поволжья на памятниках воротничкового типа (атабаевско-кайбельских).

С культурами восточной зоны ОКВК ивановскую группу памятников роднят не только гончарные традиции, но и набор бронзовых орудий, который коренным образом отличает валиковые культуры от предшествующей эпохи. Среди основных орудий - кельты, желобчатые долота, серпы-косари, кинжалы с прорезной рукоятью. Большинство орудий изготовлено из оловянных бронз, распространение которых, по мнению специалистов, маркирует начало эпохи поздней бронзы, наряду с появлением техники тонкостенного литья (Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1987. С. 102-103). Однако эти черты металлообработки позднего бронзового века проявляются в полной мере лишь со сменой традиционных культур позднего бронзового века - многоваликовой, абашевской, срубной, алакульской - новыми культурными образованиями, относящимися, по принятой терминологии, к заключительной фазе бронзового века.

Территория распространения памятников ивановской культуры не ограничена Поволжьем. Сходные с ивановскими памятники исследованы на Среднем Дону, Северском Донце, в левобережном Поднепровье. В степном Поволжье валиковые комплексы встречаются вплоть до полупустынных районов Северного Прикаспия

(Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф., 1986), хотя незначительные размеры этих коллекций не позволяют дать им строгое культурно-историческое определение. В Нижнем Поволжье наиболее исследованным является поселение Ерзовка, в материалах которого отчетливо проступают восточные, алексеевско-саргаринские черты.

Проникают ивановские традиции и в северные лесостепные районы Поволжья и Приуралья. Именно влиянием степной ивановской культуры объяснялось долгое время появление валиковой керамики на некоторых памятниках лесостепного Волго-Камья. Наличие рельефной орнаментации на некоторых сосудах I Сусканского поселения вызвало в свое время ошибочное представление об этом памятнике как об ивановском. Однако материалы других поселений с хорошо сохранившимся культурным слоем, исследованных в пограничье степи и лесостепи указывают на более сложный характер взаимоотношения двух культурных традиций - сусканской и ивановской. Следы взаимодействия этих культур обнаружены на сусканских поселениях Шигоны II (Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995. Рис.25), Екатериновка (рис.25, 11-15), где среди сусканской керамики встречены и типично ивановские сосуды. На поселении Нижняя Орлянка II, кроме материалов лесостепных волго-камских культур, собрана значительная коллекция ивановской керамики (рис.25, 1-10). Есть ивановские сосуды и на поселении Русская Селимба II, основная часть материалов которого относится к лесостепным культурным типам - сусканскому и воротничковому. Ни на одном из этих памятников ивановские материалы не связаны со сколь-либо выраженным культурным слоем. Нет данных и о взаимодействии ивановской традиции на сусканское гончарство. Валики, имеющиеся на некоторых сусканских сосудах, отличаются от ивановских рядом морфологических признаков, а именно формой, расположением, орнаментацией, той ролью, которая им отводилась в орнаментальной композиции. Их происхождение связано, вероятно, с рельефной орнаментацией протоандроновской керамики Зауралья (кротовской) и волго-камской керамики чирковско-сейминского типа. Более определенным представляется влияние ивановских традиций на воротничковую керамику, на которой андроновские мотивы постепенно уступают место степным валиковым. На сусканском же этапе ивановские и лесостепные традиции сохраняют свою самобытность. Характерно, что на поселении Шигоны II сусканские и ивановские сосуды приурочены к различным постройкам.

Несколько более существенной представлялась роль лесостепных, сусканских в том числе, традиций в истории степных ивановских племен. Обращает на себя внимание значительное число черт андроновского происхождения в орнаментации ивановской керамики. Это и заштрихованные треугольники, обращенные вершиной вниз, и горизонтальная "елочка", и некоторые особенности орнаментальных композиций. Андроновские традиции могли проникнуть в ивановское гончарство как из лесостепного Волго-Камья, так и с востока - через алексеевско-саргаринскую культуру, формировавшуюся с активным участием андроновского (федоровского) населения (Зданович Г.Б., 1988. С.148).

В Поволжье воздействие лесостепных культурных традиций на формирование ивановской культуры выразилось не только в гончарстве, но и в приемах металлообработки. Орудия труда из бронзы, характерные для ивановского населения, в значительной мере повторяют изделия волго-камского металлообрабатывающего очага, а в некоторых случаях, возможно, являются продукцией металлургов лесостепного региона. Известные на территории ивановской культуры кельты с боковыми и лобным ушком, желобчатые долота, кинжалы с прорезной рукоятью типа сосновомазинских, ножи с кольцевым упором, все эти орудия в еще большей степени характерны для лесостепного Волго-Камья. Наиболее вероятными прототипами этих орудий являются сейминские изделия. Сейминским мастерам принадлежит и приоритет в использовании оловянных бронз, и идея использования сердечника для тонкостенного литья. Если учесть, что продукция сейминских металлургов не выходила за пределы лесостепной зоны, то будет вполне вероятным предположение о том, что основные идеи сейминского металлообрабатывающего производства были заимствованы степными металлургами у лесостепного населения. Как уже говорилось выше, наиболее вероятным преемником сейминской металлообрабатывающей традиции в лесостепном Поволжье были андроновидные культуры, в том числе сусканская, с которой ивановское население могло контактировать непосредственным образом.

Обмен техническими идеями, орудиями, приемами труда был возможен в условиях тесных контактов двух групп населения: лесостепного сусканско-атабаевского и степного ивановского. Взаимодействию культур способствовали и некоторые общие черты материальной культуры, основанные на некоторых сходных формах хозяйственной деятельности. Охота, занимавшая значительное место в жизни сусканских и ивановских племен, развивалась у них, видимо, в сходном направлении. У ивановских племен, как и у сусканских, совершенствование колчанного набора приводит к появлению роговых накладок на концы лука (рис. 17, 6) и крупных роговых наконечников стрел с овальным сечением и плоским черешком (рис. 18, 6, 7). Коневодство, ставшее одной из основных хозяйственных отраслей, идет в своем развитии по пути внедрения новых приемов управления лошастью. Об этом свидетельствует распространение новых типов псалиев, сходных с сусканским-стержневидных, с взаимопересекающимися отверстиями. Образец такого псалия найден на поселении Постников Овраг (рис. 17, 3).

Несмотря на указанные параллели в развитии ивановской и сусканской культур, каждая из них сохраняет особенности, связанные с условиями формирования, ландшафтной средой, культурным окружением. В ивановской культуре, в частности, не могли не отразиться общие для скотоводческого населения культурные традиции. В отличие от оседлого лесостепного населения, ивановские племена почти не оставили значительных по размерам и мощности культурного слоя поселений. Для них характерны небольшие кратковременные селища со слабо выраженными остатками наземных построек, для сооружения которых использовались иногда заброшенные жилища срубного времени. Развитие животноводства в засушливых степ-

ных и полупустынных районах Поволжья требовало заготовок кормов на длительный период. Возможно, специфические для валиковых культур серпы-косари со сновомазинского типа служили для рубки веток и мелкого кустарника на корм скоту.

Погребальный обряд ивановской культуры остается до сих пор мало изученным. В Поволжье до сих пор были известны лишь сосуды с валиковой орнаментацией из разрушенных погребений (рис. 29, 5-7). Лишь сравнительно недавно П.Ф.Кузнецовым были исследованы два грунтовых захоронения у с. Утевка рядом с курганами VI Утевского могильника (рис. 29, 1). Погребения совершены в неглубоких подпрямоугольных ямах. Лишь в одном из них сохранился костяк, лежавший головой на ЮВ на правом боку (рис. 29, 2). У головы погребенного находился сосуд с характерным налепным валиком (рис. 29, 4). Интересно, что ориентировка и положение костяка в изученных погребениях сходны с погребальными традициями сусканского населения. Очень скудны сведения о могильниках этого времени и в урало-казахстанском регионе (Зданович С.Я., 1979; Варфоломеев В.В., 1989; Варфоломеев В.В., 1991). Не исключено, что для погребального обряда степных валиковых культур, в том числе ивановской, не был характерен обычай сооружения курганных насыпей и больших некрополей, традиционный для культур позднего бронзового века.

Проблема хронологии ивановских памятников является одной из наиболее сложных. Нижним хронологическим репером являются поздние даты срубной культуры, которая предшествовала ивановской, и время существования которой документированно подтверждается лишь в очень узких пределах XVI-XV вв. до н.э. На это же время приходится появление оловянистых бронз и сейминской металлообработки, которые и положили начало формированию новых культурных и металлообрабатывающих традиций. Сколько времени продолжался этот процесс, можно лишь предполагать. Однако наличие смешанных сусканско-ивановских комплексов и некоторое сходство погребальной обрядности дает право предположить, что ивановская культура складывается не намного позже лесостепной сусканской, то есть нижним ее хронологическим пределом является, скорее всего, рубеж XV-XIV вв. до н.э. или XIV - начало XIII в. до н.э. Заметное сходство ивановской керамики с воротничковой, атабаевско-кайбельской, позволяет их уверенно синхронизировать. Видимо, основная часть истории ивановских племен приходится уже на это время, на XIII-XII вв. до н.э. Определить верхнюю дату существования ивановской культуры еще более сложно, так как она не находит продолжения ни в одной из известных культур, и судьба племен, оставивших ивановские памятники, остается неизвестной. Вероятно, они, как и многие другие племена позднего бронзового века вынуждены были покинуть традиционные места обитания вследствие резкой аридизации климата в конце II тыс. до н.э. Одновременно угасают традиции рельефной орнаментации керамики в лесостепном Поволжье. Таким образом завершается первый период заключительного этапа бронзового века, содержание которого в степных районах определяли ивановские племена, а в лесостепном Волго-Камье сусканская и родственные ей андроновидные культуры, а затем атабаевско-межовские памятники.

Памятники конца эпохи бронзы

К концу II тыс. до н.э. культурно-историческая ситуация в Поволжье резким образом меняется. Особенно отчетлива смена культурных традиций в лесостепном Волго-Камье. В Нижнем Поволжье этот процесс менее выражен и, тем не менее, очевиден тот факт, что к рубежу II-I тыс. до н.э. валиковая ивановская культура полностью утрачивает свое значение. Есть несколько возможных причин, вызвавших смену основных культурных типов в регионе. Во-первых, отмечаемая исследователями аридизация климата в восточной зоне Евразии вызвала ксеротермические явления, особенно отчетливо сказавшиеся на характере ландшафтов Западной Сибири и Зауралья (Иванов И.В., Демкин В.А., Губин С.В., 1980; Косарев М.Ф., 1981. С.20-21). В этом регионе наблюдается сокращение зоны лесов, и лесостепное Волго-Камье переживает новую волну миграции урало-западносибирского населения. Во-вторых, теряет былую мощь волго-камский металлообработывающий очаг как единая система добычи, обмена, выплавки металла, снабжения бронзовыми орудиями населения Поволжья, как система культурных связей. Культурная интеграция уступает место дезинтеграционным процессам, которые привели к изменению демографической и этнокультурной карты региона.

Новая волна приуральского населения оставила свой след на поселениях Гривка, Красные Пески на р.Б.Кинель, поселениях у сел Мордово и Кольцово на Самарской Луке. Новые приуральские традиции выразились прежде всего в керамике этих памятников, относящихся к рубежу II и I тыс. до н.э. Сосуды еще остаются плоскодонными, но отличаются значительным количеством толченой раковины в формовочной массе, тонкостенностью, формой. Для них характерна сильно профилированная шейка, отогнутый венчик, округлое раздутое тулово. Сосуды богато орнаментированы. Орнамент покрывает срез венчика, шейку и верхнюю часть тулова и состоит из отпечатков гладкого и мелкозубчатого штампа. Основные орнаментальные мотивы: двойной и тройной зигзаг, горизонтальные линии и насечки, заштрихованные треугольники с “бахромой”, “флажки”, горизонтальная многорядная “елочка”, сдвоенные и строенные каплевидные насечки. С гончарными традициями предшествующей эпохи можно предположительно связывать обычай оформлять венчик в виде уплощенного подтреугольного воротничка, орнаментированного отпечатками штампа (рис.30). Кроме того, на некоторых сосудах имеются глубокие округлые ямки, опоясывающие горло сосуда. Иногда эти ямки расположены парами, что характерно для последующей маклашеевской эпохи. Описанные памятники весьма немногочисленны, но вместе с однотипными так называемыми староянзигитовскими памятниками Приуралья и наргындинскими поселениями Средней Камы они составляют если не единую культурную группу, то, во всяком случае, особый культурный пласт, знаменующий переход к культурам предананьинской эпохи.

Одной из культур новой, предананьинской эпохи является маклашеевская. Ее памятники известны в Усть-Камье и на Нижней Белой примерно с XV в. до н.э. В Поволжье памятники маклашеевской культуры распространяются, в основном, по

бассейну р.Сок вплоть до Самарской Луки (рис.31). Учитывая, что в этих же районах сосредоточены памятники типа Гривки и Старо-Янзигитово, можно предполагать формирование маклашеевской традиции в указанном регионе.

Несмотря на некоторые черты, унаследованные от предшествующей эпохи, маклашеевская культура отличается ярким своеобразием. Маклашеевские поселения устраивались на высоких, естественным образом укрепленных мысах. Для них характерны наземные дома со столбовой конструкцией. Самую массовую категорию находок составляет керамика, отличающаяся круглодонностью, обильной примесью толченой раковины в глиняном тесте, тонкостенностью (рис.32-37). В форме и орнаментации маклашеевской керамики уже проявляются особенности последующей ананьинской эпохи. Абсолютное большинство сосудов имеет шаровидную форму с округлыми выпуклыми боками и цилиндрическим горлом. Срез венчика плоский, иногда орнаментированный. Орнамент покрывает, как правило, только шейку сосуда, значительно реже встречается орнаментальная полоса на плечиках. Орнамент наносился гладким и мелкозубчатым штампом, реже - шнуром, уголковыми вдавлениями штампа. Основные элементы орнамента: двойной и тройной зигзаг, иногда с поперечной штриховкой, косая решетка, зигзаг с "бахромой". Характернейший орнаментальный мотив - горизонтальные ряды глубоких ямочных вдавлений, образующих иногда "жемчужины" с внутренней стороны. Эти вдавления расположены, как правило, группами по два-три в нижней части шейки, образуя иногда треугольники.

В маклашеевскую эпоху волго-камское население переходит к обычаю хоронить умерших без курганных насыпей. Этот обряд сохраняется и в последующее время. Происходит переход от скорченного к вытянутому труположению погребенных. Характерной чертой погребального обряда становится жертвенный костер; сосуды помещаются обычно не в могильную яму, а над ней (Халиков А.Х., 1980).

Хозяйство маклашеевских племен изучено недостаточно. Можно лишь отметить значительную роль домашнего скота, кости которого обычно сопровождают погребенных. Развитие коневодства приводит к появлению нового типа псалиев - роговых стержневидных, с отверстиями, расположенными в одной плоскости. Можно также предполагать некоторое развитие земледелия, о котором свидетельствуют находки терочных плит, кремневых серповидных ножей. О значении охоты в хозяйстве маклашеевских племен можно судить по многочисленным кремневым накопечникам стрел. Широкое использование костяных и кремневых орудий компенсировало в какой-то степени некоторый упадок бронзолитейного производства. Из бронзы изготавливаются преимущественно украшения: очковидные подвески, круглые бляхи, пронизи.

Культура населения Поволжья в начале I тыс. до н.э. не оставалось неизменной. В гончарстве маклашеевских племен уже на ранней стадии развития проявилось влияние носителей текстильной гончарной традиции. По мнению многих исследователей, культуры текстильной или сетчатой керамики, оформившись в основном в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье, в начале I тыс. до н.э. распростра-

няют свое влияние на обширную территорию лесной зоны Восточной Европы вплоть до Прибалтики на западе и Волго-Камья на востоке. Практикуя, видимо, более гибкие формы хозяйства, основанные на земледелии, они потеснили раннескотоводческие племена, испытывавшие определенный кризис, связанный не в последнюю очередь с неблагоприятными для скотоводства климатическими изменениями. Комплексы текстильной керамики встречаются на некоторых поселениях эпохи поздней бронзы уже в маклашеевское время. Крайним юго-восточным пунктом распространения текстильной традиции является поселение Нижняя Орлянка II на р. Сок (рис. 37).

Характерная особенность текстильной посуды - отпечатки ткани или их имитация на поверхности некоторых сосудов. Керамика лепная, грубо изготовленная, почти неорнаментированная. В различных районах распространения текстильная керамика имеет свои особенности, связанные с этно-культурным окружением и местными культурными традициями. Волго-камская текстильная керамика отличается широким использованием ямочных вдавлений, сравнительно небольшим количеством сосудов с отпечатками ткани. На поселении Н. Орлянка II отпечаток обнаружен лишь на одном фрагменте придонной части сосуда (рис. 37, 8). Остальная керамика гладкостенная, венчики у сосудов отогнуты наружу, бока округлые. Значительная часть поверхности сосудов или, по крайней мере, горла покрыта рядами глубоких ямочных вдавлений.

Появление текстильной керамики в северо-западных районах Самарского Поволжья определило своеобразие развития местной культуры в раннем железном веке. На основе местных культурных традиций конца эпохи бронзы и под определенным влиянием культуры текстильной керамики в Самарском Поволжье, в основном на территории Самарской Луки, в VII - VI вв. до н.э. складывается одна из культур раннеананьинской общности, известная по памятникам белогорского типа.

Менее заметным было участие в истории лесостепного Поволжья культуры урало-западносибирского происхождения, оставившей комплексы круглодонной керамики подобные тем, что обнаружены на поселениях Нижняя Орлянка II и Шигоны II (рис. 38). Этими памятниками и ограничиваются сведения о распространении в Поволжье нового культурного типа, имеющего некоторые, далеко не безусловные, параллели с зауральскими культурами конца бронзового - начала железного века (носиловской, байтовской) (Стоянов В.Е., 1975. С.77-79, 123-125; Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. С.37. Рис.19,20).

Если в лесостепном Поволжье заключительный этап бронзового века достаточно насыщен событиями, то степные районы, видимо, испытали в конце II тыс. до н.э. некоторое запустение. Единственным свидетельством повторного заселения Поволжья в конце бронзового века могут быть памятники нурского типа, представлявшие собой недолговременные донные со слабо выраженным культурным слоем и небольшим количеством керамики в нем. Керамика нурского типа отличается хорошим обжигом, придающим ей красноватый оттенок, примесь песка и

шамота в глиняном тесте, профилировкой сосудов - слабо раздутым туловом, резко отогнутым или грибовидным венчиком, орнаментацией, состоящей из защипов, "жемчужин", ямок, расположенных на венчике или шейке. Встречаются сосуды с валиками, разделенными глубокими защипами (Агапов С.А., Васильев И.Б., 1976. С.121, рис.15).

Датировка и этнокультурная принадлежность нурских памятников остаются до конца не выясненными. Однако характер нурских стоянок, особенности керамики, сочетающей черты гончарных традиций заключительного этапа эпохи бронзы и раннего железного века, позволили исследователям предположить, что нурские памятники демонстрируют один из моментов становления раннекочевнической культуры киммерийско-савроматского типа (Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П., 1983. С.28). Именно в эту эпоху в восточной части Евразии распространяются гончарные комплексы, близкие нурским, и намечается переход от культур скорченных захоронений к традиции погребения умерших в вытянутом на спине положении. Именно с такими погребениями так называемого переходного типа, выделенными в Нижнем Поволжье К.Ф.Смирновым (Смирнов К.Ф., 1964. С.26-33), Н.К.Качалова связала нурские памятники, объединив их в самостоятельную культурную группу (Качалова Н.К., 1989. С.33-47). Впоследствии был поднят вопрос о связи нурских памятников с историческими киммерийскими племенами (Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993). Однако, подтвердить или опровергнуть это предположение могут только новые памятники и исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С.А., Васильев И.Б.*, 1975. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып.2. Куйбышев.
- Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина А.П., Семенова А.П.*, 1983. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневожской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев.
- Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р.*, 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.
- Варфоломеев В.В.*, 1989. Погребения эпохи поздней бронзы могильника Шоиндыколь // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда.
- Варфоломеев В.В.*, 1991. Саргаринские могильники Сары Арки // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа.
- Васильев И.Б., Иванов В.А.*, 1979. О южной границе предананьинской общности // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф.*, 1986. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П.*, 1985. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев.
- Городицов В.А.*, 1910. Бытовая археология. Курс лекций. М.

- Дьяченко А.Н., 1992. Поселение Ерзовка-I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып.3. Саратов.
- Зданович Г.Б., 1988. Бронзовый век урало-казахстанских степей (периодизация и хронология). Свердловск.
- Зданович С.Я., 1979. Саргаринская культура - заключительный этап бронзового века в Северном Казахстане. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Иванов И.В., Демкин В.А., Губин С.В., 1980. Эволюция почв юго-востока Европейской части СССР в голоцене // Генезис, плодородие и мелиорация почв. Пушину.
- Казаков Е.П., 1978. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья (Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции ИА АН СССР, вып.2. Работы Татарского отряда). Казань.
- Казаков Е.П., 1988. Отчет о работах Раннеболгарской археологической экспедиции в зоне Куйбышевского водохранилища в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р.1, 11890.
- Казаков Е.П., 1992. Соколовские могильники эпохи бронзы и их относительная датировка // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа.
- Калинин В.К., Обьеденнов М.Ф., 1975. Исследование поселения эпохи бронзы на реке Деме // Очерки истории дореволуционной России. Уфа.
- Ковалева И.Ф., Волковой С.С., 1976. Новые памятники маевского типа срубной культуры // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., Волковой С.С., Костенко В.И., Шелобудов В.Н., 1978. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза "Самарский" // Курганные древности степного Поднепровья III-II тыс. до н.э. Днепропетровск.
- Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М., 1981. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск.
- Колев Ю.И., 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Колев Ю.И., 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е., 1995. Многослойное поселение эпохи неолита — позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на р. Сок (предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара.
- Коряжова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991. Проблемы методики исследований древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III. Свердловск.
- Косарев М.Ф., 1987. Северные варианты андроновской культурной общности // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Косарев М.Ф., 1981. Бронзовый век Западной Сибири. М.
- Кривцова-Гракова О.А., 1948. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. Вып. XVII.

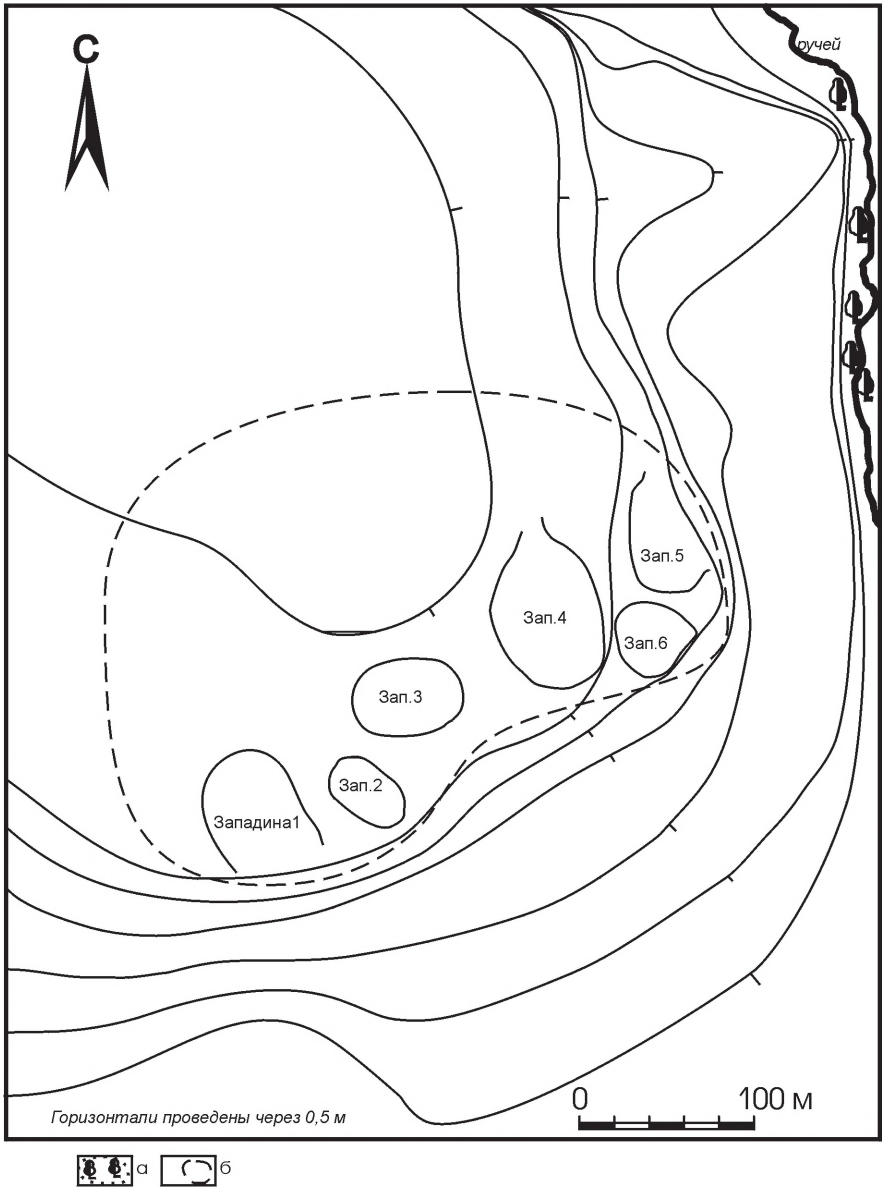
- Кривцова-Гракова О.А.*, 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 46.
- Кузьмина Е.Е.*, 1974. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы // В глубь веков (археологический сборник). Алма-Ата.
- Мерперт Н.Я.*, 1961. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 58.
- Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д.*, 1979. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф.*, 1995. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург.
- Рыбалова В.Д.*, 1961. О связях Правобережной степной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Л.
- Смирнова Г.И.*, 1970. Псалии типа Борияш в культуре Ноа // КСИА. Вып. 123.
- Стоянов В.Е.*, 1975. Носиловское поселение (О зауральских памятниках начала раннего железного века) // Вопросы археологии Урала. Вып. 13. Свердловск.
- Халиков А.Х.*, 1980. Приказанская культура. САИ. Вып. В1-24.
- Черных Е.Н.*, 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.
- Черных Е.Н.*, 1984. Общность культур валиковой керамики Евразии (к постановке проблемы) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.*, 1987. Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.
- Шарафутдинова И.Н.*, 1968. К вопросу о сабашиновской культуре // СА. □3.
- Mozsolics A.*, 1953. Mors en bois de serf sur le territoire du bassin des Carpathes // Acta archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest.

К карте распространения памятников сусканской культуры.

1 – Екатериновка I, сел.; 2 – Екатериновка, уч.III, грунт.мог.; 3 – Воскресенка II, сел.; 4 – Шигоны II, сел.; 5 – Данилово Озеро, сел.; 6 – Моечное Озеро, сел.; 7 – Монашеский хутор, м/нах.кер.; 8 – Нур, м/нах. кер.; 9 – Поплавское, сел.; 10 – Сусканское I, сел.; 11 – Константиновка-Алмазовка, м/нах.кер.; 12 – Булькиновка III, сел.; 13 – Шабановка, м/нах.кер.; 14 – Алмазовка I, сел.; 15 – Борма, кельт; 16 – Красный Яр II, сел.; 17 – Лужки VIII, сел.; 18 – Лужки VII, сел.; 19 – Раковский монастырь, сел.; 20 – Лебяжинка V, сел.; 21 – Лебяжинка II, сел.; 22 – Лебяжинка, наконечник копья; 23 – Гундоровка, сел.; 24 – Русская Селитьба II, сел.; 25 – Попово озеро, сел.; 26 – Чесноковка I, сел.; 27 – Нижняя Орлянка II, сел.; 28 – Студенцы, кург.мог.; 29 – Красноярка II, сел.; 30 – Старо-Ермаково, сел.; 31 – Гривка, сел.; 32 – Осиновые Ямы, сел.; 33 – Венера I, сел.

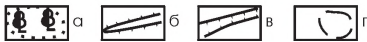
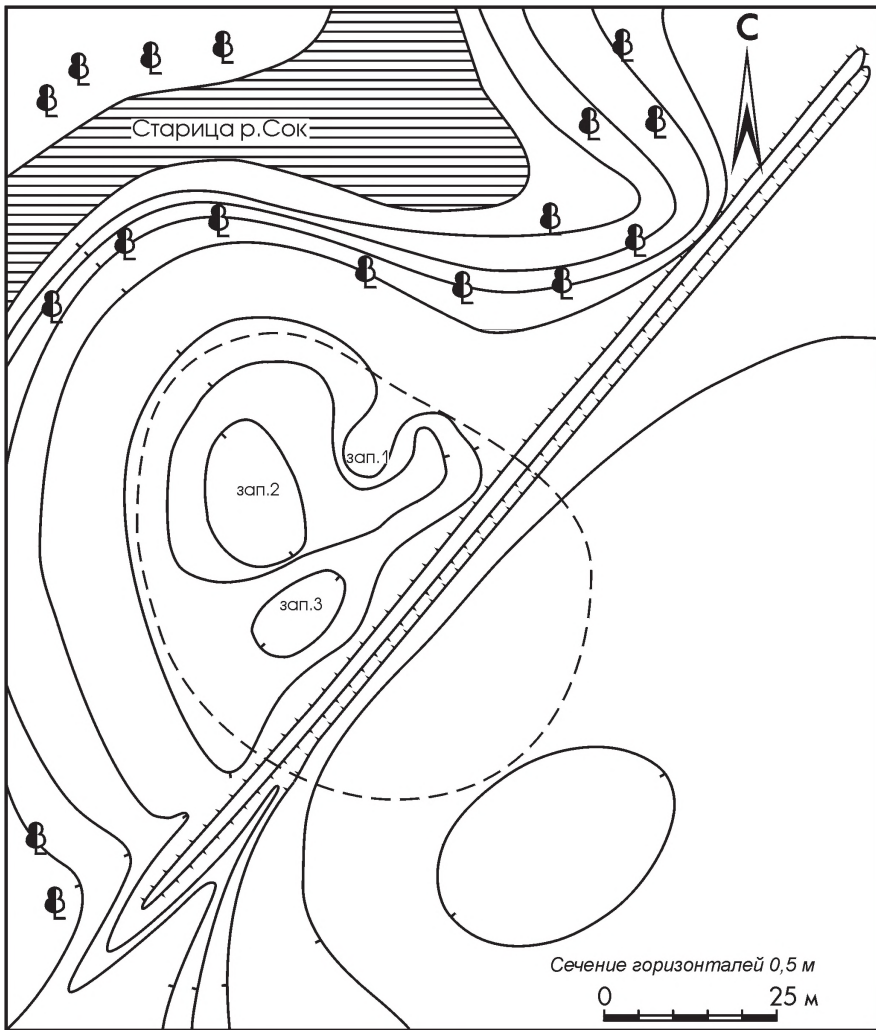
Рис.1. Карта распространения памятников сусканской культуры.

Условные обозначения:

а - лиственный лес; б - примерные границы поселения.

Рис.2. План поселения Русская Сельтьба II.

Условные обозначения:
а - лиственный лес; б, в - современные вал и ров; г - примерные границы поселения.

Рис.3. План поселения Нижняя Орлянка II.

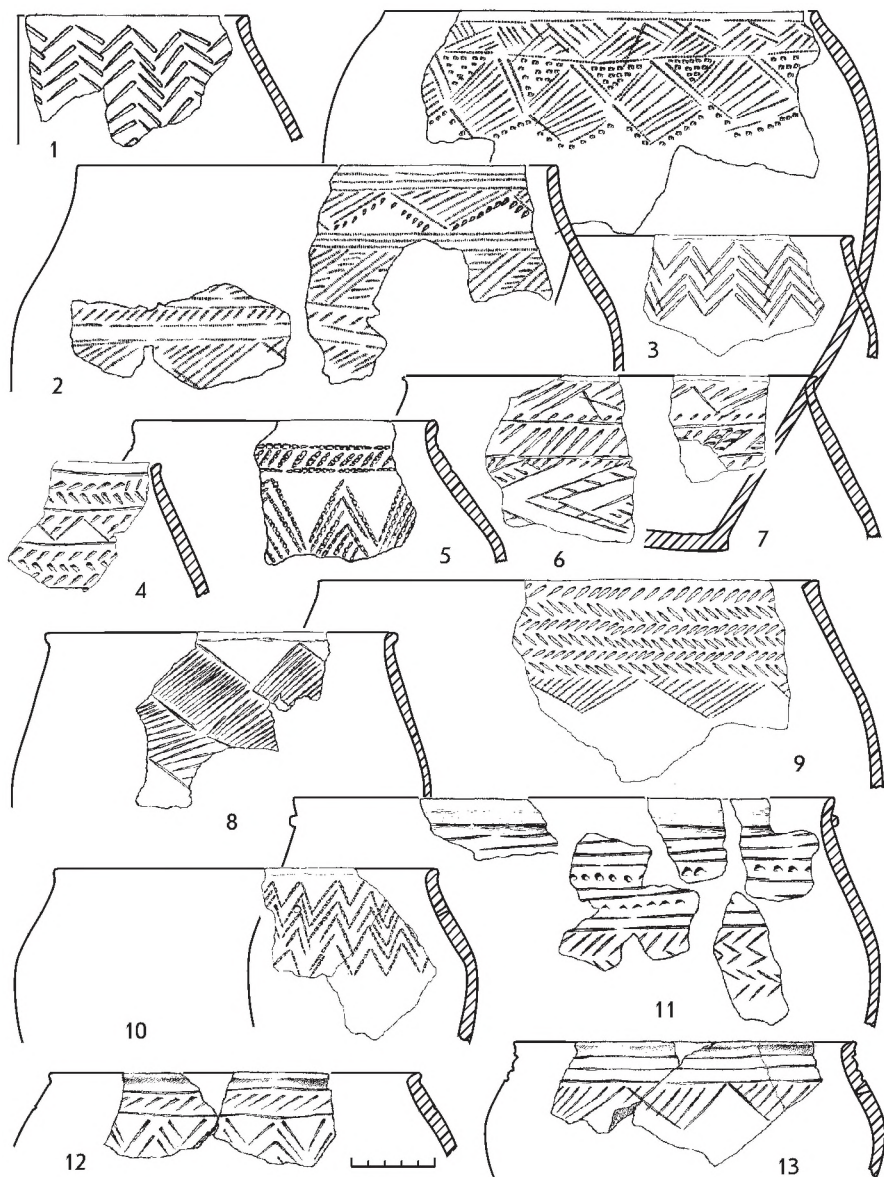

Рис.4. Сусканская керамика с поселений р.Сок.

1,2,7 – Попово Озеро; 3,5,6,8-10 – Лебяжинка V; 4 – Русская Селитьба; 11 – Чесноковка I; 12,13 – Гундоровка.

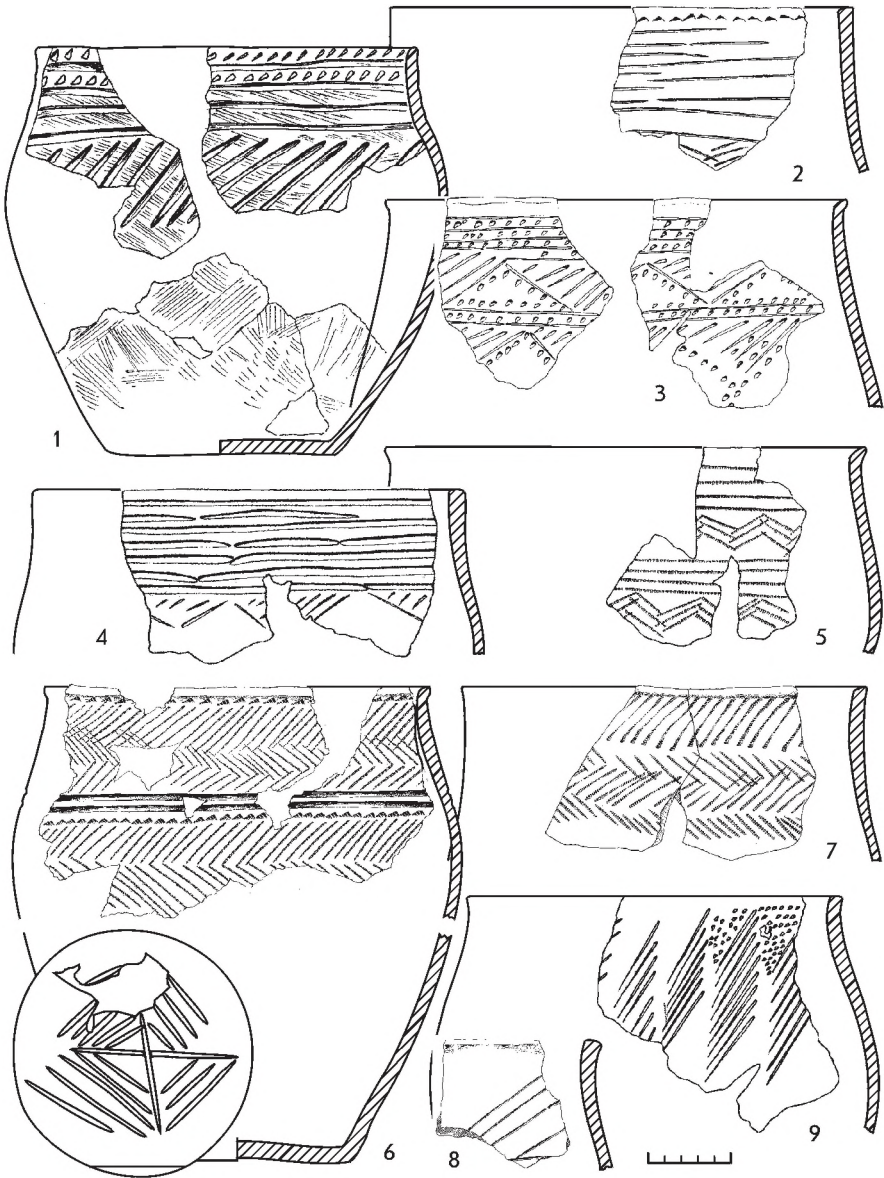

Рис.5. Сусканская керамика с поселений р.Сок.

1,3,6,8,9 – Лебяжинка V; 2,4 – Попово Озеро; 5 – Чесноковка I; 7 – Русская Селитьба II.

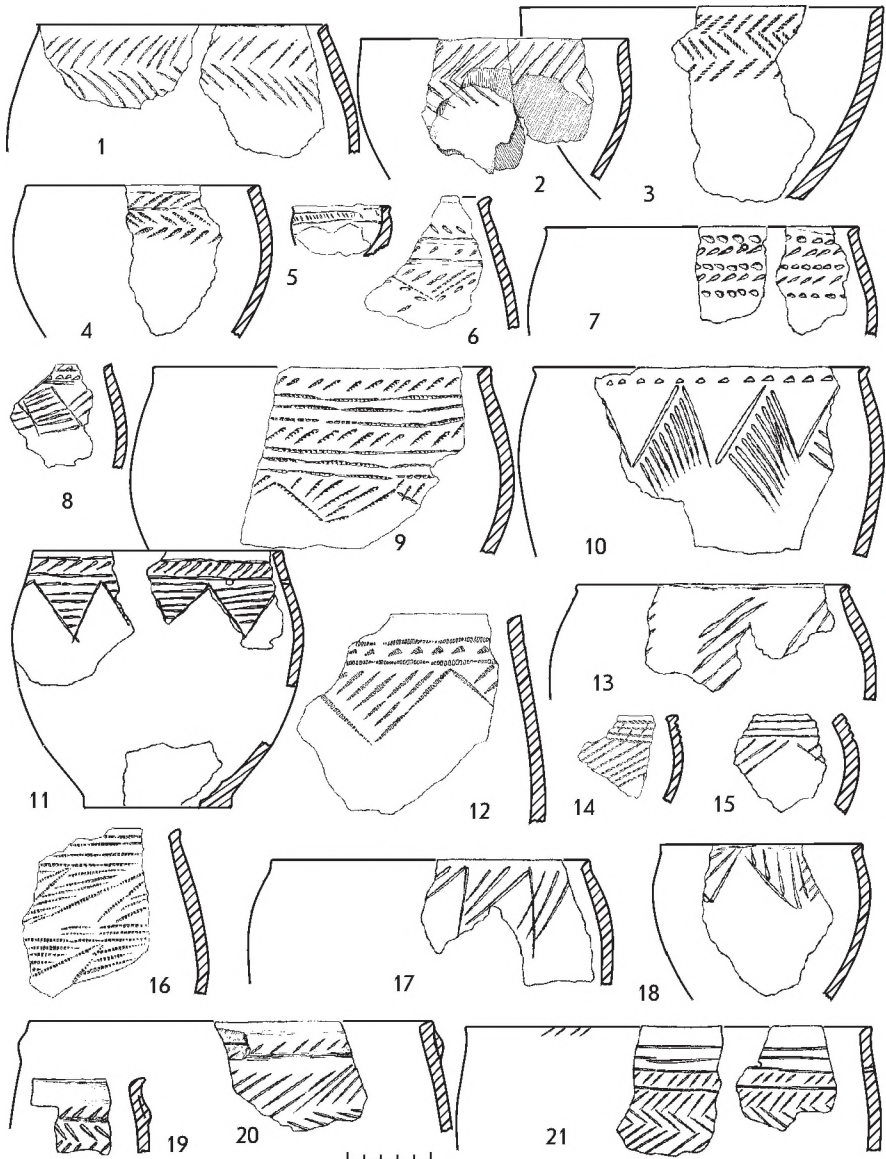

Рис.6. Сусканская керамика с поселений р.Сок.

1,2,4-8,10-14,18 – Лебяжинка V; 3, 9, 17 - Попово Озеро; 15 - Гундоровка; 16 – Русская Селитьба II; 19-21 – Чесноковка I.

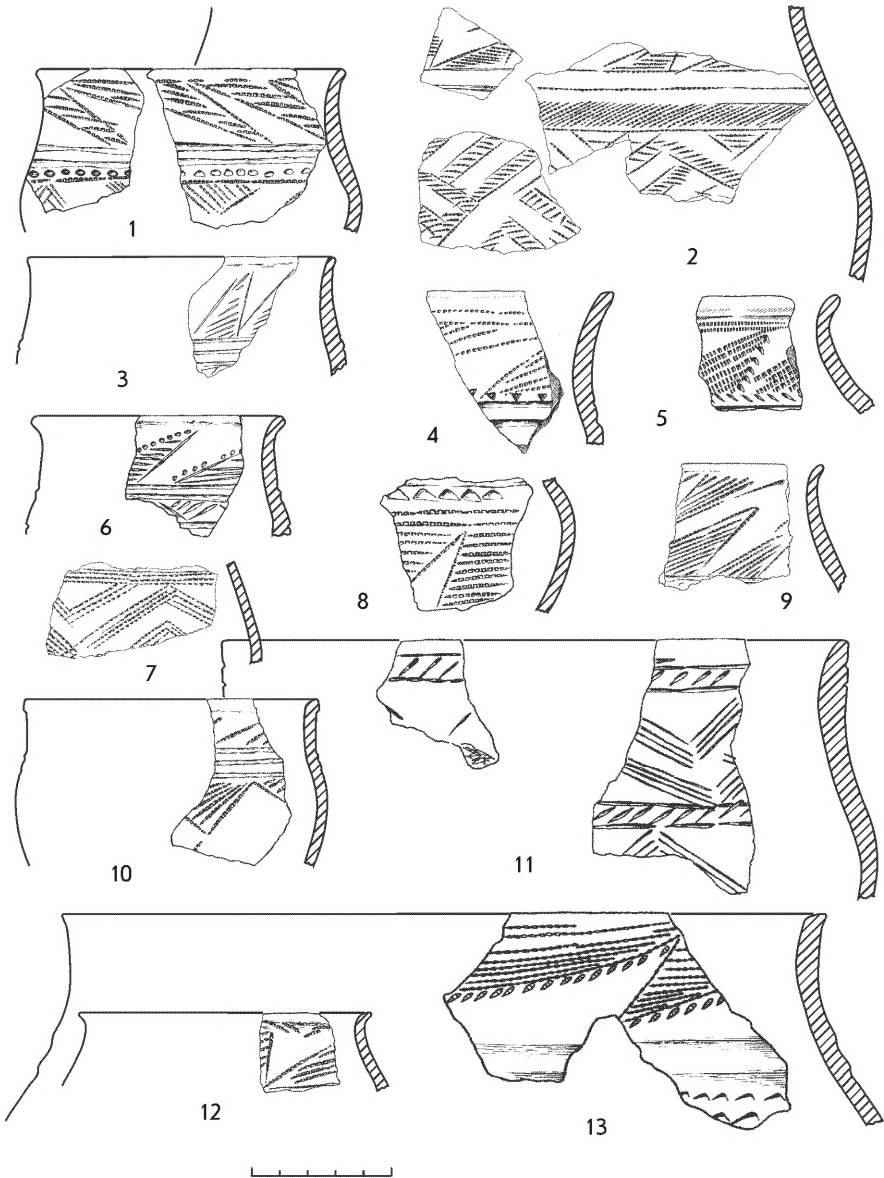

Рис.7. Керамика андроновского (федоровского) облика с сусканских поселений.

1-10, 12 - Лебяжинка V; 11 - Русская Селитьба II; 13 - Лебяжинка II.

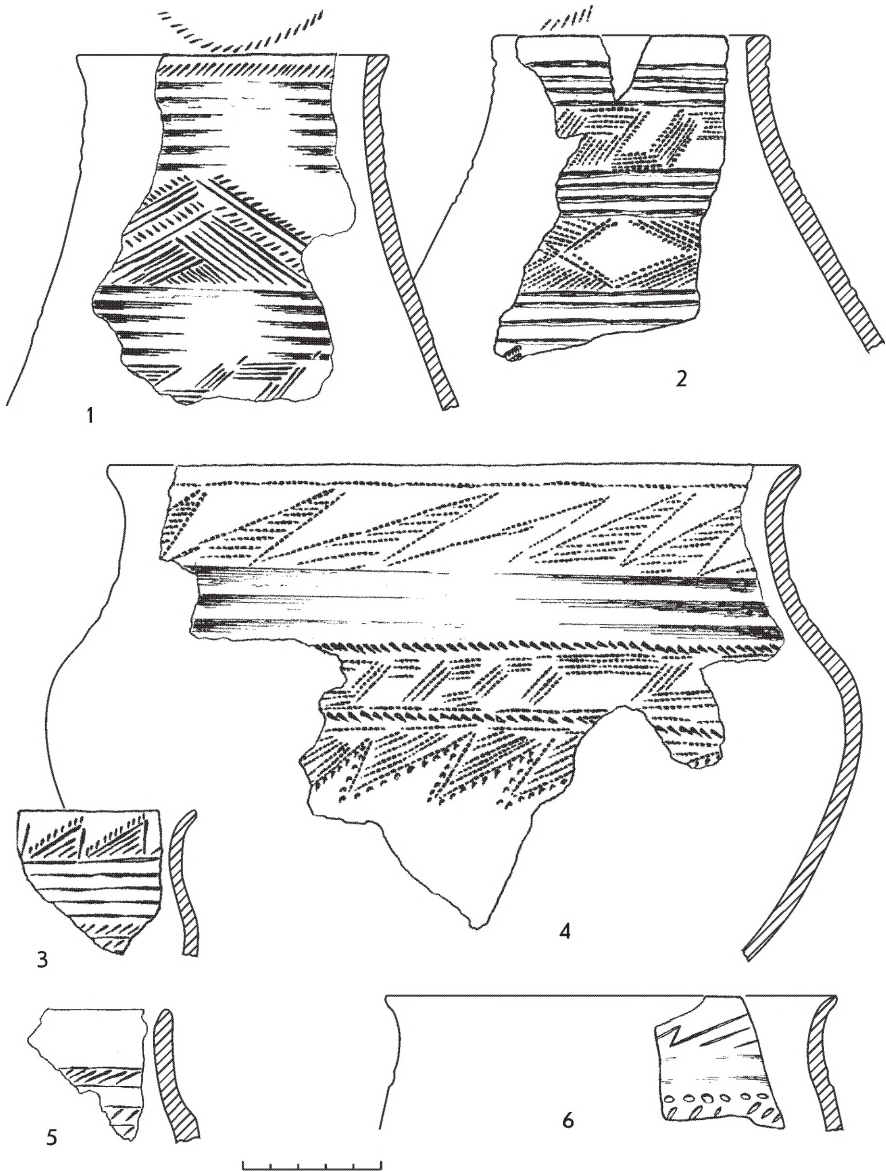

Рис.8. Керамика андроновского облика с сусканских поселений.
1-4 - Луговское I; 5 - Русская Селитьба II; 6 - Сусканское I.

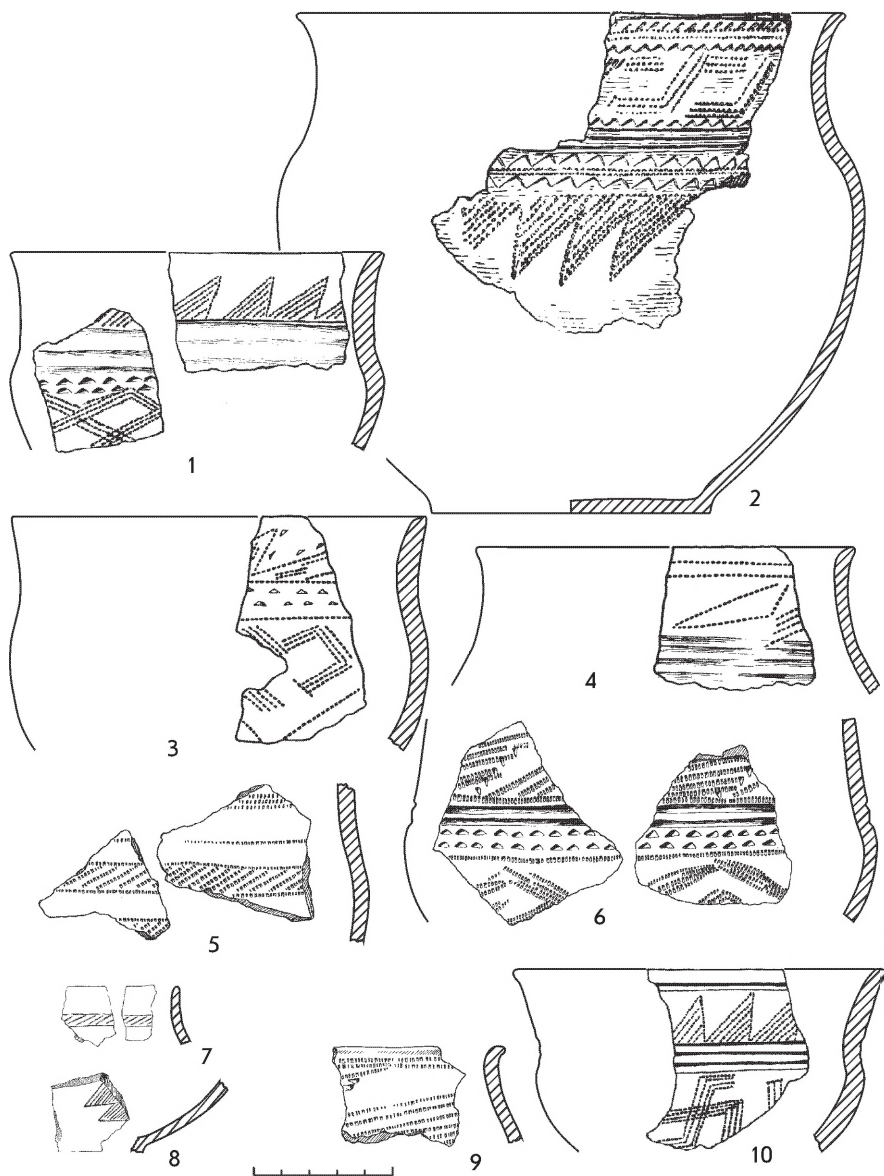

Рис.9. Керамика андроновского облика с сусканских поселений.
1, 10 - Попово Озеро; 2-4 - Сусканское I; 5-9 - Русская Селитьба II;
10 - Попово Озеро.

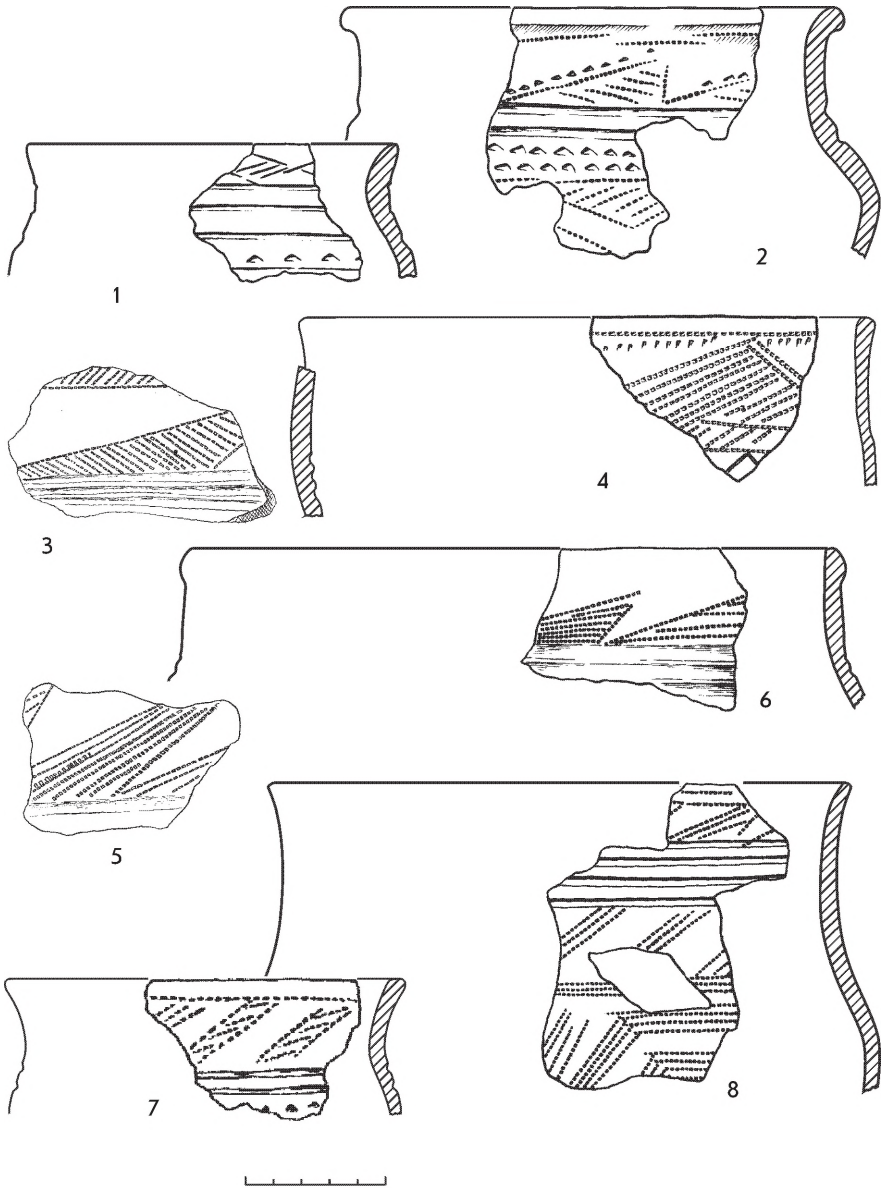

Рис.10. Керамика андроновского облика с сусканских поселений.

1, 2 - Поплавское; 3, 5 - Постников Овраг; 4 - Екатериновка; 6 - Лебяжинка II; 7 - Нижняя Орлянка II; 8 - Чесноковка I.

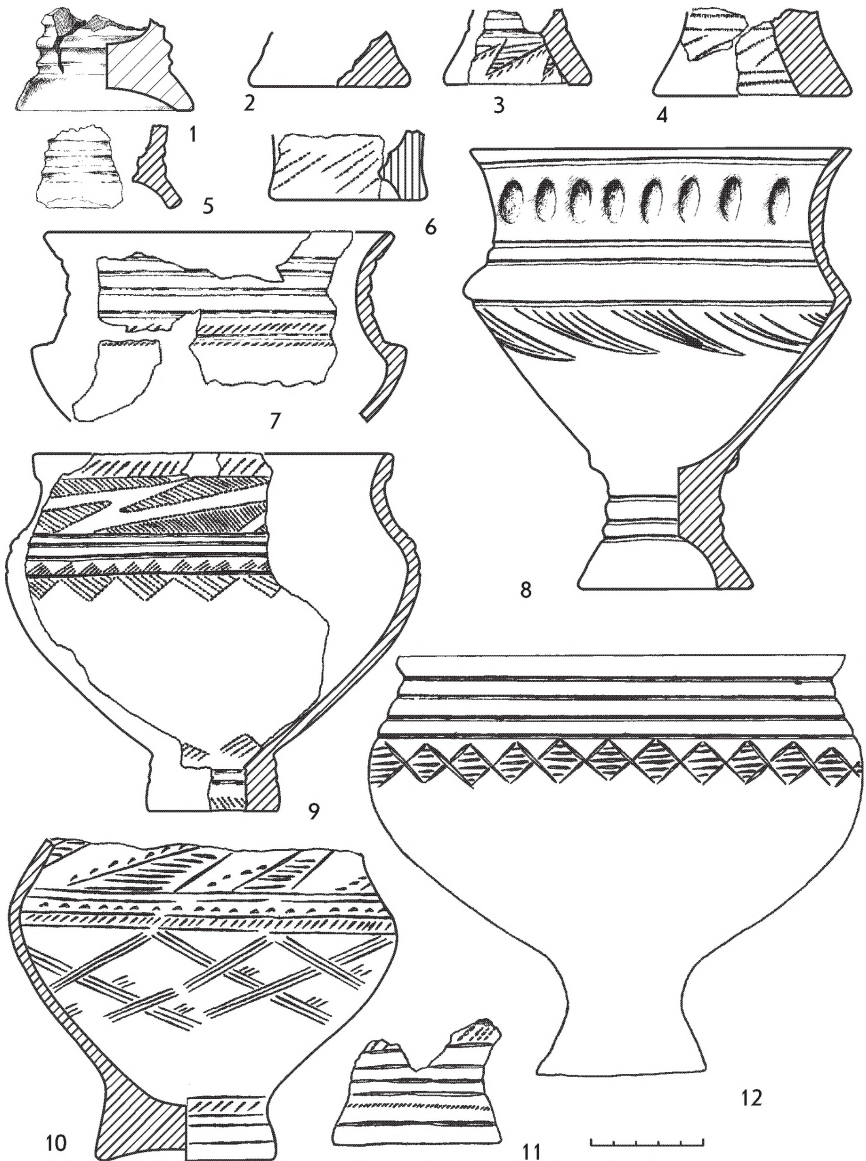

Рис.11. Кубковидные сосуды с поселений сусканской и близкой ей культур.

1 - Екатериновка; 2-7 - Нижняя Орлянка II; 8 - Лебяжинка II; 9 - Родниковое; 10 - Ерзовка; 11 - Алексеевское; 12 - Луговское II

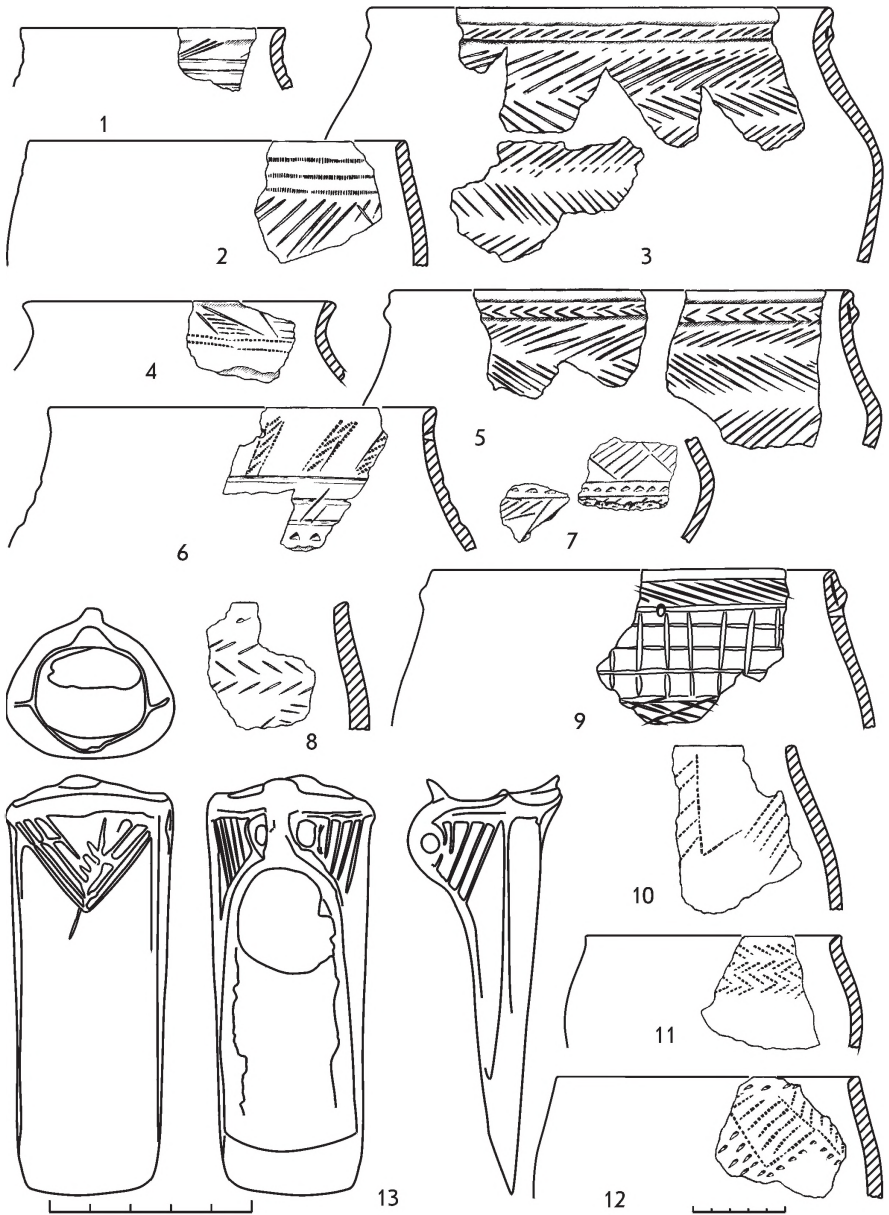
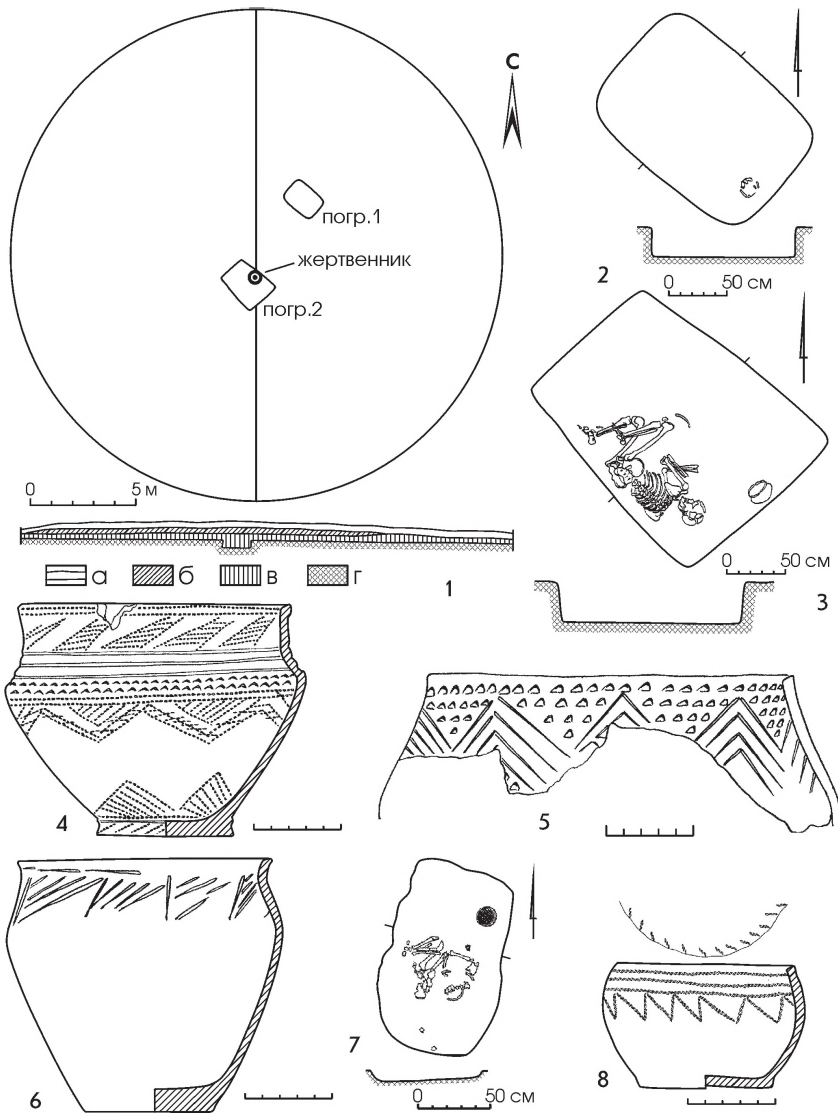

Рис. 12. Сусканский комплекс поселения Поплавское.
1-12 - керамика; 13 - бронзовый кельт.

Условные обозначения: а - пашня; б - насыпь; в - погребенная почва; г - материк.

Рис.13. Погребальные комплексы сусканской культуры.

1-6 - кург.мог. Студенцы I, план и разрез кургана (1), планы погр.1,2 (2,3), керамика из погр.1,2 (4,6), из тризны (5); 7,8 - поселение Лебяжинка V, план погр.10 и сосуд из погр.10.

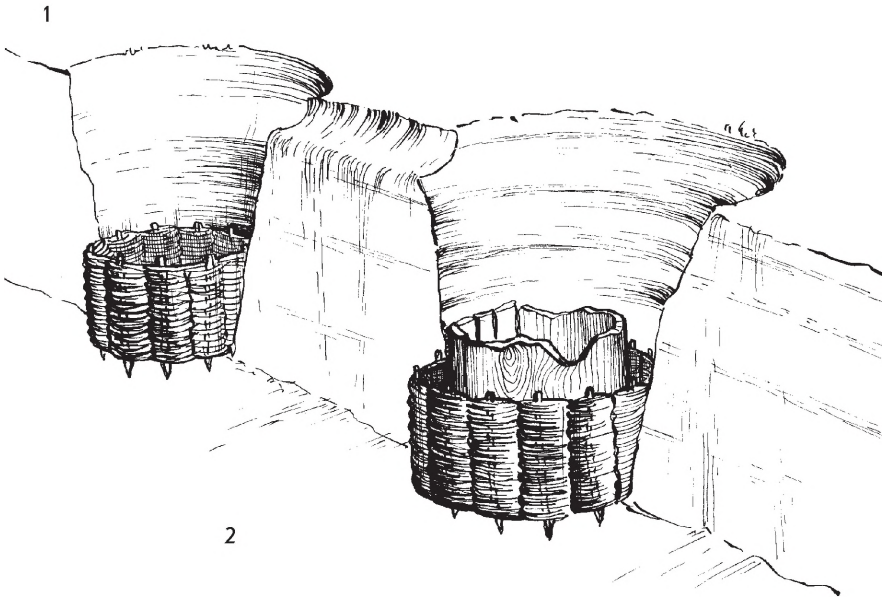
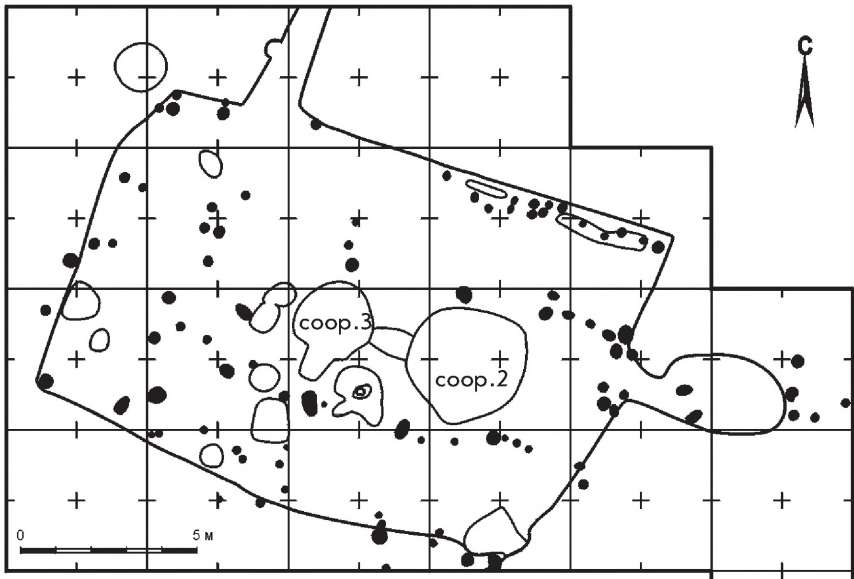

Рис. 14. Поселение Русская Селитьба..

1 - план постройки с колодцами (соор.2,3); 2 - реконструкция колодцев.

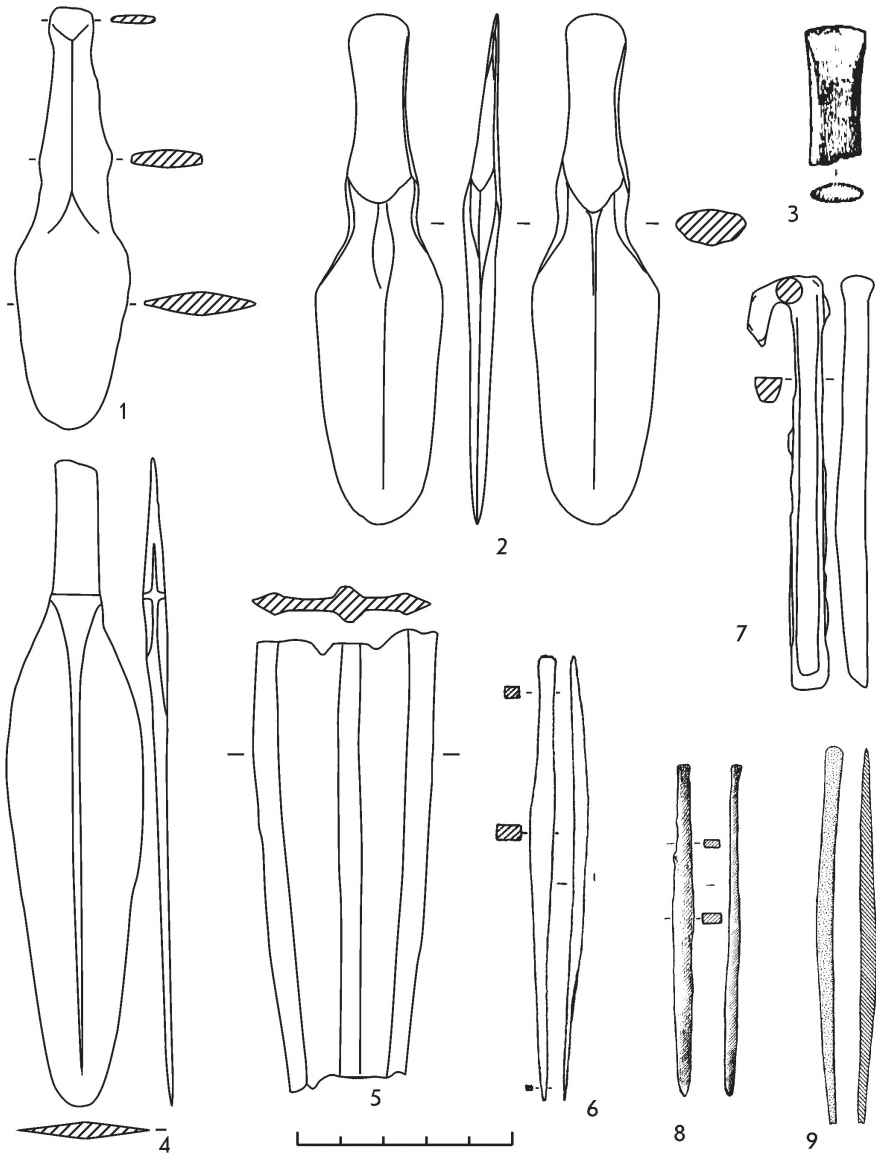

Рис.15. Бронзовые орудия с поселений позднего бронзового века.
 1,7 - Русская Селитьба II; 2 - Лебяжинка V; 3 - Григорьевка II; 4 -
 Екатериновка; 5 - Осиновые Ямы; 6 - Лебяжинка II; 8 - Попово Озеро;
 9 - Нижняя Орлянка II.

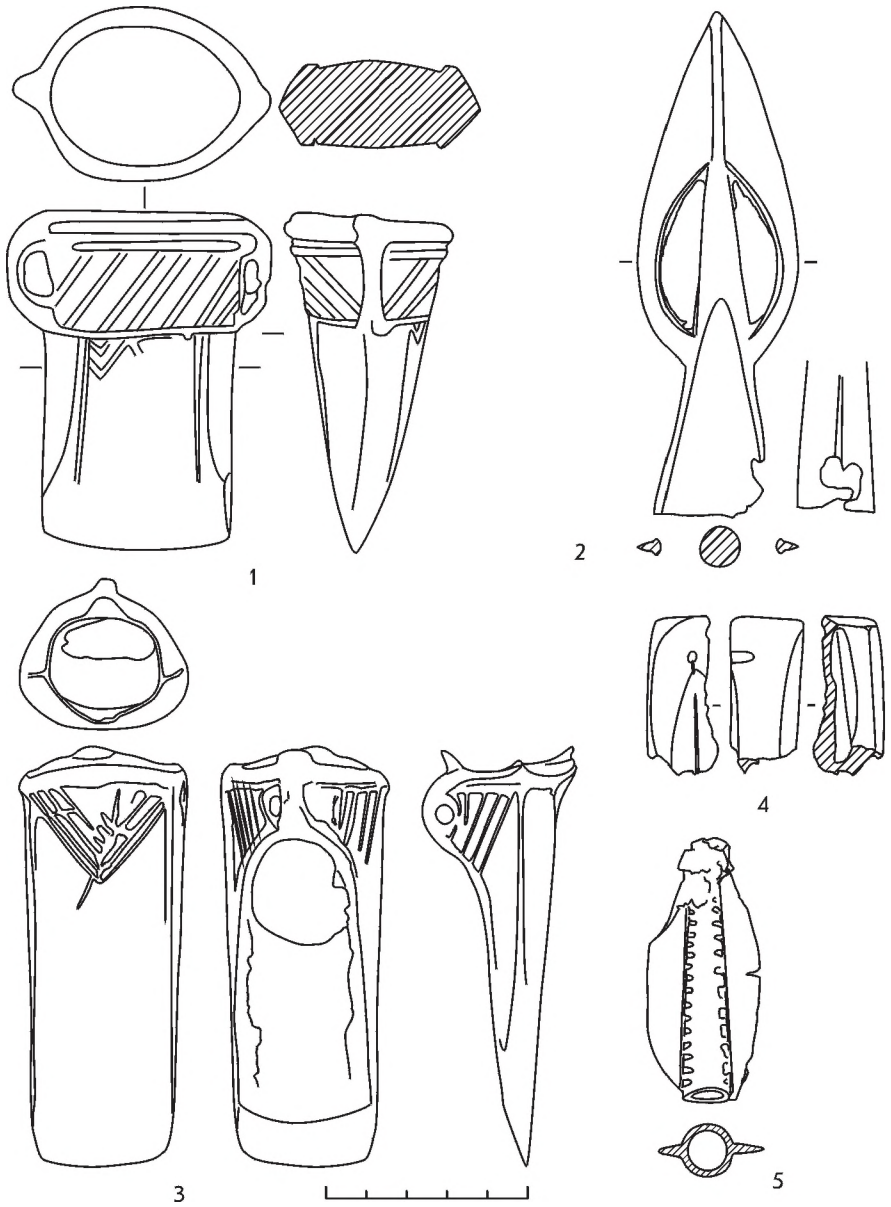

Рис.16. Бронзовые изделия (1-3, 5) и каменная форма для отливки наконечника стрелы (4).

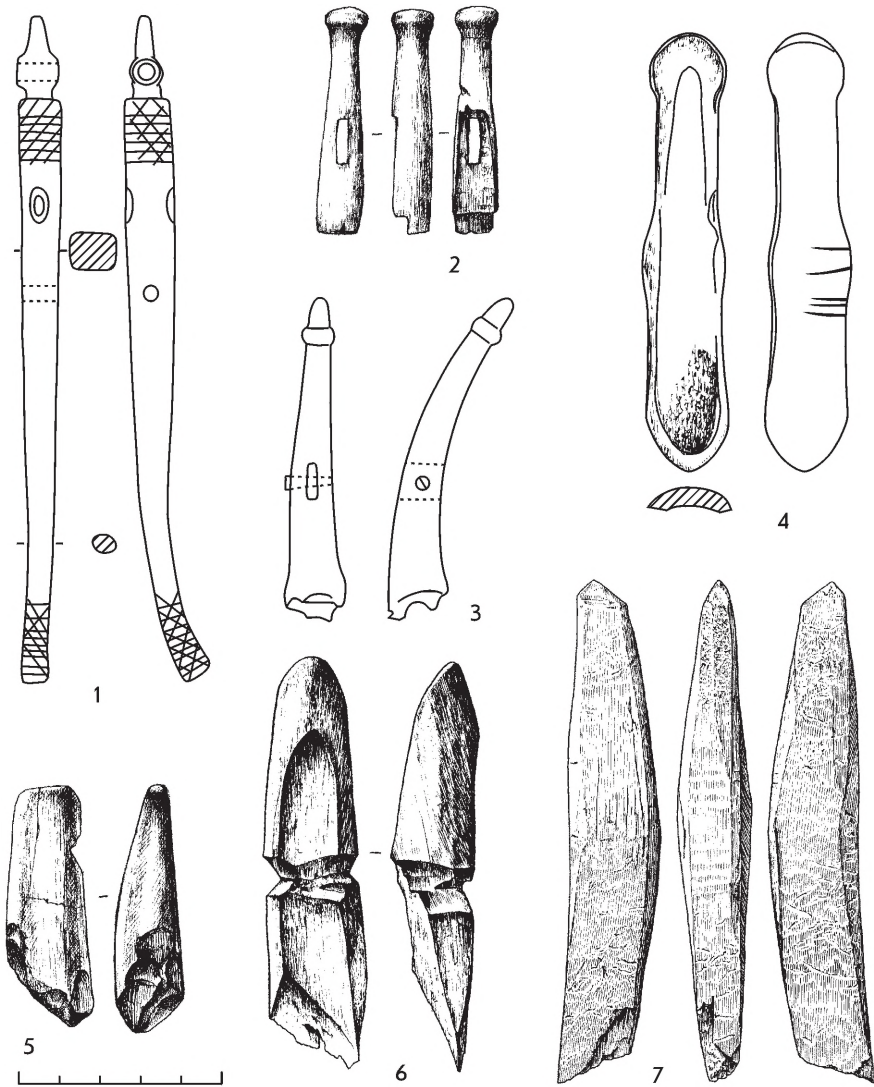

Рис. 17. Изделия из кости и рога с памятников заключительного этапа эпохи бронзы.

1 - Сусканское I; 2,5 - Лебяжинка V; 3 - Постников Овраг; 4 - Русская Селитьба II; 6 - Григорьевка II; 7 - Нижняя Орлянка II.

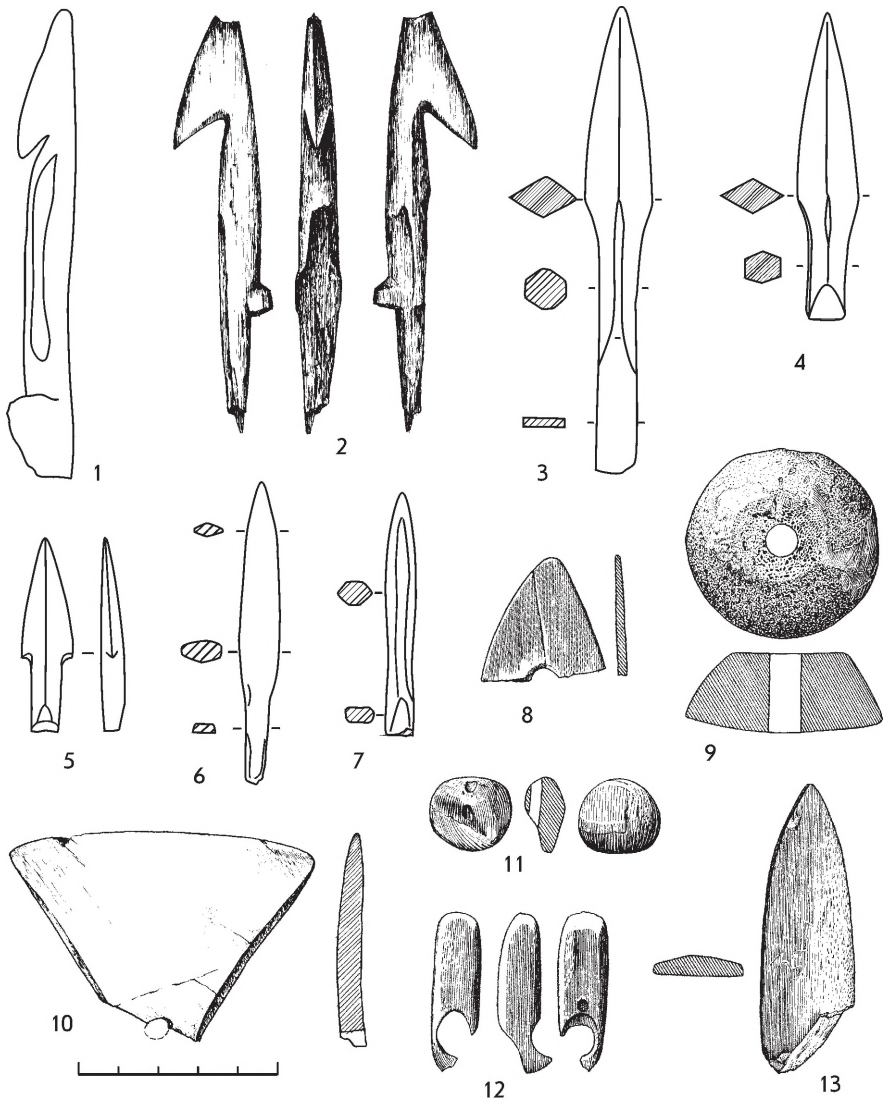

Рис. 18. Изделия из кости и рога с памятников заключительного этапа эпохи бронзы.

1 - Сусканское I; 2 - Лебяжинка II; 3, 4 - Русская Селитьба II; 5 - Лебяжинка V; 6, 7 - Григорьевка; 8-13 - Нижняя Орлянка II.

Рис.19. Карта распространения атабаевских памятников.

Поселенческие комплексы: 1 – Винновка III, селище; 2 – Кирпичные Сараи, селище; 3 – Грачев Сад, селище; 4 – Русская Селитьба II, селище; 5 – Нижняя Орлянка II, селище; 6 – Осиновые Ямы, селище.

Отдельные находки керамики: 7 – Безенчукское селище; 8 – Красный Яр II, селище; 9 – Кинель-Черкассы, м/нах; 10 – Максимовка II, селище; 11 – Поплавское, селище; 12 – Сусканское I, селище; 13 – Чесноковка I, селище; 14 – Шигонское II, селище; 15 – Старо-Семейкино, м/нах; 16 – Чувашская Поляна, м/нах.

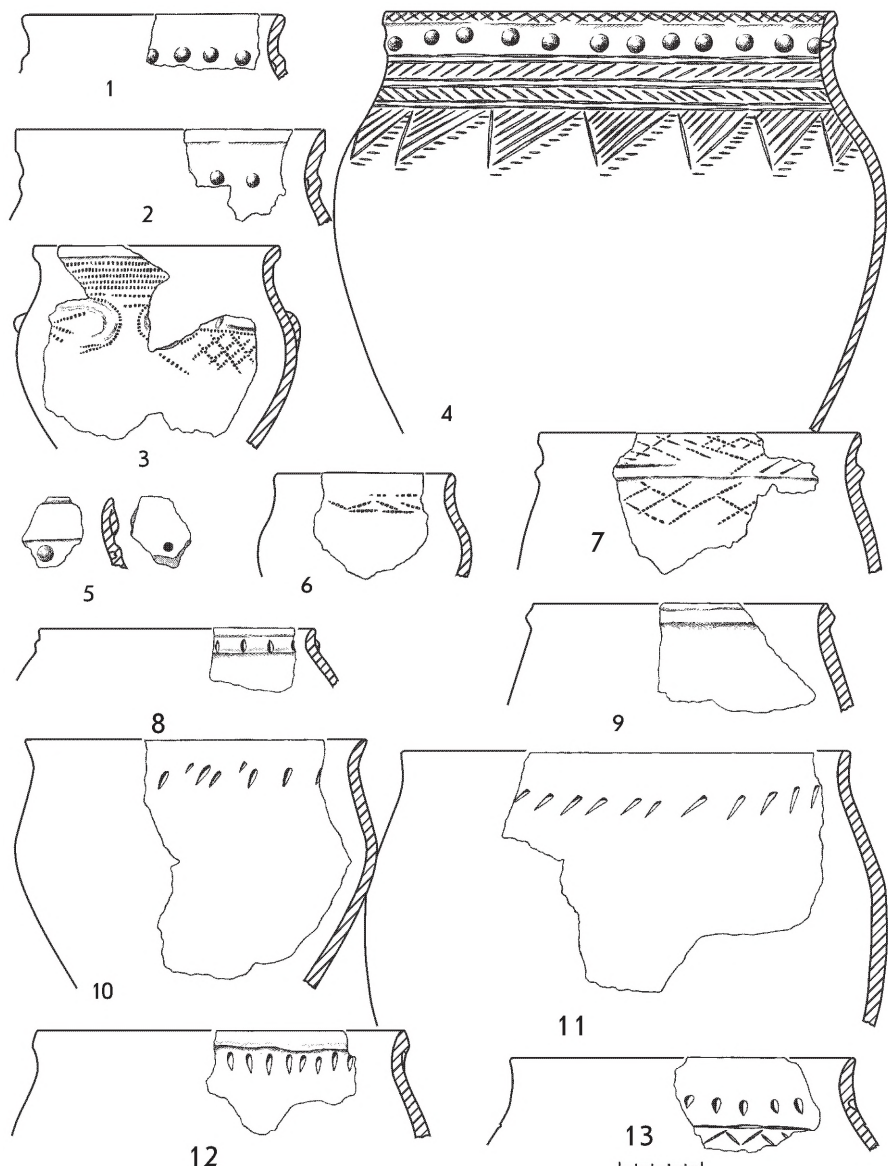

Рис.20. Керамика атабаевско-межовского облика ("воротничковая") с поселения Русская Селитьба II.

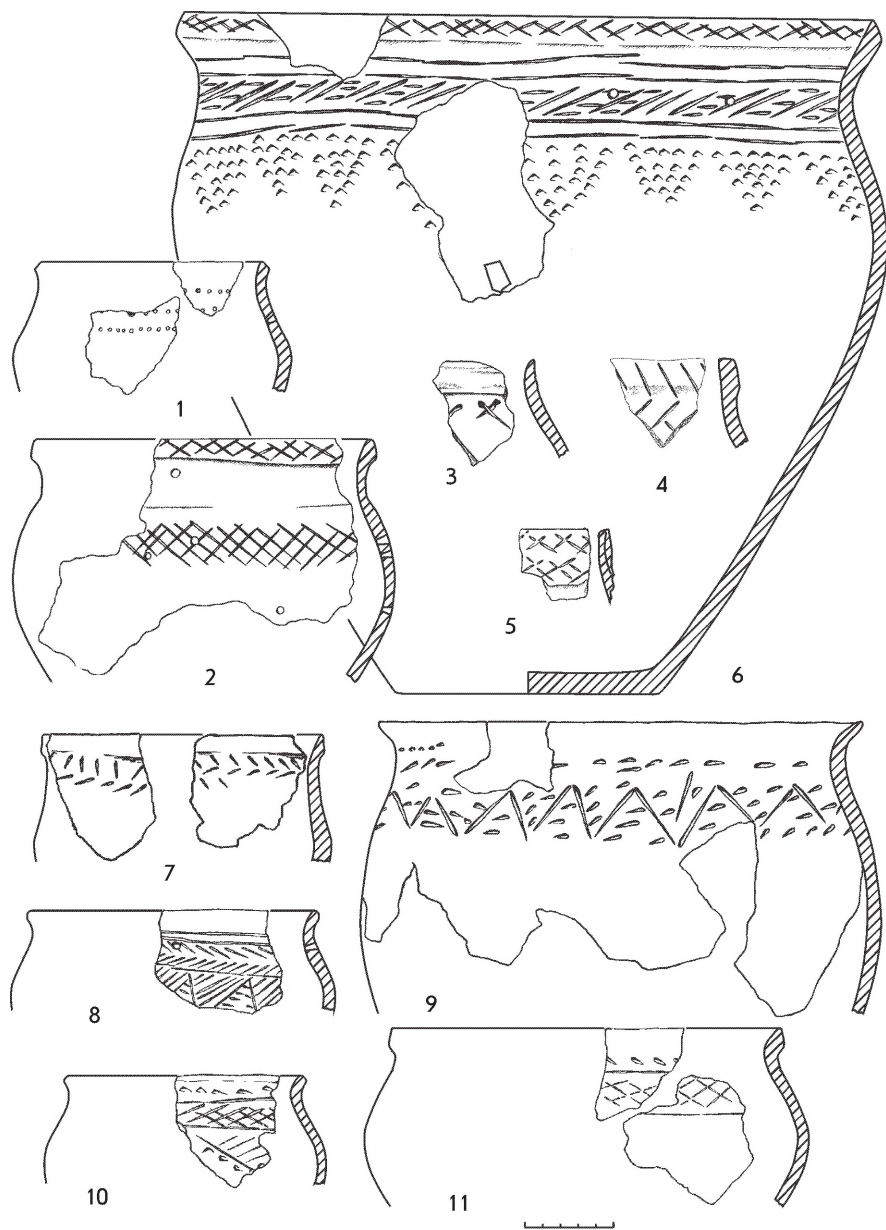

Рис.21. Керамика атабаевско-межовского облика ("воротничковая") с поселения Нижняя Орлянка II.

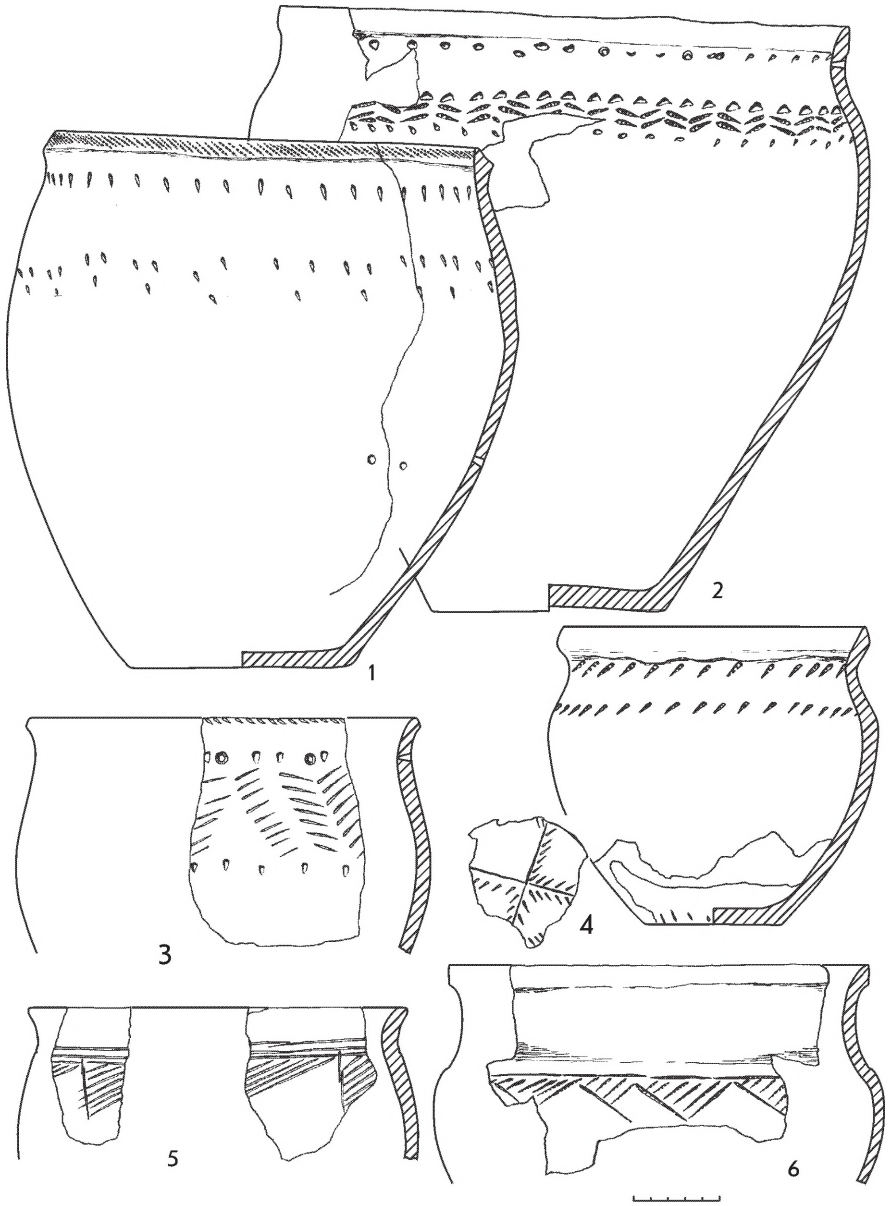

Рис.22. Керамика атабаевско-межовского облика ("воротничковая") с поселения Нижняя Орлянка II.

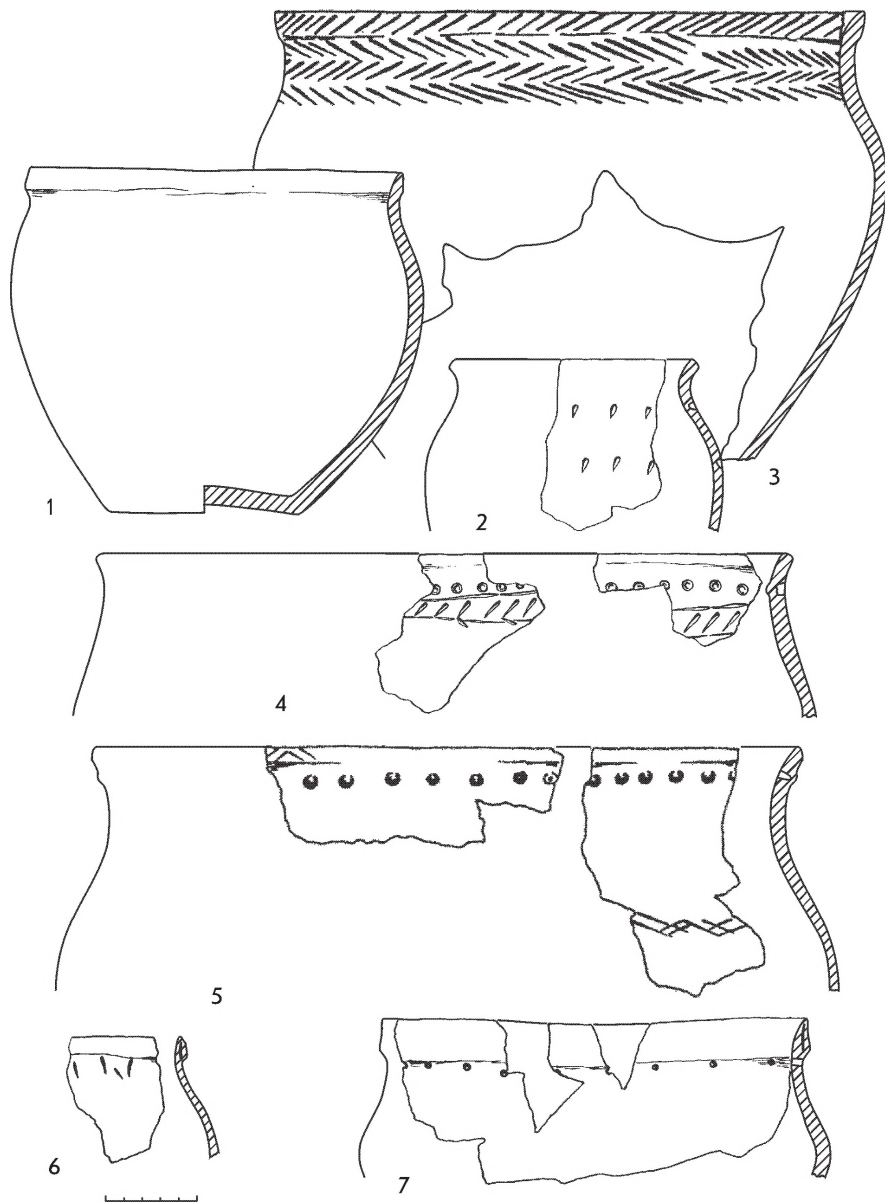

Рис.23. Керамика атабаевско-межовского облика ("воротничковая") с поселения Нижняя Орлянка II.

Рис.24. Карта распространения ивановских памятников.

1 – Екатериновка I, селище; 2 – Екатериновка, уч.III, грунт.мог.; 3 – Яковка II, селище; 4 – Яковка III, селище; 5 – Григорьевка I, селище; 6 – Поплавское, селище; 7 – Утевка VI, грунт. погр.; 8 – Максимовка II, селище; 9 – Немчанка, м/нах.; 10 – Шигоны II, селище; 11 – Муранка II, селище; 12 – Постников Овраг; 13 – Сусканское I, селище; 14 – Красный Яр II, селище; 15 – Константиновка—Алмазовка, м/нах; 16 – Алмазовка I, селище; 17 – Лебяжинка V, селище; 18 – Русская Селитьба II, селище; 19 – Чесноковка I, селище; 20 – Нижняя Орлянка II, селище; 21 – Осиновые Ямы, селище.

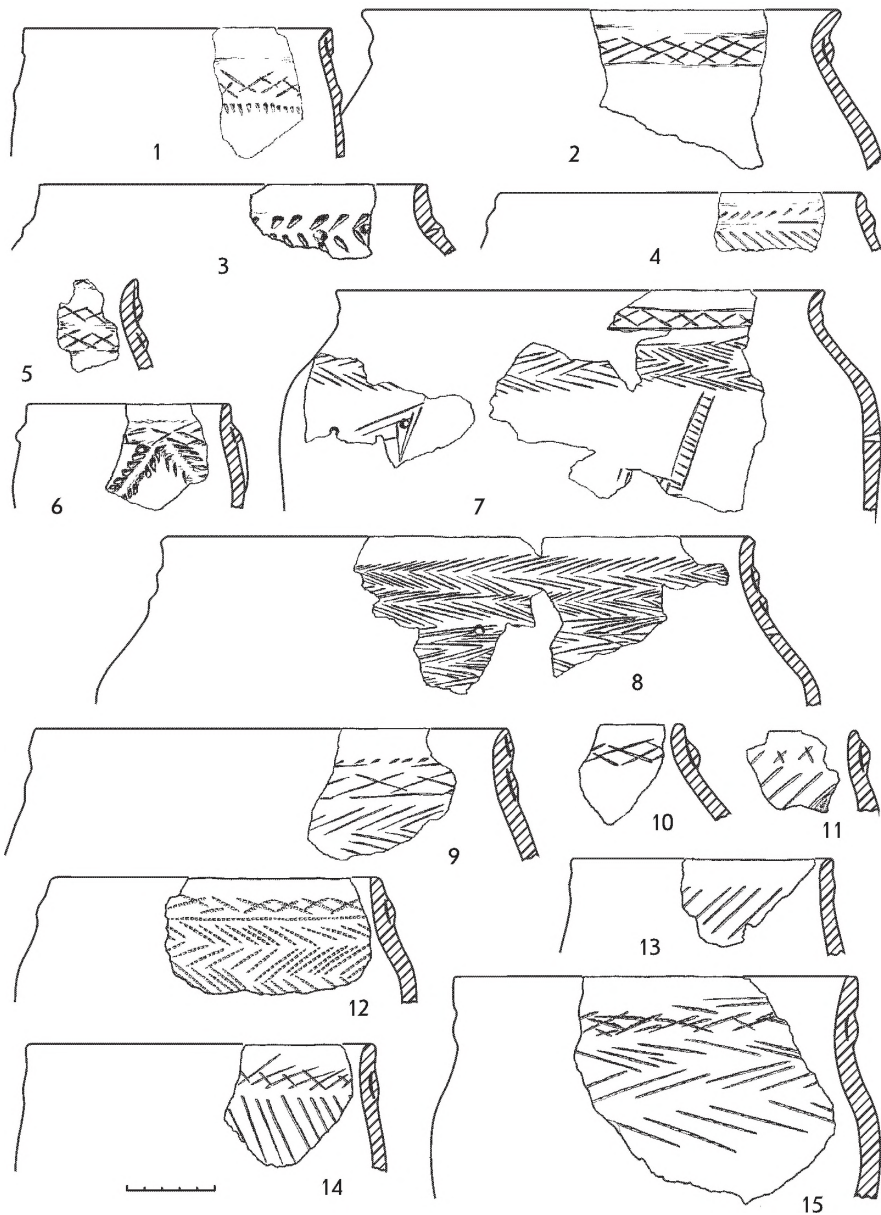

Рис.25. Керамика ивановского типа с поселений Нижняя Орлянка II (1-10); Екатериновка I (11-15).

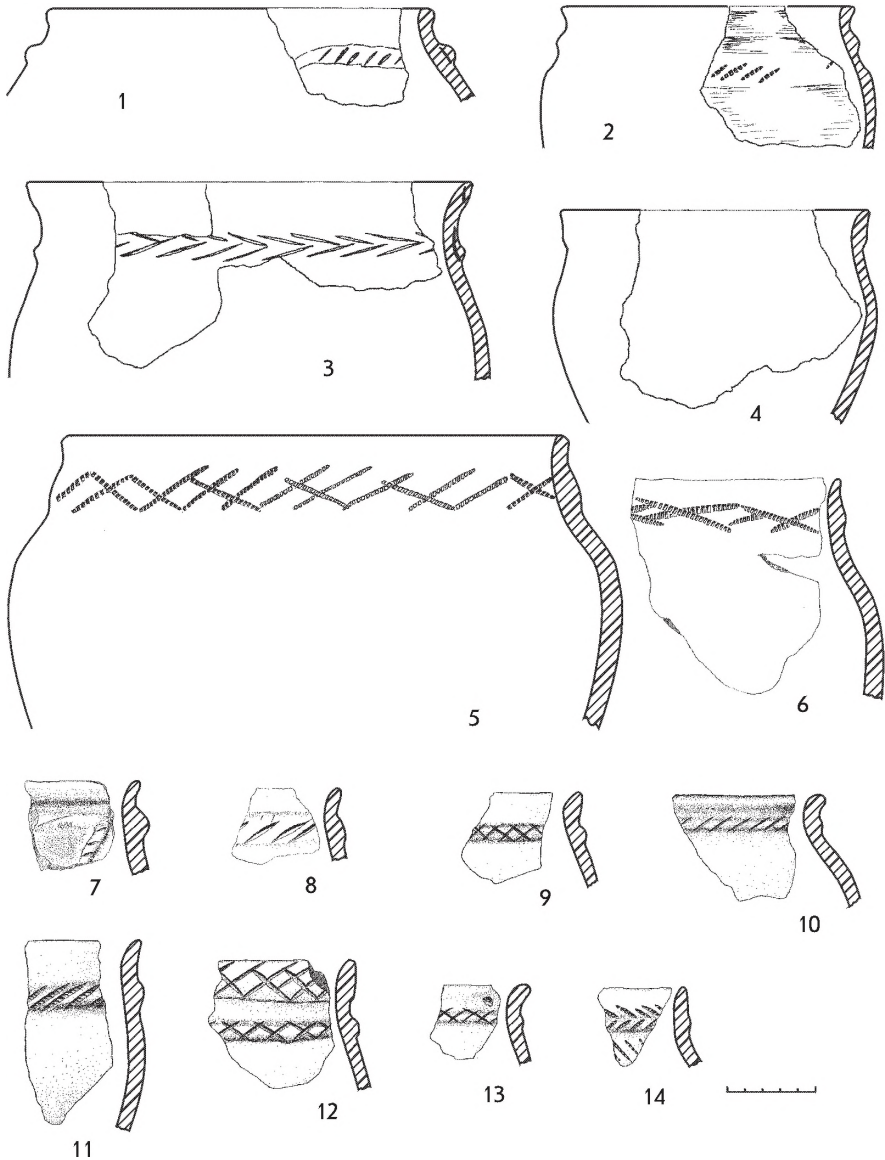

Рис.26. Керамика ивановского типа с поселений Максимовка II (1-4); Муранка (5); Яковка II (6-8); Постников Овраг (9-14).

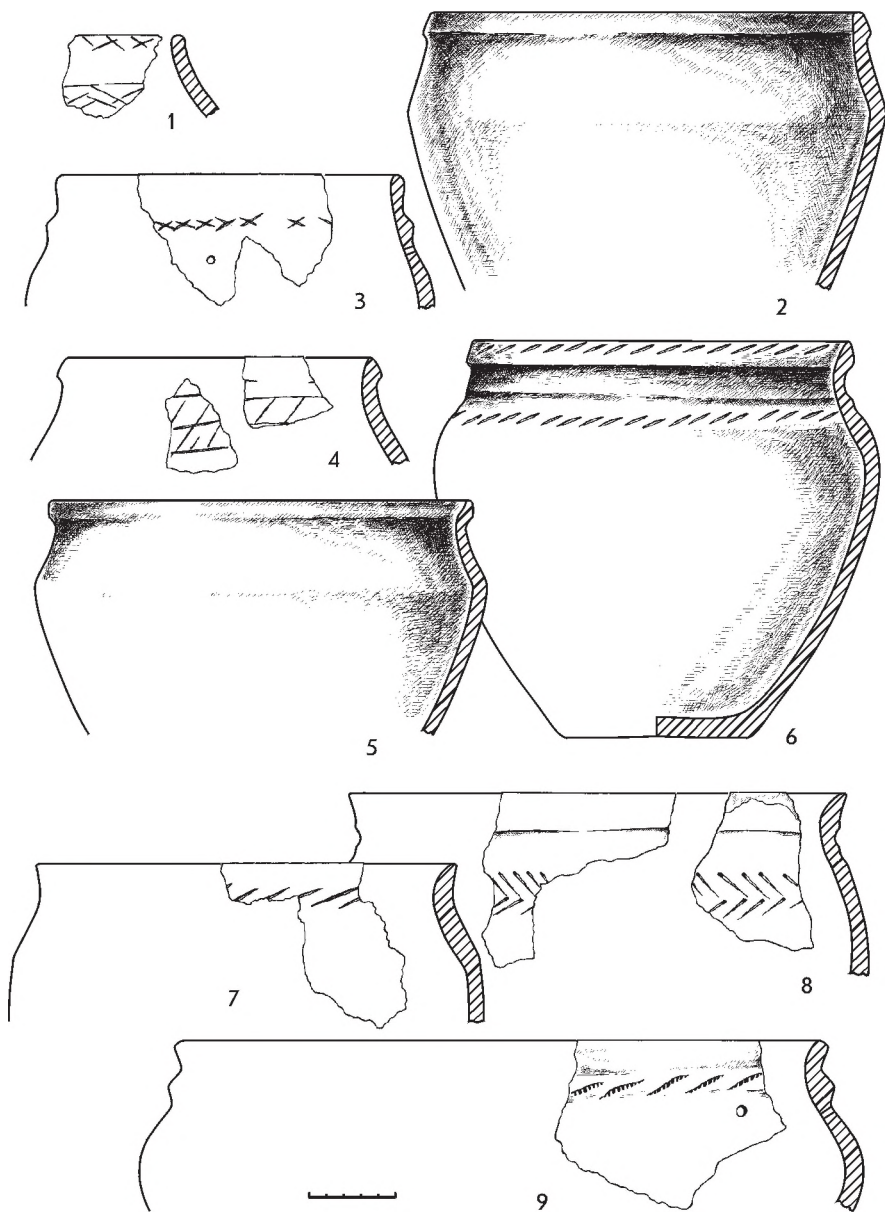

Рис.27. Керамика ивановского типа с поселения Григорьевка II.

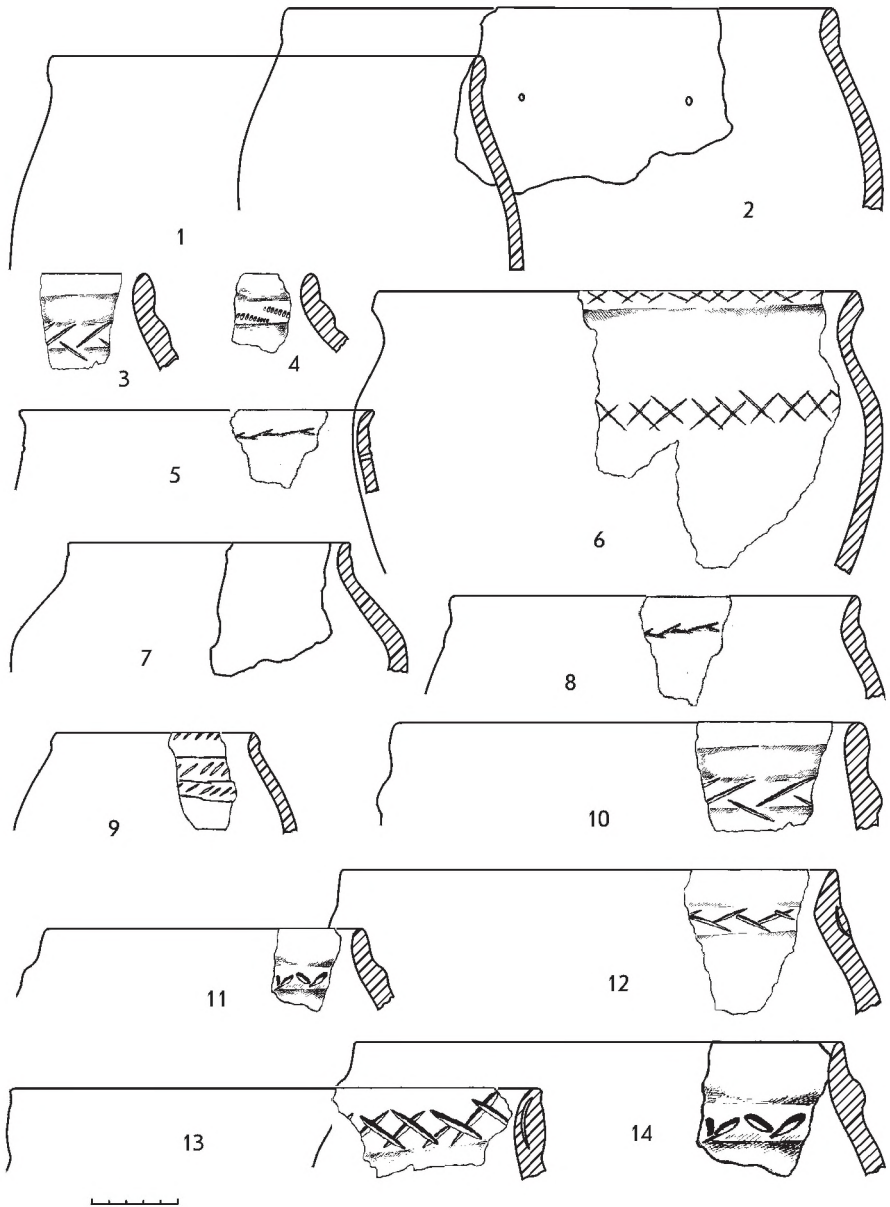

Рис.28. Керамика ивановского типа с поселения Григорьевка II.

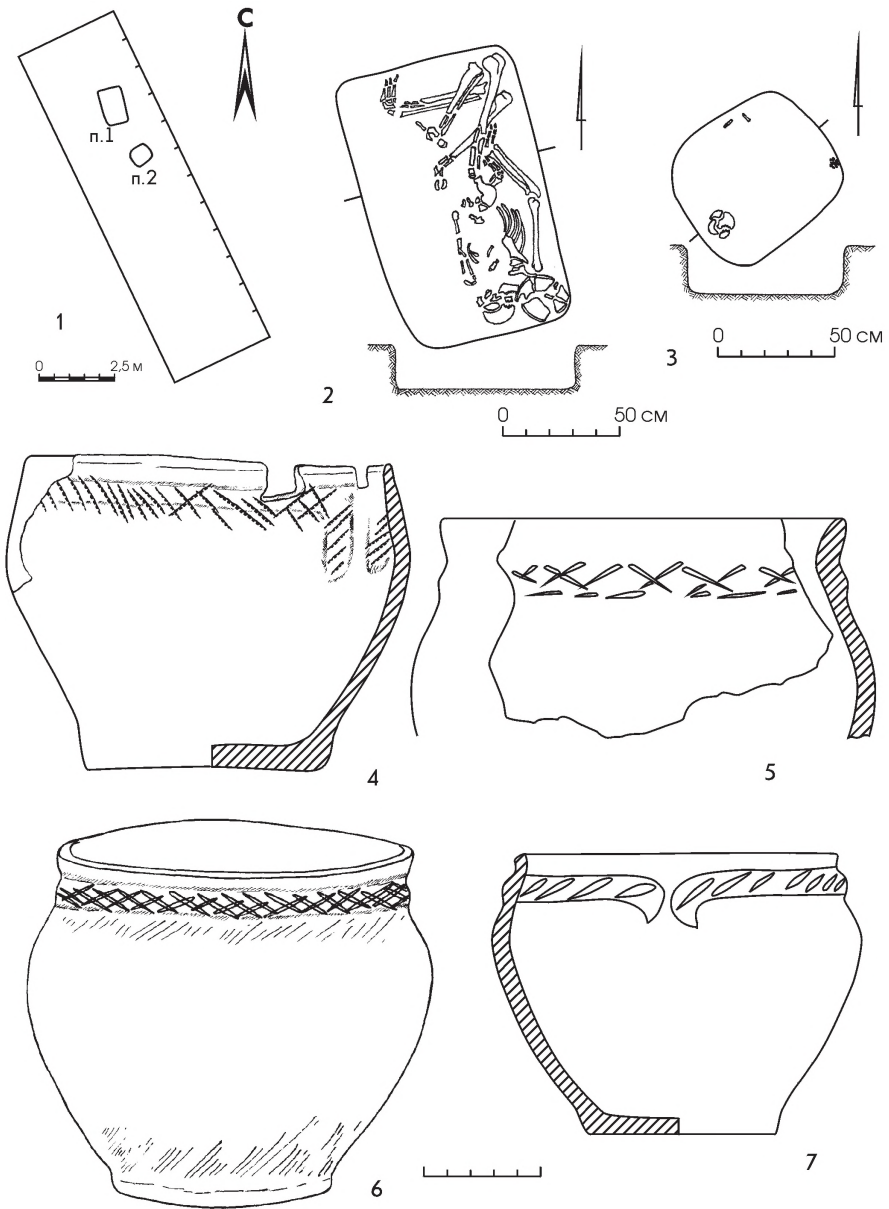

Рис.29. Материалы погребальных памятников ивановской культуры.
1-4 – грунтовый могильник Утевка VI; 5 – разрушенное погребение у с.Екатериновка; 6 – Ст.Привольное; 7 – Быково (Волгоградская область).

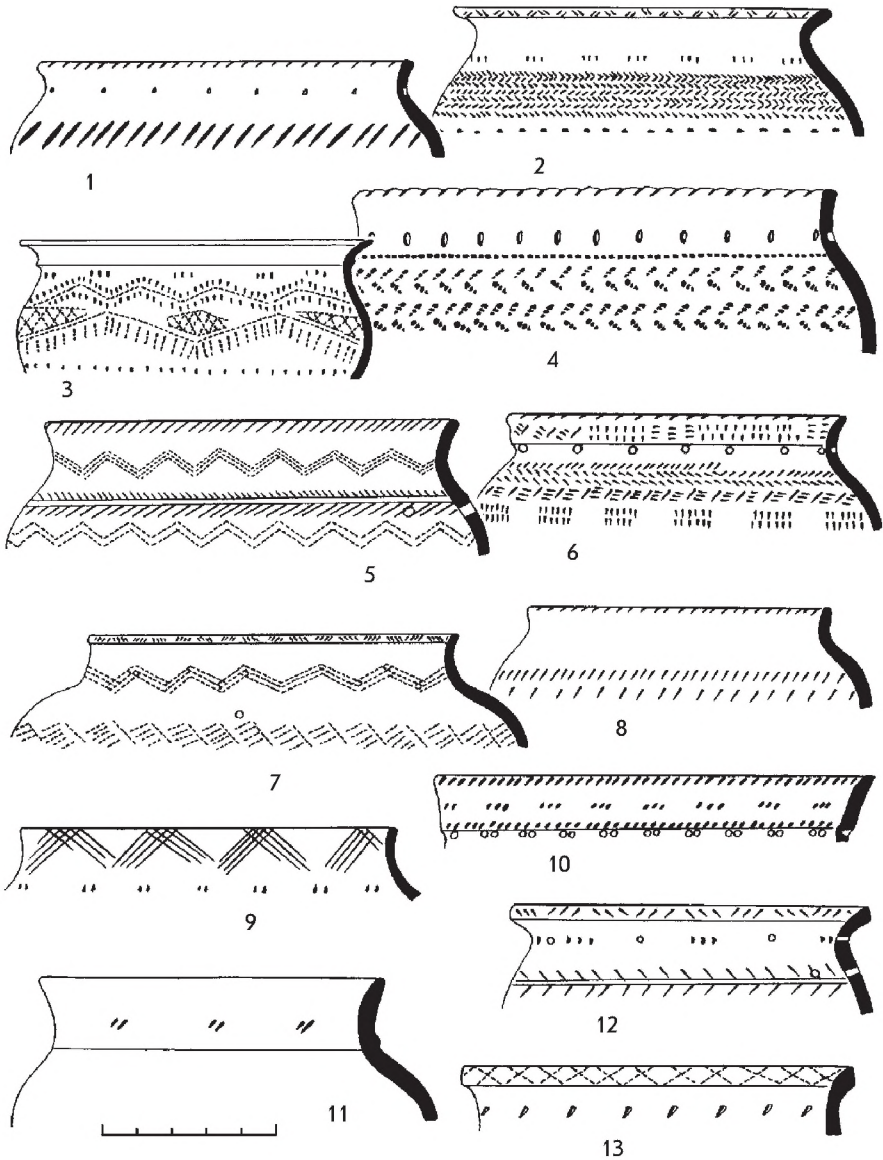

Рис.30. Керамика позднего бронзового века с поселения Гривка.

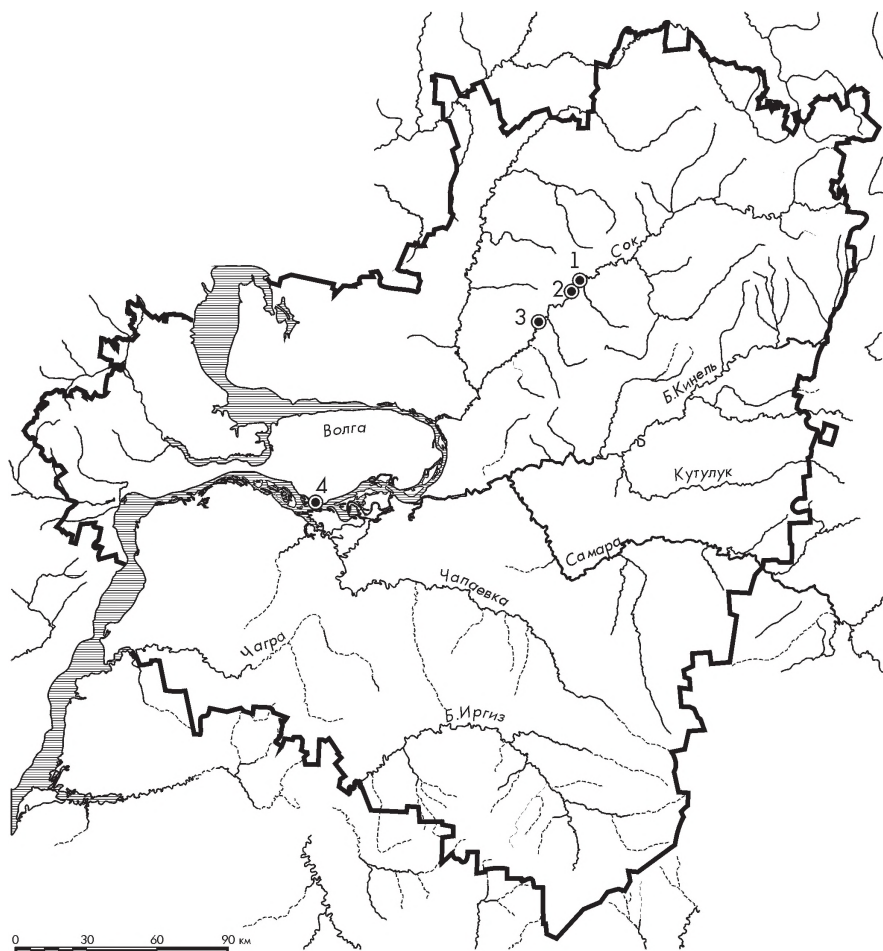

Рис.31. Карта распространения маклашеевских памятников.

1 – Чекалино II, селище; 2 – Нижняя Орлянка II, селище; 3 – Русская Селитьба II, селище; 4 – Новый Путь IV, селище.

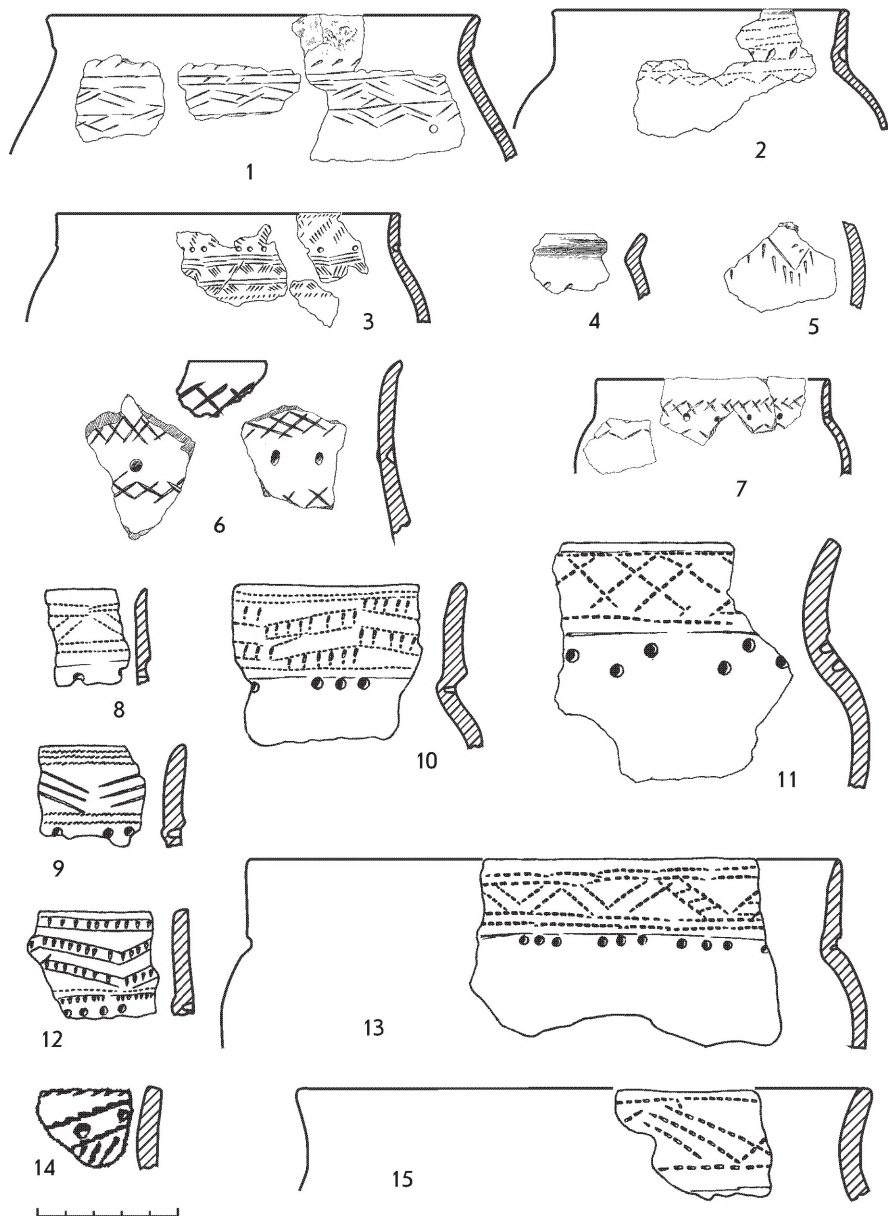

Рис.32. Маклашевская керамика с поселений р.Сок.
1-5 – Чекалино II; 6,7 – Русская Селитьба II; 8-15 – Нижняя Орлянка II.

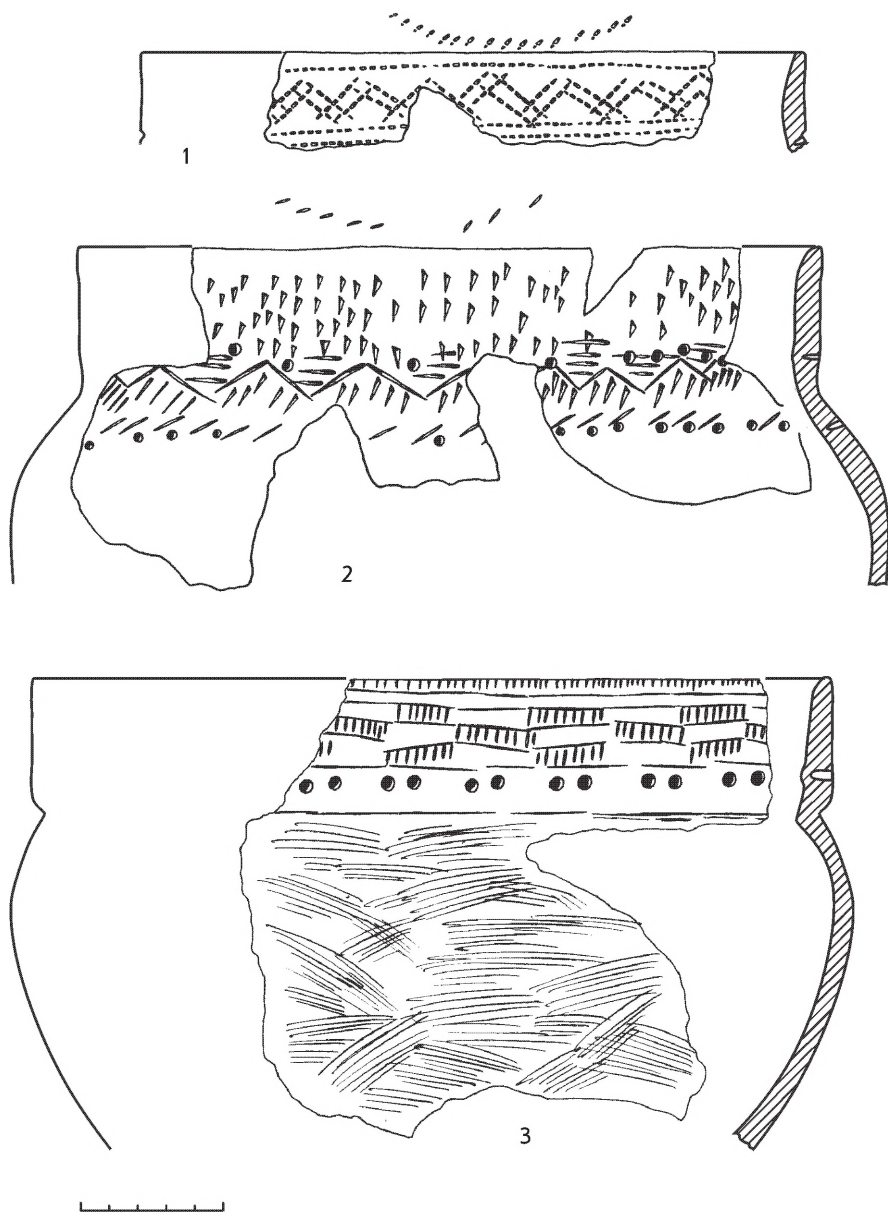

Рис.33. Маклашеевская керамика с поселения Нижняя Орлянка II.

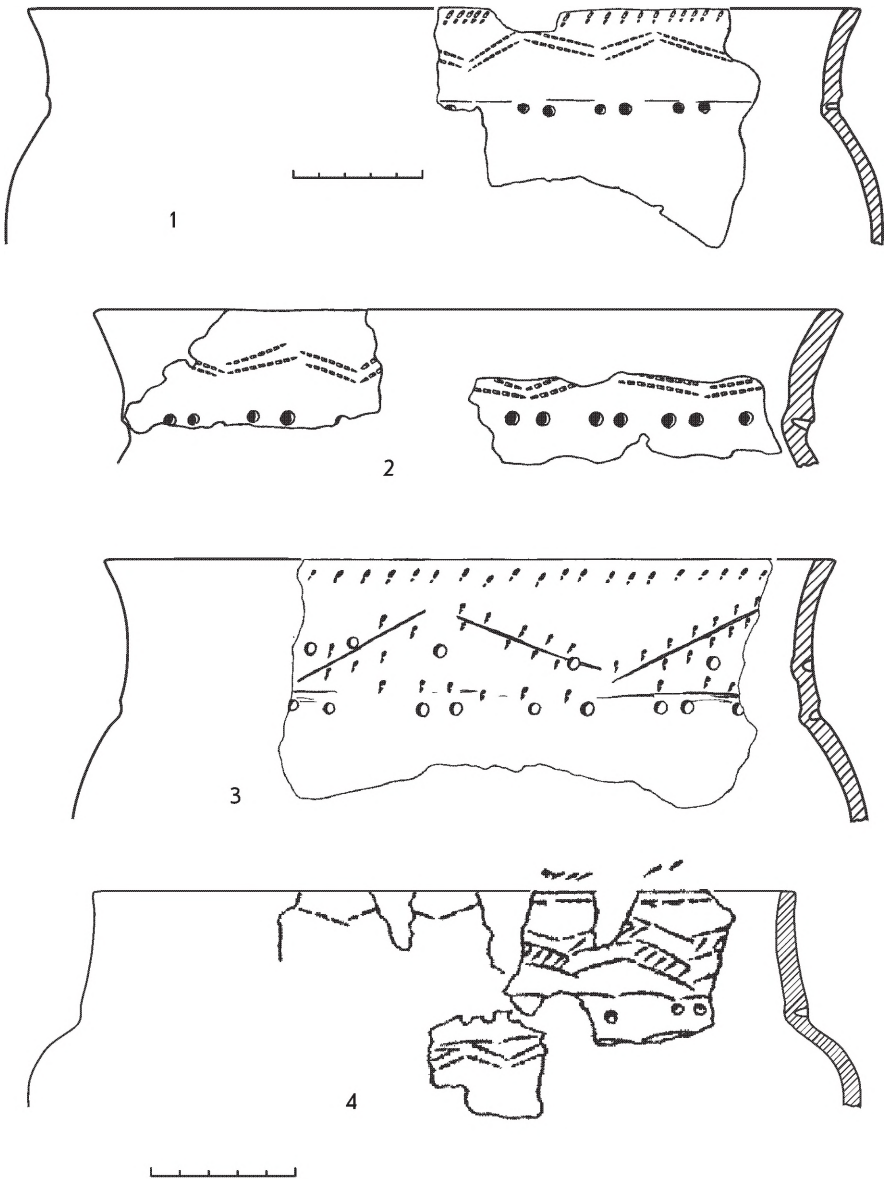

Рис.34. Маклашеевская керамика с поселения Нижняя Орлянка II.

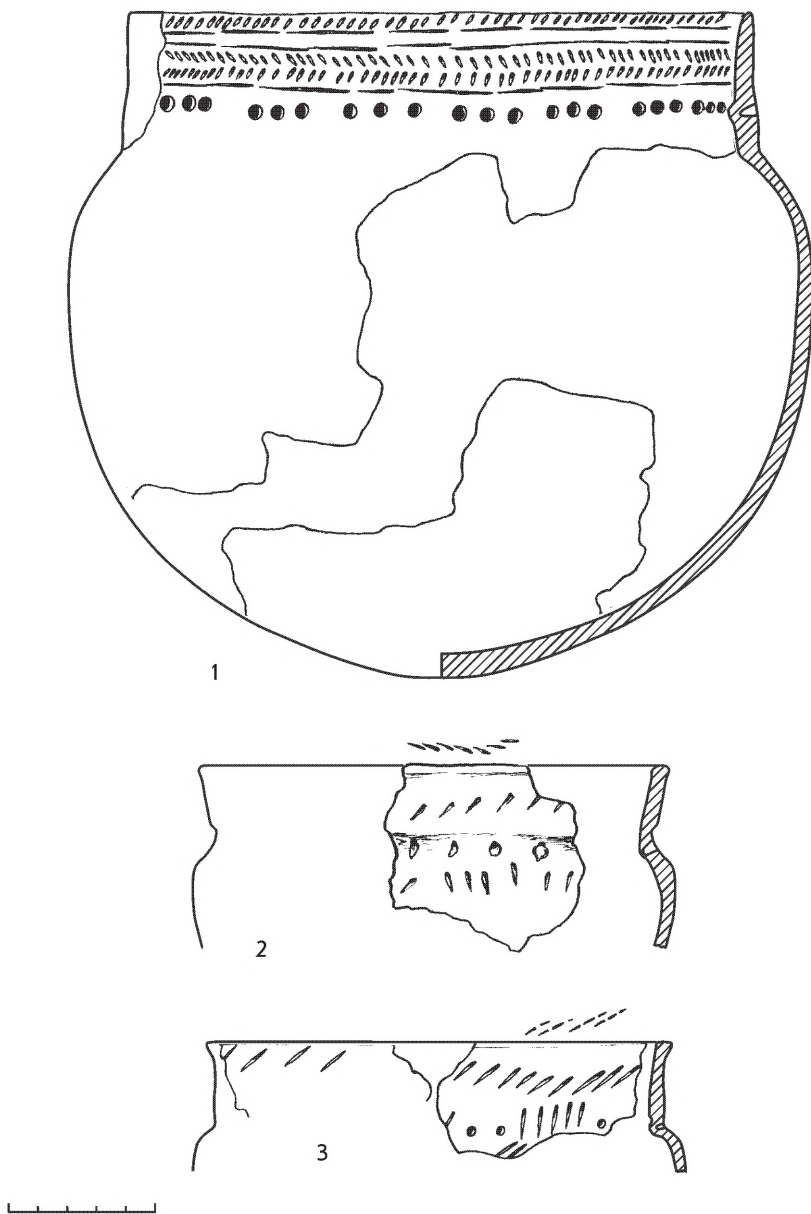

Рис.35. Маклашеевская керамика с поселения Нижняя Орлянка II.

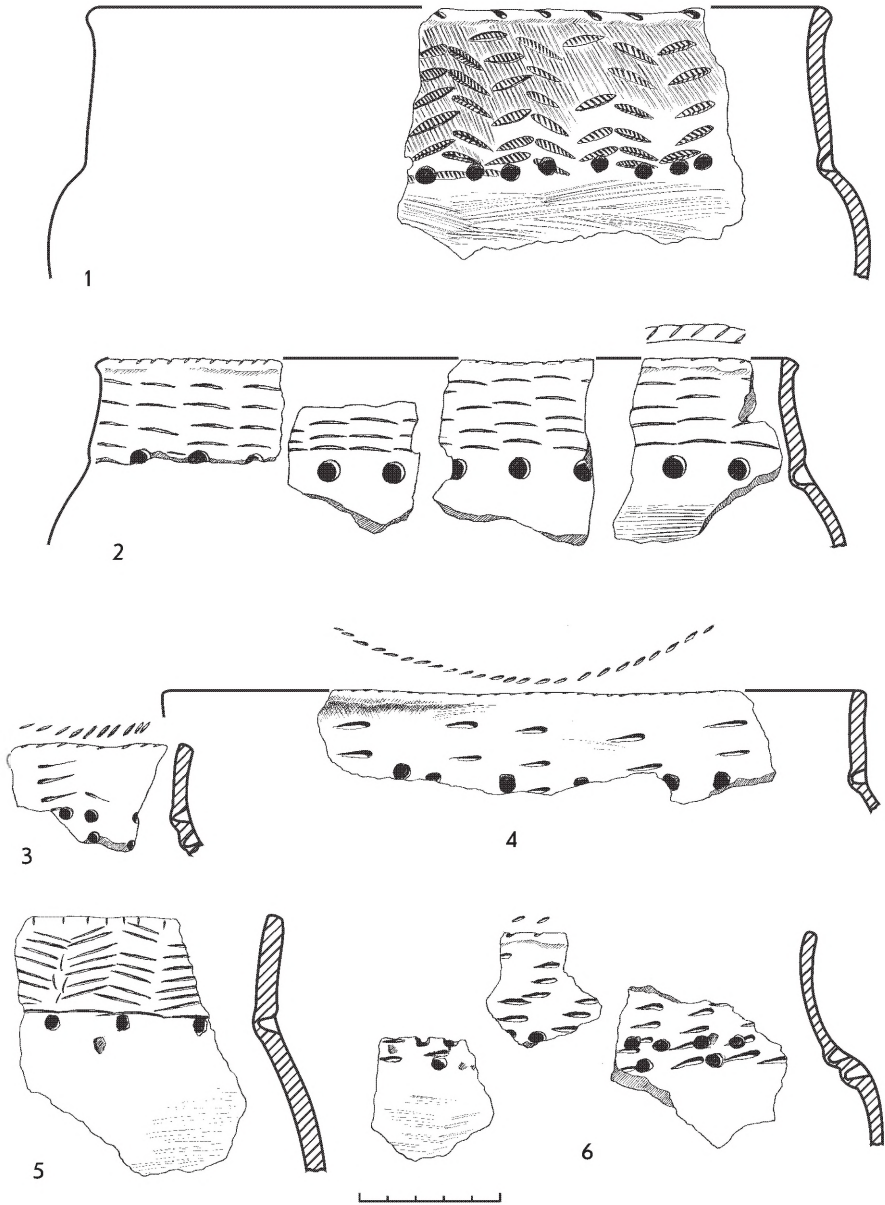

Рис.36. Маклашеевская керамика с поселения Новый Путь IV.

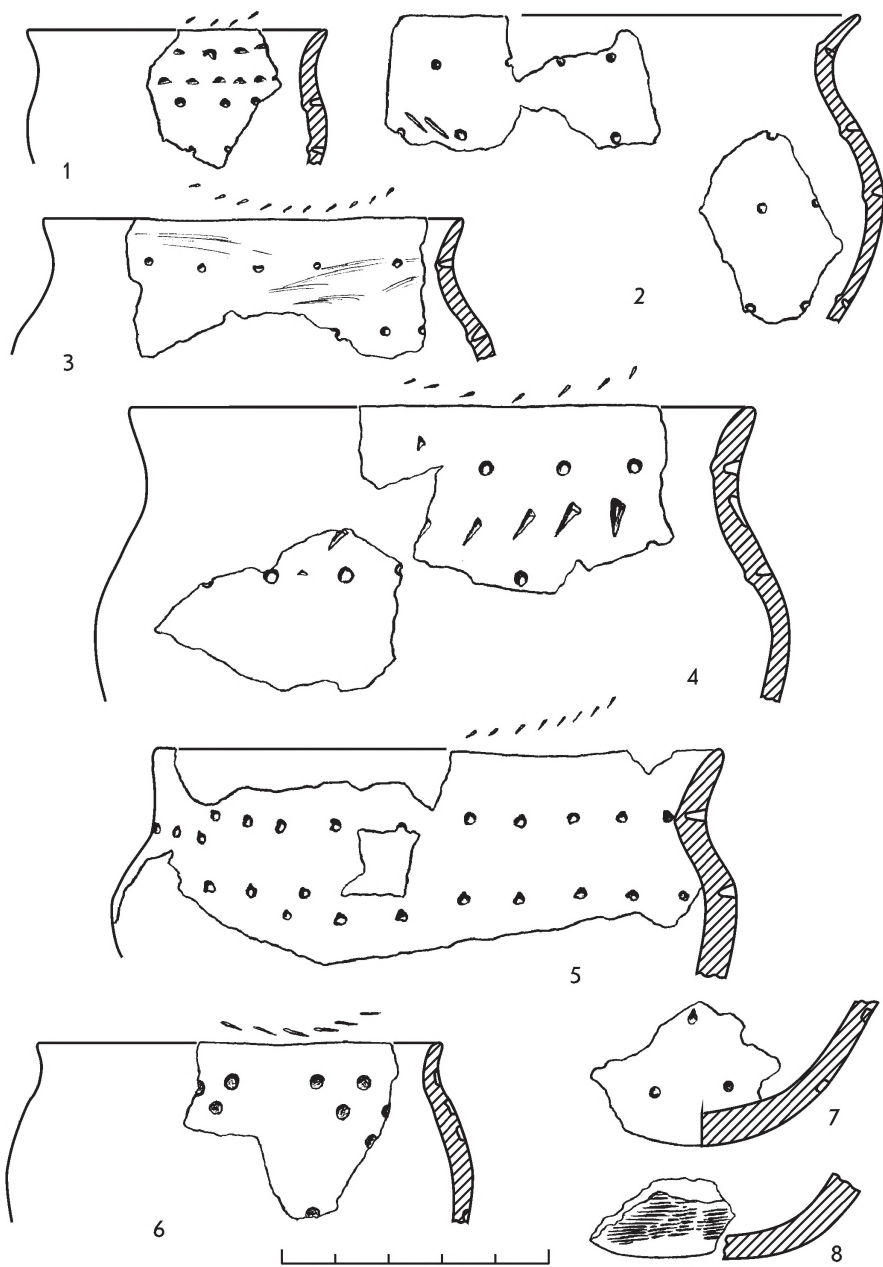

Рис.37. "Текстильная" керамика с поселения Нижняя Орлянка II.

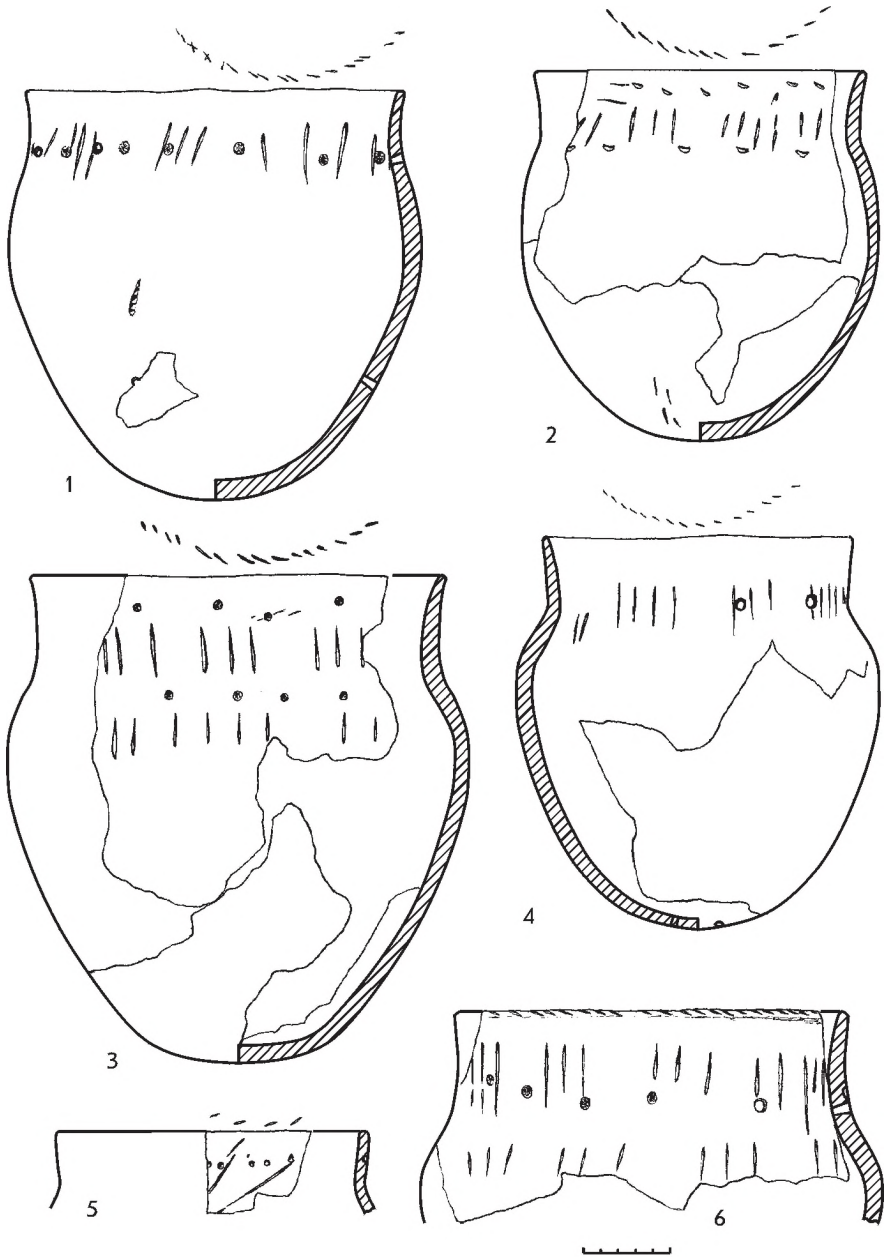

Рис.38. Круглодонная керамика с поселения Нижняя Орлянка II.

ГЛАВА VIII СКОТОВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

На археологических памятниках довольно часто встречаются кости домашних и диких животных, птиц и рыб. На поселениях костный материал обычно представлен кухонными остатками животных. Для него характерна раздробленность костей и их многочисленность. Кости животных из погребальных памятников, напротив, имеют лучшую сохранность, но количество их бывает невелико. Они представлены в виде остатков поминальных тризн, напутственной пищи, жертвенников.

Изучением костных остатков занимаются ученые остеологи, которые определяют видовой состав животных, их возраст, пол, размеры и на основании этого делают выводы о составе стада древнего населения, о способах использования животных в хозяйстве и о морфологических изменениях животных внутри вида. Говоря о скотоводческой деятельности древнего населения, следует опираться, в первую очередь, на материалы бытовых памятников, так как наличие или отсутствие костей определенных животных в погребениях объясняется не подлинной ролью их в хозяйстве, а “характером культовых представлений древнего человека” (Круглов А.П., Подгаецкий Г.В., 1935. С.95). Но для ряда культур эпохи бронзы известны только погребальные памятники. В этом случае мы говорим о видовом соотношении животных в стаде с определенной долей условности, привлекая не только данные остеологии, но и археологии, географии и других наук.

Остеологические материалы из памятников Самарского Поволжья, относящиеся к эпохе бронзы, находятся в процессе обработки и изучения, поэтому все выводы носят предварительный характер. Часть коллекции обработана старшим научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН, кандидатом биологических наук П.А.Косинцевым и аспиранткой кафедры археологии и истории древнего мира СамГПУ Н.Росляковой (Косинцев П.А., Рослякова Н.В., 1999а; 1999б). Другие данные взяты из литературы.

Ямная культура

Фактически все сведения о наличии скотоводства у древнеямных племен базируются на данных погребальных памятников. В настоящем очерке привлекаются материалы погребений не только Среднего, но и Нижнего Поволжья, так как в Самарском Поволжье их немного.

Кости животных обнаружены в 59 ямных погребениях из 45 курганов в 35 могильниках. Кости домашних животных встречены 51 раз, диких — 8 раз. Кости мелкого рогатого скота найдены в 38 погребениях, крупного рогатого скота в 10 погребениях. Дикие животные представлены в единичных случаях сайгаком, лисцей, зайцем и мелким хищником. Три раза встречены кости птицы.

Общее соотношение находок позволяет сделать некоторые выводы. Дикие животные сопровождали погребения крайне редко, остатки их составляют незначительную часть общего числа костей, найденных в погребальных памятниках (15,7%).

Число костей диких животных крайне незначительно не только в погребальных памятниках, но и в нижнеднепровских поселениях ямной культуры. В Михайловском поселении шестнадцать видам диких животных и рыб принадлежат лишь 10,7% всех найденных костей (Лагодовска О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л., 1962. С.171-172). Следовательно, в данном случае находки в погребениях отражают истинное соотношение животных в хозяйстве и свидетельствуют о том, что охота играла вспомогательную роль в хозяйстве (Мерперт Н.Я., 1974. С.104).

В скотоводческом хозяйстве древнеямных племен первое место принадлежало овцеводству. Особая роль овцы в древнеямном стаде вполне соответствует условиям рассматриваемой территории, значительную часть которой занимают засушливые степи, а на юге и полупустыни. Овцы более всех других видов домашних животных приспособлены к жизни в подобных условиях. Неприхотливые, довольствующиеся даже скудной растительностью полупустынных и пустынных районов, овцы давали обильный приплод и легко переносили далекие перемещения по безводным пространствам. Заметное преобладание их в древнеямном стаде само по себе является одним из показателей подвижных форм скотоводства. В хозяйстве населения с прочными традициями оседлости овцы представлены примерно в равной доле с крупным рогатым скотом и свиной или заметно уступают им (Мерперт Н.Я., 1974. С.104).

Кости свиной в древнеямных погребениях не встречены. В материалах Михайловского поселения они составляют лишь 2,2% (Лагодовска О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л., 1962. С.172). Это говорит о том, что общее значение свиной в хозяйстве древнеямных племен было ничтожным (Цалкин В.И., 1970. С.238).

Крупный рогатый скот, хотя и представлен в погребениях единичными находками, был известен древнеямным племенам Волжско-Уральского междуречья (Смирнов К.Ф., 1959. С.308).

Редчайшим исключением в погребальных памятниках ямной культуры являются кости лошади (Мерперт Н.Я., 1974. С.105). В Михайловском поселении лошадь составляет 17,9% стада (Лагодовска О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л., 1962. С.172). Это свидетельствует о том, что несмотря на отсутствие костей в погребениях, лошадь была известна древнеямным племенам (Мерперт Н.Я., 1974. С.106).

Мелкий рогатый скот составлял основной фонд мясной пищи. Крупный рогатый скот использовался, в первую очередь, как транспортное животное. Пока остается открытым вопрос о транспортном использовании лошади. С наличием тягловых животных согласуется и наличие технических средств передвижения — колесных повозок, найденных по всей территории древнеямной культурно-исторической общности (Мерперт Н.Я., 1974. С.115). Для Волжско-Уральского варианта ямной культуры особое значение приобретает находка цельного деревянного колеса от повозки в погребении 1 кургана 7 Герасимовского I могильника (Федорова-Давыдова Э.А., 1971. С.57).

Таким образом, в хозяйстве древнеямных племен на первом месте стоял мелкий рогатый скот. Кроме него разводили крупный рогатый скот и лошадь. Кости

свиньи в погребениях не известны, но есть на поселении. Вероятно, роль этого животного в хозяйстве была незначительной.

Полтавкинская культура

На территории Самарского Поволжья поселения полтавкинской культуры не известны, поэтому, как и для ямной культуры, все выводы о хозяйстве полтавкинских племен основаны на материалах погребальных памятников. Видовой состав животных из 11 погребений полтавкинской культуры Самарского Поволжья близок таковому из памятников ямной культуры. Первое место в стаде принадлежит мелкому рогатому скоту. Отличие заключается в некотором увеличении доли крупного рогатого скота. Впервые здесь отмечаются жертвенники из черепа и костей ног лошади. В Нижнем Поволжье кости лошади известны в единичных полтавкинских памятниках. Возможно, смыслом помещения костей крупных животных в погребения было выполнение или имитация функции тягловой силы (Смирнов А.М., 1996. С.117-118). Кости свиньи традиционно не известны. Из костей диких животных найдена лишь нижняя челюсть лисицы.

Абашевская культура

Памятники абашевской культуры в Самарском Поволжье немногочисленны. В погребениях кости животных не встречены. Исключение составляет могильник у Никифоровского лесничества, находящийся уже на территории Оренбуржья, в котором есть жертвенники из нижних челюстей и ног мелкого рогатого скота. Osteологические определения сделаны по материалам поселений Точка (челюсти и кости ног барана, коровы, лошади) и Красный Городок (кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади).

По погребальным памятникам основной территории абашевской культуры, в Среднем Поволжье и в Южном Приуралье, известно, что в составе стада были мелкий рогатый скот (преобладает на всех этапах развития культуры), крупный рогатый скот (его поголовье увеличивается на классическом этапе культуры), свинья, лошадь (появляется на классическом этапе и увеличивает свое значение на позднем). Известны кости диких лесных животных — кабана, медведя, бобра.

На основании osteологического материала, полученного с абашевских поселений Южного Урала, можно заключить, что в составе стада господствующее положение занимал крупный рогатый скот (от 61 до 77,8%), на втором месте — мелкий рогатый скот (от 9,9 до 22%), далее идут лошадь и свинья. Кости диких животных встречаются крайне редко (Сальников К.В., 1967. С.48).

Скотоводство уральских абашевских племен было пастушеским. Культивирование крупного рогатого скота у абашевцев могло выступать как придомное животноводство, характерной чертой которого было использование в качестве пастбищ ближайших к поселению угодий (Краснов Ю.А., 1971. С.120).

Памятники потаповского типа

Osteологические определения материалов из Потаповского и VI Утевского могильников находятся в работе и данные по ним не могут быть приведены в настоящем очерке. По материалам других памятников (Грачевка II) можно говорить о наличии в стаде крупного рогатого скота, овцы, козы, свиньи. Эти данные явно

недостаточны, чтобы сделать какие-либо выводы по хозяйству населения Самарского Поволжья в этот период.

Срубная культура

Природно-климатические особенности лесостепи способствовали становлению у племен срубной культуры комплексного, скотоводческо-земледельческого хозяйства, основу которого составляло скотоводство, носившее пастушеский придомный характер (Сальников К.В., 1967. С.181; Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д., 1979. С.10-11).

Основой животноводства у населения срубной культуры в лесостепи являлось разведение крупного рогатого скота. По заключению В.И.Цалкина, крупный рогатый скот, разводившийся племенами срубной культуры в Среднем Поволжье и Среднем Подонье, был более ширококостным и отличался большими размерами, чем у племен срубной культуры в Северном Причерноморье. Рост в холке составлял у коров в среднем 117,5 см, а у быков — 125,6 см. В состав стада входили и волы, использовавшиеся для тяговых работ. Кастрация, как способ получения волов, была уже известна (Цалкин В.И., 1972а. С.61). Отличие волов от быков по высоте в холке относительно невелико и составляло в целом около 8 см (Цалкин В.И., 1972а. С.61). Крупный рогатый скот эпохи поздней бронзы, по сравнению с крупным рогатым скотом раннего железного века, был более длиннорогим, хотя по заключению В.И. Цалкина (Цалкин В.И., 1972а. С.51) и А.Г.Петренко (Петренко А.Г., 1984. С.47), значительную часть поголовья составляли комолые особи. Установлено, что две трети использованных в пищу животных были моложе трех лет (Цалкин В.И., 1972а. С.49). Это говорит о преимущественно мясном направлении животноводства. Но уже с середины II тыс. до н. э. можно говорить о разностороннем использовании животных.

Второе место в стаде занимал мелкий рогатый скот (овцы, козы), причем овцы явно преобладали над козами (Цалкин В.И., 1972б. С.47). Средний рост овец около 70 см (Цалкин В.И., 1972б. С.26). Овцы, встреченные на поселениях срубников Среднего Поволжья, отличались очень крупными размерами. Самки у овец были комолые (Цалкин В.И., 1972б. С.26). Овец и коз использовали в пищу в молодом возрасте.

На третьем месте в стаде срубного населения Среднего Поволжья была лошадь. По заключению В.И. Цалкина, основное поголовье лошадей образовывали полутонконогие, в меньшей степени, среднетонконогие и тонконогие особи. Наиболее многочисленную группу среди лошадей составляли, так называемые, “средние по росту”, высотой в холке 136-144 см; на их долю в эпоху поздней бронзы приходилось более 50% поголовья лошадей, хотя встречались малорослые и рослые лошади (Цалкин В.И., 1972в. С.70).

По мнению В.И. Цалкина, население употребляло в пищу, главным образом, молодых лошадей, не достигших 3-4-х летнего возраста. Но встречаются особи 5-10 лет и старше (Цалкин В.И., 1972в. С.62). Эти данные свидетельствуют об использовании животных для хозяйственных работ и для верховой езды.

Разведение свиней у племен срубной культуры Среднего Поволжья было ограниченным. Наиболее развитым представляется свиноводство у срубных племен Приуралья (Цалкин В.И., 1972в. С.28-29). Низкий процент находок костей свиньи, объясняется тем, что по происхождению степное срубное население, продвинувшись к кромке лесной полосы, частично продолжало практиковать традиционные формы животноводства. В частности, при низком уровне развития свиноводства, на чисто срубных поселениях относительно высок процент мелкого рогатого скота (31,2%). В погребальных памятниках кости свиньи встречаются редко. В Лузановском могильнике найдены челюсти крупного кабана (Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992. С.60).

Большинство забитых на мясо животных имело возраст 1-1,5 года (Петренко А.Г., 1984. С.67). По заключению В.И.Цалкина, домашние свиньи были очень крупными, иногда достигая размеров диких особей (Цалкин В.И., 1972в. С.47-49).

К числу домашних животных относится собака, кости которой встречены на ряде поселений срубной культуры. Кости собаки подтверждают пастушеский характер скотоводства лесостепных срубных племен (Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992. С.61). Собака оказывала помощь при выпасе скота. И хотя кости собаки на памятниках единичны, это свидетельствует только о том, что собак в пищу не употребляли и умирали они за пределами поселений. В.И.Цалкин отметил, что охота играла незначительную роль в хозяйстве у срубных племен. Небольшое число костей диких животных свойственно памятникам срубной культуры, расположенным в различных природных условиях — в лесной полосе, лесостепи и степи, но это не является следствием недостаточности природных ресурсов для охоты (Цалкин В.И., 1958. С.267).

Большой остеологический материал был получен при раскопках поселения Лебяжинка V в Красноярском районе Самарской области. На территории поселения были обнаружены остатки трех жилищ. Жилище 2 содержало в основном материалы срубной культуры. Большинство костей животных, в виде кухонных остатков, принадлежало домашним видам: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь и свинья. Количество костей животных диких видов составляет для жилища 2 — 1%.

Видовое соотношение животных из жилища 2 характерно для срубных памятников в целом: крупный рогатый скот 66,6-67,4%, мелкий рогатый скот 18,2-18,9%, лошадь — 11,3-11,5%, свинья 3,0-3,1%.

Таким образом, кости животных есть во всех бытовых и в большинстве погребальных памятников срубной культуры. Остеологический анализ показывает, что племена срубной культуры разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, свинью.

Сусканская группа памятников.

О хозяйстве сусканского населения можно судить на основании анализа остеологического материала с поселения Лебяжинка V, которое уже упоминалось выше. На территории поселения были обнаружены остатки трех жилищ. В жилищах 1 и 3 преобладала керамика сусканского типа. Кости животных, в виде кухонных остатков, принадлежали в основном домашним видам: крупный рогатый скот, мелкий

рогатый скот, лошадь и свинья. Количество костей диких видов животных составляет для жилища 1 - 0,9%, для жилища 3 — 0,6%. В сусканских жилищах увеличивается, по сравнению со срубным жилищем этого же памятника, количество мелко-рогатого скота (22,5-24,3%), лошади (9,1-15,5%), свиньи (3,2-6,7%). Количество крупного рогатого скота уменьшается (56,9-62,9%).

Следовательно, в конце эпохи поздней бронзы в Самарском Поволжье состав стада древнего населения остался прежним. Хотя представлены остеологические материалы только одного памятника, но уже и по ним можно отметить намечающуюся тенденцию в изменении роли каждого вида животных в стаде.

Таким образом, на протяжении бронзового века в Самарском Поволжье традиции скотоводства сохранялись, но роль каждого животного в стаде на протяжении бронзового века менялась. Так, в ямной и полтавкинской культурах главную роль играл мелкий рогатый скот, а свинья, возможно, была не известна или ее роль была минимальной. Свинья, безусловно, была в стаде у абашевцев. Население, оставившее памятники потаповского типа и срубной культуры разводило свинью, но не в таком объеме, как абашевские племена.

Обратная ситуация наблюдается с ролью лошади в стаде. Кости лошади в памятниках раннего бронзового века (ямная культура) единичны, более часты - в памятниках среднего бронзового века (полтавкинская, абашевская культуры) и обычны в начале эпохи поздней бронзы (ранние срубные памятники). Стада выпасались с помощью лошади, а охранялись - с помощью собак. Тягловым животным в начале бронзового века, вероятно, был вол, но постепенно его заменяет лошадь. В конце эпохи средней бронзы увеличивается роль крупного рогатого скота. Такая же ситуация сохраняется и в эпоху поздней бронзы.

Кости диких животных в погребениях могут свидетельствовать не только о занятиях охотой, но и о культурах, связанных с этими животными. Например, в лесной зоне, в памятниках абашевской культуры, найдены амулеты из зубов и клыков медведя, кабана, бобра, а в степной зоне, в памятниках срубной культуры, - лисицы и волка.

В целом, остеологические материалы в археологических памятниках являются ценным источником для изучения истории древних племен. Они требуют к себе внимательного отношения как в процессе раскопок памятников, так и в процессе их исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Косинцев П.А., Рослякова Н.В.*, 1999а. Парное захоронение лошадей из II Уваровского могильника // Историко-археологические изыскания. Вып.3. Самара.
- Косинцев П.А., Рослякова Н.В.*, 1999б. Остатки животных из Калиновского могильника // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара.
- Краснов Ю.А.*, 1971. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.-Л.
- Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.*, 1935. Родовое общество степей Восточной Европы М.-Л.

- Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.*, 1962. Михайлівське поселення. Київ.
- Мерперт Н.Я.*, 1974. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.
- Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д.*, 1979. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж.
- Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т.*, 1992. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.
- Петренко А.Г.*, 1984. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М.
- Сальников К.В.*, 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Смирнов К.Ф.*, 1959. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Волгоградской области // МИА. 60.
- Смирнов А.М.*, 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Цалкин В.И.*, 1958. Фауна из раскопок археологических памятников Среднего Поволжья // МИА. 61. Т. II.
- Цалкин В.И.*, 1969. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок археологических памятников позднего бронзового века // КСИА. Вып. 101.
- Цалкин В.И.*, 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
- Цалкин В.И.*, 1972а. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // БМОИП, биология. Т.77 (1).
- Цалкин В.И.*, 1972б. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // БМОИП, биология. Т.77 (2).
- Цалкин В.И.*, 1972в. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // БМОИП, биология. Т.77 (3).
- Федорова-Давыдова Э.А.*, 1971. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.

ГЛАВА IX
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ
САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Интерес к палеоантропологическим материалам возник довольно рано, параллельно с развитием археологических поисков. Для Самарского Поволжья уже первые экспедиции в 20–30-е годы В.В. Гольмстен, исследовавшие курганы эпохи бронзы в районе малых рек Кинель и Самара, сопровождалась сбором останков человека. Г.Ф. Дебец, специально посетивший летом 1930 года самарский музей общества археологии, истории и этнографии, изучил эти находки, и в 1936 году вышла первая палеоантропологическая публикация по Поволжью для эпох бронзы и железа. Основной вывод работы состоял в том, что поволжское население того времени в расовом отношении было европеоидным. Это положение, несмотря на значительно выросший объем материала, остается непреложным и по настоящие дни. Автор дал характеристику черепов и возможные генетические связи населения ямной, катакомбной и срубной культур.

Для населения ямной культуры характерны черепа с низким и ортогнатным лицом, низкими орбитами, сильно выступающим носом. Особенностью этих черепов являются сильно наклонный лоб и мощные надбровные дуги. Черепа “катакомбной” стадии выделяются брахикранией и более высоким сводом. В связи с этим автор не отрицает возможность прихода в Поволжские степи какого-то чужеродного элемента. Антропологические материалы срубной культуры в целом более грацильны. Черепа имеют менее выраженное надбровье, более прямой лоб и менее широкий скуловой диаметр. Однако, учитывая общее направление эпохальной изменчивости, вряд ли, по автору, следует предполагать приход извне населения срубной культуры (Дебец Г.Ф., 1936. С.66–69).

Несколько позже с появлением новых материалов эпохи бронзы Среднего Поволжья Г.Ф. Дебец внес некоторые дополнения в вопрос о сложении населения срубной культуры (Дебец Г.Ф., 1954). Среди ее носителей, правда, в гораздо меньшем числе и именно в лесостепной зоне (мог. Ягодное, Хрящевка в Куйбышевской обл.) был выделен умеренно брахикранный монголоидный тип. Автор считал, что распространение срубной культуры на север, в пределы лесостепной полосы, сопровождалось ассимиляцией части древнего местного населения монголоидного типа “срубными” племенами. Среди последних был распространен долихокраний, умеренно гиперморфный европеоидный тип.

В дальнейшем с территории лесной полосы Восточной Европы были получены черепа со специфическими чертами - общей грацильностью и уплощенным лицом. Многие из них отнесены к досрубному времени, к населению с неолитическим укладами хозяйства. Была выдвинута гипотеза (Бунак В.В., 1956), что в глубочайшей древности где-то в западном и восточном Приуралье сформировалась особая

антропологическая формация, генетически не связанная ни с монголоидами, ни с европеоидами. В связи с этим было предложено, что и черепа с плосковатым лицом, относящиеся к срубной культуре эпохи бронзы, скорее, древнего приуральского происхождения (Шевченко А.В., 1986; 1993).

Со временем был расширен вопрос и о европеоидной основе в составе населения срубной культуры. М.М.Герасимова обратила внимание на два резко брахикранных европеоидных черепа из могильника Кайбелы в Ульяновской области (Герасимова М.М., 1958). Такие черепа, по автору, к тому же лишенные монголоидных особенностей, имеются среди населения катакомбной культуры. Затем последовал ряд работ (Герасимов М.М., 1955; Кондукторова Т.С., 1956; Зиневич Г.П., Круц С.И., 1968; Круц С.И., 1976; 1977; Юсупов Р.М., 1989; Шевченко А.В., Юсупов Р.М., 1991), показавших многокомпонентность популяций срубной культуры и определенные локальные группировки. Для Волго-Уралья были выявлены очаги широколищести - в лесостепном Приуралье (мог. Старо-Ябалаклинский в Башкирии) (Шевченко А.В., Юсупов Р.М., 1991; Шевченко А.В., 1993), Нижнем Поволжье (Волгоградская и Астраханская области) (Шевченко А.В., 1984; 1986) и сравнительно узколищцы форм - в лесостепном Поволжье (Круц С.И., 1976; Шевченко А.В., 1984; 1986; 1993), Южном Приуралье (Юсупов Р.М., 1989). По мнению А.В. Шевченко, сравнительно узколищцы поволжские срубники происходят от метисации потомков местных ямников и полтавкинцев с пришедшими сюда с запада гипоморфными средиземноморцами (Шевченко А.В., 1984. С.69).

По сравнению с поздней бронзой, антропология ранних этапов этой эпохи, с которой обычно связывают ямно-полтавкинское население, довольно длительное время была представлена слабо. Медленная накапливаемость материала была обусловлена как естественной исторической закономерностью - чем глубже эпоха, тем меньше населения, так и особенностями погребального обряда того времени. Так, к примеру, в ямно-полтавкинских курганах, в отличие от срубных, содержится, как правило, гораздо меньшее число захоронений (чаще одно-два). В работах Т.С. Кондукторовой (Кондукторова Т.С., 1962), М.С.Акимовой (Акимова М.С., 1968; 1968а), А.В.Шевченко (Шевченко А.В., 1980), А.А.Хохлова (Хохлов А.А., 1991) содержатся сведения о единичных ямно-полтавкинских волгоуральских черепах. Сравнительно более массовый материал был добыт из погребений Нижнего Поволжья (Дебец Г.Ф., 1948; Гинзбург В.В., 1959; Глазкова Н.М., Чтецов В.П., 1960; Фирштейн Б.В., 1967; Шевченко А.В., 1973; 1974; 1980) и других территорий.

Для Приуралья первая по настоящему представительная серия черепов накопилась лишь к началу 90-х годов (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994б). В итоге наметилась общая картина расогенеза ямной культуры. Как и следовало ожидать, население этой огромной по занимаемой площади культурно-исторической общности не было однородным. Гетерогенность отмечалась и для отдельных серий. Это относится и к некоторым выборкам черепов ямной культуры Приуралья. Основная часть сборной серии этого региона характеризуется матуризованностью и гиперморфией в сочетании с резко выраженными европеоидными особенностями в строении

лицевого скелета (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994. С.142). Однако некоторые черепа, к примеру из Нижнепавловского могильника (Оренбургская обл.), отличаются заметной тенденцией к гипердолохокрании и гипоморфии. Весьма своеобразным оказался череп из могильника Линевка III, который продемонстрировал целый комплекс признаков специфичных “лесных” популяций.

Особенное внимание работы антропологов привлекали в связи и с ныне актуальной научной дискуссией о месте возникновения древнеямных традиций. В этом вопросе громадное значение сыграло открытие в Поволжье ряда энеолитических погребений и особенно хвалынских могильников, материал которых, хорошо документированный, приподнес немало общего с элементами погребального обряда ямной культуры Волго-Уралья. На основе этого сходства количество подкурганых захоронений ямной культуры, причисляемых к древнейшим, увеличилось (Дремов И.И., Юдин А.И., 1990. С.36-37).

Что касается палеоантропологических материалов, то черепа, подобные хвалынским, в ямных сериях конечно же есть. С другой стороны, А.В.Шевченко был склонен видеть сходство хвалынской серии не столько с ямными Доно-Уральского междуречья, сколько с суммарной выборкой черепов афанасьевской культуры из Минусинской котловины (Шевченко А.В., 1986. С.157). Правда, причину отмеченного сходства автор идеи не объясняет, оставив, таким образом, это на будущее рассмотрение.

Полтавкинские памятники, хронологически следующие за ямными, относят к эпохе средней бронзы. Как и раннеямные материалы, уже первые полтавкинские погребения дали неоднородный антропологический материал. Среди нижеволжской серии из могильников Быково I и Политотдельское (Волгоградская обл.; Глазкова Н.М., Чтецов В.П., 1960) отмечены как брахиканы, так и долихокраны, с разной степенью профилированности лица, а череп из лесостепной части Поволжья (Преполовенка) (Шевченко А.В., 1980) при общей гиперморфности проявил черты, свойственные для лесного населения.

За последние 15 лет целенаправленных исследований могильников эпохи бронзы Самарского Поволжья получен довольно солидный палеоантропологический материал. Часть его относится к ранее не представленным периодам, или к культурным образованиям, прежде не фиксировавшимся в Поволжье. Благодаря резко качественному углублению археологических знаний становится возможным подробнее рассмотреть и расогенетическую историю. В качестве иллюстративного сопроводителя описания прилагаются фотографии характерных краниологических типов Поволжья (рис. 1-4) эпохи бронзы, а также некоторые реконструкции лица по черепу (рис. 5, 6).

В период ранней бронзы Волго-Уральскую географическую область, включающую Самарскую лесостепь, населяют коллективы ямной культуры. Даты, полученные радиоуглеродным методом (Кузнецов П.Ф., 1996), определяют появление здесь этой культуры не позднее первой половины III тысячелетия до н.э. Следует отметить, что имеющиеся радиоуглеродные даты ямной культуры для других территорий ее распространения не отличаются большей глубиной.

Судя по археологическим наблюдениям, на северных окраинах ареала волго-уральские ямные коллективы могли иметь в соседях население, родственное воло-совскому и гаринско-борскому, а на востоке - терсекско-ботайское. Безусловно, были и другие этнические группировки, знакомые с подвижными скотоводами степей, кого-то укрывали и приволжские лесистые возвышенности. Ввиду практически полного отсутствия погребальных памятников соседних культур, трудно представить характер связей групп ямной культуры с окружающим населением. Вопрос усложняется и тем, что в археологии нет единодушного мнения по поводу хронологической последовательности ряда ямно-полтавкинских погребений. К примеру, по мнению Н.Л.Моргуновой и А.Ю.Кравцова (Моргунова Н.Л., 1991; Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994), ямные погребения со скорченными на правом боку костяками появляются в Приуралье с самых ранних этапов распространения культуры. Другие (Васильев И.Б., 1979, Кузнецов П.Ф., 1990) считают принадлежность большинства таких погребений к более позднему времени - полтавкинскому.

В последних антропологических исследованиях ямно-полтавкинских древностей (Хохлов А.А., 1997; 1998а; 1998б; 2000) была учтена полемика исследователей. Имеющийся краниологический материал Самарского Поволжья (65 черепов) относится к двум этапам: раннеямному и ямно-полтавкинскому. В результате такой ранжировки в ранней группе оказались в основном черепа от скелетов, лежащих на спине с согнутыми в коленях ногами. В то же время во второй группе доминируют черепа от погребенных, скорченных на правом боку.

Анализ позволил установить неоднородность населения, оставившего на этой территории ранние ямные курганы. Причем намечаются определенные географические привязки. Так, в лесостепной части Заволжья очевидно преобладают черепа матуризованные, с крупными размерами, мезокранные и вообще с резко выраженными европеоидными чертами. В прилегающих степных районах Поволжья и Приуралья представлен, в основном, иной компонент - менее массивный и менее крупный, долихокранный. Этот краниологический тип очень сходен с поволжскими черепами из "древнейших подкурганых захоронений" (Бережновка I, 5/22, Бережновка II, 9/10) и энеолитическими из Хвалынского I могильника. В определенной мере, это может свидетельствовать в пользу точки зрения о выработке древнеямных культурных традиций Волго-Уралья на основе хвалынских.

Говоря о физическом облике населения неолита-ранней бронзы юга Восточной Европы, приходится излагать факт, что обобщенные краниологические серии, как ямников Поволжья, так и из других крупных регионов, по основным параметрам, действительно, ближе к умеренно широколицым хвалынским черепам (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994б; Хохлов А.А., 1998б), нежели к гиперморфным неолитическим сериям Украины и Волго-Донья. Такое крупномасштабное сравнение может говорить о некоей эпохальной "победе" носителей умеренно массивных краниологических комплексов, быть может в силу их количественного доминирования, или большей генетической адаптированности к настоящим степным условиям, либо

в виду каких-то социально-политических факторов. Однако такой подход не может однозначно привести к раскрытию тайны происхождения создателей древнеямных курганных традиций.

Уже указывалось, что в лесостепном Заволжье доминировала другая раннеямная группировка - с более массивным строением черепа, крупным, резко профилированным лицом. По физическим чертам эти люди мало схожи с хвалынскими. Едва ли имеют они и местное происхождение. Доямные племена ново-ильинской, гаринско-борской, волосовской культур, обитавшие в этом крае, генетически восходят к северным - лесным областям Восточной Европы. Ввиду отсутствия или слабой представленности палеоантропологического материала этих культур невозможно с уверенностью говорить о физическом облике их носителей. С древнейших времен и в последующее время в Среднем Поволжье превалирует население с менее матуризованными чертами и умеренно уплощенным лицом. Логично предположить, что названным северным пришельцам также был свойствен в большей части специфический "лесной" комплекс. К сведению, все же одна локальная группа, проживавшая непосредственно в доямное или синхронное время в лесостепном Заволжье, дала антропологический материал. Имеются в виду материалы грунтовых захоронений у с. Гундоровка. Погребенные здесь люди при жизни имели небольшой рост, мезо-брахиморфные пропорции телосложения, а краниологически они сопоставимы с древним урало-лапоноидным населением (Овчинникова Н.В., Хохлов А.А., 1998). Таким образом, ничего общего с достаточно высокорослыми, резко европеоидными ямниками они не имели. Основной контингент последних, видимо, генетически связан с какими-то более южными популяциями. Действительно, близкие аналогии свойственным им черепам обнаруживаются, и даже на популяционном уровне - прежде всего, среди ямных серий Нижнего Поволжья и Дона. В предшествующее же время тождественные ямным массивные, с широким лицом черепа были характерны для неолитических племен днепро-донецкой культуры и отчасти энеолитической среднестоговской.

Обращает внимание некоторая морфологическая специфика ранних ямных черепов Самарского Поволжья - покаты́й лоб, резко выступающий массивный затылок на фоне пониженной мозговой коробки. Представляется, что этот антропологический комплекс мог оформиться где-то в зоне массивированных контактов между представителями умеренно широколицых, резко профилированных краниокомплексов, наподобие хвалынского или мезолитического украинского - с одной стороны, и гиперморфного, наподобие надпорожско-приазовского - с другой. В позднеэнеолитическую эпоху такой метисационной зоной могли являться территории Волго-Донского междуречья и прилегающих областей.

В археологии самостоятельный вес имеют памятники так называемого репинского типа. Считается, что раннее ядро репинских памятников локализуется в лесостепной и прилегающих к ней степных частях бассейна Среднего Дона (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985; Трифонов В.А., 1996) и в генетическом плане больше всего соответствует среднестоговской культуре (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985).

Впоследствии племена репинской культуры широко распространяются в южном, юго-западном и северном направлениях (Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1985). Репинская керамика мощным пластом перекрывает хвалынскую и на востоке - в памятниках Северного Прикаспия, и все чаще фиксируется в районах степного и лесостепного Заволжья, в том числе в древнеямных курганах. Некоторые исследователи (Барынкин П. П., 1992; Трифонов В. А., 1996; Кузнецов П. Ф., 1997) именно эти памятники отождествляют с раннеямными. Впрочем, вклад репинских культурных традиций в сложение ямных признают все.

К сожалению, антропология конкретно репинских материалов исчерпывается всего двумя скелетами - Быково I, 12/7 (Волгоградская обл.) (Глазкова Н. М., Чтецов В. П., 1960) и Лопатино I, 31/1 (Самарская обл.) (материалы П. Ф. Кузнецова). Однако их черепа довольно выразительны и демонстрируют как раз тот набор специфических признаков, который свойствен и раннеямным черепам лесостепного Заволжья (Хохлов А. А. 1998а. С. 105). Поэтому вряд ли будет удивительной мысль, что население, оставившее некоторые репинские и раннеямные памятники, генетически едино. А также то, что нахождение в раннеямных курганах Волго-Уралья останков людей с довольно массивным строением черепа, в какой-то мере, отражает распространение репинского населения.

Следует сказать, что палеоантропологический материал, что само собой разумеется, не решает вопроса происхождения культуры. Он раскрывает вопросы генезиса древних человеческих коллективов, а, следовательно, может существенно уточнить общую этногенетическую картину. Можно уверенно говорить, что в этногенезе населения ранней бронзы Волго-Уралья были задействованы представители различных антропологических формаций. В это время здесь заметно усиливается вес гиперморфного компонента, проникающего, видимо, с более западных территорий. Вследствие этого происходит частичная ассимиляция местных, близких по хозяйственному укладу, коллективов - потомков древних хвалынцев. Это находит отражение в части местных краниологических материалов, демонстрирующих промежуточные черты, а также в некоторой нивелировке общей массивности сложения скелета на региональном уровне.

Позднее, на ямно-полтавкинском этапе, с наступлением эпохи средней бронзы, история контактов волго-уральских народов еще более усложняется. Во-первых, антропологический материал показывает, что в среднем ямно-полтавкинцы отличаются от ранних ямников долихоцефальной, высокой головой и более узким лицом. Эти черты резко доминируют у погребенных скорченно на боку. В то же время ямно-полтавкинцы, погребенные в позе на спине, являются в основном носителями гиперморфных черт, свойственных и ранним ямникам лесостепного Заволжья. Подобные параллели в различиях краниологического материала были отмечены С. И. Круц (Круц С. И., 1977) среди ямных серий Украины. Причем, погребенные скорченно на боку, по мнению С. И. Круц, являются носителями протосредиземноморского типа. Следует сказать, что "скорченники" Украины и Волго-Уралья имеют некоторые различия, как по погребальному обряду, так и по кранио-

логическим чертам. Эти различия вполне объяснимы особенностями совокупных социо-природных локальных условий. В общем же контексте такие параллели могут подразумевать тесную взаимосвязь исторических процессов, происходивших в то время в степях Украины и Волго-Уралья. Появление в обоих регионах людей с чертами, близкими к средиземноморским и тесно связанных со сложными погребальными конструкциями в курганах, возможно, следует связывать с всеорообразным распространением какого-то более южного, но родственного древнейшему населению. Как известно, южной периферией степного мира, были территории Предкавказья, Причерноморья и северного Прикаспия.

В Волго-Уралье это пришлое население заняло сравнительно более свободные территории, ближе к южным отрогам Уральского горного хребта.

Несколько захоронений ямно-полтавкинского времени отличаются наличием в могилах подбоя, а у некоторых погребенных прослеживается искусственная деформация мозговой коробки. Этот обычай, применяемый при помощи тугого бинтования головы или накладывания дощечек еще в детском возрасте, явно чужеродный для этих мест. Зато он, как и подбой - сильно упрощенный элемент катакомбы, был характерен для населения, появившегося в южнорусских степях с катакомбными погребальными традициями. Видимо, наличие этих элементов культуры в Самарской лесостепи является отголоском бурных метисационных процессов между людьми ямной и катакомбной культур, развернувшихся в Волго-Донском междуречье (Шевченко А.В., 1986; 1993). Идею о прямом проникновении катакомбных племен на территории степного Заволжья и далее - в Южное Приуралье развивает М.А. Турецкий (Турецкий М.А., 1990; 1999).

Местное полтавкинское население, в отличие от ямного, более разнородно. Видимо, их коллективы были менее замкнуты для межпопуляционных браков. Безусловно, одной из магистральных причин этого явились активные перемещения европейского населения, начавшиеся где-то в середине III тыс. до н. э. и приведшие в движение всю степь. Возможно это происходило в результате интенсивного хозяйственного освоения степных угодий, экологических кризисов, военно-политических и экономических устремлений вождей племен и т. д.

Не всегда встречи в кочевой зоне разных племен заканчивались миролюбиво. Из обследованных ямно-полтавкинских черепов 31% несут на себе травматические повреждения, многие из которых были смертельными. В некоторых случаях отмечается прижизненный слом носовых костей, полученный, вероятно, в рукопашном столкновении (Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998. С. 32, 33).

Полтавкинское население, европеоидное в основе, контактировало не только с народами, близкими по хозяйству и, в определенной степени, по языку. На северо-восточных окраинах полтавкинского ареала выявляются погребения с керамикой, близкой лесным средневожским и приуральским культурам. Несколько полтавкинских черепов несут черты уралоидной антропологической формации. Это, безусловно, говорит о существовании брачных связей с населением, которое, судя

по изначальной территории своего формирования, могло принадлежать к другому языковому корню.

Почти одновременно с полтавкинской в районах Среднего Поволжья развивается самобытная абашевская культура - до сих пор довольно дискуссионная по происхождению. Со времен опубликования опорных антропологических материалов этой культуры - знаменитого Пепкинского кургана, других сведений практически не появилось. По мнению Г.В. Лебединской и М.М. Герасимовой черепа из этого кургана ближайшие географические аналогии находят среди серий балановско-фатьяновских могильников (Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. С.38). Основные носители этих культур, обладавшие сравнительно узким лицом и долихокефалией, по-прежнему не находят аналогий в предшествующих материалах Среднего Поволжья. Возможно, генетические корни этого широко распространеннейшего в лесной зоне населения, действительно следует искать где-то в районах Центральной Европы (Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. С.43). Как показывают другие находки и суждения о них (Дебец Г.Ф., 1948; Акимова М.С., 1968; 1955; Шевченко А.В., 1984; 1986; 1993) абашевцы были не менее восприимчивы к контактам с окружающим населением, чем полтавкинцы. Череп из Ольгашинского могильника - гиперморфного европеоидного типа, а из Катергино-Бишево, как отмечали некоторые исследователи (Дебец Г.Ф., 1948; Шевченко А.В., 1984; 1986; 1993) - вообще экваториального. Собственно говоря, среди самих пепкинских черепов некоторые (к примеру - $\square 8$, $\square 136$, $\square 14$) демонстрируют черты аборигенных, умеренно уплощенным лицом, групп. Это же можно сказать и о приуральских черепах из Чуракаевского могильника. Последние, на фоне хорошей горизонтальной профилировки, производят впечатление довольно грацильных (Акимова М.С., 1968. С. 12) и имеют слабо выступающий нос. Практически все перечисленные морфологические комбинации абашевцев, в том числе и "псевдо-негроидный", представлены и в балановском могильнике (Герасимов М.М., 1955; Акимова М.С., 1963).

Часть абашевского населения продвинулась и на территории Самарской лесостепи (Кузьмина О.В., 1992; 1999). Каков был физический тип этих групп, пока неизвестно. Учитывая большой исторический путь и высокую коммуникабельность этих лесостепных скотоводов, вполне возможно ожидать, что их внешность могла отличаться от той, которую имели их предки.

В заключительной части эпохи средней бронзы в лесостепном Волго-Уралье появляются памятники так называемого "потаповского" типа. Погребальный обряд населения, оставившего эти памятники, нестандартен для этих мест, отличается обилием сопутствующего инвентаря и мощными жертвенниками животных. Анализ антропологического материала Потаповского I могильника дал не менее интересные результаты. Было отмечено (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994а. С. 188, 189), что погребенные в курганах люди неоднородны по происхождению. Многие являлись носителями мезокранного, широколицего краниологического типа, распространенного в предшествующую эпоху в лесостепной и степной зонах Восточной Европы. В то же время, в серии встречались черепа долихокранные, с узким

лицом, а также сравнительно грацильные, с умеренно уплощенным. Их носители, вероятно, имели другую родословную. Все это подсказывало довольно сложный процесс взаимоотношений народов в этой части Волго-Уралья.

Анализ последовавших материалов подобных памятников (мог. Лопатинский II, Утевский VI, Грачевка II) укрепил вывод о гетерогенности “потаповских” популяций. Совокупные данные показывают (Хохлов А.А., 1998б. С.20), что основной компонент представлен населением с массивными, мезо-долихокранными, широкими в лицевой части черепами. За последние годы целенаправленных раскопок в Самарском крае заметно возросло количество аналогов этим черепам среди местных ямно-полтавкинских серий. Возможно, именно их носители составили основное звено в сложении “потаповских” популяций.

Из заволжских материалов этого времени несколько необычна серия Лопатинского II могильника. Она выделяется низкой мозговой коробкой и несколько уплощенным лицом. Такие характеристики были свойственны населению приуральского происхождения. Низкий свод на фоне в целом европеоидного комплекса, сближает эту серию и с абашевской из Пепкинского кургана. Можно думать, что люди, оставившие Лопатинский II могильник, каким-то образом были связаны с абашевскими поселенцами.

Все поволжские серии содержат еще один общий краниологический компонент, представленный преимущественно женскими черепами. Они характеризуются в основном мезо-брахикранией, менее высоким сводом, низким и более уплощенным лицом. Этот компонент, несомненно, связан своим происхождением с населением древнейшей северно-евразийской формации. Пока невозможно точно сказать, какие этнические группы представляли предки людей с умеренно уплощенным лицом, захороненные в “потаповских” могильниках. Ближайшее окружение европеоидного ямно-полтавкинское и абашевско-балановское населения практически не представлено палеоантропологическим материалом. В этом плане больше хотелось бы знать и о создателях вольско-лбищенской культуры, укрывавшихся в то время на лесистой Приволжской возвышенности. Потенциально это население также могло содержать специфический северный компонент.

Из ближайших соседей большого внимания заслуживают те, что оставили погребения в Зауралье на территории неолитического поселения Ботай. Небольшая ботайская серия черепов отличается завидной полиморфностью. Здесь имеются европеоидные с широким лицом, а череп из п.2 (ск.4) несет промежуточные - европеоидно-монголоидные черты, либо может рассматриваться как один из экваториальных вариантов (Рыкушина Г.В., 1984. С.134). С поступлением более широкого сопоставительного материала из районов по обе стороны Урала, на наш взгляд, “ботайские” люди представляют результат метисации европеоидного степного населения и именно уралоидного. Что касается возможных экваториальных черт на черепе из погребения 2 (ск.4) поселения Ботай, можно предполагать, что если они встречались в добронзовый период у населения Приуралья, то, вероятно, могли встретиться и в Зауралье. Так, подобные черты отмечались на западно-сибирских неолитических

ких черепах из могильников Протока и Сопка-2 (Хохлов А.А., 1996а. С.135), генетически связанных, по мнению авторов, опубликовавших эти антропологические материалы, Т.А. Чикишевой и Т.С.Балуевой (Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989) с популяциями лесной полосы Северной Евразии.

Ботайские черепа, несущие уралоидные черты, очень специфичны. На фоне сравнительно уплощенного лица они массивны, долихокранны, имеют коротковатые, со специфической вырезкой на конце носовые косточки. Точно такие же черепа имеются в волго-уральской серии Потаповка I, а также сериях синташтинской (Танаберген II) и петровской (Восточно-Курайлинский I) культур Южного Приуралья (Хохлов А.А., 1996в). Сравнивая эти черепа, следует помнить, что “потаповские” материалы Волго-Уралья и синташтинские Зауралья составляют единый блок близкородственных культурных образований.

Настоящее время антропология, даже обладая солидным материалом, не может повлиять на затянувшийся спор коллег археологов о конкретной исторической прародине творцов потаповско-синташтинских культурных традиций. Слишком мал хронологический интервал между созданиями этих памятников, а, следовательно, невозможно точно указать на опорный - древнейший из них.

Пока приходится говорить, что набирающий в эпоху средней бронзы миграционный темп в степной и лесостепной зоне Восточной Европы привел в итоге к смешению разноэтнических группировок и образованию довольно ярких культурных образований. В Приуралье и Зауралье в этот процесс активно включились местные слои населения, связанные с уралоидной антропологической формацией. По-видимому, именно они составили базисный пласт населения, на котором сформировались потаповско-синташтинские популяции. Экстраполируя эти наблюдения на более древнее время, приходится напомнить, что подобный процесс, правда, несколько менее мощный по силе, происходил в Поволжье при формировании хвалынского неолитического этноса.

В вопросе генезиса волго-уральских популяций периода средней бронзы нельзя оставить без внимания наблюдения, что среди мужского контингента “потаповцев” доминируют именно европеоды - с резким профилем лица. В женской половине, напротив, больше уралоидных черепов. Это, с накоплением большего фактического материала, может объяснить конкретные механизмы взаимодействия разноэтнических групп в ту историческую эпоху.

Нельзя также не упомянуть, что многие урало-поволжские исследователи именно эту культурную общность (синташтинско-потаповскую) связывают с легендарными ариями, известными по древнейшим письменным источникам Ригведе и Авесте. Загадочно “северное” происхождение ариев. В текстах изначальной прародиной называются места, где “полгода полярная ночь, где северное сияние, где падают белые хлопья с небес”. Возможно, именно брачные предпочтения приуральских скотоводов той эпохи подскажут смысловую нагрузку этих строк древних эпосов. Ведь именно женщины - матери могли вложить в уста своих маленьких воспитанников народные сказания и притчи, придуманные их далекими предками, обитавшими когда-то на близких к приполярному Уралу территориях.

Судя по имеющимся краниологическим материалам, приоритет в сложении физического типа населения, оставившего в Заволжье потаповские памятники, принадлежал лесостепным и степным европеоидным популяциям. Весьма вероятно, что к таковым относились местные ямно-полтавкинские племена. Вместе с тем в южноуральских близкокультурных группах (мог. Танаберген II, Восточно-Курайллинский I) доминировали узколицие европеоиды.

Где-то в XVI-XV вв. до н.э. Волго-Уралье наполняют раннесрубные - покровские культурные традиции. Несколько могильников происходят с территории Самарского Поволжья. Антропологический материал, в некоторых случаях довольно представительный, дали курганы, исследованные у сел Спиридоновка (Спиридоновка II), Рождествено (Рождествено I), Уваровка, Новая Орловка. Вопреки ожиданию, носители покровских традиций оказались довольно резко отличными от своих территориальных предшественников - потаповского населения. Во всех перечисленных сериях, ни то чтобы был слабо представлен гиперморфный, мезокранный антропологический компонент, его там практически нет. Основу населения, оставившего названные покровские памятники, составили долихокранные, сравнительно узколицие европеоиды. Едва ли можно предположить, что они могли являться продуктом метисации европеоидных и уралоидного компонентов, отмеченных в потаповских сериях.

Краниологически они оказались наиболее сходными с европеоидами древнесредиземноморского происхождения (Хохлов А.А., 1998; 1999). Следует сказать, что ко времени средней и поздней бронзы ареал средиземноморского комплекса заметно расширился. Непосредственно в досрубное время он уже доминировал в степном Приднепровье (культура многоваликовой керамики) (Круц С.И., 1984), Среднем Поволжье (культуры балановская и абашевская) (Герасимов М.М., 1955; Акимова М.С., 1963; Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966), Средней Азии (Кияткина Т.П., 1976). Отмечен он и в местных - полтавкинских (со скорченными на боку костяками), отчасти потаповских, а также южноуральских синташтинско-петровских материалах. Какие из средиземноморских потомков внесли больший вклад в формирование покровского населения, сказать пока трудно. Видимо, для этого периода бронзы, когда еще больше усилились демографические процессы, излишне прямолинейным будет и вывод о массивном проникновении в Волго-Уралье каких-то высоколицых и долихоцефальных европеоидов - с последующим вытеснением местного матуризованного населения.

В покровских сериях (Спиридоновка II, Рождествено I) Самарского Поволжья фиксируются очень необычными черепа. От основного контингента они отличаются пониженными симотическими величинами, вогнутой спинкой носа, отсутствием скуловой вырезки, громадными сосцевидными отростками. В их чертах чувствуется примесь уралоидной расы, а планиграфически они происходят из погребений, расположенных ближе к центру курганов (Спиридоновка II). Аналогов таким черепам в более ранних сериях автору неизвестно. Возможно, они представляют потомков от баланово-абашевско-уралоидных или синташтинско-уралоидных смешений, возможно от каких-то других. Вероятно также, что они могут отра-

жать специфику брачных связей покровских и каких-то “восточных” племен. Выяснение этих антропологических тонкостей - дело будущего. Пока приходится констатировать, что в начале поздней бронзы происходит довольно резкое обновление генофонда племен самарской лесостепи. Причем немалую роль в этом играли и люди с “восточными” чертами.

Проникновение инородного (или нескольких) компонентов, видимо, в большей степени носило диффузионный характер. Местное население частично было ассимилировано, частично, возможно, отходит в другие районы. Так, материалы рядом расположенного со спиридоновским могильника Чистый Яр I отражают смешение одного из покровских компонентов, а именно “восточного”, с тем, что был представлен среди ямно-полтавкинского населения. Большинство классических срубных могильников лесостепного Поволжья представлены долихокранными черепами со среднешироким лицом и большей матуризованностью. Безусловно, эти черты также являются дериватом метисных процессов между проникавшими в лесостепь гипоморфными и местными гиперморфными европеоидами. В отношении происхождения срубного населения примерно такая же идея была высказана еще А. В. Шевченко (Шевченко А. В., 1984. С. 69). Однако, с накоплением материала, на наш взгляд, стало невозможным утвердительно говорить именно о западном происхождении гипоморфных европеоидов. Процесс сложения многочисленных популяций срубной культуры кажется намного тоньше и, вероятно, в некоторых случаях был обусловлен не только природно-климатическими и экономическими причинами, но и социально-политическими. К тому же хронологически ближайшие претенденты на роль гипоморфных европеоидных предков срубного населения выявились и в других направлениях. Достаточно сказать, что срубники Южного Приуралья (Юсупов Р. М., 1989), а затем и алакульцы Западного Казахстана (Гинзбург В. В., 1962; Алексеев В. П., 1967) являлись, в основном, носителями сравнительно узколищевого, долихокранного краниологического типа. Не столь вероятно предположить генетическую связь последних с синташтинскими и даже какими-то другими - южными краниокомплексами.

Здесь уместно привести мнение Г. Б. Здановича (Зданович Г. Б., 1995. С. 41), согласно которому к концу XVI века до н. э. синташтинцы под натиском своих восточных соседей и почти кровных родственников - петровских племен - были вынуждены оставить восточные склоны Урала и уйти на запад.

Собственно о большом вкладе потаповско-синташтинских, а также и абашевских традиций в формировании раннесрубных отмечалось в археологической литературе неоднократно. В науке по-прежнему остро стоит вопрос о конкретных этнических претендентах, заложивших фундамент великой степной державы поздней бронзы - срубной культурно-исторической общности.

А. В. Шевченко (Шевченко А. В., 1984; 1986; 1993) отметил очаги широколицести групп срубной культуры, локализованных в районах Нижнего Поволжья и лесостепного Приуралья. Предположено (Шевченко А. В., Юсупов Р. М., 1991. С. 107; Шевченко А. В., 1993. С. 103), что популяции этих районов могут генетически восходить к носителям гиперморфного европеоидного типа, распространенного в эпохи ранней и средней бронзы среди степных, в том числе ямно-полтавкин-

ских и позднекатакомбных племен. Видимо, районы лесостепного Приуралья в эпоху поздней бронзы стали последним оплотом создателей некогда единой культурно крупнейшей скотоводческой провинции, пристанищем последних “могилок” степей. К периоду финальной бронзы антропологический тип, свойственный первоначально многим древнеямным коллективам, практически исчезает и в Волго-Уралье. Встречается он пока только в индивидуальном порядке.

В сложении физического облика населения срубной культуры Волго-Уралья, безусловно, принимали участие люди других окружающих группировок. Общий вид и конфигурации черепов самарских могильников Студенцы, Поглавское, Алексеевский, Съезжее говорят о том, что в родословной людей, оставивших их, были, вероятно, абашевские корни. На каком-то этапе поздней бронзы, в процесс расогенеза срубного населения, а именно на северо-восточных окраинах его ареала, было вовлечено и население лесного происхождения. За это положение, выдвинутое еще Г.Ф. Дебецем (Дебеч Г.Ф., 1954), свидетельствуют новые антропологические материалы (Хохлов А.А., 1998а; 1998б). Только следует иметь в виду, что это население в расовой таксономии относится не к монголоидам, а к уралоидам. Также видится, что участие уралоидов было лишь спорадическим. Другое дело в северных районах Среднего Поволжья. При распространении там срубной культуры, безусловно, с частью ее носителей, мигрантам пришлось столкнуться со сравнительно многочисленным аборигенным населением. Первоначальные культурные контакты постепенно переросли в брачные и в итоге вылились в формирование особых физических черт местного населения - носителей приказанской и затем маклашевской культур.

Жизнь людей Самарского Заволжья в этот период нормализуется. Малое число травм на скелетах срубной культуры (Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998) по сравнению с предшествующими материалами, может свидетельствовать о более или менее миролюбивой социальной обстановке.

Примерно в XIV в. до н.э. - период финальной бронзы отношения между срубным населением лесостепного Заволжья и окружающим вновь обострились. В силу каких-то причин традиции срубной культуры в Волго-Уралье исчезают, и им на смену приходят другие, связываемые исследователями (Колев Ю.И., 1988; 1991) с восточными - урало-западносибирскими территориями. Антропологические материалы последних, именуемых в археологической науке сусканскими, ограничиваются пока двумя скелетами из Утевки и одним из могильника Студенцы (курган 1, погр. 2). Все они принадлежали европеоидному населению. Безусловно, по столь ничтожной выборке невозможно составить исчерпывающую характеристику популяции, оставившей сусканские памятники, как нельзя точно установить и их географическое происхождение. Аналоги имеющимся сусканским черепам можно обнаружить в синхронных сериях обширной лесостепной и степной полосы Евразии.

На этом антропологические материалы эпохи бронзы Волго-Уралья пока и ограничиваются. Некоторые культуры, бытовавшие в этот период на этих территориях, пока не представлены палеоантропологическим материалом или же представлены слабо. Поэтому многие вопросы расогенетического порядка еще будут уточ-

няться. Еще более затруднительно провести мостик от эпохи финальной бронзы к раннежелезному веку, так как по данным археологии между известными волгоуральскими культурами этих периодов имеется довольно большой хронологический разрыв. Имеющиеся палеоантропологические данные показывают (Тот Т.А., Фирштейн Б.В., 1970; Шевченко А.В., 1991; Яблонский Л.Т., 1996; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997; Балобанова М.А., 1998), что появившееся в поволжских степях савроматское население физически имело мало общего с позднесрубным и генетически восходит, вероятно, к южно-уральским и казахстанским кочевым популяциям. Судьба же многочисленных коллективов срубной культуры неизвестна. Из всех популяций железного века наибольшее совокупное морфологическое сходство с последними демонстрируют, пожалуй, причерноморские скифы.

Многие из выказанных положений о расогенезе в эпоху бронзы на территории Самарского Поволжья, а также краниометрические данные изложены в работах автора, приведенных в общем списке литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.*, 1967. Антропология андроновской культуры // СА. □1.
- Акимова М.С.*, 1955. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23.
- Акимова М.С.*, 1963. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Балановский могильник (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М.
- Акимова М.С.*, 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.
- Акимова М.С.*, 1968а. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // АЭБ. Т. III.
- Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г.*, 1977. Новые данные о восточных связях полтавских племен // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Бадер О.Н.*, 1963. Балановский могильник. М.
- Балабанова М.А.*, 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI века до н.э. – 1-ой половины II века н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.*, 1991. Некоторые результаты исследований II Больше-раковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Барынкин П.П.*, 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Бунак В.В.*, 1956. Человеческие расы и пути их образования. СЭ. □1.
- Бунак В.В.*, 1980. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.
- Васильев И.Б.*, 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.*, 1985. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев.
- Герасимов М.М.*, 1955. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Т. XXVIII.

- Герасимова М.М.*, 1958. Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып. 71.
- Гинзбург В.В.*, 1959. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. 60.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П.*, 1960. Палеоантропологические материалы Нижне-волжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. 78.
- Дебец Г.Ф.*, 1936. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // АЖ. □1.
- Дебец Г.Ф.*, 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т.4.
- Дебец Г.Ф.*, 1954. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. 42.
- Дремов И.И., Юдин А.И.*, 1990. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тезисы докладов. Куйбышев.
- Зданович Г.Б.*, 1995. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск.
- Зиневич Г.П., Круц С.И.*, 1968. Антропологическая характеристика древнего населения территории Украины (по материалам экспедиций 1961-1963 гг.). Киев.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.*, 1997. Саки Нижней Сырдарьи. М.
- Кияткина Т.П.*, 1976. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.
- Колев Ю.И.*, 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Колев Ю.И.*, 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара.
- Кондукторова Т.С.*, 1956. Материалы по палеоантропологии Украины // ТИЭ. Т.33.
- Кондукторова Т.С.*, 1962. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. Вып. 11.
- Кондукторова Т.С.*, 1973. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.
- Круц С.И.*, 1976. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Круц С.И.*, 1977. Население степной Украины в эпоху энеолита-бронзы (по антропологическим данным). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Круц С.И.*, 1984. Палеоантропологические исследования степного Поднепровья. Киев.
- Кузнецов П.Ф.*, 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск-Куйбышев.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии клыгур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. Вып. 1. СПб.

- Кузнецов П.Ф., 1997. Рау и современное состояние изучения памятников ранней-средней бронзы Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (Материалы международной научной конференции). Энгельс.
- Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Кузьмина О.В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара.
- Кузьмина О.В., 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Моргунова Н.Л., Кравицов А.Ю., 1991. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской экспедиции) // СА. □2.
- Моргунова Н.Л., 1991. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. □4.
- Моргунова Н.Л., Кравицов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илесе. Екатеринбург.
- Овчинникова Н.В., Хохлов А.А., 1998. Исследование грунтового могильника у с. Гундоровка в лесостепном Поволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С., 1989. Неолитические могильники северной Барабы. Новосибирск.
- Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф., 1984. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Тот Т.А., Фириштейн Б.В., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении сарматов. Л.
- Трифонов В.А., 1996. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточно-европейского бронзового века (Материалы международной научной конференции). Волгоград.
- Туецкий М.А., 1990. О соотношении позднеямных и раннеполтавкинских комплексов Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Туецкий М.А., 1999. Курган 2 у с. Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степное Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Фириштейн Б.В., 1967. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола.
- Хохлов А.А., 1991. Краниологическая характеристика черепа из погребения 1 кургана □4 могильника Кутулук // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.

- Хохлов А.А.*, 1996а. К вопросу об особой евразийской формации // Вестник антропологии. Вып. 2. М.
- Хохлов А.А.*, 1996б. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская студенческая конференция. Тез. докл. Уфа.
- Хохлов А.А.*, 1996в. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского - в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века (Материалы международной научной конференции). Волгоград.
- Хохлов А.А.*, 1997. К вопросу о происхождении ямно-полтавкинского населения пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (Материалы международной научной конференции). Саратов.
- Хохлов А.А.*, 1998а. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН.
- Хохлов А.А.*, 1998б. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Хохлов А.А.*, 2000. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. 6б. М.
- Шевченко А.В.*, 1973. К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старицкого могильника) // СЭ. 6б.
- Шевченко А.В.*, 1974. Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.
- Шевченко А.В.*, 1980. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.
- Шевченко А.В.*, 1984. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.
- Шевченко А.В.*, 1986. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.
- Шевченко А.В.*, 1993. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительно-антропологическом освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. САИ. В1-10. Т.1. Саратов.
- Шевченко А.В., Юсупов Р.М.*, 1991. Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Шевченко А.В., Фириштейн Б.В.*, 1991. Палеоантропология населения Кобякова городища I-III вв. н.э. (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. СПб.

Юсупов Р.М., 1989. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994а. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994б. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приуралья. М.

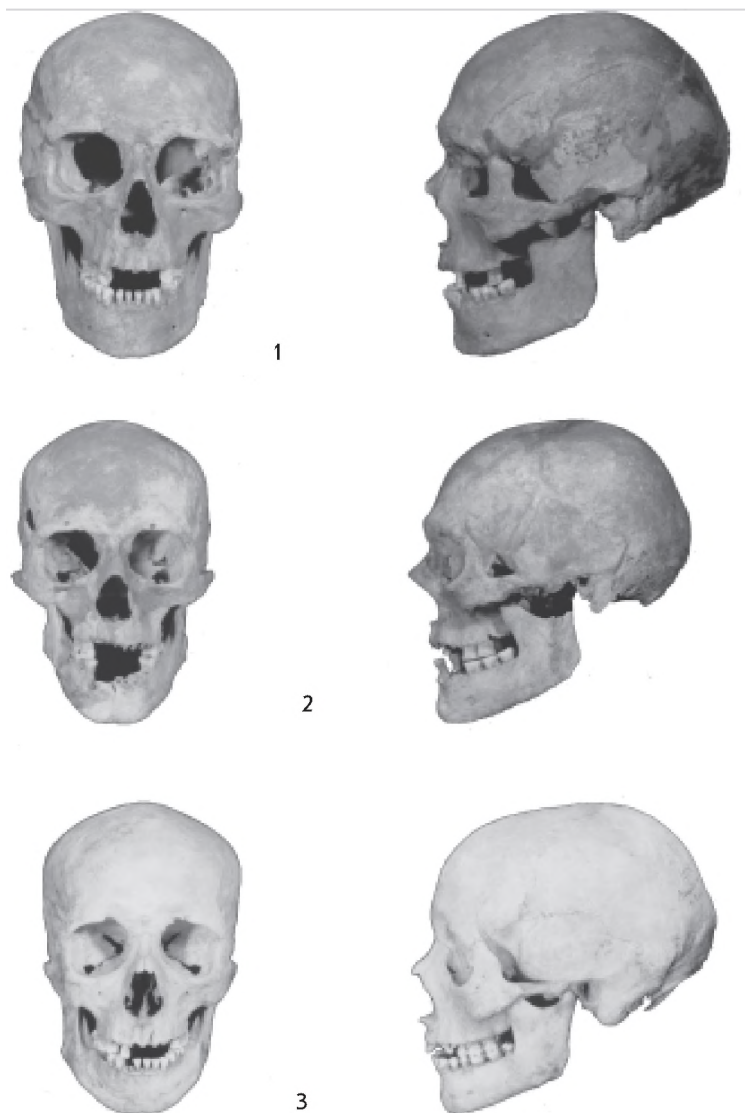

Рис.1. Черепа ямной культуры.

1 - мужской, гиперморфный, мезокранный европеоидный тип (Лопатино I, к.31, п.1, Самарская обл.); 2 - мужской, умеренно гиперморфный, мезо-долихокранный европеоидный тип (Ефимовка, к.6, Оренбургская обл.); 3 - женский, умеренно гиперморфный, мезо-долихокранный европеоидный тип (Лещевский I, к.1, п.1, Самарская обл.).

Рис.2. Черепа ямно-полтавкинского времени.

1 - мужской, сравнительно узколицый, долихокранный европеоидный тип (Нижняя Павловка V, к.2,п.3,ск.2, Оренбургская обл.); 2 - мужской, умеренно гиперморфный, долихокранный, европеоидный (Кряж I, к.1, Самарская обл.); 3 - мужской, гиперморфный, субдолихокранный, с уралоидной примесью (Линевка III, к.1,п.1, Оренбургская обл.);

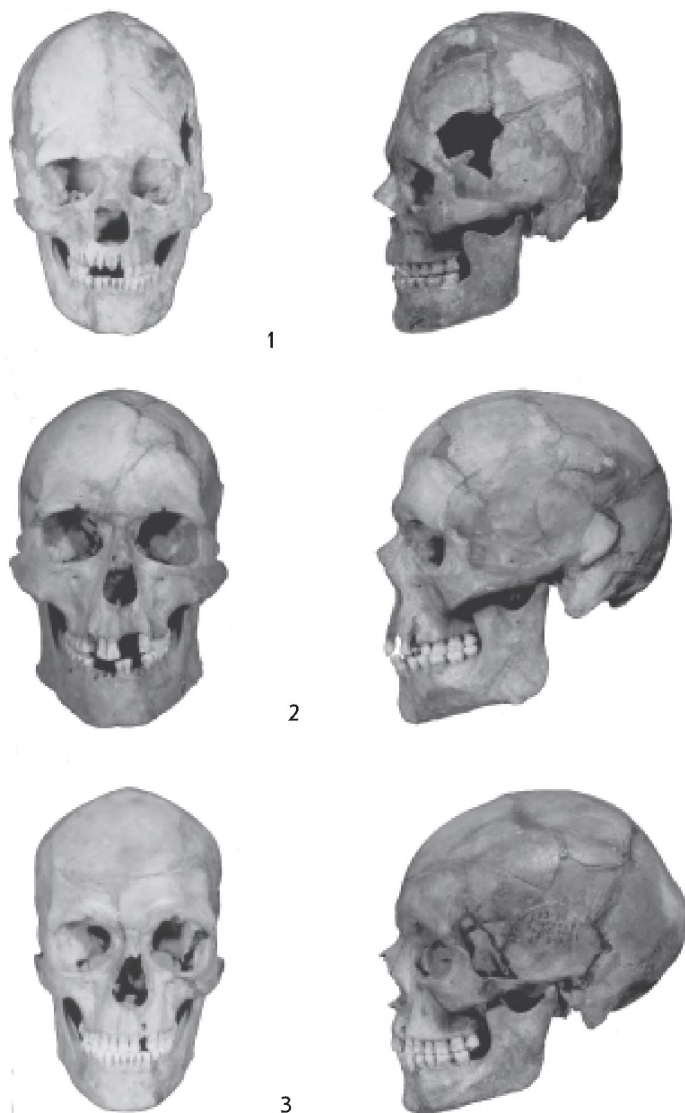

Рис.3. Черепа ямно-полтавкинского времени (1) и потаповского культурного типа памятников (2, 3).

1 - женский, европеоидный, искусственная деформация (Нурский I, п.5);
2 - мужской, гиперморфный, мезо-долихокранный европеоидный тип (Потаповка I, к.5, п.8, Самарская обл.);
3 - мужской, узколицый, долихокранный европеоидный тип (Потаповка I, к.5, п.13, ск.1, Самарская обл.).

Рис.4. Черепа потаповского культурного типа памятников (1) и срубной культуры (2,3).

1 - женский, умеренно уплощенный, мезо-брахикранный уралоидный тип (Потаповка I, к.5, п.2, Самарская обл.); 2 - мужской, высоколицый, резкопрофилированный, южноевропейский тип (Спиридоновка II, к.2, п.37, Самарская обл.); 3 - мужской, узколицый, долихокранный, с уралоидной примесью (Спиридоновка II, к.1, п.1, Самарская обл.).

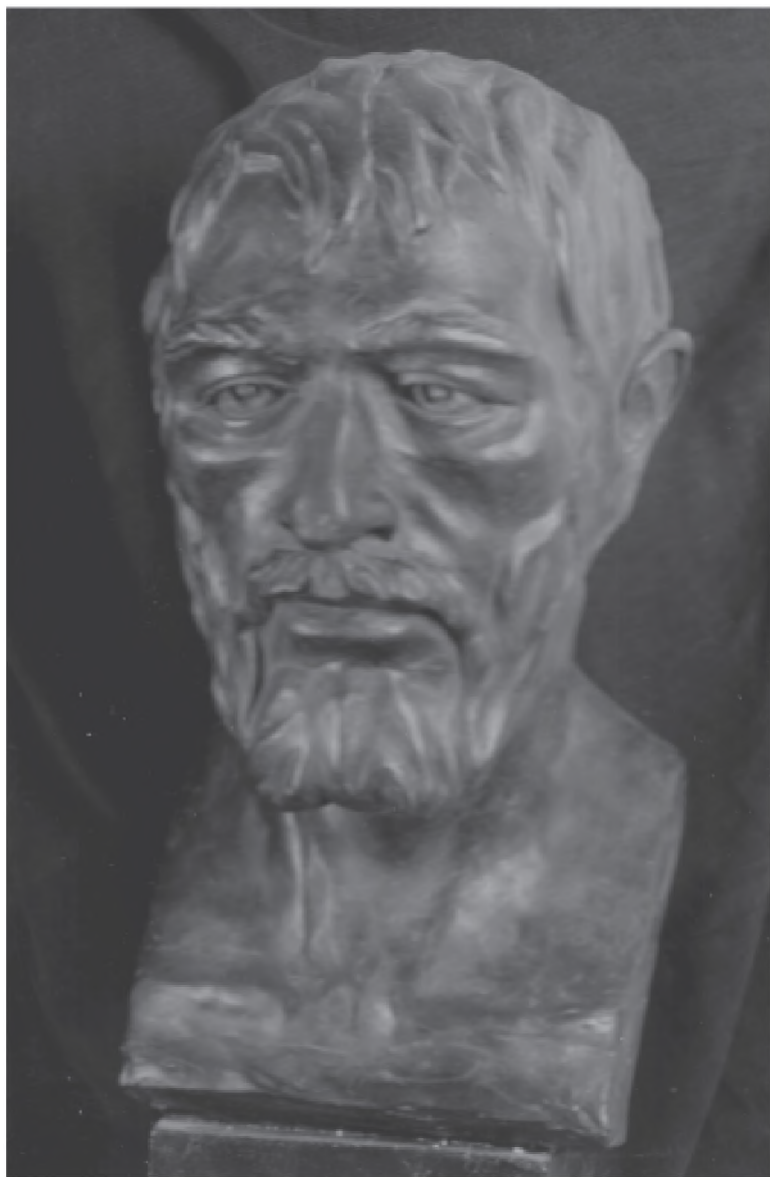

Рис.5. Скульптурная реконструкция лица по черепу. Мужчина полтавкинской культуры (мог. Красносамарский I, курган 1, погр.4, Самарская обл.). Выполнена Т.С.Сурниной.

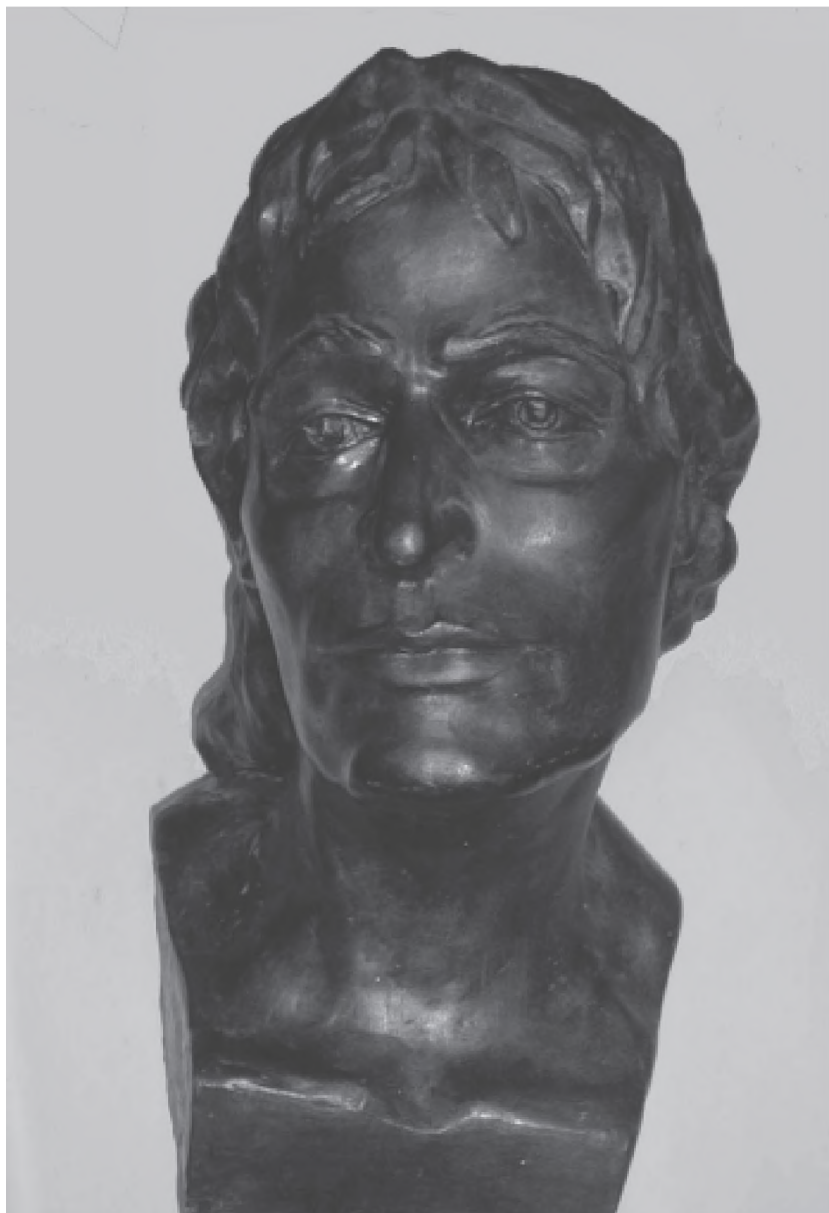

Рис.6. Скульптурная реконструкция лица по черепу. Мужчина срубной культуры (мог. Лузановский, Самарская обл.). Выполнена Л.Т.Яблонским.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ	–	Антропологический журнал. М.
АО	–	Археологические открытия. М.
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭБ	–	Археология и этнография Башкирии. Уфа
Бюлл.ОАИЭ	–	Бюллетень Общества археологии, истории этнографии и естествознания при Самарском государственном университете. Самара
ВА	–	Вопросы антропологии. М.
ВДИ	–	Вестник древней истории. М.
ВООПИК	–	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
БМОИП	–	Бюллетень Московского общества испытателей природы. М.
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры. Л.
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ДАН	–	Доклады Академии наук. М.
ИА РАН	–	Институт археологии Российской Академии наук
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.
ЗРАО	–	Записки Русского археологического общества
Калм. НИИЯЛИ	–	Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Элиста.
КРКМ	–	Калмыцкий республиканский краеведческий музей. Элиста
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	–	Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
КСИЭ	–	Краткие сообщения Института этнографии. М.
ЛОИА АН СССР	–	Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР.
МГУ	–	Московский государственный университет
МИА	–	Материалы и исследования Российской академии наук
НВИК	–	Ниже-Волжский институт краеведения. Саратов
НВОНОК	–	Ниже-Волжское областное научное общество краеведения. Саратов.
РА	–	Российская археология. М.
СА	–	Советская археология. М.
СамГУ	–	Самарский государственный университет
СамГПУ	–	Самарский государственный педагогический университет

СУАК	– Саратовская ученая архивная комиссия. Саратов.
СЭ	– Советская этнография. М.
ТИЭ	– Труды института этнографии им.Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. М.-Л.
Тр. МАЭ	– Труды Марийской археологической экспедиции
Тр.РАНИОН	– Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
УПАСК	– Урало-поволжская археологическая конференция
УрО РАН	– Уральское отделение Российской Академии наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
РАННИЙ И СРЕДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ	6
Глава I. Ямная и полтавкинская культуры <i>(И.Б.Васильев, П.Ф.Кузнецов, М.А.Турецкий)</i>	6
Глава II. Памятники вольско-лбищенского типа <i>(И.Б.Васильев, П.Ф.Кузнецов)</i>	65
Глава III. Абашевская культура в Самарском Поволжье <i>(О.В.Кузьмина)</i>	85
История изучения памятников абашевской культуры в Самарском Поволжье	86
Поселения абашевской культуры	88
Погребальные памятники абашевской культуры	95
Хронология абашевской культуры	96
Заключение	98
Глава IV. Памятники потаповского типа <i>(П.Ф.Кузнецов, А.П.Семенова)</i>	122
ПОЗДНИЙ БРОНЗОВЫЙ ВЕК САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ	152
Глава V. Погребальные памятники срубной культуры <i>(А.П.Семенова)</i>	152
История изучения срубной культуры. Основные проблемы	154
Ранний этап срубной культуры	161
Развитый этап срубной культуры	171
Глава VI. Поселения срубной культуры <i>(М.С.Седова)</i>	209
Глава VII. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЭПОХИ БРОНЗЫ В ПОВОЛЖЬЕ <i>(Ю.П.Колес)</i>	242
История изучения заключительного этапа эпохи бронзы в Поволжье	242
Лесостепное Поволжье на заключительном этапе бронзового века	244
Культура степного региона	251
Памятники конца эпохи бронзы	257
Глава VIII. Скотоводство населения Самарского Поволжья в эпоху бронзы <i>(П.А.Косинцев, Н.В.Рослякова)</i>	302
Глава IX. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья <i>(А.А.Хохлов)</i>	309
Список сокращений	333

Научное издание

**ИСТОРИЯ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ**

Бронзовый век

*Утверждено к печати
Самарским научным центром
Российской академии наук*

Редактор *Ю.И. Колев*
Художественные редакторы
Е.В. Хуртина, А.А. Ластовский
Технический редактор *Савина А.А.*
Корректурa *Ю.И. Колева, М.А. Турецкого*

Верстка и макетирование
выполнил *Ю.И. Колев*

ЛР № 040910 от 10.08.98 г.

Подписано к печати
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 19,5 Уч.-изд.л. 25,9
Тираж 1000 экз.

Издательство Самарского научного центра
Российской академии наук
443001, Самара, Студенческий пер. 3а,

ППП Типография Самарского научного центра
Российской академии наук
443001, Самара, Студенческий пер. 3а,